THE LIBRARY

Wilson Library
Periodicals Collection

KOMMUNIST: EZHENEDEL'NYI ZHURNAL
EKONOMIKI, POLITIKI
I OBSHCHESTVENNOSTI.
ORGAN MOSKOVSKOGO OBLAST'NOGO
BIURO RKP (BOL'SHEVIKOV).
NOS. 1–4 (1918)

[KOMMUNIST: A WEEKLY JOURNAL OF
ECONOMIC, POLITICAL AND
SOCIAL OPINION.
THE ORGAN OF THE MOSCOW
REGIONAL BUREAU OF
THE RUSSIAN COMMUNIST PARTY
(BOLSHEVIK).
NOS. 1–4 (1918)]

PUBLICATIONS OF THE STUDY GROUP OF THE RUSSIAN REVOLUTION

Series Editors: Maureen Perrie and Evan Mawdsley

1. Spisok povremennykh izdanii za 1917 g. (List of periodical publications for the year 1917). Editor: David R. Jones.
2. Protokoly pervogo s"ezda Partii Sotsialistov-Revolyutsionerov (Proceedings of the First Congress of the Socialist-Revolutionary Party).
   Together with:
   Dobavlenie k protokolam pervogo s"ezda Partii Sotsialistov-Revolyutsionerov (Supplement to the proceedings of the First Congress of the Socialist-Revolutionary Party). Editor: Maureen Perrie.
3. Tret'ya vserossiiskaya konferentsiya professional'nykh soyuzov 3-11 iyulya (20-28 iyunye st. st.) 1917 goda. Stenograficheskii otchet (Third All-Russian Conference of Trade Unions, 3-11 July (20-28 June, Old Style) 1917. Stenographic report). Editor: Diane Koenker.
4. Vserossiiskaya konferentsiya Ros. Sots.—Dem. Rab. Partii, 1912 goda (All-Russian Conference of the Russian Social-Democratic Labour Party, 1912).
   Together with:
   Izveshchenie o konferentsii organizatsii RSDRP (Account of a conference of RSDLP organisations). Editor: R. Carter Elwood.
5. Protokoly Soveshchaniya rasshirennoi redaktsii 'Proletariya', iyun' 1909 (Proceedings of the Meeting of the Expanded Editorial Board of Proletarii, June 1909). Editor: Geoff Swain.
6. Oktyabrs'kaya revolyutsiya i fabzavkomy (The October Revolution and the Factory Committees). Editor: S. A. Smith.
7. Protokoly pervoi obshchepartiinoi konferentsii Partii Sotsialistov-Revolyutsionerov, Avgust 1908 (Proceedings of the First All-Party Conference of the Socialist-Revolutionary Party, August 1908). Editor: Manfred Hildermeier.
8. Vtoroi vserossiiskii s"ezd Konstitutsionno-Demokraticheskoi Partii (Second All-Russian Congress of the Constitutional-Democratic Party). Editor: Raymond Pearson.
9. Kommunist, Nos. 1–4 (1918) (all publ.). Editor: Ronald I. Kowalski.
10. Protokoly vtorogo (ekstrennago) s"ezda Partii Sotsialistov-Revolyutsionerov (Proceedings of the Second (Extraordinary) Congress of the Socialist-Revolutionary Party). Editor: C. J. Rice.
11. Kolchak i Sibir': Dokumenty i Issledovaniia, 1919-1926 (Kolchak and Siberia: Documents and Studies, 1919-1926). Editors: David Collins and Jon Smele.

Kommunist (Moscow, R.S.F.S.R. : 1918):

PUBLICATIONS OF THE STUDY GROUP ON THE RUSSIAN REVOLUTION
No. 9

Kommunist: Ezhenedel'nyi zhurnal ekonomiki, politiki i obshchestvennosti.

Organ Moskovskogo Oblast'nogo Biuro RKP (bol'shevikov).
Nos. 1–4 (1918)

[Kommunist: A Weekly Journal of Economic, Political and Social Opinion.

The Organ of the Moscow Regional Bureau of the Russian Communist Party (Bolshevik).
Nos. 1–4 (1918)]

Edited with introduction, notes, appendices and index
by
RONALD I. KOWALSKI

KRAUS INTERNATIONAL PUBLICATIONS
Millwood, New York

Introduction, notes, appendices, and index copyright © 1990
Ronald I. Kowalski

All rights reserved.
No part of this work covered by the copyrights
hereon may be reproduced or used in any way or
by any means—graphic, electronic, or mechanical,
including photocopying, recording, or taping,
information storage and retrieval systems—without
written permission of the publisher.

First Printing 1990

Printed in the United States of America

The paper used in this publication meets the minimum
requirements of American National Standard for
Information Science—Permanence of Papers for
Printed Library Materials, ANSI Z39.48-1984.
This book is Smyth sewn and casebound in F-grade
library buckram, which contains no synthetic fibers.

ISBN 0-527-87321-7

This edition was compiled from the best available copies of *Kommunist*. Number 1 is reproduced from an original at the Library of Congress. Number 4 is reproduced with permission from an original at the Bibliothèque de Documentation Internationale Contemporaine, Universités de Paris, Nanterre.

WILS
PER

wils
Ordn: IMGF3443

CONTENTS

EDITOR'S PREFACE vii

EDITOR'S INTRODUCTION ix
Notes xlvii

KOMMUNIST
K. Radek, *Posle piati mesiatsev* 1
Tezisy o tekushchem momente 8
Viator (K. Radek), *Mezhudnarodnoe polozhenie* 24
N. Osinskii, *O stroitel'stve sotsializma* 32
N. B[ukharin], *Geroi sotsial-predatel'stva* 44
A. L[omov], *Ekonomicheskie zametki* 48
Bibliografiia
N. Bukharin, *B. Il'in (N. Lenin), Gosudarstvo i revoliutsiia* 51
N. Bukharin, *Vladimir Trutovskii, Perekhodnyi period* 53
Pervoe maia 57
Viator (K. Radek), *Vneshniaia politika Sovetskoi respubliki* 60
N. Osinskii, *Stroitel'stvo sotsializma. Stat'ia vtoraia* 68
N. Bukharin, *Anarkhizm i nauchnyi kommunizm* 85
K. Radek, *Krasnaia armiia* 94
N. Osinskii, *Priamye otvety* 99
B. Kun, *V dvuedinoi monarkhii* 104
A. Lomov, *Programma finansovykh reform komissara Gukovskavo* 109
I. Stukov, *Chto ia videl* 115
Bibliografiia
N. Osinskii, *N. Bukharin, Mirovoe khoziaistvo i imperializm* 120
Na poroge 123
V. Obolenskii (N. Osinskii), *Velikii starik* 131

A. Lomov (G.I. Oppokov), *Rossiiskaia kontr-revoliutsiia v ukrainskom nariade* 138
N. Bukharin, *Nekotoryia osnovyia poniatiia sovremennoi ekonomiki* 142
L. Kritsman, *Ob organiazatsionnykh putiakh sotsialisticheskavo stroitel'stva khoziaistvennoi zhizni* 152
A. L[omov], *Griadushchii golod* 160
Soveshchanie Ukrainskikh kommunistov 161
Rezoliutsiia o tekushchem momente 166
Partiinaia zhizn' 170
Bibliografiia
N. Bukharin, *A. Bogdanov, Voprosy sotsializma* 173
Vl. Sorin, *Plamia (No. 1) i Griadushchee (No. 2)* 175
I.T.S., *V bor'be s kontr-revoliutsiei* 179
V. Smirnov, *Finansovaia programma i 'gosudarstvennyi kapitalizm'* 188
Vl. Sorin, *K voprosu o sovetskoi vlasti* 193
B. Kun, *Krizis avstro-vengerskoi monarkhii* 197
N. Antonov (N.M. Lukin), *Dukhovenstvo i kontr-revoliutsiia* 204
E. Preobrazhenskii, *S'ezd neobkhodim* 210
V. Ia[kovleva], *Itogi partiinoi konferentsii Tsentral'noi promyshlennoi oblasti* 213
Sh[ternberg], *Delovyia zametki* 216
Khronika 218
Bibliografiia
N. Antonov, *Istoriia osvobozhdeniia Rossii. Tom I, vypusk pervyi (Izdanie D.E. Makovskavo Moskva, 1917)* 228

NOTES TO RUSSIAN TEXT 233

APPENDIX A: List of the More Important Left Communists in 1918 261
APPENDIX B: Bolsheviks of the Fourth Extraordinary Congress of Soviets Who Subscribed to Left Communists' Declaration Opposing Ratification of the Peace 263

INDEX TO RUSSIAN TEXT 267

EDITOR'S PREFACE

Kommunist, the major theoretical journal of the Left Communist movement of 1918, remains a rarity in the West. The present edition includes an English introduction, together with notes and an index, to make the text more accessible to the reader.

The editor is grateful to the British Academy for granting him a scholarship which enabled him to conduct research in the Soviet Union and so advance considerably his knowledge of the Left Communists.

Note: Page references contained in the Introduction refer to the Russian text.

EDITOR'S INTRODUCTION

The Journal

The *Kommunist*, reprinted below, was the progeny of the Moscow Regional (*Oblast'*) Bureau (MOB) of the party. Edited by four leading Left Communist intellectuals, N.I. Bukharin, V.V. Obolenskii (N. Osinskii), K. Radek, and V.M. Smirnov, four numbers were issued between April 20 and June. The last was published simply in the name of the Left Communists as they had lost control of the MOB at the Fourth Regional Conference of the Moscow party, held between May 14 and May 17. Unlike its Petrograd predecessor,[1] it was not dominated by advocacy of revolutionary war, support for which remained muted after mid-March—at least until the German-backed regime of General P.P. Skoropadskii was established in the Ukraine in late April (see pp. 126-127). Rather, it contained a series of polemical articles, debunking in particular the domestic policies defended by Lenin and the majority of the party in the spring of 1918 as reactionary, and sketching out their own, more radical programme for the construction of socialism.[2]

The Rise and Fall of the Left Communist Movement

Despite portents of conflict within the party in November 1917, when an influential group within the Petrograd (City) Committee (PK), led by G.E. Evodikomov, Ia.G. Fenigshtein, V.N. Narchuk, and Radek, denied that any sort of peace was possible with imperialist states, the Left Communist movement only coalesced as a distinct faction in late December.[3] Opposed to the willingness of Lenin and his supporters to negotiate with Germany on the question of peace, on December 28, Osinskii, A. Lomov (G.I. Oppokov), and I.N. Stukov issued a resolution in the name of the MOB calling for an end to the negotiations then taking place at Brest-Litovsk, and the rupture of all relations with other imperialist 'robber' states. Instead, Soviet Russia must declare revolutionary war against world imperialism, as the party, so they believed, had resolved at its Sixth Congress in the summer of 1917. Lenin had concurred, so Osinskii alleged, claiming that he was doing no more than defending 'Lenin's old position'. On the same day, the PK, urged

by Fenigshtein, S.N. Ravich, and V. Volodarskii (M.M. Goldstein) and others, came out in support of the Left Communist position, the so-called 'Moscow point of view'.

Many prominent Bolsheviks soon came out in defence of the policy of revolutionary war, including the cream of the party intelligentsia (see Appendix A). Yet the Left Communist movement was not simply that of disgruntled intellectuals, isolated from and unrepresentative of the rank and file, as Lenin on occasion polemically alleged. On the contrary, throughout January and February, widespread support for revolutionary war existed in the lower reaches of the party and beyond, as an apparent majority of the local party organisations, and soviets, opposed any separate peace with imperialist Germany. Even a brief survey demonstrates the breadth of this support.

Let us start at the centre. In Moscow and Petrograd, both the central and district (*raion*) party organisations then adhered to the Left Communist position. Within the soviets this pattern was largely replicated. Other major towns in north Russia, such as Arkhangel, Murmansk, Novgorod, and Vologda, followed the lead given by the two capitals. A similar picture emerges in the Volga region, especially in the major towns of Saratov, Samara, Simbirsk, Penza, and Tsaritsyn, where most party organisations and soviets both stood against peace. Across the Urals, especially in the major industrial centres, and in the south, in the Ukraine and the Donbass, the same configuration of forces emerged. Even in Siberia the Left Communist position found a sympathetic response at the grass-roots level. Only in the west of the country, most immediately threatened by the renewed German advance that began on February 18—that is, in provinces such as Vitebsk and Smolensk—and within the western regional committee of the party, did support for peace at virtually any price rapidly swell in the last third of February.

Local soviet responses to the Central Executive Committee's (CEC) circular of February 26 seeking to determine their position on the Brest peace confirmed the extent of the support for the Left Communists. Lenin himself conceded that of the 200 replies received in the first ten days of March, a small majority (105 to 95) favoured revolutionary war. The Left Communists gleefully exploited these results for their own factional ends. In *Kommunist* of March 5, Lomov claimed that the responses to date confirmed that the bulk of the major proletarian centres of the country continued to oppose a separate peace on German terms. With the partial exceptions of Petrograd and Sevastopol', pressure for peace had come mainly from peasant-dominated *volost'* and *uezd* soviets, simply confirming their contention that Lenin and his faction had abandoned revolutionary war in response to reactionary peasant aspirations.

Evidently, the renewed German advance had not engendered the immediate collapse of the will to resist. As even Lenin admitted, 'from

everywhere [it generated] a readiness to rise in defence of Soviet power and to fight to the last man'. Yet enthusiasm itself, he hastened to add, without an organised and equipped army, was totally inadequate to halt the German juggernaut. Convinced of Russia's military exhaustion, of its inability to fight effectively, Lenin resisted all pressures to continue the war, however extensive they seemed to be. His intransigence threatened to split the party, certainly at its very summit, when the Left Communist members of the Central Committee (CC) equally intransigently, refused to recognise the rapid collapse of effective resistance to the German offensive. Advocating revolutionary war, conceived in terms of a partisan struggle, they insisted that it would spark off revolution within Germany itself, which in turn would halt the offensive. Yet the real state of affairs, within Germany and at the front, undermined their position. News of repeated, shattering Russian defeats produced a realignment within the CC, where Trotsky was arguing that the deep divisions within the party precluded the possibility of waging revolutionary war successfully. His prognosis was shared by F. Dzierzynski, A.A. Ioffe, and N.N. Krestinskii. They were still unable to steel themselves to vote for peace; their abstentions, however, enabled Lenin and his faction within the CC to gain a majority over the Left Communist die-hards, Bukharin, Bubnov, Lomov, and Uritskii, when the crucial decision in favour of peace was made on February 23. After an all-night session on February 23-24, the CEC was won round to accept the now more Draconian peace terms offered by the Germans.

The tide also turned against the Left Communists in early March, when sympathy for revolutionary war rapidly began to erode within the party and soviets. This was soon apparent in the capitals, when in Moscow the Bolshevik City Conference overwhelmingly adopted a resolution in favour of peace on March 4. In Petrograd, the Left-dominated PK, reelected at the City Conference on March 1, quickly became unreflective of sentiments within the *raion* organisations—Narva remained an exception—which had swung around to support peace. More tellingly, at the Seventh Extraordinary Congress of the party, held between March 6 and 8, Radek conceded that 'now we [Left Communists] are the minority'. By the middle of March, when delegates to the Fourth Congress of Soviets gathered in Moscow, the Left Communists appeared to have lost most of their rank-and-file support. At the Bolshevik caucus preceding the Congress they could muster only 38 votes in support of revolutionary war, against 453 in favour of accepting the Brest peace. At the Congress itself, of the 814 Bolshevik delegates present, only 65 refused to sanction ratification of the peace and instead abstained (see Appendix B).

Arguably, these figures exaggerate the decline of the Left Communist movement. The reports of delegates to the Fourth Congress of Soviets suggest that in some regions opposition to peace remained

marked. In the Volga region, particularly in Saratov, many doubted if the Brest peace in fact would provide Russia with the breathing-space it sought, whilst in the Urals, especially in the Perm' province, support for a revolutionary partisan war remained strong. But it was from the south most of all that voices in favour of continued resistance were to be heard—from the provinces of Poltava and Taurida, from the city of Sevastopol' where there apparently had been a dramatic change of mood, and from the Donbass. There, the continuing advance of the Germans threatened all the gains that the workers and peasants had made during the revolution. Even the Don Cossacks, fearful of German intentions, reportedly were ready to wage a partisan war. For their part, the Left Communists in the south sought to capitalise on this sympathy for their position by attempting to unite these disparate forces into a single military organisation that would be better able to resist the Germans. In late March-early April, S.I. Syrtsov and his fellow-thinkers in the Don Soviet Republic won considerable support for the idea of a military union of what was left of soviet power in the Ukraine. Their plan, however, came to naught. At the Congress of Soviets of the Don Republic, held in Rostov on April 9, Lenin's allies, afraid that such a union would provide the Germans with a new *casus belli* against the Russian Republic, thwarted this scheme. Under the leadership of Sergei Ordzhonikidze, they secured a sizeable majority for ratification of the Brest peace.

Such reservations notwithstanding, it remains clear that soon after the renewed German offensive, the Left Communists were fighting a losing battle on the question of peace or revolutionary war. Three factors were responsible for their defeat. First, and most important, Soviet Russia's inability effectively to resist the advancing German forces made more and more irrefutable Lenin's ruthless and insistent logic that there was no alternative but to sign the peace, as the rank and file within the party and soviets increasingly realised. Second, Lenin and his lieutenants conducted their own grass-roots campaign of agitation and persuasion to convince the rank and file of the rectitude of their position. Third, Ia.M. Sverdlov's machinations ensured that Lenin's supporters were in a majority at the Seventh Party Congress—provincial organisations opposed to peace were deliberately underrepresented. At the Fourth Congress of Soviets, his manipulation of procedures, as Martov caustically remarked, combined with his emphasis on party discipline, facilitated ratification of the peace there.

Even after these defeats the Left Communists refused to disband. However, with the ratification of the Brest treaty, the focus of their opposition shifted. While continuing to carp at the foreign policy of the Leninist faction, and even to revive the call for revolutionary war in May, after the Germans had installed the reactionary Skoropadskii regime in the Ukraine, the burden of their attack now was directed against Lenin's compromises and retreats in internal policy. Lenin's

advocacy of state capitalism, his willingness to collaborate with the surviving capitalists as a means of overcoming industrial decline was but one instance of this (pp. 19, 41). They feared, too, that just as the party had agreed to peace under the pressure of the peasantry, so it would be compelled to abandon its socialist principles to keep the peasants appeased (pp. 10, 17). At a meeting with Lenin and his faction on April 4, Osinskii presented the Left's *Theses on the Current Situation* (pp. 8-24), in which their concerns over domestic policy were evident. Much of *Kommunist*, as we have seen, was given over to justifying their critique of Lenin's programme, and to elaborating their own vision of how socialism should be built.

Moreover, despite their defeats at the March Congresses, the Left Communists continued to garner some support for their views at the grass-roots level. Never as extensive as in the debate over peace, it remained limited chiefly to the Moscow region, the Ukraine, the Urals—and Krasnoiarsk. They also found enclaves of support within the *sovnarkhoz* structure, from where they opposed Lenin's economic policies in the spring of 1918. Yet by the end of May their bases within the party had been recaptured by Lenin's allies and as a faction, the Left Communist opposition disappeared—although not without trace. At the end of August, E.A. Preobrazhenskii attempted, vainly, to win over the regional party committee in the Urals to Left Communist policies, while at the Second Congress of Economic Councils in December, vestigial voices from the Left were heard, bitterly criticising the continued drift to bureaucratic centralisation within the economy at the expense of workers' control.

The demise of the Left Communist movement is not reducible to any single or simple cause, such as the failure of its leadership. Circumstances within and without Russia in the first half of 1918 militated against it. First, its policies rapidly lost credibility. Just as revolutionary war had come to appear impractical, so too, its defence of the commune state, with economic and political power devolved to locally elected workers' organisations, seemed to offer no realistic solution to the chaos gripping the country. Many within the party, the economic administration, and even the trade unions, agreed with Lenin that workers' control merely exacerbated economic dislocation and had to be curbed if industry was to be revived. His arguments in favour of a return to tried and tested methods of centralised economic control, one-man management, and traditional means of discipline and incentive were gaining ground even before the renewed outbreak of civil war in May. Then the very survival of Soviet power ever more insistently demanded the speedy restoration of order in industry in order to increase the production of war *matériel*. To many, Lenin's prescriptions seemed best able to produce such results.

Second, in the latter half of May, the CC acted to strengthen party discipline, which was in decline as a consequence both of the exodus

of many experienced activists to take up positions within the state administration, and of the influx of new, politically untempered recruits. Moreover, the overt and strident opposition of the Left Communist faction, the CC continued, had undermined discipline further. The critical situation now facing the revolutionary regime demanded the immediate restoration of discipline within the party and the implementation, without further discussion, of all its decisions. The latter point appears to have been directed specifically against the Left Communists, as V.I. Iakovleva implied when she accused the CC of seeking to eliminate independent thought within the party (p. 216). Indeed, the entire campaign to raise party discipline was used as a stick with which to beat the Left Communists. Some were expelled, though how many and how crucial such a purge was to their final defeat cannot be gauged with any accuracy.

Third, certain changes in policy, while not necessarily enacted in response to Left Communist criticisms, may have gone some way to appeasing them. In late April and May Lenin's hopes of running industry in collaboration with the capitalists collapsed, to be superseded by the more thorough and extensive nationalisation of large-scale industry. Moreover, the deepening food crisis in urban Russia compelled him to sanction an assault on the peasants, in theory only the rich peasants, and to encourage the more rapid establishment of communal agriculture, as the Left Communists had sought.[4]

The Issues

At the Seventh Extraordinary Party Congress Bukharin flatly denied that the opposition of the Left Communists was provoked by a youthful enthusiasm induced by the 'triumphal march . . . of Soviet power in October, November and December', as Lenin had alleged. In his own speech at the Congress, as well as in earlier polemical tracts, Lenin had chided them for what he deemed to be their empty rhetoric which bore no correspondence to the 'objective circumstances' of the moment.[5] The reasons for their opposition, Bukharin protested, were in fact 'much more profound'. He proceeded to account for their conflict with Lenin on the question of peace, and of the prospects for socialist construction within Soviet Russia itself, in a quite different manner.

> our disagreements, comrades, are not at all reducible to the fact that some of us stand for a phrase, others for a business-like approach. This is complete nonsense. Our disagreements lie in another plane—in a different evaluation of the international situation, and also ... of our internal situation.[6]

The remainder of this introduction will be devoted to elucidating just what these disagreements and different evaluations were.

Brest-Litovsk

Despite the fact that '[H]istorians have analysed many times the bitter conflict among Party leaders during this crisis',[7] its sources as yet have not been explained fully. For long, Left Communist opposition to the peace has been seen mainly as an emotional reaction, as an unrealistic defence of perceived principle, very much as Lenin himself depicted it.[8] More recent scholarship has tended to follow suit, adding that it was 'youthful righteousness [that] fired the Left's opposition'.[9] Many Left Communist leaders, however, if not their rank-and-file supporters, denied that this was the case. On the contrary, they insisted that their rejection of peace in favour of revolutionary war was the product of 'cold calculation'[10]; first, of how socialist revolution must occur; and, second, of the consequences of peace on German terms for socialism in Russia. It has been remarked that behind this calculation lay subtle differences in their analysis of contemporary imperialism from that of Lenin, but just what these differences were have remained insufficiently explored.[11]

The growth of finance capitalism, and its progeny, modern imperialism, the Left argued, had created a 'mutually interdependent' world capitalist economy, in which '[T]he slightest change in one part [was] reflected in all'. In addition, the growth-inducing impact of imperialism had fostered 'the industrialisation of the agrarian and semi-agrarian countries ... at an unbelievably quick tempo'. Not only had imperialism furthered the internationalisation of economic life, but equally, it had counteracted the fact that hitherto different countries had developed unevenly. It had served 'to even out the differences in levels of development'. From there it was but a small step to conclude that 'as far as the possibility of social production is concerned, the foremost countries were all on a comparatively equal level', that is, the prerequisites for socialism had matured in all the advanced capitalist states. The economic logic of such an analysis led them unwillingly very close to the position of the 'renegade' Kautsky, who had argued that a federation of imperialist states, the formation of a single ultra-imperialist state, was possible. Bukharin, for one, frankly conceded that the 'levelling' or equalising tendencies of imperialism had made ultra-imperialism a 'possibility'. His problem then was to prove that war, considered to be an inalienable feature of imperialism, and necessary, moreover, to goad the workers to revolt against their sufferings, was in fact inevitable. To do so he was compelled to adduce 'socio-political' reasons, the different political and military strengths of rival imperialist states, which continued to make

it advantageous for the stronger 'to continue the struggle rather than to enter into a compact or to merge with the others'.[12] However, while an ultra-imperialist federation was deemed illusory under capitalism, not so a United States of Europe. The economic integration produced by imperialism pointed in this direction. Yet it was the task of the proletariat to realise this goal: 'the proletariat must advance the slogan of socialist unification of countries from below—republican socialist states of Europe—as a political-juridical form of the socialist overturn'.[13]

For Bukharin, the growth of a unified and interdependent world economy meant that it was no longer conceivable to consider any event, particularly socialist revolution, on a narrowly national scale. It could not remain confined within the bounds of any national state, now that the whole idea of 'a closed state and economic autarky' was 'absurd'.[14] Socialism must conquer on an international scale. If it remained isolated, it inexorably would be crushed by the capitalist powers surrounding it. For the young Bukharin, socialism in one country was utopian.

His fellow-thinkers endorsed his analysis. Piatakov, who had collaborated closely with Bukharin during World War I, also saw socialist revolution as necessarily an integrated international affair; 'we picture this process as the united action of proletarians of all countries, who break down the frontiers of the bourgeois state, who remove the frontier posts, who blow up national unity and establish class unity'.[15] Radek subscribed to the same view, arguing that imperialism had laid the foundations for international socialist revolution which was to be realised by 'a united struggle' of the proletariat under the slogan 'away with frontiers'.[16] Osinskii too believed that the emergence of an interwoven world economy meant that socialist revolution itself must be international, since in a single country it would be crushed by the combined forces of world capitalism.[17] N. Antonov (N.M. Lukin) adopted a very Piatakovian line, insisting that socialist revolution was impossible within national bounds and must unfold as 'the simultaneous and coordinated action of proletarians of all countries'.[18] Lomov and D.P. Bogolepov concurred. Since 'contemporary capitalism [was] eliminating the peculiarities of capitalism in different countries [and was] driving [us] to work out common methods and common goals', a new 'united international programme for revolutionary social democracy' had to be elaborated to sketch out measures for the transition to socialism on a European scale.[19] Convinced that world revolution was imminent, A.A. Sol'ts and others on the Left agreed that a new international programme now was necessary.[20]

But, it could be argued, Lenin too subscribed to much the same vision of revolution. The most significant recent reappraisal of Lenin's thinking certainly suggested so. By 1917 Lenin had ceased to conceive of Russia as a separate country. Rather, he had come to see it as but

one part of a much broader international finance capitalist, or imperialist, 'society'. The latter was 'rotten ripe' for socialist revolution. Russia itself was merely one component in this imperialist chain, but also its weakest link. As such, revolution would erupt first in Russia and act as the spark to ignite a chain of succeeding revolutions throughout the more advanced West.[21]

Such a reconstruction of Lenin's analysis of imperialism and its implications for socialist revolution is cogent, compelling, and apparently, well-founded. Frequently since the outbreak of World War I Lenin had argued that capitalism had advanced to such a level of development that it was now inconceivable to contemplate socialist revolution in any one country.[22] During 1917 itself he repeated that imperialism had bound all the capitalist states so closely together that it was impossible any longer to suppose of revolution on anything but an international scale.[23] Indeed, in the preface to *State and Revolution*, written in August 1917, he was quite emphatic: 'this [the Russian] revolution can only be understood as a link in a chain of socialist proletarian revolutions being caused by the imperialist war'.[24] His 'evaluation of the international situation' seemingly was not substantially different from that of the Left Communists.

Yet Lenin's thinking on imperialism and international revolution was not as unequivocal as the foregoing interpretation suggests, nor was it identical with that of his comrades on the Left of the party.[25] What distinguished Lenin's analysis was his conception of the uneven development of capitalism. While the current epoch was recognisably imperialist, he warned that it was not purely so. Finance capitalism, as industrial capitalism before it, had not spread itself evenly or uniformly across the world. In the colonies especially, and in East Europe, capitalism had developed little at all, or, at best, lagged far behind that of the advanced West. But even there, in the heartland of finance capitalism, uneven development persisted. For Lenin, all this had important political implications. First, it precluded any possibility of an 'ultra-imperialist' coalition emerging. The faster-developing states would seek to use their growing strength over their less dynamic rivals to carve out greater spheres of influence for themselves. This rivalry meant that war itself, for a redivision of the world, was inevitable.[26] Second, it meant that the prerequisites for socialism would develop unevenly too, from which 'it follow[ed] irrefutably that socialism [would] not achieve victory simultaneously *in all* countries'.[27] On many occasions before 1917 Lenin stressed that the complexity and unevenness of capitalist development determined that socialism itself would advance, not in a single mighty wave across the world, but in a more fitful and protracted fashion. 'Uneven economic and political development', he hammered home, 'is an absolute law of capitalism. Hence,the victory of socialism is possible first in several or even in one capitalist country'.[28]

While Lenin's belief in the imminence of world revolution rose markedly during the heady days of 1917, soon after October he again warned his comrades against naivety and over-optimism. Admittedly, during the third All-Russian Congress of Soviets, in January 1918, he reaffirmed his faith in 'the mounting world revolution', concluding that 'the time is not far off when the working people of all countries will unite into a single world-wide state and join in a common effort to build a new socialist edifice'.[29] His reservations, that the precise timing of revolution in the West could not be predicted, that it could not be 'made to order', were reinforced at the Extraordinary All-Russian Congress of Railwaymen, also held in January. There he sounded a much more pessimistic note, pointing out that the revolution in the West might 'take a long time'.[30] Such pessimism increasingly coloured his thinking in the winter and spring of 1918. By May his vision of international revolution had reverted quite definitely to that which he had sketched before 1917. Conceding that it might come 'even later than we desire or expect', 'at an immeasurably slower pace than we expect or wish', he again unequivocally rejected the feasibility of a united, international socialist revolution.[31] His profound understanding of the imperialist world, the product of his wartime studies, had made him aware that the struggle for socialism would be a protracted process, an era full of victories and defeats, advances and retreats, that it would not unfold unilinearly on an international scale, as Bukharin and others on the Left believed.[32]

Hence, in the debate over peace that gripped the party in early 1918 it is insufficient to explain Lenin's position simply by reference to a 'hard-headed pragmatism [that] led him to accept, much more easily than most of his comrades, a *Diktatfrieden* which would deprive Soviet Russia of much of its most valuable resources and seriously weaken its ability to promote international revolution'.[33] In addition, his whole conception of the process of world revolution was different from that of 'his comrades' on the Left and had alerted him to the prospect that the revolution could remain confined to Russia for a time. Accordingly, he was better prepared psychologically to take whatever steps were needed to preserve the revolution in Russia until it eventually advanced internationally.

However, it would be equally one-sided to reduce the conflict of the Brest-Litovsk peace simply to that of competing theorisations of imperialism and prognoses of world revolution. The arguments at the time certainly did not remain at that abstract level, as more detailed analysis of the debate reveals. Rejection of peace based on the assumption of the impending victory of socialist revolution, Lenin argued, was totally unwarranted. Any strategy so premised would only imperil the revolution in Russia since no one could 'know how long it [would] take for the socialist revolution to break out in other countries'.[34] He now scornfully denied that revolutionary war—

assuming it was feasible—would act to spark off revolution in Germany. Such a calculation was wrong-headed, un-Marxist, since it failed to consider whether 'the class antagonisms that engender revolution' had matured fully there. International revolution, he reminded his colleagues, would face far greater obstacles than it had in Russia where the state had all but disintegrated in 1917, and the forces of reaction were 'miserable, despicable ... , an idiot called Romanov, Kerensky the boaster, gangs of officer cadets and bourgeois'.[35] In the West the bourgeoisie remained strong and organised and the state powerful. Euphoria at the triumphal march of Soviet power in Russia, he suggested, had led many of the young comrades astray, lulling them into a false optimism that the revolution would advance as easily elsewhere.[36]

In the meantime, Soviet Russia must agree to a separate peace lest it be crushed by the power of German imperialism. The costs were Draconian, Lenin conceded, but not crippling, and would buy something of a breathing-space. The Soviet state must use this time to rebuild its military capacity, either to rebuff renewed attacks by world imperialism or to assist effectively revolutionary movements when they did break out in the West.[37] Dismissing partisan war as a viable strategy against any regular imperialist army, he insisted that only a new and adequately supplied Red Army would be able to fulfil these tasks. The construction of such an army, however, presupposed an end to the economic chaos and disorder within Russia; the food crisis must be solved; the country's devastated transport system, especially the railway network, repaired; and industrial production revived. If the realisation of these economic goals required the collaboration of the native capitalists, then Lenin was prepared to come to some short-term compromise that he believed would advance the longer-term prospects for socialism.[38]

He insisted that this breathing-space was not only necessary, but attainable. The uneven development of capitalism, he reiterated, and the persistent and irreconcilable rivalries that it created amongst the imperialist powers, precluded the formation of an ultra-imperialist state. These rivalries, particularly Imperial Germany's desire to redivide the world to take account of its own dynamically growing strength, had caused the world war. Any fear that the imperialists now would be able to settle their differences amicably, in order to unite to crush the revolution in Russia, was exaggerated: 'an alliance of the great imperialist powers against the Soviet Republic', he reckoned, was 'well-nigh impossible'.[39] The basis for any agreement between the imperialist camps simply did not exist. Germany would resist surrendering the effective expansion of its power in East Europe, especially since it required the economic resources of the area to pay for the war without inflicting intolerable burdens on its own people. Equally, the Entente could not concur with what it had gone to war to oppose in

1914, the establishment of German hegemony in East Europe. Consequently, the imperialist war would continue until one side was victorious. A bitter, draining struggle would continue in the West and would serve to prevent the imperialist powers, for the time being at least, either independently or in unison, from crushing the revolution in Russia.[40]

Finally, Lenin's analysis of the socio-political realities within Soviet Russia in early 1918 convinced him of the immediate need for peace. What remained of the old army was war-weary, fast disintegrating, and impotent as a fighting force. The creation of a new army capable of defending the revolution would take time. Moreover, the overwhelming majority of the peasantry, and many workers too, were not yet prepared to take up the call to arms. Any attempt to coerce them into continuing the war, revolutionary or not, would have one, and only one, certain outcome—the overthrow of the Bolsheviks. To avoid this fate Lenin was ready to accommodate the aspirations of the peasants, to 'argue from the point of view of the peasant' who sought peace at any price. Peace alone would consolidate the alliance, the *smychka*, between the proletariat and the peasantry, the essential base of Soviet power in Russia.[41]

The Left Communists rejected almost all of Lenin's justifications for peace. Repeatedly in the first months of 1918 they claimed that the international revolution that they had predicted was on the verge of erupting. Bukharin and Radek alleged that the strikes gripping Austria-Hungary and Germany at the beginning of the year were striking proof that the proletariat there had 'at last awoken'.[42] Despite some nascent anxieties,[43] generally they were confident of the imminence of revolution in the West. Accordingly, they concluded that a separate peace with Germany would be, at best, superfluous, and at worst, harmful; superfluous since the onset of revolution, first, would make it impossible for the German government to sustain any offensive against Russia and, second, by its victory would render any peace redundant; and harmful, since any truckling of the Russian revolution to German imperialism would demoralise the German proletariat and cut the ground from under its feet just when it was mobilising on the very issue of the struggle for peace.[44] In these circumstances, the duty of revolutionary Russia was not to succumb to the illusion of trying to defend its own existence by means of a separate peace. Rather, it must wage war against imperialism in order to provide additional momentum to the revolution now growing in the West. Even after the Germans had proved their still awesome military capability, the Left Communists remained convinced of the rectitude of their analysis. At the Seventh Party Congress Bubnov vehemently declared that 'the revolutionary crisis in West Europe ... has matured ... international revolution is on the point of breaking out.[45]

The Left Communists expanded, too, on why their understanding of the imperialist world led them to the conviction that there was no choice but revolutionary war. In their view, the very idea of preserving socialism in Russia by means of a separate peace was spurious. For a start, the integration of the world economy made it impossible to build socialism in any one country. Socialist policies, such as the expropriation of foreign capital, one may infer, would so 'damage the interests of world capital' that the latter would be impelled to intervene to crush the revolution (pp. 62-64). Moreover, the very existence of a socialist regime, regardless of how directly it challenged the interests of international capitalism, in itself would generate a coalition intent on quashing it. And, unlike Lenin, the Left Communists' theoretical analysis of imperialism did not preclude absolutely the possibility of the formation of such an ultra-imperialist coalition. As Preobrazhenskii argued at the beginning of 1918, soon Russia would face a united imperialist front, ranging from Germany under the Kaiser to Britain under Lloyd George.[46] Two months later, at the Seventh Party Congress, imperialist unity, Bukharin claimed, had become a reality: 'many facts indicate that this agreement between the two hostile coalitions already has taken place'.[47] In these circumstances, separate peace with Germany alone was no guarantee of the revolution from attack by the combined forces of world imperialism.

To be fair, the Left Communists did confront Lenin's contention that the splits between the imperialist powers were so fundamental as to preclude any concerted assault on the revolution in Russia. Even in that unlikely circumstance, the revolution's prospects were equally bleak. Imperialist coalition or not, they argued, Russia would not be given the breathing-space that it required to restore its industrial and military might. Imperial Germany, whether or not it signed a separate peace, would remain the most immediate threat. Politically, it would be compelled to destroy the Soviet republic lest its very existence act as a source of domestic unrest, undermining continuation of the war on the Western front.[48] Economically, the outlook was equally grim. Germany had to exploit the East if it was to continue its war in the West. The territorial losses that it would impose would cripple Soviet Russia. In particular, the separation of the Ukraine, a vital source of grain, would threaten Soviet Russia with starvation. Similarly, the loss of the Donets basin and the Caucasus threatened to starve the republic of equally vital supplies of coal, iron ore, and oil. Consequently, the decline of Russian industry, especially in the Petrograd and Moscow regions, would be accelerated massively and the proletarian base of the regime rapidly would decompose, if not be destroyed entirely. In these circumstances Lenin's hopes of preserving Russia as a bastion of socialism from which subsequently to aid revolution elsewhere were simply illusory. In the final analysis peace would convert it into little

more than a satellite of German imperialism. Hence the choice was simple: wage revolutionary war now, or forever surrender the hope of doing so and perish.[49]

Rather ironically, the Left Communists shared Lenin's assessment of the forces in favour of peace. It was the peasantry, supported by the backward and declassed elements of the proletariat, that was pressuring the party to surrender (pp. 10-11). Unlike Lenin, however, they were certain that a 'peasant petty-bourgeois peace', as Osinskii scathingly dubbed it, could lead only to the degeneration of the revolution. Not only would it be left at the mercy of German imperialism but, as long as it remained isolated, it would find itself also suffocated by the predominantly petty-bourgeois composition of Russia. Any attempts to reconstruct Russia on socialist lines would founder upon the opposition of this class and the revolution would become transformed into a dictatorship not of the proletariat, but of the peasantry (pp. 17-18). It is to just this question, of agriculture and the peasantry, that we now must turn.

Agriculture and the Peasantry

Just as Lenin's rejection, in foreign policy, of the principle of revolutionary war had brought him into conflict with the Left Communists, so too his seeming apostasy on issues of socialist construction within Soviet Russia intensified, and prolonged, this clash. While the principal focus of controversy may have been 'the general question of authority and discipline in revolutionary society, particularly as applied to the organisation of industry',[50] it certainly was not confined to that. In fact, the first major clash on internal policy occurred over agrarian policy in January 1918, when the Left Communists bitterly criticised Lenin for his preparedness to implement what essentially was the Social Revolutionaries' (SR) programme of land socialisation.

The Left Communists themselves conceded that the rapid socialist reconstruction of agriculture was not a viable policy.[51] Russian agriculture had not undergone the same degree of capitalist development as had industry, and in consequence had remained relatively backward. Nevertheless, significant changes had take place since 1906 when the Bolshevik party had last revised its agrarian programme. These changes, allied with their own belief that the revolution of 1917 was socialist, not just bourgeois-democratic, had to be taken into account in framing a suitable agrarian policy, as I.I. Skvortsov-Stepanov had intimated at the second City Conference of the party in Moscow in April 1917.[52]

In 1905, when a bourgeois-democratic revolution against the autocracy was on the agenda, division of the large landed estates amongst the peasants had been the correct policy to follow. Not only would this have led to 'the destruction of *pomeshchik* landownership,

the prop of the old [autocratic] political order', it would have cleared the way too for 'the formation of [large capitalist] farms which would have guaranteed the rapid development of agriculture through capitalism to socialism'. However, in 1917 a bourgeois-democratic revolution had given way to socialist revolution (p. 148). Consequently, land division was no longer an appropriate course of action. Rather than assist the transformation of the countryside along socialist lines, it would serve to do nothing but surrender 'agriculture into the power of the petty-bourgeois illusions'.[53]

Bukharin attempted to provide a more detailed refutation of the old agrarian programme. While capitalism had not transformed the Russian countryside completely, he admitted, there had been considerable developments since 1905. He itemised what had changed: first, gentry land-holding had been eroded even further; similarly, the *obshchina* had been stripped of land to satisfy the demands of an emergent peasant bourgeoisie; and, third, the recent rise in grain prices, after decades of decline, had provided a stimulus to capitalist agriculture. In sum, capitalism had made significant advances in the Russian countryside, albeit only to the benefit of a very small minority of peasants, the vast majority of whom remained impoverished. In these circumstances, nationalisation of the land—which meant confiscation of *pomeshchik* and church estates—remained vital. It was even more essential, however, to ensure that the farms that had become capitalist, especially the large estates, were preserved intact, to form the basis for the collective socialist agriculture of the future. At the same time, the poor peasants were to be encouraged to create their own collectives, which presumably would be provided with the necessary equipment and materials by the revolutionary state.[54]

Bukharin, Stepanov, and their comrades were absolutely opposed to the SR programme of land socialisation which envisaged an egalitarian division of all the land amongst the peasants and, in consequence, the destruction of what advanced capitalist agriculture did exist. Yet there was little remarkable about their stance as the overwhelming majority of Russian Marxists had long viewed land socialisation as a fundamentally reactionary measure.[55] Little wonder then, that the Left Communists saw themselves as the defenders of orthodoxy on the question of agrarian policy—and Lenin as the apostate.

Their critique of the agrarian programme that Lenin proposed to implement first became public in a series of articles in *Pravda* and *Izvestiia* in January and February 1918. An opponent of the Left Communists in the fierce debates over land socialisation that then gripped the party summarized, with admirable brevity and fairness, the essence of the Left Communists' objections to such a policy:

> The new land law is characterised by the majority of its critics as a reactionary act. Its reactionary character is seen

> chiefly in that it opens the way to small-scale farming, that it creates and increases the number of 'petty farms', that it inescapably moves all agriculture back in the direction of a natural economy, which inevitably entails the fall in its productivity.[56]

This strand of the Left Communists' critique, of which but fleeting references are to be found in *Kommunist*, was articulated most cogently by Preobrazhenskii. He insisted that 'the chief task' of the new Soviet government 'after the liquidation of *pomeshchik* landownership [was] the reconstruction of agriculture along socialist lines'. Regrettably, he continued, the projected land socialisation law did absolutely nothing to achieve this end.[57] Even worse, it threatened what progress had already been made in this direction. Subscribing to the belief, then prevalent among Marxists, that large-scale agriculture inevitably would be more productive than small-scale husbandry, he attacked the projected law for its failure to preserve what of the former in fact existed:

> The protection of capitalist farms from disintegration and their transfer, intact, into the hands of the Soviets has not been envisaged. On the contrary, there is a point about rewarding the *batraki* with land ... which presupposes the breaking up of such farms into small allotments and is both fundamentally reactionary from the economic point of view and deeply unjust to the agricultural proletariat.[58]

Developing his argument, Preobrazhenskii outlined the economic ills which he was certain would follow land division. The majority of peasants, especially the poor, he argued, had insufficient stocks of seed, tools, and especially draught power to work effectively the allotments of land which they would receive. Consequently, production in the countryside would fall precipitately if the large estate were parcelled out amongst them. In turn, urban Russia, already suffering because of the damaging impact of the war on agrarian productivity, would become threatened even more gravely with starvation. In these circumstances, he concluded, the Bolsheviks 'could not allow themselves the luxury of uncontrolled small-scale agriculture'.[59]

Stepanov expanded on the Left's fears of the economic impact of land socialisation. Equalised division of the land among the peasantry, to which the projected law was tantamount, would prevent any technical and economic development in agriculture. Not only would productivity fall immediately, but progress towards an efficient system of large-scale collective agriculture would be thwarted. Modern equipment already existing in the countryside, as well as any increased mechanisation that might follow from the demobilisation of industry

once the war ended, could not be used optimally unless the large estates were preserved and new collectives created. The economies of scale resulting from the application of modern machinery clearly could be achieved only on large farms, not within a system of peasant small-holdings. Land socialisation, therefore, would be a step back economically, destroying the large estates which could serve as the bases for the socialist agriculture of the future and at the same time restoring a much less efficient mode of production to rural Russia.[60]

The Left Communists' critique of land socialisation, however, was not simply economic. Their fears of its political consequences were equally, if not more, pronounced. Bukharin's warning, voiced at the Sixth Party Congress, that once the peasants had seized the land of the *pomeshchiki*, they would become 'satiated' and desert the revolution in order to defend their newly won property,[61] was echoed strongly in the debate on land socialisation in early 1918. Heirs to the virulent anti-peasantism embodied in Russian Marxism, they too mistrusted, even feared, the peasants whom they held to be inalienably hostile to socialism. Land socialisation had to be resisted since once implemented, it promised to swell the ranks of this class and so strengthen the forces of counter-revolution. In the short term, land division threatened to destroy the landless rural labourers, the *batraki*, considered to be the most reliable allies of the urban proletariat in its struggle for socialism, by transforming them into petty proprietors. The middle peasants, too, would gain more land and would feel that now they had even more to lose if socialism were to be introduced. In the long term its impact would be equally pernicious. Millions of peasant families lacked the means necessary to cultivate the land allotted to them, resources which the government would be unable to provide to them all. Consequently, land gradually would become reconcentrated in the hands of the more prosperous peasants who did possess the means to work it. Land division, therefore, was a short-sighted policy, simply planting the seed for the eventual re-emergence of capitalism in the countryside and with no benefit to the poor and exploited peasants in the long term.[62] Their socio-political objections reduced to the fact

> that the new law, impregnated as it is with individualism, disunites the labouring peasant masses, atomises them and opens the doors wide for the creation of a rural petty-bourgeoisie, which, economically backward and feeble, is a very reactionary class, *everywhere, always and in every respect*.[63]

Fear of the corruptive influence of the peasants permeated Left Communist thinking. Not only were Lenin and his faction prepared to sacrifice socialist principles to peasant prejudices on the question of

land itself, so the Left believed, but they were also ready to bow to peasant pressure on other issues. First, as we have seen, the Left was convinced that Lenin's willingness to accept a separate peace was nothing but a sop to placate the peasants. Second, and yet more worrying, they saw further corruption of the revolution as inevitable. Radek outlined a rather pessimistic prognosis:

> the victory of proletarian revolution in Europe may allow the proletarian minority in Russia to shift the peasantry onto socialist tracks. The absence of this revolution can cast the proletariat from power. If the Soviet government, basing itself on the standpoint of the dictatorship of the proletariat and the peasantry ... reckons with the numerical and social preponderance of the peasantry, then it will proceed to a compromise with capital, a compromise acceptable from the point of view of the peasantry, but one which destroys the socialist character of the revolution, and therefore one unacceptable to the proletariat. [pp. 6-7]

So what agrarian policy, then, did the Left Communists themselves favour? Their *Theses on the Current Situation* gave an unequivocal answer, albeit one lacking in details:

> The organisation in the countryside of an attack by the poor peasants on the rich, the development of large-scale socialised agriculture and support for forms of working the land by poor peasants which are transitional to socialised agriculture.[p. 23]

Earlier, Preobrazhenskii had elaborated what this policy must entail. First, large capitalist estates were to be preserved intact. They were to be transferred to the control of the local soviets who were to make the necessary arrangements for their collective cultivation by the *batraki*. Second, poor peasants who lacked the draught power, equipment, and seed stocks to farm independently were to be organised into cartels to work their land collectively. The state would ensure that they had the necessary means to do so. Third, migration was to be encouraged, specifically the resettlement of poor peasants on land specially prepared for them by the state. They would work this land collectively, with equipment also provided by the state. Finally, the state was to establish a monopoly over all trade in grain. A crucial part of a more general scheme for the planned distribution of resources, it was envisaged that this system would benefit the poor peasants and the proletariat. In sum, these measures would promote the 'socialist reconstruction of agriculture' and guarantee the collectivism that Preobrazhenskii and others on the Left regarded as essential for socialism. Any other policy simply would create a breeding-ground for individual farming and the reinforce-

ment of petty-bourgeois attitudes and as such was totally inappropriate for a socialist government to pursue.[64]

The Organisation of Industry

The bitter conflict between the Left and Lenin on this issue cannot be reduced simply to Lenin's apparent rejection of principles agreed upon in 1917. The matter is more complex as, in truth, the Bolsheviks had failed to elaborate a coherent and unambiguous programme for the socialist organisation of industry in 1917. As V.M. Smirnov conceded, 'at the beginning of the revolution we had given very little thought to the question ... of the organization of production along socialist lines'.[65] Osinskii confirmed the substance of Smirnov's evaluation:

> But if we ask ourselves how, in the period before October 25, we as a party envisaged the system of workers' control in its entirety and on what sort of economic basis we thought to construct it, then we shall find no clear answer anywhere.[66]

Lenin provided no unequivocal answer, admitting soon after the revolution that in fact '[t]here was not and could not be a definite plan for the organisation of economic life'.[67]

However, while the Bolsheviks had not elaborated a 'well-defined programme' for the organisation of industry before October,[68] the Left Communists did believe that certain general principles had been agreed upon. Once the existing state had been smashed, the new state, the dictatorship of the proletariat, must intervene to regulate the economy in order to save it from complete collapse. Such regulation had to be resisted under the old regime since then it would have strengthened state capitalism, 'the cruellest form of class oppression'.[69] Once constituted, the proletarian state first must nationalise the finance capitalist sector of the economy, that is, the large banks and syndicates which had grown so dramatically during World War I that they had come to dominate Russian industry.[70] Production in this sector then was to be organised according to the directives to be issued by a central planning agency, such as the *Vesenkha*. Central planning was integral to their vision of socialism. They remained unequivocally opposed to any concessions to anarcho-syndicalism. Furthermore, to ensure that central directives were carried out faithfully by management at the enterprise level—the precise composition of these basic units of industrial administration remained ill-defined—supervisory powers were to be devolved to the various local organs of workers' control, the *fabzavkomy*, the trade unions, and the economic committees of the local soviets.[71] However, in the summer of 1917 the 'implacable and extremist' Osinskii went further. Workers' control, he posited, would

remain meaningless as long as the bourgeoisie retained any positions of authority in industry. It would abuse its power to sabotage production, so deepening the economic collapse afflicting the country. Such mismanagement, experience to date suggested, could not be thwarted simply by workers' control. Moreover, the very concept of control would be redundant under the dictatorship of the proletariat, the direct and active participation of the workers in the organisation of production would be the order of the day. In other words, the notion of workers' management had been mooted, even if the precise form that it would take remained undefined, as Osinskii later acknowledged.[72]

Distribution of production was to be regulated similarly. All existing consumer goods were to be appropriated by the state and distributed in a planned manner, especially amongst the peasants, in return for grain to feed the towns. Again, control over this process was to be devolved to local organs of the workers who were to take over the various distributive agencies established by the state and the bourgeoisie during the war, notably the food committees and other *zemstvo* and municipal *duma* organisations. Implicit in this vision of social regulation of distribution was the replacement of the market by the direct exchange of goods, as Lomov made explicit on the eve of the October revolution.[73]

Central regulation of industrial production and distribution, executed at the grass-roots level by local organs of revolutionary power, would serve, they believed, to overcome the disintegration and sabotage, which increasingly were paralysing Russian industry in 1917. Equally, by ensuring a substantial degree of local autonomy for the workers, such a system would be a giant step towards socialism. The Left Communists repeatedly stressed that the diffusion of economic power was vital if the workers *en masse* were to be emancipated. For this to occur they must have the opportunity to become active and conscious participants in the construction of socialism. The absence of such participation would threaten the very success of the socialist project, as Bukharin warned soon after the revolution:

> without the greatest self-activity [*samodeiatel'nost'*] of the masses, there will be no victory. And just as the proletariat in its armed struggle produced a Red Guard, so it must create a guard of organisers in the factories, the plants, the mines ... and the offices. If it does this, then the victory of socialism will be assured.[74]

The indispensability of such a system of workers' power in the process of production was to become a motif of Left Communism in the spring of 1918.

In large part, their vision appeared to coincide with Lenin's own thinking on industrial organisation in 1917. He too called for the nationalisation of the banks and large industrial syndicates. Moreover, he frequently emphasised the importance of workers' control as a mechanism to regulate production and distribution and prevent total economic collapse.[75] And, on occasion, Lenin's faith in the innate capacities of the workers seemed to be no less boundless than that of the Left Communists. Soon after October he unequivocally rejected the notion that 'the management of banks and factories [was] beyond the power of the workers' since factory life itself had provided them with 'the knowledge necessary for [its] accomplishment'. The workers themselves, he added shortly later, had to organise industry from below, on their own initiative, relying on their own self-discipline, not on 'capitalist barracks room discipline'.[76]

Yet Lenin's thinking on this question in 1917 was ambivalent. Another, less democratic and less egalitarian, model of industrial organisation coexisted with the one sketched above: the state capitalist model, or the programme of 'organic construction', as the Left Communists were to dub it (p. 32). The mechanics of this model were outlined most fully in his *The Impending Catastrophe and How to Combat It* and *Can The Bolsheviks Retain State Power?*. This model presupposes the nationalisation of the banks, and the syndicates which existed in the sugar, oil, coal, iron and steel, and other industries; the compulsory syndicalisation of other industries; and the organisation of the population into consumer societies. The strengthening of these, the most advanced and progressive features of capitalist economic organisation, would serve two purposes. First, they would act as the economic framework within which the revolutionary government could regulate production and distribution and so save Russia from economic collapse and famine. Second, they would provide the skeleton upon which the planned socialist economy of the future could be built.[77] However, if this economic apparatus was to be used effectively, it was essential that the old capitalists—bourgeois 'rascal[s]' as Lenin later termed them—and their technical elite, the *spetsy*, be employed to administer it, by high wages if possible, by coercion if need be. 'Comprehensive workers' control', Lenin added, would ensure that they worked in the interests of the new order.[78] In a manner quite contrary to the exaggeratedly libertarian prescriptions of *State and Revolution*, he bluntly and unequivocally argued that

> We are not Utopians. We know that an unskilled labourer or cook cannot *immediately* get on with the job of ... administration.[79]

For this system to be effective, he continued, strict centralisation was

essential, within the economy in general and within each branch of production in particular. In other words, the economic prerogatives of the *fabzavkomy*, the trade unions and the local soviets were to be tightly circumscribed. With power in the hands of a proletarian state, Lenin asserted, 'we shall be fully and unreservedly in favour of a strong state power and of centralism'.[80]

In the spring of 1918 Lenin turned decisively to the state capitalist model, claiming that it offered the only solution to Russia's industrial decline. His forthright adoption of this system brought him into open conflict with the Left of the party on the whole issue of how industry ought to be organised in the post-revolutionary state. The failure of socialist revolution to engulf the rest of Europe appears to have been the precipitant of this rift. Not only had it forced many Bolsheviks, compelled by Lenin's ruthless logic, slowly but surely to abandon support for revolutionary war and accept the Draconian peace imposed by the Germans at Brest-Litovsk, but this peace, in turn, marked a turning-point within Soviet Russia, a retreat in internal policy,[81] as the Left repeatedly asserted (pp. 48, 60, 184). The Bolsheviks found themselves in an unanticipated and unwelcome quandary. Before October almost none of them had imagined that they might have to proceed to lay the foundations for socialism in Russia alone.

As for Lenin, he was compelled to reappraise what had to be done if the revolution in Russia was to survive until its final victory was secured by the eventual triumph of international revolution. In late February-early March, he increasingly came to grasp that the restoration of the truncated Russian economy was vital if this end was to be achieved. The means by which he sought this restoration soon became clear. At the Seventh Party Congress he emphasised discipline, organisation, and efficiency as the watchwords for recovery. Addressing the Bolshevik faction on the eve of the Fourth All-Russian Congress of Soviets on March 13, he hammered home that what was vital for the survival of the revolution in Russia was 'discipline, discipline and discipline and in the struggle for ... this discipline we must adopt Draconic measures'. Workers' control as it had hitherto existed, with its 'endless discussions and endless ... meetings',[82] now had ceased to play a positive role. If anything, it was exacerbating the economic chaos which had been bequeathed to the Soviet regime. While continuing to pay heed to the need for such discussions to prepare 'the masses for participation in state and economic administration of all the affairs of society', in no way were they to be allowed at the expense of economic recovery. This required above all obedience to the orders of management, of 'one-man managerial authority' if necessary, whose powers were to be restored. A turning-point in the revolution indeed had arrived, as Lenin himself conceded at the end of March when the

triumphal march of Soviet power had to give way to a new period of economic and social reconstruction.[83]

Reconstruction, Lenin now believed, demanded the renunciation of the libertarian post-revolutionary order which he had depicted in *State and Revolution* and had continued to advocate for a brief period after October. Now, in the spring of 1918, in pursuit of an effective policy of industrial recovery, he reverted consciously and self-professedly to the state capitalist model. This model, he reminded his comrades, he had also elaborated before October. He defended his policy at a session of the CEC on April 29:

> I said that state capitalism would be our salvation; if we had it in Russia, the transition to full socialism would be easy. ... Allow me to remind you that I had occasion to write my statement about state capitalism some time before the revolution ... in my pamphlet *The Impending Catastrophe*.[84]

Now Lenin relentlessly repeated that the implementation of the system of state capitalism that he had sketched in the late summer of 1917 was the only means by which Soviet Russia could be saved from imminent economic collapse. Equally, he emphasised the need to introduce specific measures to raise the productivity of labour. As well as the reimposition of the old, hierarchical forms of labour discipline, he looked to material incentives, notably, piecework, and the 'scientific and progressive' elements of the Taylor system to achieve this goal. Provided it was a proletarian state that constructed such a system, he continued, then all would be well. This state could use its political power to prevent degeneration towards a genuine state capitalist system and to ensure that 'a step towards Socialism' was in fact taken.[85] In his most sustained and trenchant critique of the Left Communists, *'Left-Wing' Childishness and the Petty-Bourgeois Mentality*, Lenin vigorously defended his programme:

> In the first place, economically, state capitalism is immeasurably superior to our present economic system.
>
> In the second place, there is nothing terrible in it for Soviet power, the Soviet state is a state in which the power of the workers and the poor is assured.[86]

To the Left Communists this was arrant, and, even worse, dangerous nonsense! They agreed with Lenin that measures had to be taken to save Russia from economic collapse so total that nothing would be salvaged for the construction of socialism (pp. 50-51). However, they

were convinced equally that the policies of 'organic construction' defended by Lenin and his allies in the party would prove to be fatal for the reconstruction of Russia along socialist lines.

Fundamentally, their opposition to Lenin's policies was rooted in the rather determinist belief that, in the final analysis, 'politics is founded upon economics, and whoever possesses the power of command over production sooner or later will lay hold of political power.'[87] Accordingly, they totally rejected Lenin's claim that the strengthening of state capitalism *per se* in the economy would not jeopardise Soviet power. Bukharin heatedly reiterated his contention that state capitalism, in any shape or form, was utterly incompatible with the survival of socialism. He painted a despairing picture of what he foresaw to be the inevitable outcome of Lenin's programme of 'organic construction':

> We [the Left Communists] look at the matter concretely: let us suppose that Soviet power (the dictatorship of the proletariat, supported by the poor peasants), while organising in name ... state regulation, in fact transfers the business of administration to the 'organisers of trusts' (i.e., to the capitalists). What happens in that case? The real power of capital in the economy grows and becomes entrenched. Meanwhile the political superstructure either little by little degenerates beyond recognition, or at a certain point 'bursts', because the protracted 'power of command' of capital in the economy is incompatible with the 'power of command' of the proletariat in politics. [p. 149]

Osinskii developed this contention more concretely. He doubted if the old capitalist 'captains of industry' would or even could allow themselves to be used to run the economy in the interests of the workers. They were so immured by the mores of capitalism that they could not but act in a counter-revolutionary manner. Accordingly, he warned Lenin against granting them any positions of power in the new economic structure since

> the danger exists that our 'teachers' will not help us to build socialism, but, on the sly, will create a real capitalist trust, that they will conduct their own *class* policy. [p. 41]

He feared that 'as long as the Riabushinskiis and Meshcherskiis remained masters of and ran their own banks and plants, then they would possess the means to 'organise' white guards, conspire with foreign invaders, secretly sabotage production'. The only possible outcome of such an equivocal policy, he concluded, would be the emergence of a real state capitalist system. No longer would the October revolution remain socialist, but in fact would be transformed

into a bourgeois revolution, one which had served merely to sweep away all the vestiges of feudalism in Russia.[88] And this, of course, was unthinkable.

The Left Communists in addition objected to the precise measures which Lenin proposed to employ to ensure the success of the state capitalist path to economic recovery that he then favoured. The restoration of one-man management at the enterprise level, with managers appointed from above irrespective of the wishes of the workers, and of strictly centralised administration of the economy generally would breed nothing but a rebirth of the dictatorial and bureaucratic methods characteristic of capitalism. Such measures only could stymie the democratic participation of the proletariat in the organisation of production that, to the Left, was the life-blood of socialism. Similarly, the employment of the other trappings of the old system of capitalist exploitation—namely, authoritarian discipline over the workforce; piece wages, which encouraged workers to pursue individual, not collective, rewards and so instill petty-bourgeois values into them; and the Taylor system, which dehumanised workers by converting them into mindless appendages of machines, routinely performing tasks decreed from above—all this was anathema to Osinskii and his comrades on the Left of the party. In particular, they singled out two heinous consequences of these proposed measures. On the one hand, the unity of the proletariat would be shattered and its collectivism, so vital to socialism, destroyed (pp. 41-43). On the other hand, the proletariat again would be transformed into a passive cog in the production process, deprived of any opportunity to participate actively in the administration of industry.

The recrudescence of this facet of the old order alarmed the Left Communists greatly. They passionately defended the principle of the conscious participation of the proletariat in economic as well as political administration as the *sine qua non* of genuine socialist construction. In a manner reminiscent of Bukharin's thinking in 1917, Osinskii elaborated on their understanding of this principle:

> We stand for the construction of proletarian society by the class creativity [*samodeiatel'nost'*] of the workers themselves, not by orders from on high issued by the 'captains of industry'. ... We proceed from faith in class consciousness, in the active class initiative of the proletariat. It cannot be otherwise. If the proletariat does not know how to create the necessary preconditions for the socialist organisation of production, then no one can do this for it nor compel it to do this. ... Socialism, and the socialist organisation of production, must be constructed by the proletariat itself, or [it will] not [be] at all, and something else will be constructed—state capitalism. [pp. 71-72]

If this principle, essentially one of workers' management, was abandoned, then the Left Communists were certain that socialism was doomed and that the state capitalism which they so much despised and feared would emerge triumphant.

Retrospectively, Lev Kritsman was to offer a more philosophical defence of the need for the workers *en masse* to participate in the building of socialism. In language reminiscent of the young Marx, he emphasised that the fundamental objective of socialism, 'the further conquest and transformation of nature (the progress of technology) ... and the further conquest and transformation of the nature of man himself ... [was] a creative task'. In order to achieve this final goal it was essential that the proletariat itself consciously take part in this socialist transformation of society. It could do so, however, only if it was given the freedom to exercise its latent creative abilities and learn how to harness them in the very process of socialist construction. For Kritsman, and arguably for his comrades on the Left of the party, this 'mass creativity [was] the basic characteristic of communism'.[89]

They advocated a model of economic reconstruction quite contrary to that of Lenin, claiming that it alone could guarantee that the path towards socialism at least remained open in Russia. In so doing they elaborated on the principles which, in a more rudimentary manner, they had espoused in 1917. To prevent the restoration of capitalism in Russia, they demanded that all the banks and large-scale enterprises were to be nationalised. However, nationalisation *per se*, or 'statisation', as Bukharin termed it,[90] although a necessary precondition, was still insufficient to ensure development towards socialism. After all, the railways in Prussia were owned by the state, but no one with any political sense would contend that in consequence Prussia was socialist. More was required, what they called *socialisation* of the economy. First of all, the capitalists in these key sectors had to be expropriated totally, so that the fundamental—economic—basis of their power was destroyed once and for all (pp. 39-40). Such a policy, of course, precluded toleration of any form of combined state-private capitalist trusts, as Lenin had been prepared to contemplate during the negotiations with Meshcherskii in the winter and spring of 1918 (pp. 5-6, 40-41). But there was another precondition that had to be satisfied before industry could be considered to be socialised properly. The enterprises subject to nationalisation were to be managed 'along socialist lines' (*na sotsialisticheskikh nachalakh*). Osinskii explained what this meant at the first All-Russian Congress of Economic Councils in May-June 1918: 'The internal operations of the nationalised enterprise[s]', he argued, 'should be such that the very organisation of production provides ... a firm foundation for the political dictatorship of the working-class ... [and] creates the economic dictatorship of the proletariat'.[91] In brief, workers' management was considered to be vital. Ideological and philosophical justification apart, such a system

increasingly came to be seen by the Left Communists as the only solution to the escalating decline in production which they largely attributed to sabotage by the remaining bourgeoisie, as Osinskii himself had alleged in the summer of 1917.

However, within this new system of socialised industry, they did accept, albeit grudgingly, that the old bourgeois *spetsy*—but not the owners themselves—still had a vital role to play. As yet the proletariat had not built up its own trained cadres of engineers and technicians with the expertise required to run modern, large-scale industry. Accordingly, the old *spetsy*, many of whom remained antipathetic to socialism, would have to be enticed—or coerced if need be—to give their irreplaceable services to the new regime. High wages, they conceded, would have to be offered to buy their cooperation. But on no account were they to be given any key positions of command in the economy lest they exploit them in the same way as their former masters, to subvert the socialist reconstruction of Russia. They were to remain strictly subordinate and answerable to the organs of workers' management (pp. 50, 69-70).

Similarly, the *spetsy* were to be deprived of their traditional methods, of material incentives or the knout, for the maintenance of discipline. This was to be the task of the workers themselves, in whose class-consciousness the Left Communists had such 'faith'. Once industry had been reorganised on socialist lines, the workers, through the agency of their trade unions and factory committees, were to establish output norms. Fulfilment of these norms would be rewarded by a 'normal' living wage. Non-fulfilment would be dealt with by workers' courts, which would take whatever action they deemed to be necessary to punish recalcitrants who *de facto* were sabotaging the construction of socialism (pp. 23, 102-103).

Osinskii, it transpired, was of a sufficiently bold—or temerarious—disposition to attempt to sketch out precisely how this system of workers' management was to be constructed. He unequivocally rejected the system of one-man management by centrally appointed commissars, acidly remarking that it would preclude what even Lenin had considered to be vital in 1917, that every cook should be given the opportunity to learn how to administer the state. This principle, he proposed, should be extended to the economy.[92] Actual workers' administration of industry, right down to the level of the enterprise, was to be introduced.

Despite their commitment to a devolution of authority to the enterprise level, at the same time Osinskii and his fellow Leftists continued to have no truck with the syndicalist sentiments evident among certain groups of the Russian workers.[93] They unhesitatingly denounced as anti-socialist any attempts by organs of workers' management to convert enterprises under their control into their own property and run them in their own interests. This would reduce

Russia to nothing but a myriad of atomised, self-governing, anarcho-syndicalist communes (pp. 70-71). It was Bukharin who developed this theme most cogently. In the final analysis, the basic distinction between Communists and Anarchists, he argued, was not their attitude to the state and its power. While they disagreed regarding the role it was to play in the transition period—the Communists allotted it a vital role—they both sought its ultimate extinction. Rather, what fundamentally divided them was that Communists held that only a centrally planned economy, in which large-scale production was predominant, would be able to provide the material basis, of abundance, for the permanent liberation of the workers. As with the SRs' faith in land socialisation, so anarchist dreams of sharing out property were economically retrogressive. It only would lead, first, to the re-creation of a class of small proprietors and, ultimately, to the restoration of large-scale capitalism (pp. 87-88).

What the Left Communists were seeking was the creation of a genuinely democratic centralist system, which would combine workers' management at the enterprise or micro level with central control and planning of the economy at the macro level. In *Stroitel'stvo sotsializma*, which systematised ideas developed in his articles in *Kommunist*, and in his speeches at the First Congress of Economic Councils, Osinskii aspired to elaborate a model capable of reconciling the requirement for the mass initiative of workers' management at the grass-roots level with the equally great need for central planning and direction of the economy at large.

At the grass-roots level, large enterprises were to be run by boards (*kollegii*), two-thirds of which were to be elected by the workers themselves—though, contrary to syndicalist notions, these boards were *not* to contain a majority of workers employed in the enterprise in question, lest they develop a sense of property in it. Above them was to be a tier of regional (*oblast'*) economic councils, in the main to be elected by plant administrations in each region. These councils were to be granted the right to affirm or to veto elected plant administrations, once they had assured themselves of the capability, or otherwise, of the latter to organise production efficiently. At the apex he envisaged a central economic council, such as the *Vesenkha*, composed largely of representatives from the regional councils.[94] To prevent deformations within this system, either in the direction of bureaucratic centralisation or anarcho-syndicalism, he stressed the urgency of 'a precise definition of the powers of the subordinate organs, both to protect their scope for self-activity and ... to prevent any arbitrary actions on their part'. He attempted to offer such a definition. The *Vesenkha* was to be responsible for the formulation and financing of the overall economic plan, and was to have general supervisory powers to ensure that it was carried out. Detailed adminstration was to be left in the hands of the regional councils which were to ensure that

enterprises under their purview were supplied with the labour, materials, and technical expertise that they required to continue in operation. Finally, the plant administrations were alloted purely 'technical executive functions'.[95] The need to tap mass initiative presumably would be met by this, and by the participation of plant representatives at the regional level.

But how were conflicts, real or potential, between these various tiers of administration to be resolved? Even with the best will and the best circumstances in the world they appear to be unavoidable, given that organisations at the local level of necessity lack the information required to judge what the interests of all society demand.[96] Given Russia's pitiful economic condition in 1918, conflicts were inevitable, as Stepanov admitted. However genuine the commitment of the *fabzavkomy* and other grass-roots organs of the workers to the pursuit of the general interests of society and the central control required to achieve these ends, they would be forced to sacrifice this commitment to more immediate and narrower concerns. Shortages, of food, fuel, and finance, Stepanov argued, inexorably would force these workers' committees to strive to protect their own plants, so impelling them *de facto* in a syndicalist direction. Logically, he continued, production should be concentrated in the largest, most efficient enterprises. The question whether the workers in the plants due for closure in the interests of the greater productivity and economic efficiency of society at large would accept their fate passively remained unexplored.[97]

In Osinskii's model, it was assumed, rather optimistically, that conferences between representatives of the centre and the lower tier organisations would succeed in reconciling any such conflicts in the interests of society at large. However, if such a resolution was not achieved, then in the final analysis the authorities at the lower levels would have to be overridden.[98] Osinskii and his comrades were compelled to assign the ultimate power of economic decision-making to the centre, as their interpretation of Marxism demanded.

They now found themselves in a rather ironical position. Having accepted the principle that in socialist society the power of economic decision-making must reside ultimately in the hands of central administration, many of them continued to attack these same authorities for over-reaching their competencies, attacking the rights of the localities, and thus fostering the growth of bureaucratism. As V.N. Andronnikov, a representative of the Urals economic council where a particularly virulent strain of Left Communism was to be found, sourly remarked at the Congress of Economic Councils, Osinskii's model, with its acceptance of hierarchical control over the composition of enterprise administrations elected from below, effectively vitiated workers' self-management.[99]

One can but presume that the Left Communists' 'faith in the class consciousness' of the proletariat led them to hope that such conflicts

between local and central interests would not remain intractable. Theoretically, where the workers and managers of an enterprise possess a high degree of class consciousness, it is possible to imagine them disregarding their own interests and bowing to central directives detrimental to themselves. Such an assumption, however, is highly 'romantic ... [and] scarcely realistic' and has not been borne out by any experience in peacetime.[100]

The remainder of their programme for industry can be dealt with quite rapidly, largely because they did not have one. Osinskii admitted as much at the Congress of Economic Councils in May, when he conceded that Soviet Russia could do little to restore, let alone develop its industry on the limited resources left at its disposal after the swingeing losses of areas rich in food and materials imposed upon it by the treaty of Brest-Litovsk. Development would require aid from abroad. However, Soviet Russia was not to accept any assistance from the advanced imperialist powers, should they prove willing to provide it, lest it be used to convert Russia into something approaching a semi-colonial dependency. Reiterating a fundamental motif of Left Communism, Osinskii insisted that international revolution alone could save Russia from ruin and help it to build socialism. Granted, not all on the Left shared his pessimism on this question. Radek, for one, claimed that Soviet Russia would be able to restore economic links with territories stripped from it and on this basis rebuild its industrial base. Yet his views appear to have been untypical of Left thinking, and were immediately rebutted by Lomov.[101]

In the meantime little could be done. The dislocations caused by the war and the territorial losses consequent upon the Brest peace had sapped the Petersburg [*sic*] and Moscow industrial regions. Starved of food and raw materials, they were in precipitous decline. The Urals and West Siberia had survived better. Accordingly, the limited resources that Soviet Russia did possess should be concentrated there, the areas of greatest potential, to ensure their industrial revival (pp. 14-15, 23, 217).

The method by which the Left Communists proposed to finance even this limited programme of recovery, as well as maintain what other nationalised industries they could, has been decried as 'fantastic'.[102] Whatever wealth remained in the hands of the bourgeoisie was to be confiscated. However, since this 'plunder' in itself would be insufficient to meet the needs of industry, the printing press would have to provide the remainder. Inflation would ensue, they conceded. But rather than seeing it as an evil, they welcomed it since it would facilitate the transition to the moneyless socialist economy of the future, where the ruble would be valueless (pp. 188-193). Gukovskii's plan to eliminate the budget deficit and stabilise the ruble was dismissed as a bourgeois 'opportunist deviation' simply leading back to state capitalism (p. 114).

It was left to Smirnov to develop the financial logic of the Left Communists a little further. Totally planned distribution, he admitted, remained sometime in the future, since it was impossible to draw the millions of still uncollectivised peasants into such a system speedily. In the interim money would be required to conduct exchange between socialised state industry and individual peasant agriculture. Yet here lay an opportunity, so Smirnov added, to resolve, at least in small part, the problem of financing industry. The prices of goods produced by socialised industry were to be 'set as high as possible', in order to extract from the countryside a surplus which could be invested to stimulate the recovery and development of industry (pp. 192-193). He was to develop this notion, as Bukharin duly noted, into the concept of 'primary [*sic*] socialist accumulation',[103] which was later elaborated upon by Preobrazhenskii, and implemented in an even more extreme manner, some would argue, by Stalin during the first Five Year Plan.

Politics and the State

The Left Communists' views on the political organisation of the revolutionary state were beset by similar contradictions to those afflicting their views on economic organisation. The politics of transition were conceived by the Left very much in the vein outlined by Lenin in *State and Revolution*. In the first issue of *Kommunist*, Bukharin was effusive in his praise of the model of the dictatorship of the proletariat outlined there:

> The dictatorship of the proletariat is not a parliamentary republic with all its trappings. It is the *commune state*, without the police, the standing army, officialdom, etc. [p. 52]

Nothing else would do, not even the democratic republic which he had believed to be 'the freest form of bourgeois parliamentary government'.[104] The new state was to be, in fact, a republic of Soviets. In this new state, moreover, a radical decentralisation of power was vital, since in a socialist society, 'it is totally senseless that one central "Soviet of Soviets" in St. Petersburg [*sic*] should control everything'.[105] This diffusion of power, by destroying the bureaucratic and hierarchical structure of the old state, would allow the workers to learn the art of administration, 'to use a slogan which was formulated so splendidly by Lenin' (p. 150).

This new system of Soviet power was to fulfil two functions. Politically, it would be 'the iron dictatorship of the proletariat'. It would suppress ruthlessly all counter-revolutionary forces which opposed the introduction of the policies that 'would bring Russia near to socialism'. Economically, its immediate task was to save Russia

from total collapse and the population from starvation. Happily, the measures required to achieve these ends would create the framework for the socialist economy and society of the future.[106]

Unfortunately, political reality in Russia in the spring of 1918 bore little relation to the vision of Soviet power held by the Left Communists, as they themselves were all too aware. The trend towards the centralisation of power, which stifled local initiative and any effective workers' participation in administration, and accelerated the drift back to bureaucratisation, was abundantly clear to them (pp. 219-220). Vladimir Sorin presented the most comprehensive Left Communist analysis of the roots of this degeneration within the new Soviet republic. Many who had entered the new state administration, he contended, necessarily had to be drawn from the ranks of the old bourgeois intelligentsia, given the paucity of experienced administrators among the Bolsheviks themselves. Still imbued with the habits of the past, they had agreed to serve in the new state solely from motives of personal gain. They were driven by the desire to preserve their positions and the privileges which they had brought. The politics of socialism, which meant that they should have been responsible to the Soviets and other revolutionary institutions of the workers, was complete anathema to them. Hence, they sought every opportunity to escape any accountability to them and to return to their old authoritarian and bureaucratic ways. Sadly, moreover, the experienced party workers who had been recruited to the new state apparatus had been unable to counter these forces of reaction entrenched within it. Worn out by the travails of revolutionary life, all they now sought was peace and quiet. Lenin's policy of 'organic construction', despite, or rather because of, its compromises, promised to ensure that this was possible. Misguidedly, they believed that the heroic period of the revolution was over and that they could now relax and enjoy the fruits of their labours (pp. 193-197).

The solution to this problem proposed by Sorin, and others on the Left, was two-fold. First, the Soviets themselves were to be reinvigorated, on the assumption that they, more than the officials within them, were the repositories of revolutionary vigour. Their authority over their bureaucracies was to be strengthened, to ensure that the latter served the revolution, not their own selfish interests. Second, and more crucially, the party itself was seen as the only true representative of the interests of the proletariat, and of socialism. This was so because it was assumed to be less pervious to corruption and demoralisation than the Soviets, which represented not just the proletariat but also the petty-bourgeois peasantry. Accordingly, the party was to be elevated above the Soviets, to make sure that they pursued 'an undeviating proletarian line' (p. 196)—somehow defined. Not only was such a stance quintessentially Leninist, but it was also internally contra-

dictory: the call for revived Soviet democracy was becoming vitiated by the dominant role assigned, in the final analysis, to the party.

Sorin's optimistic assessment of the condition of the party in the spring of 1918, however, and hence of its ability to safeguard the integrity of the revolution, did not go unchallenged. Some of his comrades on the Left, including Bukharin,[107] Osinskii, and Radek, were concerned that the party itself had degenerated. No longer was it purely a party of the proletariat. Rather it had become a 'national party', permeated with non-proletarian elements—especially peasants—deemed hostile to the Left's vision of socialism. The only solution in this case, if 'undeviating' socialist policies were to be put into practice, was to purge the party of all these elements. The problem remained of defining them, and obversely, of defining 'true' proletarians. In the final analysis, the only criterion that the Left Communists seemed able to offer was to define proletarian in terms of adherence to their own prescriptions, and non-proletarians by non-adherence (pp. 6, 14-15). Consequently, virtually all who opposed them could be accused either of being non-proletarian, or at least as suffering from 'false consciousness'—and, in the interests of building socialism, should be purged from all positions of responsibility. The contradiction is now complete: their defence of proletarian democracy, in all probability a genuinely held belief, required that the workers act as they, the Left Communists, thought they ought.

Conclusions

The analysis of events within Russia in the first months of 1918 developed by the Left Communists in *Kommunist* was in many respects thorough and perceptive. Their prescriptions, however, for resolving the problems that they perceived remained flawed. It was not that they 'shrank from producing any concrete programme'; nor that their own alternative programme was 'disappointingly sketchy', as has been remarked of their proposals for workers' self-management; nor even that it was internally contradictory in places.[108] Sketchy and contradictory it may well have been, but even more it was ill-adapted to the social and political realities of Russia in 1918.

Let us begin with agriculture. Many of their criticisms of the government's agrarian policy were well-founded. Lenin himself appeared to concede as much when he declared at the Fifth All-Russian Congress of Soviets in July that 'we may have made a mistake in embodying your [SR] socialisation of the land in our law'.[109] Economically, by destroying the large estates, land division reduced the marketable surplus of grain that hitherto had gone to feed the towns and so exacerbated the already serious food crisis in urban Russia. In the longer term, it also reduced what Kritsman called 'the agrarian base

of industry and the towns' since peasant farming produced much less of a surplus that could be tapped for the development of Russian industry than had large-scale agriculture. Moreover, it had strengthened that stratum of peasant small-holders who remained largely unsympathetic to the socialist transformation of Russia envisaged by the Bolsheviks.[110]

Yet the Left's own proposals appear to have been unworkable in the Russia of 1918. Even disregarding the question whether Russia possessed the technological basis that their agrarian strategy demanded, there remains the intractable problem of peasant attitudes. Whatever the revolutionary government—any government--might have desired, the overwhelming majority of the peasants wanted their long-sought *chernyi peredel*—equal division of all the land—as Lenin had come to realise during the summer of 1917. The vast bulk of the peasantry was simply antipathetic to the vision of socialist agriculture promulgated by the Left Communists. As one of their opponents acidly remarked, 'the subjective conditions for the socialist reorganisation of agriculture ... have not yet appeared'.[111] Short of arresting millions of peasants who did not realise where their true interests lay, as Bukharin allegedly professed on the morrow of October,[112] the Bolsheviks had little choice but to bow to the reality of the Russian countryside—at least, until Stalin later brutally coerced the peasantry into accepting a policy uncannily similar to that espoused by the Left Communists in 1918.

Their critique of Lenin's plans for the organisation of industry was equally well-grounded, even 'brilliant'.[113] In contrast to Lenin, they saw that the participation of the workers in economic decision-making, from the shop floor upwards, was vital if any genuinely democratic socialist reconstruction of the economy and polity was to be realised. Moreover, their own prognosis of what would transpire if some form of workers' management was not instituted was remarkably prescient. Preobrazhenskii prophetically warned:

> The party apparently will soon have to decide the question as to what degree the dictatorship of individuals will be extended from the railroads and other branches of the economy to the Russian Communist Party. [p. 212]

But were their own plans for democratisation of industry realistic? Of course, they repeatedly claimed that experience had shown that the Russian workers possessed the consciousness and acumen required to restore discipline and efficiently run operations once they had taken over the management of their enterprises. Osinskii pointed to the beneficial effects of workers' management in the mines of the Donets basin; Lomov to numerous factories in the Moscow Industrial Region; and Savel'ev to the Urals. Any decline in production that had occurred was caused by insufficient materials, lack of money to pay the

workers, and lack of provisions to feed them, or by blatant sabotage by the old bourgeoisie and their *spetsy*.[114] The usual dismissal of this defence of workers' management as simply utopian, a dismissal which rests on the all too familiar picture of the Russian proletariat as prone to anarchism and incapable of restoring discipline of its own accord, deserves some modification. Recently, several studies have indicated a greater awareness among some Russian workers, at least of the need for discipline if their enterprises were to be able to continue operating. Moreover, in many instances they sought the active intervention of the government to assist them in organising production efficiently. No doubt the Left Communists exaggerated the success of workers' management in overcoming industrial chaos. But it is not easy to assess whether the workers' lack of success was the result of the inabilities or foibles of the workers themselves or of circumstances largely beyond their control, such as lack of materials and food.[115]

At the same time it would be unrealistic to deny that there were instances when workers' management proved to be disruptive. L.B. Krasin painted a grim picture of demoralisation and decay where the workers had attempted to take over production.[116] An even more damning condemnation came from A.G. Shliapnikov who rather ironically was to become the champion of workers' management in the years after 1918. He attributed most of the disruption afflicting Russian industry to the chaos that ensued wherever the workers took over their enterprises. Too many workers were prone to anarcho-syndicalism which thwarted any planned organisation of production. One-man management, strict discipline over labour, material incentives—these were the methods he then favoured to promote economic recovery.[117] Whatever the truth of the matter, attribution of the growing collapse of industry to the impact of workers' control in all probability struck a more responsive chord within Bolshevik ranks than did the Left Communists' defence of the efficacy of workers' management. In these circumstances it is far from surprising that Lenin's arguments in favour of a return to older, tried and tested methods of administration won over the day.

At this point discussions on this question usually end, with the conclusion that perceptions of social reality held by the majority of leading Bolsheviks dictated the rejection of the Left Communists' model for the organisation of industry. In addition, we often are left with the impression that the latter were committed advocates of a democratic socialist economic structure, in contrast to Lenin who failed to grasp the crucial role of workers' self-management in such a system. As one commentator recently has contended, '[t]he Left Communists ... developed the critical conceptions of Marxism itself on the issues of labour organisation and economic democracy'.[118]

Yet a more careful analysis of the Left Communists' model reveals that whatever their developments of Marxism may have been, they did

not provide a blueprint for a viable economic democracy. The fundamental reason for this failure was rooted in their preconceptions of the economic essence of socialism. In common with the overwhelming majority of Marxists of their time, they believed that the transition to socialism must lead to the abolition of money, price, and commodity production, in brief, all the characteristics of the market system that they detested and equated with capitalism. Osinskii typified their thinking: '[t]he market is the seedbed of contagion from which the embryos of capitalism continually issue forth'.[119] Under socialism, production and distribution would no longer be regulated by shifts in supply and demand, manifest in changing market prices, but by the plan. The plan, however, if it was to satisfy general social needs, had to be drawn up by a central authority which alone had the vision and information to determine what these general needs might be. This central authority then would issue instructions to all enterprises under its purview regarding the nature and quantity of their production; it would distribute supplies of materials and labour amongst them to ensure that the production plans could be met; and it would distribute the goods finally produced. In such a system of central planning there would not, and *could not* be any scope for meaningful workers' democracy, in the precise sense of real shop floor power over the production process. Even if the workers did possess the levels of consciousness that would lead them to sacrifice their own particular interests for the sake of those of society at large, they simply would not possess the information necessary to make decisions that would achieve their objective. In a large and complex industrial economy, which the Left Communists believed socialism required, production in all its component parts could be regulated through the market. If the market was abolished, then the emergence in its place of a centralised bureaucracy would become 'a *functional necessity*'. In that case '[b]elow the centre there are bound to be severe limits on the power of *local* or regional authorities, in order to ensure the priority of the general over the particular'. The Left Communists, as we have seen, were forced, grudgingly, to concede that this had to be the case. In all probability, therefore, democratic socialism would not have been the outcome of their industrial programme since arguably 'the functional logic of centralised planning "fits" far too easily into the practice of centralised despotism'.[120]

A similar critique can be made of their vision of politics in the revolutionary state. Even if Russia had been an advanced capitalist country, with a large, educated, cultured working-class, it is highly unlikely that the workers even then would have acted to implement 'the undeviating proletarian line' so zealously advocated by the Left Communists. The historical record indicates that nowhere has a unified, homogeneous proletarian class appeared, conscious of its mission to bring about socialist revolution and so liberate all humanity

from its chains. The proletariat, as a 'real, empirically observable ... historical' phenomenon, rather than an 'analytical category',[121] has remained divided into divergent strata, most of which have lacked the revolutionary class consciousness imputed to them by Marxist tradition. At best, this class consciousness has been the property of a particular group within the proletariat as a whole, which can only realise the libertarian vision of socialism depicted in Marxism by imposing its will on its more 'backward' comrades—and forcing them to be free![122] The Left Communists themselves had no solution to this paradox, or at least no democratic solution. Implicit in their critique of the political degeneration evident within the infant Soviet Republic was the suggestion that only 'true' proletarians could be entrusted with power. Within two years this implicit suggestion became explicit in Bukharin's seminal work, *The Economics of the Transition Period.* Recognising that the working-class was not united in practice, he accepted that its less advanced elements would have to be subject to coercion, by the state, until such time as it was re-educated to the level of the Communist vanguard.[123]

In light of the preceding remarks, some re-appraisal of the Left Communists appears to be overdue. They have long been depicted as the champions of socialist democracy, of the workers opposed to the reimposition of an alien authority over them in the state, economy, and society. Yet when one analyses their views critically, surprising conclusions emerge. At best, their libertarian rhetoric remained 'utopian ... historically irrelevant', while, at worst, beneath its radical democratic facade, 'the authoritarian nature of their politics has tended to remain hidden'.[124]

NOTES TO INTRODUCTION

1. The Left Communists had produced a daily newspaper of the same name. Edited by N.I. Bukharin, K. Radek, and M.S. Uritskii, it was issued in the name of the Petrograd (City) Committee (PK) and the Petersburg District (*Okrug*) Committee (POK). Its main purpose was to mobilise popular support against acceptance of peace on German terms. It appeared between March 5 and March 19. Then, on March 20, the Left Communists were defeated at the Fifth City Conference of the party and lost control of the PK. Thereafter this *Kommunist* quite naturally ceased publication. See L. Schapiro, *The Origins of the Communist Autocracy* (London, 1955), pp. 134-135. Moreover, the *Kommunist* in question here was succeeded by a journal of the same name. Edited by A.S. Bubnov, V.P. Zatonskii, and G.(Iu.)L. Piatakov, it was issued under the auspices of the Organisational Bureau of the recently formed Communist Party (Bolshevik) of the Ukraine. Two numbers appeared, 1-2 on June 15 and 3-4 on July 1. During the summer the Left Communists lost control of the Ukrainian party, largely in response to the abysmal failure in August of the insurrection that they had encouraged. Consequently, no further issues of this journal appeared.

2. Ibid., p. 135; V. Sorin, *Partiia i oppozitsiia. Iz istorii oppozitsionnykh techenii, 1. Fraktsiia levykh kommunistov* (Moscow, 1925), pp. 23, 89.

3. The account presented here is taken from my own detailed analysis of the breadth of the movement, the first of its kind in the West: R.I. Kowalski, 'The Left Communist Movement of 1918: A preliminary analysis of its regional strength', *Sbornik*, No. 12, 1986, pp. 27-63.

4. S. Malle, *The Economic Organisation of War Communism* (Cambridge, 1985), p. 347.

5. *Sed'moi ekstrennyi s'ezd R.K.P.(b.), mart 1918 goda: stenografi-*

cheskii otchet (Moscow, 1962), p. 13; V.I. Lenin, *Collected Works, 27* (Moscow, 1965), p. 19 (hereafter *CW*).

6. *Sed'moi s'ezd*, pp. 38-39.

7. B. Farnsworth, *Alexandra Kollontai, Socialism, Feminism and the Bolshevik Revolution* (Stanford, 1980), p. 106.

8. W.H. Chamberlin, *The Russian Revolution*, 1 (New York, 1965), pp. 389, 397, 411-412; L. Schapiro, *The Communist Party of the Soviet Union* (London, 1970), pp. 187-188.

9. S.F. Cohen, *Bukharin and the Bolshevik Revolution* (Oxford, 1980), p. 64.

10. Ibid., p. 65; *Sed'moi s'ezd*, pp. 25, 38-39.

11. Schapiro, *Origins*, pp. 108, 132.

12. N.I. Bukharin, *Imperialism and World Economy* (London, 1972), *passim*. The precise references are from pp. 36, 38-39, 107, 135-136, 138-139; secondary works include B. Warren, *Imperialism: Pioneer of Capitalism* (London, 1980), p. 84; M. Haynes, *Nikolai Bukharin and the Transition from Capitalism to Socialism* (Beckenham, 1985), p. 53; and C.A. Barone, *Marxist Thought on Imperialism* (London, 1985), p. 44.

13. O. Gankin, H.H. Fisher, *The Bolsheviks and the World War: The Origin of the Third International* (Stanford, 1940), p. 188.

14. N.I. Bukharin, *Selected Writings on the State and the Transition to Socialism* (Nottingham, 1982), p. 27.

15. Cited in V.I. Lenin, *CW*, 23 (Moscow, 1964), p. 58; see too Piatakov's argument, *Sed'maia (Aprel'skaia) vserossiiskaia konferentsiia R.S.D.R.P.(b.), aprel' 1917 goda: stenograficheskii otchet* (Moscow, 1962), pp. 212-216.

16. Gankin, *The Bolsheviks*, pp. 508-509.

17. *Sotsial-Demokrat*, 18.4/1.5.1917 (hereafter *SD*); and N. Osinskii, 'Shest' mesiatsev revoliutsii, *Spartak*, No. 6, (1917), p. 7.

18. *SD*, 18.4/1.5.1917.

19. *Materialy po peresmotru partiinoi programmy* (Petrograd, 1917), p. 9; see too N.I. Bukharin, 'K peresmotru partiinoi programmy', *Spartak*, No. 4 (1917), p. 6.

20. K. I. Varlamov, N.A. Slamikhin, *Razoblachenie V.I. Leninym teorii i praktiki 'levykh kommunistov'* (Moscow, 1964), p. 35.

21. N. Harding, *Lenin's Political Thought, 2, Theory and Practice in the Socialist Revolution* (London, 1981), pp. 147, 160-163.

22. V.I. Lenin, *CW*, 21 (Moscow, 1964), pp. 21, 126, 345, 379, 402-403, 418-419; *CW*, 36 (Moscow, 1971), pp. 299, 302.

23. Lenin, *CW*, 23, pp. 371-372; *CW*, 24 (Moscow, 1964), pp. 238, 305; *CW*, 35 (Moscow, 1966), p. 289.

24. V.I. Lenin, *CW*, 25 (Moscow, 1964), p. 384.

25. S.V. Tiutiukin, *Voina, mir, revoliutsiia. Ideinaia bor'ba v rabochem dvizhenii Rossii 1914-1917gg.* (Moscow, 1972), p. 172.

26. V.I. Lenin, *CW*, 22 (Moscow, 1964), p. 245.

27. Lenin, *CW*, 23, p. 79.

28. Lenin, *CW*, 21, p. 342, also p. 408; *CW*, 22, p. 144; *CW*, 23, p. 60.

29. V.I. Lenin, *CW*, 26 (Moscow, 1964), pp. 471, 482.

30. Ibid., p. 493; for earlier doubts, pp. 291-292, 386, 443.

31. Lenin, *CW*, 27, pp. 369, 372-373, 377.

32. R.B. Day, 'The New Leviathan, Bukharin's Contribution to the Theory of the State and the Transition to Socialism', Bukharin, *Selected Writings*, p. xxxix.

33. J.L.H. Keep, *The Debate on Soviet Power*, (Oxford, 1979), p. 10.

34. Lenin, *CW*, 26, p. 493; *CW*, 27, p. 65.

35. Ibid., p.64.

36. Ibid., pp. 25, 62, 89-92, 231.

37. Lenin, *CW*, 26, pp. 443, 448-449; *CW*, 27, pp. 160-161.

38. Ibid., pp. 76-77, 102, 210-217, 335, 351, 529.

39. Ibid., p. 367.

40. Ibid., pp. 92-93.

41. Lenin, *CW*, 26, pp. 269, 447-448, 523; *CW*, 27, pp. 44, 59, 105, 178.

42. Radek's phrase, *Pravda*, 7.2/25.1.1918; also *Pravda*, 24/11.1.1918, 5.2/23.1.1918.

43. Radek and Stukov in *Pravda*, 16/3.2.1918, 19/6.2.1918.

44. *The Bolsheviks and the October Revolution. Minutes of the Central Committee* (London, 1974), pp. 175-176.

45. *Sed'moi s'ezd*, p. 50.

46. *Pravda*, 16/3.1.1918.

47. *Sed'moi s'ezd*, p. 27.

48. Bukharin's argument, *Kommunist* (Petrograd), 5.3.1918.

49. Smirnov and Pokrovskii in ibid.; Osinskii in ibid., 14.3.1918; Bronskii in *Pravda*, 2.3/17.2.1918.

50. R.V. Daniels, *The Conscience of the Revolution* (Cambridge, Mass., 1960), p. 81.

51. Bukharin in *SD*, 27.10/9.11.1917.

52. Ibid., 20.4/3.5.1917.

53. I.I. Skvortsov-Stepanov, *Ot rabochego kontrolia k rabochemu upravleniiu* (Moscow, 1918), pp. 107-108.

54. N.I. Bukharin, 'Rossiiskaia revoliutsiia i ee sud'ba', *Spartak*, No. 1 (1917), p. 9; see too V. Sm[irnov], 'O vserossiiskoi konferentsii', ibid., p. 32.

55. The conclusion is that of V. Meshcheriakov, *Pravda*, 6.2/24.1.1918.

56. M. D-skii's summary, *Izvestiia*, 20.2.1918.

57. Ibid., 9.2.1918.

58. Ibid.

59. Ibid.

60. *SD*, 27.1/9.2.1918; *Ot rabochego kontrolia*, pp. 80-82, 87-88.

61. *Shestoi s'ezd R.S.D.R.P.(b.), avgust 1917 goda: stenograficheskii otchet* (Moscow, 1958), p. 138.

62. Preobrazhenskii argued so in *Pravda*, 26/13.1.1918; Stepanov, *Ot rabochego kontrolia*, pp. 100-101.

63. *Izvestiia*, 20.2.1918.

64. Ibid., 9.2.1918; also Klementii's summary of the Left Communists' programme, ibid., 14.2.1918.

65. *Trudy 1 vserossiiskago s'ezda Sovetov Narodnago Khoziaistva, 25 maia-4 iiunia 1918g.* (Moscow, 1918), p. 343 (hereafter *Trudy SNKh*).

66. N. Osinskii, *Stroitel'stva sotsializma* (Moscow, 1918), p. 34.

67. Lenin, *CW*, 24, p. 365, also p. 173.

68. Cohen, *Bukharin*, pp. 53-54.

69. N.I. Bukharin, 'Gosudarstvennyi kapitalizm i sotsialisticheskaia revoliutsiia', *Spartak*, No. 2 (1917), p. 8.

70. Bukharin, 'Rossiiskaia revoliutsiia', p. 11; V. Sm[irnov], 'Regulirovanie proizvodstva i kontr-revoliutsiia', *Spartak*, No. 5 (1917), p. 17; G. Safarov, 'Dve diktatury', *Spartak*, No. 10 (1917), pp. 9-10.

71. N.I. Bukharin, 'Ekonomicheskii razval i voina', *Spartak*, No. 3 (1917), pp. 5-6; V. Sm[irnov], 'Regulirovanie proisvodstv', *Spartak*, No. 4, p. 11.

72. N. Osinskii, 'Iz itogov s'ezda', *Spartak*, No. 5, p. 4; and his speech *Shestoi s'ezd*, pp. 157-158.

73. *SD*, 17/30.10.1917; also Bukharin, 'Ekonomicheskii razval', pp. 5-6.

74. *SD*, 15/28.12.1917.

75. Lenin, *CW*, 25, pp. 20-21, 44; *CW*, 26, p. 170.

76. Ibid., pp. 365, 468, 500.

77. Lenin, *CW*, 25, pp. 324, 329-331, 360-361; *CW*, 26, pp. 106-107.

78. Ibid., pp. 109-111; *CW*, 27, p. 297.

79. Lenin, *CW*, 26, p. 113, emphasis added.

80. Ibid., p. 116.

81. *Kommunist* (Petrograd), 12.3.1918, where Osinskii argued vehemently in this vein.

82. *Leninskii sbornik*, XI (Moscow, Leningrad, 1929), p. 70; *CW*, 27, p. 210.

83. Ibid., pp. 211-212, 214, 248; V.V. Anikeev, *Deiatel'nost' Ts.K. R.S.D.R.P.(b.) v 1917-1918 godakh* (Moscow, 1974), p. 244.

84. Lenin, *CW*, 27, pp. 294-295.

85. Ibid., pp. 258, 295, 299-300.

86. Ibid., p. 339.

87. Osinskii, *Stroitel'stvo*, p. 32.

88. Ibid.

89. L. Kritsman, *Geroicheskii period russkoi revoliutsii* (Moscow, n.d.), pp. 86-87.

90. Bukharin, 'Gosudarstvennyi kapitalizm', p. 9.

91. *Trudy SNKh*, p. 64.

92. Ibid., p. 65.

93. F.I. Kaplan, *Bolshevik Ideology and the Ethics of Soviet Labour, 1917-1920; The Formative Years* (New York, 1968), p. 127; S.A. Smith, *Red Petrograd, Revolution in the Factories, 1917-1918* (Cambridge, 1983), pp. 235-236, has posited that Anarchist influence was much more limited among the Russian workers than previous studies would suggest.

94. Osinskii, *Stroitel'stvo*, pp. 73-77; *Trudy SNKh*, pp. 65-68.

95. Osinskii, *Stroitel'stvo*, pp. 74, 81.

96. A. Nove, *The Economics of Feasible Socialism* (London, 1983), pp. 18, 30, 35.

97. *SD*, 6/19.1.1918.

98. Osinskii, *Stroitel'stvo*, pp. 72-74.

99. *Trudy SNKh*, p. 360.

100. R. Selucky, *Marxism, Socialism, Freedom* (London, 1979), p. 45; Nove, *Economics*, p. 52.

101. *Trudy SNKh*, pp. 18-21, 23-24, 57-60.

102. E.H. Carr, *The Bolshevik Revolution*, 2 (Harmondsworth, 1969), p. 149.

103. N.I. Bukharin, *The Politics and Economics of the Transformation Period* (London, 1979), pp. 129, 228.

104. Bukharin, 'Rossiiskaia revoliutsiia', p. 11; 'K peresmotru', p. 7.

105. Bukharin, 'Ekonomicheskii razval', p. 5.

106. Bukharin, 'Gosudarstvennyi kapitalism', p. 8.

107. *Sed'moi s'ezd*, pp. 25, 35-38.

108. Carr, *Revolution*, 2, p. 95; Smith, *Petrograd*, p. 229.

109. Lenin, *CW*, 27, p. 526.

110. Kritsman, *Geroicheskii Period*, p. 45; J.L.H. Keep, *The Russian Revolution: A Study in Mass Mobilisation* (London, 1976), pp. 417-418.

111. Klementii, in *Izvestiia*, 12.2.1918; also Meshcheriakov, in *Pravda*, 9.2/27.1.1918.

112. D. Koenker, *Moscow Workers and the 1917 Revolution* (Princeton, 1981), p. 345.

113. Smith, *Petrograd*, p. 229.

114. N. Osinskii, 'Polozhenie Donetskoi kamennougol'noi promyshlennosti i nashi zadachi', *Biulleteni Vysshago Soveta Narodnago Khoziaistva*, No. 5 (1918), pp. 17-18; A. Lomov, 'Ch'e bankrotstvo? (K voprosu o padenii proizvoditel'nosti truda', *Narodnoe Khoziaistvo*, No. 5 (1918), pp. 17-18; speeches of Osinskii and Savel'ev, *Trudy SNKh*, pp. 66, 80.

115. Smith, *Petrograd*, pp. 236-239, 248-251, 260; C. Sirianni, *Workers' Control and Socialist Democracy. The Soviet Experience* (London, 1982), pp. 111-118.

116. L. Krassin, *Leonid Krassin, His Life and Work* (London, 1929), p. 86.

117. 'Conditions of the Railways under Workers' Control', in J. Bunyan, H.H. Fisher, *The Bolshevik Revolution, 1917-1918: Documents and Materials* (Stanford, 1966), pp 664-665; 'Conditions on the Railroads', in J. Bunyan, *Intervention, Civil War and Communism in Russia, April-December, 1918: Documents and Materials* (New York, 1976), p. 384.

118. Sirianni, *Workers' Control*, pp. 331-332; for this interpretation of Lenin's thinking, Smith, *Petrograd*, p. 228.

119. Osinskii, *Stroitel'stvo*, p. 46; also Kritsman, *Geroicheskii Period*, p. 59; Nove, *Economics*, pp. 11-12; Malle, *War Communism*, pp. 22-23, 30.

120. Nove, *Economics*, pp. ix, 18, 30, 34, 37, 44, 50, 59; Selucky, *Marxism*, pp. 85-87.

121. E.P. Thompson, 'Eighteenth-Century English Society: Class Struggle without Class?', *Social History*, No. 2 (1978), p. 147.

122. M. Vajda, *The State and Socialism* (London, 1981), pp. 17-18, 23, 26-27, 30.

123. Malle, *War Communism*, pp. 5-6.

124. E. Haberkern, 'Machajski: A Rightfully Forgotten Prophet', *Telos*, No. 71 (1987), p. 111; also A.J. Polan, *Lenin and the End of Politics* (London, 1984), p. 140.

РОССІЙСКАЯ КОММУНИСТИЧЕСКАЯ ПАРТІЯ (большевиковъ).

Пролетаріи всѣхъ странъ, соединяйтесь!

КОММУНИСТЪ

ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫЙ ЖУРНАЛЪ ЭКОНОМИКИ, ПОЛИТИКИ И ОБЩЕСТВЕННОСТИ.

Органъ Московскаго Областного Бюро Р. К. П. (большевиковъ).

№ 1. Адресъ редакціи и конторы: Москва, гост. Дрезденъ, № 255. Цѣна 65 к.

Секретарь редакціи принимаетъ: воскресенье отъ 11 до 1, вторникъ, среда и суббота отъ 6 до 8 въ гост. Дрезденъ, въ ком. М. Об. Б. Р. К. П. 20 Апрѣля 1918 г.

УСЛОВІЕ ПОДПИСКИ: 1 мѣсяцъ — 3 р.

Въ журналѣ принимаютъ участіе: Р. Абрамовичъ, Аркадій, Антоновъ (Лукинъ), Бскій, Бубновъ, Бобинскій, Бухаринъ, Бронскій, Васильевъ (Саратовъ), А. Выборгская, Долецкій, Б. Зудъ, Кузьминъ, С. Кассіоръ, Куйбышевъ, Ю. Ленскій, Н. Лукина, Ломовъ, Максимовскій, Оболенскій, М. Покровскій, Преображенскій, Пятаковъ, Радекъ, Равичъ, Савельевъ, В. Смирновъ, Спунде, Сафаровъ, Урицкій, Ушмахтъ, Феннгштейнъ, Штернбергъ, Яковлева, Ярославскій.

СОДЕРЖАНІЕ: Послѣ пяти мѣсяцевъ Н. Радекъ. — Тезисы о текущемъ моментѣ.—Международное положеніе Viator.—О строительствѣ соціализма Н. Осинскій.—Политическое обозрѣніе.—Герои соціалъ-предательства Н. Б.—Экономическія замѣтки. А. Л.—Библіографія. Ильинъ: Государство и революція. Трутовскій: Переходной періодъ.

Послѣ пяти мѣсяцевъ.

Пять мѣсяцевъ существованія рабоче-крестьянскаго правительства рѣшили окончательно вопросъ о характерѣ октябрьской революціи. Если еще въ половинѣ декабря Мартыновъ, отецъ меньшевистской философіи русской революціи, могъ въ новомъ изданіи своей брошюры «О двухъ диктатурахъ», не боясь быть смѣшнымъ, дѣлать революціи упреки, что она пришла ночью, когда рабочіе спали, что она вырвала власть изъ рукъ буржуазіи передъ съѣздомъ совѣтовъ, не ожидая ихъ формальнаго рѣшенія, то теперь всякій видитъ, что за совѣтской властью стоитъ громадное большинство рабочихъ и крестьянъ, всякій понимаетъ, что въ октябрѣ мѣсяцѣ совершилась **революція народныхъ низовъ.** (1)

Вопросъ, который въ продолженіе многихъ лѣтъ волновалъ резонеровъ и талмудистовъ меньшевизма—надо ли брать власть или нѣтъ—этотъ вопросъ окончательно рѣшенъ ходомъ событій. Позорное паденіе правительства Керенскаго, въ защиту котораго не всталъ ни одинъ сколько бы то ни

было значительный слой населенія, ни одна политическая группа, доказало, что правительство буржуазіи и ея мелкобуржуазныхъ прислужниковъ потеряло во время революціонной бури всякіе корни въ народныхъ массахъ. Октябрьская революція столкнула въ пропасть то, что уже прогнило, что представляло собой лишь прахъ исторіи.

Не было буржуазной власти, не было и мелкобуржуазной власти. Если бы власть не взялъ въ свои руки пролетаріатъ и идущія за нимъ массы крестьянской бѣдноты, Россія очутилась бы въ состояніи первобытнаго хаоса, изъ котораго только послѣ долгаго періода борьбы всѣхъ противъ всѣхъ выкристаллизовалась бы власть тѣхъ классовъ, которые вышли бы изъ этого хаоса побѣдителями. Этими классами могли быть только рабочіе и крестьяне, во-первыхъ, потому, что народнымъ массамъ, скинувшимъ Керенскаго, опротивѣло хозяйничаніе буржуазіи, во-вторыхъ, потому, что эти массы, имѣя оружіе въ рукахъ, представляли единственную фактическую силу въ странѣ. Но, если четыре мѣсяца подрядъ неудачники революціи, меньшевики и правые эсеры, вопили совмѣстно съ буржуазіей, что рожденная въ октябрѣ власть—это диктатура штыковъ, то положеніе этой власти послѣ демобилизаціи арміи, когда число этихъ штыковъ уменьшилось, доказало, что дѣло не въ штыкахъ, что власть эта сильна какъ разъ поддержкой громаднаго большинства народа.

Четыре мѣсяца власть эта вела жестокую гражданскую войну, она покоряла на улицахъ Петрограда, Москвы и по всей Россіи съ оружіемъ въ рукахъ буржуазныхъ сынковъ, ставшихъ на защиту буржуазіи, она покоряла генералитетъ, который, опираясь на привилегированные слои зажиточнаго казачества, старался создать въ противовѣсъ ей организованную военную силу, она покоряла украинскую мелкую буржуазію, старавшуюся спасти керенщину на югѣ Россіи. Четыре мѣсяца она разру-
(1) шала старый царскій аппаратъ, который Керенскій оставилъ нетронутымъ. Четыре мѣсяца она вырывала соціальные корни царизма, помѣщичье хозяйство, безъ уничтоженія котораго осталась бы нетронутой общественная база царизма. Если безпомощный резонеръ Мартыновъ говоритъ въ цитированной выше брошюрѣ о первыхъ двухъ мѣсяцахъ революціи, какъ о мѣсяцахъ плодотворныхъ, то этому противорѣчатъ факты. Періодъ завер-

шенія буржуазной революціи начался лишь послѣ октября, именно благодаря диктатурѣ рабочаго класса и крестьянской бѣдноты, именно благодаря октябрьской революціи, которую меньшевики, защитники буржуазно-демократическаго характера революціи, называютъ безсмысленной авантюрой. Если бы октябрьская революція сдѣлала только это, то и тогда она была бы оправдана передъ лицомъ исторіи: она была бы доказательствомъ того, что только диктатура антикапиталистическихъ классовъ въ состояніи была осуществить предпосылки господства буржуазной демократіи— ликвидировать царизмъ и остатки феодализма.

Но октябрьская революція должна была итти дальше. Въ странѣ высоко развитого капитализма, въ странѣ, гдѣ важнѣйшей силой контръ-революціи является именно капиталистическая буржуазія, революціонный классъ, взявшій власть, долженъ былъ изъ рукъ врага вырвать главное его орудіе борьбы. Орудіемъ контръ-революціи была капиталистическая собственность на средства производства, были банки, руководящіе производствомъ. Пролетаріатъ и крестьянская бѣднота не могли остановиться передъ этими святынями капитализма. Когда готы, побѣдивъ римскую имперію, ввели лошадей своихъ въ храмы, въ храмы Юпитера и Венеры, когда генералы Наполеона I ввели своихъ лошадей на гамбургской биржѣ, — это былъ простой произволъ. Современные варвары — а такими считаетъ буржуазія пролетаріевъ — должны были взять въ свои руки центральный механизмъ капитализма не только для того, чтобы не быть подвергнутымъ обстрѣлу изъ этихъ центровъ, но для того, чтобы начать планомѣрную борьбу съ экономической разрухой, оставшейся въ наслѣдство послѣ четырехлѣтней войны и хозяйственныхъ соглашателей. Меньшевики и правые эсеры указываютъ, совмѣстно съ апостолами либерализма, на общій развалъ хозяйства и спрашиваютъ: какъ же вы, несчастные, хотите осуществлять соціализмъ на развалинахъ? Они не понимаютъ, что именно потому, что русское хозяйство представляетъ теперь развалины, только система планомѣрнаго присособленія этого хозяйства къ нуждамъ общества, только возстановленіе этого хозяйства, считающееся съ интересами народныхъ массъ, т. е. только соціализмъ, можетъ возстановлять хозяйственную жизнь такимъ образомъ, чтобы рабочіе массы

крестьянская бѣднота не попали въ полную кабалу къ капиталистамъ. Да, на пути къ соціализму стоятъ громадныя препятствія: безграмотность массъ, отсутствіе у нихъ серьезной организаціонной подготовки. Но не пытаться преодолѣть эти препятствія, не пытаться строить соціализмъ,— это означало бы лишь «созерцать», сложа руки, закабаленіе народныхъ массъ капиталомъ. Приступая къ нашей соціалистической работѣ, мы знали великолѣпно, что и невозможно будетъ довести ее до конца по выработанному напередъ шаблону, слѣдуя кратчайшей дорогой прямо къ цѣли. «Только профанъ можетъ думать, что весь походъ ведется по предначертанному плану безъ отступленій и что этотъ первоначальный планъ можетъ быть выдержанъ до конца, во всѣхъ его подробностяхъ. Конечно, полководецъ никогда не упускаетъ изъ вида своей главной цѣли и не смущается неизбѣжными частными отклоненіями отъ нея, но онъ не можетъ заранѣе опредѣлить съ достовѣрностью тотъ путь, какимъ онъ надѣется достичь этой цѣли». Эти слова фельдмаршала Мольтке въ описаніи франко-прусской войны 1871 года, и главномъ нѣмецкимъ генеральнымъ штабомъ, выражаютъ точно мысль, которая не могла быть чуждой ни одному сознательному соучастнику октябрьскаго переворота. **Исторія рѣшила безповоротно вопросъ, сознательно рѣшавшійся многими русскими марксистами передъ революціей, можно ли осуществлять соціализмъ въ отсталой экономически Россіи.** Его нельзя не осуществлять, гласитъ отвѣтъ исторіи. Но на вопросъ, какъ его осуществить, какими путями—на этотъ вопросъ можетъ отвѣтить только дальнѣйшій опытъ исторіи, дальнѣйшая борьба классовъ не только въ Россіи, но и внѣ ея предѣловъ.

Первый періодъ побѣдоноснаго шествія октябрьской революціи кончился крупнымъ пораженіемъ на аренѣ международной борьбы. Нѣмецкій имперіализмъ не только оторвалъ отъ нея большія
(1) области, содержавшія крупные источники экономической и политической силы. Онъ угрожаетъ ей созданіемъ внутри совѣтской республики капиталистическихъ оазисовъ, на которыхъ будутъ спасаться силы русскаго капитала, чтобы подъ защитой чужестраннаго имперіализма разстраивать работу соціалистическаго строительства и водворять по всей Россіи капиталистическіе порядки. Уступая во имя передышки, ради выигрыша времени, которое несомнѣнно работаетъ на пользу всемірной

т. е. и на пользу русской революціи, притязанія чужестраннаго капитала, правительство русск революціи будетъ принуждено не только останавливать свою созидательную соціалистическую работу, оно будетъ принуждено разстраивать начатое дѣло. Этой опасности не можетъ замазать тотъ фактъ, что эта работа разрушенія прикрывается теоріей дѣловой революціи, теоріей новой ситуаціи, органическаго періода революціи, теоріей использованія побѣжденной буржуазіи, ея опыта для дѣла соціалистическаго строительства. Лишь въ абстрактной схемѣ Каутскаго, въ которой предпосылкой является одновременное осуществленіе соціализма во всѣхъ странахъ—такая схема теоретически не только допустима, но и необходима —съ точки зрѣнія чисто абстрактнаго изученія вопроса соціальной революціи—существуетъ глава: на другой день послѣ соціальной революціи. На практикѣ соціализмъ не можетъ быть осуществленъ одновременно во всѣхъ странахъ. Русская соціалистическая революція развивается подъ дуломъ револьверовъ двухъ имперіалистическихъ трестовъ. Пораженіе наше въ борьбѣ съ нѣмецкимъ имперіализмомъ даетъ не только ему возможность требовать возстановленія капиталистическихъ правъ для его гражданъ. Тѣхъ же уступокъ, которыя мы дѣлаемъ нѣмецкому капитализму, потребуетъ капитализмъ англо-французскій, американскій, а подъ ихъ защитой подниметъ голову русская капиталистическая контръ-революція. (1)

Понятно, что отъ требованій иностраннаго капитализма мы не можемъ избавиться заявленіемъ, что они мѣшаютъ нашему соціалистическому строительству. За этими требованіями стоитъ реальная сила, съ которой придется считаться, пока отъ ея давленія не избавитъ насъ пролетарская революція въ Европѣ. Вопросъ состоитъ только въ томъ, будемъ ли мы считаться съ этой силой для того, чтобы противопоставить ея притязаніямъ стремленіе къ созданію военной и экономической собственной силы, или мы будемъ ей просто подчиняться для выигрыша времени. Въ первомъ случаѣ, задача наша состоитъ въ томъ, чтобы довести до конца соціализацію главныхъ отраслей промышленности. Уничтожая частную собственность въ главныхъ отрасляхъ хозяйственной жизни Россіи, мы будемъ принуждены пока что для уплаты векселей брать займы у менѣе опасныхъ

противниковъ и обезпечивать ихъ товарами, въ худшемъ случаѣ продажей окраинныхъ территорій (напр., Камчатки). Во второмъ случаѣ, мы позволимъ заграничному капиталу внѣдриться въ хозяйственный организмъ Россіи въ его цѣломъ и, привлекая капиталистовъ, въ цѣляхъ успѣшной организаціи собственной промышленности, которая была бы въ состояніи конкурировать съ заграничнымъ капиталомъ, мы будемъ экономически вооружать и собственную буржуазію. Побѣда надъ буржуазной контръ-революціей— это не единый актъ, это процессъ, въ которомъ побѣжденный можетъ возстановлять свои силы.

Тѣ же самые два пути намѣчаются и во внѣшней политикѣ россійской революціи. Она или будетъ вести активную оборону и неустанно будетъ апеллировать къ своему единственному союзнику-европейскому пролетаріату, будетъ готова ежедневно выступить съ тѣми силами, которыя имѣются у нея налицо, если противникъ потребуетъ отъ нея сдачи ея главныхъ позицій, или она будетъ сдавать эти позиціи для сохраненія формальной власти, будетъ искать союзниковъ въ борьбѣ одного имперіализма противъ другого, и такимъ образомъ растрачиватьсвой международный капиталъ.

Это два пути, **это не только двѣ теоретически возможныя линіи въ политикѣ.** Эти два пути намѣчаются уже въ цѣломъ рядѣ практическихъ дѣйствій рабоче-крестьянскаго правительства. Оно не выбрало еще окончательно одного изъ нихъ, оно еще идетъ ощупью, но уже намѣчается уклонъ вправо, уклонъ въ направленіи компромисса съ собственнымъ и иностраннымъ капиталомъ. Этотъ уклонъ есть **не только результатъ сложности ситуаціи,** разногласій однородныхъ соціальныхъ элементовъ, различно подходящихъ къ тому же самому вопросу. Тѣмъ, какой изъ этихъ двухъ путей выберетъ совѣтское правительство, будетъ данъ отвѣтъ на **основной вопросъ о существѣ этого правительства.** Когда то мы спорили о томъ, чѣмъ будетъ революціонная власть: **диктатурою пролетаріата, который опирается на крестьянство,** ведетъ его съ собой на борьбу съ капиталомъ, или она будетъ **диктатурой пролетаріата и крестьянства,** двухъ различныхъ классовъ. Въ первомъ случаѣ, крестьянство пойдетъ за пролетаріатомъ только до извѣстнаго момента, и кто изъ нихъ возьметъ въ дальнѣйшемъ верхъ,—это будетъ зависѣть отъ международнаго положенія: побѣда пролетарской

революціи въ Европѣ можетъ позволить пролетарскому меньшинству въ Россіи поставить крестьянство на соціалистическія рельсы. Отсутствіе же этой революціи можетъ отбросить пролетаріатъ отъ власти. Если же совѣтская власть, стоя на точкѣ зрѣнія диктатуры пролетаріата и крестьянства, заранѣе учитываетъ численный и соціальный перевѣсъ крестьянства, то она пойдетъ на компромиссъ съ капиталомъ, пріемлемый съ точки зрѣнія крестьянства, но разрушающій соціалистическій характеръ революціи и поэтому непріемлемый для пролетаріата. Въ нѣдрахъ самого рабоче-крестьянскаго правительства идетъ сознательная или безсознательная борьба двухъ направленій. Ея исходъ рѣшится въ зависимости отъ международнаго положенія и **отъ вліянія пролетаріата на совѣтскую власть.** Указать пролетаріату на опасность, грозящую соціалистическому характеру революціи, организовать сознательное давленіе пролетаріата на совѣтскую власть, вести борьбу за перевѣсъ пролетаріата въ революціи—вотъ задача **пролетарскихъ коммунистовъ**, (1)
и за нее мы боремся.

Партія большевиковъ сдѣлалась во время революціи партіей общенародной, партіей всей бѣдноты. Въ этомъ ея сила, но въ этомъ и источникъ большихъ опасностей, которыя можно преодолѣть только въ томъ случаѣ, если пролетарскіе ея элементы не будутъ закрывать глазъ на опасность, не будутъ полагаться на то, что все обстоитъ благополучно, если они будутъ знать, что въ мелкобуржуазной странѣ, какою является Россія, возможно мелкобуржуазное перерожденіе власти, независимо отъ воли пролетарскихъ вождей. Русская революція требуетъ отъ пролетарскихъ элементовъ самокритики словомъ и дѣломъ.

Теперь, когда мы переживаемъ первый опытъ соціалистической революціи, эта самокритика нужна болѣе, чѣмъ когда-либо. Если бы русская революція подверглась разгрому со стороны буржуазной контръ-революціи, она возродилась бы какъ фениксъ, если же она потеряла бы свой соціалистическій характеръ и этимъ самымъ разочаровала **бы рабочія массы, то этотъ ударъ имѣлъ бы** въ десять разъ болѣе грозныя послѣдствія для будущаго русской и международной революціи.

Карлъ Радекъ.

Тезисы о текущемъ моментѣ.

Отъ редакціи. Всякому товарищу, внимательно слѣдящему за жизнью партіи, извѣстно, что еще въ началѣ января текущаго года въ партійныхъ рядахъ возникли серьезныя разногласія вокругъ вопроса о заключеніи мира съ Германіей.

Эти разногласія дважды обсуждались Центральнымъ Комитетомъ вмѣстѣ съ отвѣтственными партійными работниками: первый разъ 7 января и второй разъ 21 января 1918 г. На этихъ засѣданіяхъ намѣтилось два основныхъ теченія, изъ которыхъ одно, получившее названіе „праваго", высказывалось за скорѣйшее заключеніе мира на предложенныхъ тогда условіяхъ, не доводя дѣла до разрыва переговоровъ, и другое, получившее названіе „лѣваго"—за непринятіе этихъ условій и веденіе революціонной войны. Промежуточное теченіе высказалось за то, чтобы захватнаго мира не подписывать, но войны также не вести. (1)

Какъ извѣстно, побѣдило сперва это послѣднее, промежуточное теченіе. Послѣ начала германскаго наступленія, которое было отвѣтомъ на тактику прекращенія войны безъ подписанія мира, вопросъ былъ снова поставленъ на обсужденіе въ Центральномъ Комитетѣ и въ концѣ концовъ былъ рѣшенъ въ сторону необходимости подписанія мира. Въ результатѣ меньшинство, настаивавшее на принятіи боя съ германскимъ имперіализмомъ, вышло изъ состава Ц. К., и вслѣдъ за тѣмъ товарищи, примыкавшіе къ этому теченію, покинули отвѣтственныя мѣста въ органахъ совѣтской власти.

Окончательное разрѣшеніе этимъ разногласіямъ въ ихъ первоначальной формѣ дали партійный съѣздъ, собравшійся въ началѣ марта, и съѣздъ совѣтовъ, состоявшійся въ серединѣ марта. Партійный съѣздъ большинствомъ 28 противъ 12 при 4 воздержавшихся одобрилъ тактику большинства Центральнаго Комитета и призналъ необходимымъ утвержденіе мира. Съѣздъ совѣтовъ значительнымъ большинствомъ ратифицировалъ миръ. (2)

Группа лѣвыхъ большевиковъ, издававшая въ Петербургѣ газету „Коммунистъ", оказавшись въ меньшинствѣ на партійномъ съѣздѣ, не сочла, однако, себя вправѣ (3)

совершенно отказаться отъ выступленія на съѣздѣ совѣтовъ. Отъ лица 58 делегатовъ и 10 членовъ Ц. И. К. на съѣздѣ совѣтовъ была оглашена резолюція, въ которой лѣвые коммунисты заявляли, что они не могутъ голосовать за ратифицированіе мира, считая его губительнымъ для дѣла россійской революціи и международнаго пролетаріата, но въ то же время, подчиняясь партійной дисциплинѣ, не голосуютъ противъ, а воздерживаются отъ голосованія. (1)

Послѣ ратификаціи мира разногласія въ партіи, съ одной стороны, казалось, потеряли почву, потому что ратификація мира, тотъ единственный пунктъ, вокругъ котораго пока шли споры, стала совершившимся и непререкаемымъ фактомъ. Но, съ другой стороны, заключеніе мира создало почву для возникновенія новыхъ разногласій. Заключеніе мира не могло быть простымъ правовымъ актомъ, оно было событіемъ, измѣнившимъ въ корнѣ все политическое и экономическое положеніе. Въ спорахъ о заключеніи мира намѣчались уже двѣ различныя точки зрѣнія на задачи россійскаго пролетаріата, двѣ оцѣнки текущаго политическаго момента. Самое заключеніе мира поставило русскую революцію на распутьѣ двухъ дорогъ. Партійное большинство стало намѣчать одинъ путь политики, партійное меньшинство — лѣвое, пролетарско-коммунистическое крыло — намѣчаетъ другой.

Сейчасъ еще трудно сказать, какъ далеко разойдутся эти пути. Возможно, что разногласія будутъ изжиты въ порядкѣ товарищеской дискуссіи. Возможно также, что они углубятся еще болѣе. Во всякомъ случаѣ лѣвое крыло не считаетъ нужнымъ и полезнымъ ихъ скрывать. Съ этой цѣлью Московское Областное Бюро Р. К. П., стоящее на позиціи лѣваго крыла партіи, открыло страницы своего органа, выходящаго нынѣ въ свѣтъ, для обсужденія этихъ разногласій. Въ печатаемыхъ ниже тезисахъ *) выражены взгляды редакціи на текущій политическій моментъ и задачи россійскаго рабочаго класса.

1. Заключеніе аннексіонистскаго мира съ Германіей завершило предшествующій періодъ россійской революціи и открываетъ новую ея страницу. Оно было слѣдствіемъ открытаго столкновенія между германскимъ

*) Эти тезисы были прочитаны и обсуждены на совѣщаніи группы лѣвыхъ коммунистовъ и руководящихъ товарищей изъ партійнаго актива 4 апрѣля 1918 г.

имперіализмомъ и россійской рабоче-крестьянской революціей, которая противопоставила революціонныя международныя требованія захватнымъ стремленіямъ имперіалистовъ. Лишь только это противопоставленіе вызвало обостреніе классовой борьбы въ Австріи и Германіи, временно подавленное, какъ германскій имперіализмъ рѣшительно выступилъ противъ совѣтской республики. И германское наступленіе, и германскій ультиматумъ, и захватный миръ были формами и орудіями этого натиска.

2. Въ началѣ марта передъ пролетарско-крестьянской революціей сталъ выборъ: принять бой или уклониться отъ боя. Рѣшающее большинство организацій рабочихъ, солдатъ и крестьянъ избрало послѣдній путь. Это большинство составилось изъ представителей усталой и деклассированной солдатской массы, изъ представителей части рабочихъ сѣверной, промышленной полосы Россіи, гдѣ оторванность отъ южныхъ источниковъ сырья, угля и хлѣба, въ связи съ общей хозяйственной разрухой, создала голоданіе, усиленный распадъ промышленности, безработицу, перерывы въ правильной производительной работѣ, а слѣдовательно и тенденцію къ деклассированію пролетаріата (къ ослабленію его классоваго единства и сознательности) и во всякомъ случаѣ къ пониженію его классовой боеспособности; наконецъ, изъ представителей отощавшаго, благодаря войнѣ, неурожаю, продовольственнымъ затрудненіямъ и разстройству городской промышленности, крестьянства сѣверной и центральной промышленной области.—Рабочіе и крестьяне экономически болѣе жизненныхъ и лучше обезпеченныхъ хлѣбомъ областей юга, юго-востока и Урала были въ большинствѣ случаевъ за принятіе боя, но **они не дали перевѣса. Ради сохраненія промышленнаго сѣвера, который въ предшествующее время былъ центромъ революціи, былъ заключенъ миръ за счетъ фактическаго отдѣленія промышленнаго сѣвера отъ хлѣбороднаго и промышленнаго юга.**

3. Было бы смѣшно подобно лѣвымъ эсерамъ проповѣдывать „принципіальное непріятіе“ этого мира. Заключеніе этого мира, какъ побѣда отсталыхъ и усталыхъ слоевъ рабочихъ и крестьянъ, есть фактъ объективный, создающій новое объективное положеніе, новую обстановку хозяйственной жизни, новое сочетаніе классовыхъ
(1) силъ. Отдѣленіе „Великороссіи“ отъ Западной Украины, угрожающее отдѣленіе отъ Екатеринославскаго и Донецкаго районовъ, эвакуація Петербурга—объективные факты хозяйственной жизни; уступки экономическаго характера, которыхъ будутъ требовать иностранные имперіали-

сты, исходя изъ заключеннаго въ Брестъ-Литовскѣ мирнаго договора, могутъ также сильно влiять на объективную обстановку; наконецъ, закрѣпленiе въ массахъ бездѣятельной „психологiи мира" есть объективный фактъ политическаго момента.

Но, учитывая положенiе, созданное брестскимъ миромъ, пролетарскiе коммунисты не могутъ исходить только изъ этихъ фактовъ, становиться на уровень сознанiя отсталой и пассивной, бездѣятельной части одного изъ отрядовъ россiйскаго пролетарiата или крестьянства. Они опредѣляютъ свои задачи, исходя изъ интересовъ рабочихъ всей Россiи въ цѣломъ и ставя эти задачи въ связь съ нарастающимъ международнымъ революцiоннымъ движенiемъ. Не сохраненiе во что бы то ни стало завоеванiй рабочихъ и крестьянъ на нынѣшней, урѣзанной территорiи Совѣтской Республики, цѣной пожертвованiя этими завоеванiями на остальномъ пространствѣ Россiи и цѣной мелкобуржуазнаго перерожденiя нынѣшняго совѣтскаго государства, а развитiе и укрѣпленiе всей Россiи, какъ отряда международной рабочей революцiи противъ международнаго имперiализма, такова ихъ задача, такова основная нить ихъ политической линiи.

4. Заключенiе Совѣтской Республикой аннексiонистскаго мира съ Германiей несомнѣнно временно ослабило силы международной революцiи и укрѣпило международный имперiализмъ. Но основныя силы международной революцiи продолжаютъ нарастать, пробьютъ себѣ дорогу черезъ поставленную имъ плотину и используютъ нѣкоторыя послѣдствiя заключенiя мира, какъ факторы, усиливающiе революцiонное движенiе.

Заключенiе мира ослабило пока что стремленiе имперiалистовъ къ международной сдѣлкѣ. Съ ихъ точки зрѣнiя Россiя отброшена назадъ, какъ очагъ мiровой революцiи. Страхъ передъ ея влiянiемъ не толкаетъ болѣе со старой силой борющихся имперiалистовъ въ объятiя другъ друга. Она разбита и какъ военная единица. Поэтому для германскихъ имперiалистовъ открылась возможность переброски всѣхъ силъ на западъ и борьбы за полную побѣду надъ имперiалистами державъ согласiя. Послѣднiе въ свою очередь, въ виду начавшагося раздѣла Россiи и угрожающей имъ опасности разгрома должны напрягать всѣ силы для отпора и для обезпеченiя себѣ контръ-аннексiй на Дальнемъ Востокѣ и въ Турцiи. Для подкрѣпленiя этихъ захватовъ они должны стремиться къ перевѣсу на рѣшающемъ театрѣ войны. Поэтому заключенiе мира уже привело (1) къ обострению схватки между имперiалистскими державами.

5. Заключеніе захватнаго мира въ данный моментъ безусловно сильно задержало развитіе психологическихъ предпосылокъ международной революціи, которыя назрѣвали къ веснѣ 1918 года. Но оно не могло задержать и отчасти усиливаетъ развертываніе матеріальныхъ противорѣчій, которыя составляютъ главную основу революціоннаго взрыва. Оттяжка въ открытомъ выступленіи революціи придастъ ей, вѣроятно, болѣе тяжелыя и бурныя формы.

Усиленіе борьбы между союзами имперіалистовъ истощаетъ до послѣдняго предѣла надорванныя экономическія силы борющихся державъ, оно ведетъ къ новому истребленію „человѣческаго матеріала" и доводитъ до наибольшей остроты всеобщее экономическое разложеніе. Обостреніе матеріальныхъ противорѣчій на почвѣ продовольственнаго и хозяйственнаго кризиса въ центральныхъ державахъ (особенно въ Австріи) не можетъ быть существенно задержано захватомъ Украйны, такъ какъ въ теченіе самаго критическаго момента—весны 1918 г.—германскій капиталъ не сумѣетъ извлечь оттуда необходимыхъ средствъ продовольствія и производства. Украйна захватывается въ моментъ окончанія хлѣбныхъ заготовокъ (и безъ того неудачныхъ), въ огнѣ гражданской войны, въ моментъ, когда заводы и копи лишены необходимыхъ рабочихъ рукъ, кокса, лѣса, бензина и т. п., а желѣзныя дороги—угля и подвижного состава. Въ то же время германская аннексіонистская политика на восточномъ фронтѣ порождаетъ рядъ національныхъ треній, какъ въ германскомъ „ближаишемъ тылу" (Польша, Украйна, Латвія, Эстляндія) такъ же и въ нѣдрахъ австрійскаго національнаго блока (Галиція, Чехія), а также въ нѣдрахъ самаго союза центральныхъ державъ.

Съ другой стороны надо опредѣленно отмѣтить, что заключеніе мира отрицательно вліяетъ на духовное, идеологическое развязываніе международной революціи. Вліяніе россійской революціи на международное рабочее движеніе благодаря капитуляціи ея передъ международнымъ имперіализмомъ ослабѣваетъ (сокращеніе революціонной пропаганды на фронтѣ, отказъ отъ политики разоблаченія международнаго имперіализма; возможный „умѣренный" курсъ внутренней политики въ Россіи). Попытки дипломатическаго маневрированія совѣтской власти также не могутъ одушевлять международный пролетаріатъ, такъ какъ онѣ демонстрируютъ не силу, а слабость революціи. Самый фактъ заключенія захватнаго мира укрѣпляетъ оборонческія теченія въ отсталыхъ слояхъ международнаго пролетаріата. Въ Германіи имперіалисты, ссылаясь на этотъ миръ, усиленно обѣ-

щаютъ рабочимъ миръ и хлѣбъ путемъ имперіалистскихъ побѣдъ. Они запугиваютъ ихъ примѣромъ русскаго разгрома и „разложенія". Во Франціи и Англіи они натравливаютъ своихъ рабочихъ на германскій пролетаріатъ, „предавшій" русскую революцію. Въ Америкѣ развивается оборонческая агитація, нагло пользующаяся флагомъ защиты русской революціи отъ германскаго захвата.

Но въ то же время обостреніе міровой войны разрушаетъ надежды на миръ, охватившія рабочія массы осенью 1917 г. Крайне яркое обнаженіе захватной политики господствующихъ классовъ и ихъ соціалъ-агентовъ во время заключенія мира вскрываетъ истинную подкладку оборончества и гражданскаго мира. Оно готовитъ крушеніе послѣднихъ предразсудковъ, сдерживающихъ выступленіе рабочихъ массъ.

Наиболѣе критическій моментъ въ развертываніи противорѣчій, порожденныхъ всей имперіалистской системой и имперіалистской войной, наступаетъ. Въ теченіе ближайшей весны и лѣта должно начаться крушеніе имперіалистской системы, которое, въ случаѣ побѣды германскаго имперіализма въ текущемъ фазисѣ войны, можетъ быть только отсрочено и выразится тогда въ еще болѣе острыхъ формахъ.

6. Разсчеты германскихъ имперіалистовъ при заключеніи мира съ совѣтской республикой сводились къ слѣдующему. Съ одной стороны, представлялось выгоднымъ отложить военный захватъ сѣвера Россіи, непосредственное низверженіе совѣтской власти и прямое овладѣніе хозяйствомъ сѣверной Россіи; къ этому побуждала трудность организаціи хозяйства и продовольствія на сѣверѣ и отсутствіе сильныхъ буржуазныхъ агентовъ, которые поддержали бы оккупирующую власть (въ родѣ, напр., Украинской Центр. Рады): съ другой (1)
стороны, было важно подчинить своему вліянію и использовать для нуждъ германскаго капиталистическаго хозяйства хлѣбородный и промышленный югъ; въ—третьихъ. отрѣзывалъ сѣверъ отъ юга и тѣмъ создавая естественное хозяйственное разложеніе сѣвера. пользуясь контролемъ надъ источниками сырья и хлѣба, питающими сѣверъ. примѣняя вооруженное давленіе изъ захваченныхъ на сѣверѣ стратегическихъ пунктовъ и новыя частичныя аннексіи, германскій имперіализмъ разсчитывалъ на дѣлѣ подчинять сѣверъ щупальцамъ германскаго финансоваго капитала, разрушать соціальныя завоеванія рабочей революціи и тѣмъ внутренне, съ корня. подрывать совѣтскую власть. Большая или меньшая острота, скрытый или явный характеръ натиска германскаго имперіализма на совѣтскую республику будутъ зависѣть отъ различ-

ныхъ обстоятельствъ: отъ положенія на театрѣ войны, отъ внутренняго положенія въ центральныхъ державахъ, отъ рѣшительности отпора, оказываемаго, какъ совѣтской властью, такъ и революціонными классами юга Россіи и оккупированнаго сѣверо-запада Россіи.

7. Кромѣ натиска германскаго имперіализма, совѣтской республикѣ грозитъ натискъ союзнической коалиціи. Планы нѣмецкаго имперіализма въ ближайшее время будутъ направлены на подчиненіе хозяйства сѣверной Россіи внутреннему вліянію германскаго финансоваго капитала, путемъ вымогательствъ у совѣтской республики, путемъ попытокъ выхолостить ея революціонное содержаніе, а не путемъ прямого низверженія ея. Планы англо-французскаго и японскаго имперіализма будутъ направлены на полу-оккупацію, полу-реставрацію буржуазно-соглашательскаго порядка въ отдѣльныхъ областяхъ Дальняго Востока, на подчиненіе этихъ областей контролю союзническаго капитала при посредствѣ его россійскихъ мелко-буржуазныхъ агентовъ (оборонцевъ и кадетовъ). Послѣдняя нота „союзниковъ“ по вопросу объ аннулированныхъ займахъ показываетъ, впрочемъ, что и англо-французскій капиталъ склоненъ пытаться подчинить совѣтскую республику своему внутреннему контролю. Наконецъ, стремленія Америки сводятся къ тому, чтобы дѣйствуя черезъ совѣтскую власть и не играя на истощеніе совѣтской республики (какъ Германія) подчинять ее вліянію американскаго капитала. Американскій капиталъ разсчитываетъ въ данномъ случаѣ на закрѣпленіе за собой здороваго, расчищеннаго отъ крѣпостничества крестьянскаго рынка, на созданіе въ Россіи крупной, объединенной въ тресты промышленности и на противопоставленіе рисующейся ему промышленно-крестьянской буржуазной демократіи въ Россіи соперникамъ Соединенныхъ Штатовъ—Германіи и Японіи. Въ общемъ и цѣломъ положеніе совѣтской республики сейчасъ таково, что находясь подъ угрозой непосредственнаго натиска имперіализма со всѣхъ сторонъ, она не можетъ пока вести политики общаго открытаго наступленія, но можетъ и должна быть готова къ нему каждый моментъ, ведя пока политику систематическаго отпора и активнаго противодѣйствія домогательствамъ имперіалистовъ всѣхъ странъ и мастей.

8. Экономическое положеніе и классовыя группировки въ Россіи послѣ заключенія мира измѣнились. Создавшаяся ситуація даетъ начало двумъ противоположнымъ тенденціямъ (къ ослабленію и къ возрастанію революціонныхъ силъ), изъ которыхъ первая непосредственно укрѣплена заключеніемъ мира и на первое время можетъ преобладать.

Частичная ликвидація питерскаго района завершаетъ быстрый упадокъ его, который обнаружился еще къ веснѣ 1917 г. и который былъ послѣдствіемъ экономической „искусственности" петербургской промышленности въ періодъ войны и прекращенія морского сообщенія. Миръ долженъ былъ спасти красную столицу, но онъ спасъ только территорію Петербурга и обезкровилъ его, какъ революціонную силу. Разстройство производства, безработица, деклассированіе пролетаріата, пониженіе его классовой боеспособности возросли. Петербургъ лишился значенія главнаго хозяйственнаго и революціоннаго центра.

Заключеніе захватнаго мира подрываетъ, хотя и въ меньшей степени, другой передовой промышленный районъ—московскій, гдѣ рабочій классъ будетъ также ослабленъ перерывомъ въ подвозѣ металла, угля, хлѣба и вытекающими отсюда безработицей и деклассированіемъ.

Отрицательно вліяетъ заключеніе аннексіонистскаго мира также на экономическое положеніе и политическую активность (боеспособность) усталаго и голоднаго бѣднѣйшаго крестьянства сѣверныхъ и центральныхъ промышленныхъ губерній. Разстройство городской промышленности, пріостановка подвоза хлѣба съ юга, сокращеніе отхода на заработки въ южную Россію будутъ создавать обнищаніе и деклассированіе; съ другой стороны, пролетаризація крестьянства будетъ частью возбуждать революціонныя стремленія и ненависть къ германскимъ захватчикамъ.

Бѣднѣйшее и „трудовое" крестьянство земледѣльческихъ губерній, занятое дѣлежомъ земли и не имѣющее возможности въ эпоху упадка буржуазнаго строя, а также упадка производительныхъ силъ во всѣхъ странахъ—организовать крѣпкое собственническое хозяйство будетъ продолжать поддерживать совѣтскую власть.

Сравнительно здоровымъ хозяйственнымъ райономъ, правда, сильно проникнутымъ мелко-буржуазными прослойками и тоже подвергшимся дѣйствію общей хозяйственной разрухи, является уральскій горнозаводскій районъ въ связи съ Пріуральемъ, Западной Сибирью и ихъ промышленными центрами. Среди рабочихъ и бѣднѣйшихъ крестьянъ этихъ мѣстъ рабоче-крестьянская революція и совѣтская власть также найдутъ себѣ опору.

Пролетаріатъ юга, который вынесъ на себѣ всю тяжесть разгрома буржуазнаго возстанія на югѣ и который сейчасъ оказываетъ самое рѣшительное сопротивленіе нѣмецкому захвату, долженъ несмотря на разруху и истощеніе, именно, благодаря боевому классовому воспи-

танію въ огнѣ гражданской войны сохранить значительную классовую боеспособность. Вмѣстѣ съ украинскимъ бѣднѣйшимъ крестьянствомъ, стоящимъ подъ угрозой возвращенія помѣщиковъ и германско-гайдамацкаго ограбленія, онъ составитъ постоянную опору для возстанія противъ имперіалистскихъ захватчиковъ и ихъ буржуазныхъ украинскихъ приказчиковъ.

Бѣднѣйшее крестьянство нечерноземнаго сѣверо-запада Россіи, въ связи съ еще болѣе разрушительнымъ вліяніемъ нѣмецкихъ реквизицій на его хозяйство, также дастъ и уже даетъ силы для борьбы съ захватчиками и водворяемыми обратно помѣщиками.

Положительнымъ моментомъ является окончаніе демобилизаціи старой арміи, которое возвратило къ производительному труду милліоны людей, укрѣпляетъ деревенское хозяйство, усиливаетъ революціонный процессъ въ деревнѣ и уничтожаетъ гніющую среду бездѣйствующихъ воинскихъ частей. Только теперь начинаетъ сказываться и благопріятное вліяніе фактическаго прекращенія имперіалистской войны (еще съ октября 1917 г.) и начатой тогда же демобилизаціи промышленности.

9. При такихъ обстоятельствахъ, несмотря на временное ослабленіе силъ революціи, несмотря на тяжелое международное положеніе совѣтской республики, въ предѣлахъ нынѣшняго совѣтскаго государства нѣтъ серьезной опоры для возстановленія какъ монархіи, такъ и власти соглашательскихъ партій.

Помѣщичье хозяйство и политическая сила помѣщичьяго класса разбиты; разгромлена буржуазія, крѣпкаго крестьянства нѣтъ, новый слой сельско-хозяйственной мелкой буржуазіи еще не могъ образоваться, старый слой выбываетъ изъ строя подъ натискомъ деревенской бѣдноты. Выведены изъ строя опоры монархіи. Съ другой стороны, обезсилены также городское мѣщанство и буржуазная интеллигенція. Нѣтъ почвы для возстановленія власти соглашательскихъ партій меньшевиковъ и эсеровъ, которая вообще могла быть только переходной ступенью къ диктатурѣ пролетаріата и деревенской бѣдноты и не можетъ быть переходной ступенью къ возстановленію буржуазнаго порядка. Нѣтъ также почвы для прочнаго возстановленія капиталистическаго и помѣщичьяго хозяйства въ захваченныхъ германцами областяхъ.

Наоборотъ, есть почва для укрѣпленія и развитія диктатуры пролетаріата и бѣднѣйшихъ крестьянъ и начатаго ими соціалистическаго преобразованія общества. Кромѣ ранѣе указанныхъ факторовъ, укрѣпляющихъ эту положительную тенденцію въ развитіи революціи, су-

ществены еще слѣдующія обстоятельства. Прежде всего, процессъ первоначальной ломки буржуазно-соглашательскаго государственнаго порядка, старыхъ отношеній производства и матеріальной классовой силы буржуазіи и ея союзниковъ почти законченъ. Далѣе, классовое воспитаніе пролетаріата въ ходѣ гражданской войны дастъ ему большой запасъ классовой сплоченности, энергіи и сознательности. Также и сдѣланныя имъ реальныя завоеванія укрѣпили эти революціонныя силы и энергію въ сопротивленіи угрожающему завоеваніямъ пролетаріата врагу. Энергичная организація производства на соціалистическихъ началахъ, съ одной стороны, должна укрѣпить экономическую базу пролетаріата, какъ революціонной силы, и съ другой стороны, быть для него новой школой классовой организаціи и активности. Наконецъ, сохраненіе связи съ международнымъ и общероссійскимъ пролетарскимъ движеніемъ также увеличитъ классовую активность пролетаріата и предохранитъ его отъ разложенія и усталости.

Но въ связи съ ближайшими, непосредственными послѣдствіями мира: пониженіемъ классовой активности и увеличившимся деклассированіемъ пролетаріата въ главныхъ революціонныхъ центрахъ, въ связи съ увеличившимся классовымъ сближеніемъ пролетаріата и бѣднѣйшихъ крестьянъ (которые послѣ подписанія мира подъ давленіемъ ихъ требованій и вліянія должны стать оплотомъ совѣтской власти) весьма возможной становится тенденція къ уклоненію большинства коммунистической партіи и руководимой ею совѣтской власти въ русло мелко-буржуазной политики новаго образца.

Въ случаѣ, если такая тенденція получитъ осуществленіе, рабочій классъ перестаетъ быть руководителемъ, гегемономъ соціалистической революціи, ведущимъ бѣднѣйшее крестьянство къ уничтоженію господства финансоваго капитала и помѣщиковъ; онъ оказывается силой, вкрапленной въ ряды полупролетарско-мелкобуржуазной массы, которая ставитъ себѣ задачей не пролетарскую борьбу въ союзѣ съ западно-европейскимъ пролетаріатомъ за низверженіе имперіалистской системы, а оборону фермерскаго отечества отъ тяготъ имперіализма, что возможно достигнуть и путемъ компромисса съ нимъ. Въ случаѣ отказа отъ активной пролетарской политики, завоеванія рабоче-крестьянской революціи начнутъ застывать въ систему государственнаго капитализма и мелко-буржуазныхъ хозяйственныхъ отношеній. „Оборона соціалистическаго отечества“ на дѣлѣ окажется тогда обороной мелко-буржуазной родины, подчиненной вліянію международнаго капитала.

10. Передъ партіей пролетаріата стоятъ открытыми два пути. Одинъ изъ нихъ путь охраны и укрѣпленія уцѣлѣвшей части совѣтскаго государства, которое сейчасъ со стороны экономической—при незавершенности революціоннаго—процесса является лишь переходной къ соціализму организаціей (при незаконченной націонализаціи банковъ, при капиталистической формѣ финансированія предпріятій, при частичной націонализаціи предпріятій, при господствѣ въ деревнѣ мелкаго хозяйства и мелкой собственности, при стремленіи крестьянъ разрѣшить земельный вопросъ раздѣломъ земли), а со стороны политической изъ оболочки диктатуры пролетаріата, поддержаннаго бѣднѣйшимъ крестьянствомъ, можетъ превратиться въ орудіе политическаго господства полу-пролетарско-мелко-буржуазной массы и оказаться только переходной стадіей къ полному господству финансоваго капитала.

Этотъ путь—на словахъ—можетъ быть оправданъ стремленіемъ во что бы то ни стало сберечь для международной революціи революціонныя силы и совѣтскую власть хотя бы только въ „Великороссіи". Въ этомъ случаѣ всѣ силы будутъ обращены на укрѣпленіе и развитіе производительныхъ силъ, на „органическое строительство", при отказѣ отъ дальнѣйшей ломки капиталистическихъ производственныхъ отношеній и даже при частичномъ возстановленіи ихъ.

11. Возможная экономическая и политическая программа, которая рисуется въ случаѣ послѣдовательнаго проведенія этого курса, и нѣкоторыя части которой были выдвинуты представителями праваго крыла партіи, а отчасти и партійнаго большинства,—такова.

Во внѣшней политикѣ наступательная тактика разоблаченія имперіализма смѣняется дипломатическимъ маневрированіемъ россійскаго государства среди имперіалистскихъ державъ. Совѣтская республика не только заключаетъ съ ними торговыя сдѣлки, но можетъ завязывать и органическія связи, экономическія и политическія, пользоваться ихъ военной и политической поддержкой (соглашеніе о помощи военными инструкторами, можетъ быть, заключеніе займовъ съ допущеніемъ контроля внутри страны, соглашенія о согласованіи политическихъ выступленій и т. п.).

Хозяйственная политика, соотвѣтствующая такому курсу, должна развиваться въ сторону соглашеній съ капиталистическими дѣльцами, какъ „отечественными", такъ и стоящими за ихъ спиной международными, и съ представителями „крѣпкихъ" слоевъ деревни („кооператоры"). Денаціонализація банковъ, хотя бы въ

прикрытой формѣ, логически связана съ такими соглашеніями. Она можетъ проводиться путемъ образованія спеціальныхъ (на половину частныхъ, на половину государственныхъ) банковъ для отдѣльныхъ отраслей промышленности (уставъ мукомольнаго банка уже одобренъ), путемъ сохраненія экстерриторіальности т. н. „кооперативныхъ“ банковъ, путемъ отказа отъ перехода къ системѣ центральной общественной бухгалтеріи и закрѣпленія капиталистическаго кредита въ государственной и полугосударственной формѣ.

Вмѣсто перехода отъ частичныхъ націонализацій къ общей соціализаціи крупной промышленности, соглашенія съ „капитанами промышленности“ должны привести къ образованію большихъ руководимыхъ ими и охватывающихъ основныя отрасли промышленности трестовъ, которые съ внѣшней стороны могутъ имѣть видъ государственныхъ предпріятій. Такая система организаціи производства даетъ соціальную базу для эволюціи въ сторону государственнаго капитализма и является переходной ступенью къ нему. (1)

Съ политикой управленія предпріятіями на принципѣ широкаго участія капиталистовъ и полу-бюрократической централизаціи естественно соединяется рабочая политика, направленная на водвореніе среди рабочихъ дисциплины подъ флагомъ „самодисциплины“, введеніе трудовой повинности для рабочихъ (соотвѣтствующій проэктъ предлагался правыми большевиками), сдѣльной платы, удлиненія рабочаго дня и т. п.

Форма государственнаго управленія должна развиваться въ сторону бюрократической централизаціи, господства различныхъ комиссаровъ, лишенія мѣстныхъ совѣтовъ самостоятельности и фактическаго отказа отъ типа управляющагося съ низовъ „государства коммуны“. Многочисленные факты показываютъ, что въ этомъ направленіи уже складывается опредѣленная тенденція (декретъ объ управленіи желѣзными дорогами, статьи Лациса и пр.). (2) (3)

Въ области военной политики долженъ намѣтиться, и на дѣлѣ замѣчается, уклонъ къ возстановленію общенаціональной (включающей и буржуазію) воинской повинности (воззваніе Троцкаго и Подвойскаго); при созданіи армейскихъ кадровъ, для обученія которыхъ и руководства которыми необходимы офицеры, упускается изъ виду задача созданія пролетарскаго офицерскаго корпуса путемъ широкой и планомѣрной организаціи соотвѣтствующихъ училищъ и курсовъ, и практически, такимъ образомъ, возстанавливается старый офицерскій корпусъ и командная власть царскихъ генераловъ. (4)

Въ оболочку агитации „за оборону соціалистическаго отечества" вольется при такихъ условіяхъ пропаганда идеи мелко-буржуазной родины и національной войны противъ германскаго имперіализма.

12. Описанный выше путь, взятый въ цѣломъ, равно и тенденціи уклоненія на этотъ путь представляются въ высшей степени опасными для дѣла россійскаго и международнаго пролетаріата. Этотъ путь закрѣпитъ начатое Брестскимъ миромъ отдѣленіе „великорусской" совѣтской республики отъ революціоннаго движенія общероссійскаго и международнаго, замыкая ее въ рамки національнаго государства съ переходнымъ хозяйственнымъ и мелко-буржуазнымъ политическимъ порядкомъ.

Во внѣшней политикѣ — при неизбѣжной слабости, какъ совѣтской дипломатіи, такъ и совѣтскаго вліянія на аренѣ международной имперіалистской борьбы — онъ подчинитъ совѣтскую республику имперіалистскимъ связямъ, отрывая ее отъ связей съ революціоннымъ пролетаріатомъ всѣхъ странъ. Онъ ослабитъ еще болѣе международное революціонное значеніе совѣтской власти и русской революціи.

Внутри страны онъ укрѣпитъ экономическое и политическое вліяніе россійской и международной буржуазіи, а потому и силы контръ-революціи, а также интеллигентскихъ группъ, саботировавшихъ совѣтскую власть. При мировомъ упадкѣ производительныхъ силъ уступки буржуазіи не могутъ создать быстраго подъема народнаго хозяйства въ капиталистической формѣ. Въ то же время, онѣ устраняютъ возможность того наиболѣе экономнаго и планомѣрнаго использованія уцѣлѣвшихъ средствъ производства, которое мыслимо только при самомъ рѣшительномъ обобществленіи.

Введеніе трудовой дисциплины, въ связи съ возстановленіемъ руководительства капиталистовъ въ производствѣ, не можетъ существенно увеличить производительность труда, но оно понизитъ классовую самодѣятельность, активность и организованность пролетаріата. Оно грозитъ закрѣпощеніемъ рабочаго класса, возбудитъ недовольство, какъ отсталыхъ слоевъ, такъ и авангарда пролетаріата. Для проведенія этой системы въ жизнь, при господствующей въ пролетарской средѣ острой классовой ненависти противъ „саботажниковъ-капиталистовъ" коммунистическои партіи пришлось бы опереться на мелкую буржуазію противъ рабочихъ и тѣмъ погубить себя, какъ партію пролетаріата.

Бюрократическая централизація совѣтской республики и кабинетныя сдѣлки съ буржуазными и мелко-буржуазными дѣльцами также могутъ способствовать только

упадку классовой активности и сознательности пролетаріата и охлажденію рабочихъ къ партіи.

Попытки возстановленія всеобщей воинской повинности, поскольку онѣ не обречены на неудачу, по существу вели бы къ вооруженію и организаціи мелкобуржуазныхъ и буржуазныхъ контръ-революціонеровъ. Еще болѣе ясно это по отношенію къ возстановленію стараго офицерскаго корпуса и къ возвращенію царскимъ генераламъ командной власти, поскольку использованіе ихъ не будетъ сопровождаться самыми энергичными усиліями для созданія пролетарскихъ кадровъ революціоннаго офицерства и установленіемъ бдительнаго контроля надъ царскимъ командным составомъ въ переходный періодъ. „Общенаціональная" (а не классовая) вооруженная сила во главѣ со старымъ генералитетомъ не можетъ быть проникнута революціоннымъ классовымъ духомъ, неизбѣжно вырождается въ деклассированную солдатчину и не можетъ составить опоры для вооруженнаго вмѣшательства россійскаго пролетаріата въ международную революцію.

Линія политики, очерченная выше, можетъ усилить въ Россіи вліяніе внѣшнихъ и внутреннихъ контръреволюціонныхъ силъ, разстроить революціонную мощь рабочаго класса и, отрывая россійскую революцію отъ международной, гибельно отразиться на интересахъ обѣихъ.

13. Пролетарскіе коммунисты считаютъ необходимымъ иной путь политики. Не путь сохраненія совѣтскаго оазиса на сѣверѣ Россіи при помощи уступокъ, перерождающихъ его въ мелко-буржуазное государство. Не переходъ къ „органической внутренней работѣ", подкрѣпляемый тѣмъ соображеніемъ, что „острый періодъ" гражданской войны законченъ.

Острый періодъ гражданской войны законченъ только въ смыслѣ отсутствія объективной надобности въ преобладающемъ примѣненіи наиболѣе острыхъ физическихъ методовъ революціоннаго насилія. Разъ буржуазія разбита и уже неспособна къ открытому бою, „военные" методы, большею частью, отпадаютъ. Но острота классоваго противорѣчія между пролетаріатомъ и буржуазіей не можетъ ослабѣть: какъ и прежде, позиція пролетаріата по отношенію къ буржуазіи сводится къ полному отрицанію, уничтоженію ея, какъ класса. Окончаніе остраго періода гражданской войны не можетъ обозначать возможности сдѣлки съ уцѣлѣвшими силами буржуазіи, и „органическое строительство" социализма, которое, несомнѣнно является насущной задачей момента, можетъ совершаться только силами самого пролетаріата

при участіи квалифицированныхъ техниковъ и администраторовъ, а не въ томъ или въ иномъ сотрудничествѣ съ „цензовыми элементами“, какъ таковыми.

Россійская рабочая революція не можетъ „сберечь себя“, сойдя съ международнаго революціоннаго пути, непрерывно избѣгая боя и отступая передъ натискомъ международнаго капитала, дѣлая уступки „отечественному капиталу“.

Съ этой точки зрѣнія необходимы: рѣшительная классовая международная политика, соединяющая международную революціонную пропаганду словомъ и дѣломъ, и укрѣпленіе органической связи съ международнымъ соціализмомъ (а не съ международной буржуазіей); рѣшительный отпоръ всякому вмѣшательству имперіалистовъ во внутреннія дѣла совѣтской республики; отказъ отъ политическихъ и военныхъ соглашеній, дѣлающихъ совѣтскую республику орудіемъ имперіалистскихъ лагерей.

Въ международной экономической политикѣ допустимы только торговыя сдѣлки, займы, снабженіе техническими силами—безъ подчиненія русскаго капитала руководящему контролю иностраннаго финансоваго капитала.

Необходимо довести до конца націонализацію банковъ, какъ въ смыслѣ экстенсивномъ (обобществленіе оставшихся неприкосновенными т. н. „кооперативныхъ“ банковъ), такъ и въ смыслѣ интенсивномъ (организація центральной общественной бухгалтеріи и уничтоженіе капиталистической формы финансированія). Націонализація банковъ должна быть соединена съ соціализаціей промышленнаго производства и полнымъ устраненіемъ капиталистическихъ и феодальныхъ пережитковъ въ отношеніяхъ производства, которые препятствуютъ планомѣрной и широкой его организаціи. Управленіе предпріятіями должно быть передано въ руки смѣшанныхъ коллегій изъ рабочихъ и техническаго персонала, находящихся подъ контролемъ и руководствомъ мѣстныхъ совѣтовъ народнаго хозяйства. Вся хозяйственная жизнь должна быть подчинена организующему вліянію этихъ совѣтовъ, избранныхъ рабочими безъ участія „цензоваго элемента“, но при участіи союзовъ техническаго и служебнаго персонала предпріятій.

Не капитуляція передъ буржуазіей и ея мелко-буржуазными интеллигентскими приспѣшниками, а добиваніе буржуазіи и окончательная ломка собатажа. Окончательная ликвидація контръ-революціонной печати и контръ-революціонныхъ буржуазныхъ организацій. Введеніе трудовой повинности для квалифицированныхъ спеціалистовъ и интеллигентовъ, организація потребительскихъ коммунъ, ограниченіе потребленія зажиточныхъ классовъ

и конфискація ихъ излишняго имущества. Организація въ деревнѣ натиска бѣднѣйшихъ крестьянъ на богатыхъ. развитіе крупнаго общественнаго сельскаго хозяйства и поддержка переходныхъ къ общественному хозяйству формъ обработки земли бѣднѣйшими крестьянами.

Избраніе нѣсколькихъ опорныхъ пунктовъ, нѣсколькихъ здоровыхъ центровъ организаціи производства на мѣстахъ (напр. Уралъ и Зап. Сибирь и т. д.) и направленіе туда техническихъ, продовольственныхъ и финансовыхъ средствъ въ крупномъ масштабѣ (для быстраго подъема производительности),—а не въ голодной нормѣ, какъ это дѣлалось до сихъ поръ.

Не введеніе сдѣльной платы и удлиненіе рабочаго дня, которые въ обстановкѣ растущей безработицы являются безсмысленными, а введеніе мѣстными совѣтами народнаго хозяйства и професс. союзами нормъ выработки и сокращеніе рабочаго дня съ увеличеніемъ числа сменъ и широкая организація производительныхъ общественныхъ работъ.

Предоставленіе широкой самостоятельности мѣстнымъ совѣтамъ и отказъ отъ укорачиванія ихъ дѣятельности комиссарами, посылаемыми центральной властью. Совѣтская власть и партія пролетаріата должны искать себѣ опору въ классовой самодѣятельности широкихъ массъ, на развитіе которой должны быть направлены всѣ усилія.

Въ дѣлѣ организаціи вооруженной силы необходимы: созданіе кадра инструкторовъ и начальниковъ быстро мобилизуемыхъ отрядовъ изъ числа рабочихъ эвакуируемыхъ районовъ, остающихся безъ производительнаго занятія; использованіе царскихъ офицеровъ для обученія этихъ инструкторовъ, созданіе пролетарско-революціоннаго, а не интеллигентско-буржуазнаго запаснаго офицерскаго корпуса, обученіе военному дѣлу только рабочихъ и бѣднѣйшихъ крестьянъ, организація дѣйствительнаго контроля надъ царскими генералами и подготовка высшаго командного состава изъ среды партійныхъ товарищей, уже имѣющихъ боевой опытъ, но еще лишенныхъ теоретической подготовки.

14. Въ своемъ практическомъ отношеніи къ гражданской войнѣ пролетарскіе коммунисты высказываются противъ фактическаго срыва мира, путемъ организаціи партизанскихъ выступленій на тѣхъ участкахъ фронта, гдѣ миръ соблюдается. Это означало бы дезорганизованное выступленіе меньшинства рабочихъ при отсутствіи массовой поддержки. Но они высказываются за всемѣрную подготовку и поддержку тыловыхъ возстаній въ захваченныхъ областяхъ, за самую энергичную борьбу въ мѣстахъ, гдѣ продолжаются военныя дѣйствія, за

формированіе партійными организаціями партизанскихъ отрядовъ для посылки ихъ на боевыя линіи.

15. Свое отношеніе къ большинству партіи пролетарскіе коммунисты опредѣляютъ, какъ позицію лѣваго крыла партіи и авангарда россійскаго пролетаріата, сохраняющаго съ партіей полное единство, поскольку политика большинства не создастъ неустранимаго раскола въ рядахъ самаго пролетаріата. Свое отношеніе къ совѣтской власти они опредѣляютъ, какъ позицію всемѣрной поддержки этой власти въ случаѣ надобности—путемъ участія въ ней, поскольку утвержденіе мира сняло съ очереди вопросъ объ отвѣтственности за это рѣшеніе и создало новое объективное положеніе. Это участіе возможно лишь на основѣ опредѣленной политической программы, которая предотвратила бы уклоненіе совѣтской власти и большинства партіи на гибельный путь мелко-буржуазной политики. Въ случаѣ такого уклоненія лѣвое крыло партіи должно будетъ стать въ положеніе дѣловой и отвѣтственной пролетарской оппозиціи.

Международное положеніе.

I.

Международное положеніе прежде всего характеризуется крайней неустойчивостью во всѣхъ отношеніяхъ.

Центральныя державы вышли изъ войны съ Россіей побѣдителями въ такой мѣрѣ, о которой не мечтали даже самые смѣлые фантазеры нѣмецкаго имперіализма. Центральныя державы захватили Польшу, Литву, Бѣлоруссію, Латвію, Эстляндію и Лифляндію, онѣ сдѣлали изъ Украйны свою добычу. За эту побѣду имъ придется заплатить во всякомъ случаѣ созданіемъ пропасти между имперской Германіей и Россіей, которая будучи въ данный моментъ придавлена и обезкровлена, является страной съ громаднѣйшими рессурсами. Если Совѣтская власть окрѣпнетъ, если она залѣчитъ свои раны, то всякій пунктъ мирнаго договора будетъ безпрерывно предметомъ борьбы между ней и Германіей, потому что условія брестскаго мира не могутъ быть проведены въ жизнь безъ того, чтобы не затрагивать самымъ болѣзненнымъ образомъ всѣхъ интересовъ трудящихся массъ Россіи. Если же Совѣтская власть будетъ свергнута, всякое буржуазное правительство Россіи будетъ правительствомъ реванша, брестскій миръ неизбѣжно

будетъ толкать его въ объятья союзниковъ. О брестскомъ мирѣ исторія скажетъ когда-нибудь то, что сказалъ Марксъ въ 1871-омъ году о нѣмецкой побѣдѣ. „Исторія (1)
заплатитъ не по числу оторванныхъ отъ Франціи квадратныхъ миль, а по размѣрамъ преступленія, состоящаго въ томъ, что во второй половинѣ XIX-го столѣтія проводится снова политика захвата". Сама имперская Германія чувствуетъ опасность, созданную брестскимъ миромъ. Руководящіе круги Германіи боятся, что союзники еще въ теченіе этой войны попытаются снова втянуть Россію въ войну, они боятся, что въ томъ случаѣ, если война не кончится полной побѣдой Германіи, союзники попытаются во время общихъ мирныхъ переговоровъ вырвать изъ рукъ нѣмецкаго имперіализма часть русской добычи, чтобы связать Россію съ собой и не допустить Германію къ безраздѣльному господству на Балтійскомъ морѣ. Характернымъ свидѣтельствомъ этой боязни Германіи является одновременно наглая и дѣтская телеграмма нѣмецкаго правительства по поводу телеграммы американскаго посла сэра Фрэнсиса. Брестскій миръ невольно вызываетъ въ Германіи воспоминаніе о Санъ-Стефанскомъ мирѣ, о которомъ нѣмецкій (2)
историкъ Johannes Haller въ своемъ изслѣдованіи „Bismarks Friedensschlüsse" („Какъ Бисмаркъ заключалъ миръ") говоритъ: „Классическимъ примѣромъ переоцѣнки собственной побѣды и основанныхъ на ней чрезмѣрныхъ требованій является прелиминарный миръ въ Санъ-Стефано, заключенный въ 1868-мъ году между Турціей и Россіей. Если бы тогда графъ Игнатьевъ или князь Горчаковъ (неизвѣстно, кто изъ нихъ былъ въ этомъ виновенъ) не хватилъ черезъ край въ требованіяхъ, навязанныхъ Турціи, до такой степени, что принудилъ Англію и Австро-Венгрію вмѣшаться, Россію миновало бы униженіе Берлинскаго конгресса, на который она должна (4)
была явиться, какъ подсудимый, на которомъ она должна была позволить, чтобы европейскій судъ призналъ за ней только половину добычи, уже бывшей въ ея рукахъ". Нѣмецкая политика въ Брестѣ диктовалась такъ называемой западной орієнтаціей, поклонникомъ которой всегда былъ господинъ Кюльманъ, и которая состоитъ въ стремленіи къ компромиссу съ Англіей за счетъ Россіи. Эта кюльмановская политика восторжествовала благодаря нѣмецкимъ сверхъ-имперіалистамъ, стремившимся къ разгрому Англіи и поддерживавшимъ политику разгрома Россіи только для того, чтобы выкачать изъ нея средства, необходимыя для побѣды надъ Англіей. Военная партія, возглавляемая фельдквартирмейстеромъ Людендорфомъ, литературнымъ представи-

телемъ которой является графъ Ревентловъ, давъ побѣду Кюльману, повернула фронтъ противъ Англіи и Франціи, уничтоживъ предварительно предпосылки къ компромиссу съ союзниками. Англія не можетъ согласиться на созданіе средне-европейской имперіи отъ Гамбурга до Багдада и до Владивостока, такъ какъ эта имперія, диктуя свои условія всему европейскому континенту, угрожала бы міровому господству Англіи. Условіемъ же компромисснаго мира съ Франціей являются уступки въ эльзасъ-лотарингскомъ вопросѣ. Уступки, которыхъ не можетъ и не хочетъ сдѣлать побѣдоносная военная партія, какъ объ этомъ на дняхъ открыто заявилъ графъ Чернинъ. Мало того, побѣда надъ Россіей настолько усилила военную партію, что послѣдняя захочетъ понимать право Бельгіи на самоопредѣленіе не иначе, какъ истолковала она этотъ лозунгъ по отношенію къ окраинамъ Россіи. Брестскій миръ, который по расчетамъ нѣмецкой дипломатіи долженъ былъ открыть путь къ компромиссу съ союзниками, повелъ къ новой схваткѣ съ ними, къ новой рѣзнѣ на западномъ фронтѣ, которая врядъ ли кончится побѣдой Германіи, а если бъ даже кончилась ею, не дастъ компромисснаго мира съ Англіей, а насильническій миръ, подготовляющій новую войну.

Внѣшняя политика германскаго имперіализма съ первыхъ дней его возникновенія стоитъ передъ вопросомъ: какъ выйти изъ изолированнаго состоянія, какъ разбить желѣзное кольцо другихъ капиталистическихъ націй, стоящихъ на пути нѣмецкой экспансіи. Германская дипломатія не сумѣла рѣшиться ни на союзъ съ Россіей, ни на союзъ съ Англіей, и потому германскій имперіализмъ попалъ подъ перекрестный огонь этой международной войны, въ которой онъ, влача за собой историческихъ мертвецовъ—Турцію и Австрію, несмотря на всѣ свои побѣды, добился лишь увѣковѣченія своего прежняго изолированнаго положенія: не добившись никакого компромисса съ Англіей, создалъ пропасть между собой и Россіей. Конечно, если побѣдитъ нѣмецкій пролетаріатъ и удержится Совѣтская власть, если въ скоромъ будущемъ начнется соціальная революція на Западѣ, тогда будетъ сметенъ и нѣмецкій и русскій имперіализмъ, и нѣмецкимъ имперіалистамъ, у которыхъ слетятъ головы съ плечъ, не придется уже заботиться о томъ, какъ выйти изъ изолированнаго положенія. Но пока-что нѣмецкая дипломатія, которая, конечно, отнюдь не склонна брать курса на европейскую революцію, видитъ передъ собою лишь одинъ результатъ войны—свою полную изоляцію, видитъ, что на мѣсто одного эльзасъ-лотарингскаго вопроса на востокѣ встаетъ

10 эльзасскихъ вопросовъ. И Эльзассовъ не въ будущемъ, а окраинъ, въ которыхъ уже теперь, подъ желѣзной стопой нѣмецкой оккупаціи, идетъ самая ожесточенная борьба, въ которой во всякомъ стачечникѣ, во всякомъ возставшемъ крестьянинѣ германскіе правящіе классы видятъ гидру русской революціи. „Побѣды, которыя когда-то были рѣшающими,—захватъ цѣлыхъ государствъ—не приближаетъ насъ ни на шагъ къ миру", говоритъ меланхолически генералъ фонъ-Фрейтагъ-Лорингофенъ (1) въ недавно вышедшей книгѣ „Уроки войны". Неопредѣленность политическаго положенія, въ которомъ находится Германія, несмотря на всѣ свои блестящія побѣды, не даетъ никакой возможности учесть болѣе или менѣе точно направленіе ея политики въ ближайшемъ будущемъ. Достаточно вспомнить, что послѣ срыва брестскихъ переговоровъ, послѣ нашего заявленія: „мира не подпи- (2) сываемъ, войны не ведемъ", не только Австрія заявила, что она воевать не хочетъ, но даже нѣмецкая дипломатія, какъ намъ это теперь извѣстно изъ нѣмецкой печати, нѣкоторое время не могла рѣшиться перейти къ новому наступленію. Положеніе дѣлъ въ Австріи дѣлаетъ возможными самые неожиданные повороты въ политикѣ центральныхъ державъ. И эта политика въ ближайшемъ будущемъ—сфинксъ для нихъ самихъ. Нѣмецкая военщина захочетъ этому сфинксу дать отвѣтъ: bracchio militari, оружіемъ! Но въ классической баснѣ Сфинксъ разрывалъ на части тѣла тѣхъ, кто давалъ ему неудовлетворительный отвѣтъ. Одинъ изъ самыхъ вдумчивыхъ нѣмецкихъ дипломатовъ Куртъ Рицлеръ, въ своей (3) вышедшей недолго до войны книгѣ, замѣтилъ, что Германія, какъ всѣ молодыя націи, переоцѣниваетъ значеніе насилія. Это крыло нѣмецкой дипломатіи, къ которому принадлежитъ Рицлеръ, передъ войной старалось выбраться на путь „міровой политики безъ войны" (такъ озаглавлена была анонимная программная брошюра, изданная довѣреннымъ лицомъ принца Лихновскаго, Др. Пленомъ). Въ половинѣ четвертаго года войны, и въ частности послѣ побѣды надъ Россіей, можно сказать, что нѣмецкая дипломатія довела Германію до міровой войны безъ конца, но безъ ясныхъ цѣлей міровой политики, способныхъ обезпечить дальнѣйшее развитіе нѣмецкаго имперіализма.

II.

А какъ обстоитъ дѣло по другую сторону траншеи? Русскій имперіализмъ вступилъ въ войну съ одной цѣлью: захватить Дарданеллы, что, однако, отнюдь не освободило бы его отъ плѣна союзниковъ, т. к. Средиземное море—море закрытое. Въ результатѣ—не только Дарданеллы

остались въ германо-турецкихъ рукахъ, но Россія потеряла Ригу и Ревель; ей угрожаетъ опасность потери выхода къ Тихому океану; разгромленъ не только захватный русскій имперіализмъ, но вообще вся военная мощь Россіи. Россія, какъ международный факторъ, существуетъ только in potentia, только въ будущемъ. Англія вступила въ международную схватку, дабы недопустить разгрома Россіи и Франціи и не дать утвердиться господству нѣмецкаго имперіализма на материкѣ. Въ результатѣ: Россія разбита, Франція обезкровлена и на десятки лѣтъ обречена влачить жизнь инвалида, если только ея не спасетъ международная революція, которая вообще покончитъ со всѣми этими вопросами. Черногорія, Сербія, Болгарія, Турція, Румынія превратились
(1) въ вассаловъ нѣмецкаго имперіализма. Средне-европейскій союзъ, до сихъ поръ бывшій лишь мечтою нѣмецкихъ имперіалистовъ, близокъ къ осуществленію и будетъ въ первую очередь орудіемъ борьбы противъ Англіи. Англія боялась, что побѣды Германіи создадутъ ей могущественнаго конкурента, который на каждомъ поворотѣ международной политики, на каждомъ скрещеніи путей международнаго имперіализма будетъ противостоять ей, старой Британіи, владычицѣ морей, владычицѣ міра. Въ результатѣ войны Соединенные Штаты Америки, по гордому заявленію нью-іоркскаго „Теймса“, представляютъ собой фабрику, магазинъ и биржу союзниковъ. Не фунтъ стерлинговъ, а долларъ является международнымъ мѣриломъ, и векселя пишутся не на Лондонъ, а на Нью-Іоркъ. Соед. Штаты Америки создаютъ съ головокружительной быстротой могучій флотъ и сухопутную армію. Отъ ихъ участія въ войнѣ теперь, послѣ выхода Россіи изъ рядовъ борющихся, зависитъ ея исходъ. И этимъ опредѣляется рѣшающее вліяніе американскаго капитала на цѣли войны, вліяніе, обезпеченное вдобавокъ задолженностью союзниковъ Америкѣ. Японія, передъ войной бывшая финансовымъ вассаломъ Англіи и орудіемъ ея политики, за время войны съ необычайной быстротой превратилась въ экономически и политически сильное милитаристское государство, и опасность, о которой когда-то съ дрожью говорилъ дальновидный глашатай англо-саксонскаго имперіализма Гомеръ-Лій, что для Америки и Англіи настаетъ роковой часъ (the day of Anglo-saxon), эта опасность уже налицо. Возможно, что эту опасность удастся отодвинуть, оставивъ Китай на растерзаніе Японіи и задерживая ея походъ на Австралію, Индію и Тихо-океанскіе архипелаги. Но военная цѣль Англіи-уничтоженіе мировой конкуренціи, угрожающей ей со

стороны Германіи, эта цѣль недостижима. Она была утопіей уже въ первый день войны, такъ какъ Англіи и тогда уже угрожали не только нѣмецкій, но и японскій и американскій имперіализмъ. Теперь это утопія вчерашняго дня.

Не будучи въ состояніи рѣшить ни одного изъ вопросовъ, которые создали эту войну, союзники безпомощно бросаютъ въ бой одинъ милліонъ людей за другимъ, тратятъ одинъ за другимъ милліарды. У нихъ еще достаточно силъ, чтобы затягивать войну, но у нихъ нѣтъ силъ для побѣды. Кончить войны они все-таки не могутъ. Какъ вернуться домой съ пустыми руками къ милліонамъ семей, у которыхъ отняты мужья, сыновья и братья, и сказать имъ: мы пошли сокрушать нѣмецкій имперіализмъ, мы ему отдали полъ-Европы, а вамъ приносимъ сотни милліардовъ долговъ и необходимость созданія новой арміи? Страхъ отвѣта передъ народными массами заставляетъ союзниковъ затягивать войну до безконечности. Въ первый годъ войны они утѣшали массы Франціи, Италіи и Англіи тѣмъ, что нѣмецкую гидру раздавитъ мощная рука Россіи.

Потомъ говорилось, что нѣмецкаго звѣря задавитъ англійскій бульдогъ, теперь ихъ удерживаютъ надеждой на американскую помощь, т. е. надеждой на армію, которую еще надо создать и транспортъ которой въ Европу представляетъ собой одну изъ труднѣйшихъ военныхъ задачъ, которыя когда-либо стояли передъ капиталистическимъ государствомъ.

Послѣ брестъ-литовскаго грабительскаго мира, союзники начали надѣяться на то, что имъ удастся снова втянуть Россію, создающую новую армію, въ войну на своей сторонѣ, перестали кричать объ измѣнѣ Россіи, начали проливать крокодиловы слезы объ ея мученіяхъ и предлагали на словахъ всякую помощь. Но союзники уже не являются хозяевами положенія даже въ своемъ собственномъ лагерѣ. Каждый изъ нихъ, несмотря на клятвы вѣрности союзу, ведетъ политику на собственный страхъ и рискъ, стараясь поставить другихъ передъ совершившимся фактомъ. Въ то время какъ Англія и Франція предавали анаѳемѣ Совѣтскую Россію, американская дипломатія старалась завязать съ ней близкія отношенія. А въ то время, когда и Англія рѣшилась пойти по пути Америки, Франція, въ страхѣ за свои милліарды, вложенные въ Россіи, натравливала на Россію японскую гіену, чтобы та, поживившись на счетъ Россіи, въ благодарность занялась обезпеченіемъ французскихъ займовъ. И въ моментъ, когда Россія организуетъ армію для защиты отъ дальнѣйшаго напора нѣ-

мецкаго имперіализма, Японія всаживаетъ ей ножъ въ спину, причемъ нельзя съ увѣренностью сказать, дѣйствуетъ ли она, побуждаемая лишь собственными аппетитами и по порученію Франціи, или и по порученію Германіи. Что возможность послѣдняго не исключена, это доказываетъ существованіе въ обѣихъ странахъ, и въ Германіи и въ Японіи, вліятельныхъ кликъ, стоящихъ за союзъ этихъ двухъ молодыхъ имперіалистскихъ державъ. Послѣ брестъ-литовскаго разрыва и бандитскаго нападенія Германіи на демобилизующуюся Россію, представитель Англіи торжественно заявлялъ представителямъ Совѣтской Россіи: господа, ваша работа въ Брестъ-Литовскѣ дала намъ нѣсколько корпусовъ: рабочіе Англіи поняли, что на равнинахъ Фландріи они защищаютъ русскую революцію. „Союзная" Японія поспѣшила уничтожить эту иллюзію честныхъ англійскихъ рабочихъ.

III.

Военная и политическая работа какъ центральныхъ державъ, такъ и державъ Согласія—это сизифова работа, которая сводится къ таскапью камней на гору, чтобы вмѣстѣ съ ними, не дойдя вершины, катиться внизъ. Возможно, что война кончится всеобщимъ истощеніемъ. Возможно, что одна сторона выйдетъ изъ нея побѣдителемъ, но тогда побѣдитель, по правильному замѣчанію итальянскаго историка Вилльямо Ферреро, паедтъ трупомъ на трупъ побѣжденнаго. А въ то время, когда имперіалисты всѣхъ странъ заняты безрезультатнымъ разрубаніемъ и разпутываніемъ гордіева узла, въ это время нарастаетъ съ каждымъ днемъ сильнѣе соціальный кризисъ, подготовленный всей имперіалистической эпохой и ускоренный гигантской концентраціей промышленности за время войны, ея милитаризаціей, уничтоженіемъ среднихъ слоевъ, гнетомъ долговъ и всѣми неслыханными бѣдствіями имперіалистической катастрофы. Когда въ началѣ войны въ передовыхъ рядахъ пролетаріата зарождалась оппозиція противъ предательства соціализма, противъ капитуляціи передъ буржуазіей, одинъ изъ нѣмецкихъ буржуазныхъ публицистовъ вспомнилъ старую легенду, гласящую что, когда готы отправлялись черезъ Дунай въ походъ на Римскую Имперію, по ту сторону Дуная, на ихъ старомъ пепелищѣ, собрались боги и плакали. Вотъ ваша оппозиція, говорилъ этотъ публицистъ, вы плачете объ опустошенныхъ храмахъ соціалистическихъ идеаловъ, но готы перешли
(1) Дунай. Послѣ грандіозной забастовки всего австрійскаго и нѣмецкаго пролетаріата никто не можетъ отрицать, что пролетаріатъ центральныхъ державъ, что нѣмецкій пролетаріатъ возвращается къ старымъ геніямъ классо-

вой борьбы. Свирѣпствующая въ Германіи кровавая реакція, побѣда военной партіи является не опроверженіемъ, а потвержденіемъ этого утвержденія. Надвигающаяся нѣмецкая и австрійская революція пока-что дала силу контръ-революціоннымъ элементамъ. „Вы создали положеніе, въ которомъ будутъ стрѣлять въ канцлера, и онъ долженъ будетъ прибѣгнуть къ оружію, чтобъ удержаться", сказалъ послѣ задушенной забастовки одинъ изъ самыхъ заядлыхъ контръ-революціонеровъ, одинъ изъ главарей прусскихъ юнкеровъ. Въ Австріи царитъ полнѣйшій разбродъ. Тамъ соціальная борьба пролетаріата противъ его угнетателей, уже давшая положительные результаты, осложняется аграрнымъ движеніемъ малоземельныхъ крестьянъ Галиціи и Венгріи и крайне обостренной борьбой буржуазіи за національное преобладаніе, за власть въ государствѣ.

А какъ обстоитъ дѣло у союзниковъ? Мы хуже освѣдомлены насчетъ внутренняго положенія Англіи и Франціи, чѣмъ насчетъ положенія въ центральныхъ державахъ. На дняхъ Ллойдъ-Джорджъ вынужденъ былъ публично заявить, что стремленіе къ миру, весьма сильно среди женщинъ. Мы знаемъ изъ устъ французскихъ офицеровъ, что въ рядахъ англійской арміи, сражающейся на французскомъ фронтѣ, намѣчается броженіе, вызывающее безпокойство во французскомъ правительствѣ. Съ другой стороны, въ англійскихъ правительственныхъ кругахъ главной заботой дня является внутреннее положеніе Франціи. Еще въ декабрѣ мѣсяцѣ намъ подтверждали изъ великолѣпно освѣдомленныхъ источниковъ, что во Франціи считаются съ возможностью революціи въ близкомъ будущемъ. Массовые аресты, имѣющіе тамъ мѣсто, доказываютъ, что и старый тигръ Клемансо чувствуетъ, какъ почва колеблется у него подъ ногами. Въ послѣднее время, въ связи съ вопросомъ японской политики, лица, причастныя къ англійскому дипломатическому корпусу, высказывали опасеніе, что Франція толкаетъ Россію на столкновеніе съ союзниками, чтобы получить возможность, въ виду этого новаго факта, требовать ликвидаціи войны. Мы не вѣримъ, чтобы правительство Клемансо было въ состояніи устроить себѣ харакири, вырваться изъ войны безъ всякихъ уступокъ со стороны Германіи въ эльзасъ-лотарингскомъ вопросѣ, но первая волна сильнаго рабочаго движенія во Франціи можетъ привести къ власти клику Кайо, т. е. ту часть финансоваго капитала, которая еще передъ войной спекулировала на соглашеніе съ Германіей. Массовые аресты главарей итальянской соціалистической партіи, приговоръ надъ Лаццари, любимымъ и чтимымъ (1)

вождемъ итальянскаго пролетаріата, доказываютъ какъ вздорны были утвержденія, что итальянскія пораженія уменьшили ростъ классовыхъ противорѣчій въ Италіи. Да, темпъ развитія пролетарской борьбы въ Европѣ не такъ скоръ, какъ мы этого ожидали и какъ мы бы этого хотѣли, но разложеніе основъ имперіалистской войны, повиновенія массъ велѣніямъ капитала, растетъ съ каждымъ днемъ, и каждый день можетъ принести въ этой области самые неожиданные сюрпризы.

Въ бѣгломъ очеркѣ мы охарактеризовали международное положеніе и его полную неустойчивость. Теперь остается только въ его рамкахъ, исходя изъ принципіальныхъ предпосылокъ пролетарскаго коммунизма, набросать линію поведенія рабоче-крестьянской революціи въ
(1) это тяжелое переходное время.

Viator.

(2) О строительствѣ соціализма.

1.

„Новая оріентація“, новая постановка вопросовъ складывается за послѣднее время въ средѣ большинства нашей партіи. Мы говоримъ не о политикѣ внѣшней, а о политикѣ внутренней, въ частности о политикѣ хозяйственной, экономической.

(3) Эта оріентація, авторомъ которой является тов. Ленинъ, состоитъ въ слѣдующемъ. Приблизительно до конца января 1917 г. мы переживали острый періодъ гражданской войны, время острой ломки старыхъ политическихъ и экономическихъ порядковъ и тѣхъ силъ, которыя ихъ защищали. Теперь это время кончилось, и настало время дѣловой, положительной работы, „органическаго строительства“ новаго общества. Съ одной стороны, мы должны строить соціализмъ. Съ другой стороны, мы должны вездѣ и всюду навести порядокъ, о которомъ вопіютъ всѣ, прекратить развалъ, разруху, разгильдяйство. Такъ какъ мы—сила, такъ какъ враги наши разбиты, намъ не страшно использовать общественныя силы, которыя были намъ враждебны. Мы должны поставить на работу интеллигенцію, саботировавшую насъ. За деньги служила она капиталу. За деньги купимъ ее и мы. Особенно важны намъ въ средѣ интеллигенціи тѣ организаторы производства, „капитаны промышленности“, которые организовывали хозяйство для капитала. Подобно тому, какъ царскихъ командировъ мы заставимъ помочь намъ въ устройствѣ красной арміи, подобно этому организаторовъ трестовъ мы привлечемъ

къ организаціи соціализма, купивъ ихъ по какой угодно цѣнѣ.

„Учиться организаціи соціализма у организаторовъ трестовъ"—таковъ одинъ лозунгъ тов. Ленина. Другой лозунгъ—„уничтоженіе разгильдяйства". Сверху до низу въ организаціяхъ, завѣдующихъ разными отраслями хозяйства, господствуютъ разгильдяйство, ничего недѣланіе и воровство, которыя процвѣтаютъ на этой гнилой почвѣ. „Не грабь, не лодырничай, веди всему строгій учетъ"—эти простыя „мѣщанскія" заповѣди должны стать нашими главными лозунгами*). Надо научить всѣхъ—служащихъ рабочихъ, чиновниковъ, не только потреблять, но и правильно работать. Для этого нужно ввести самодисциплину и товарищескіе суды, укрѣплять единоличную власть комиссаровъ, избранныхъ совѣтами, но занимающихся не разговорами, а работой. Надо поднять напряженность труда введеніемъ сдѣльной платы и премій за производительность на заводахъ, желѣзныхъ дорогахъ и пр. Надо даже, можетъ быть, ввести американскую „систему Тэйлора", которая соединяетъ поштучную и часовую расплату: платятъ не только по количеству сработаннаго, но и за болѣе короткій срокъ выработки. (1)

Сторонники „новой ориентаціи" утверждаютъ, что все это и есть строительство соціализма, и что ихъ новый взглядъ на задачи политики зависитъ только отъ того, что внутри страны насталъ новый періодъ, органическій періодъ. А между тѣмъ всѣ эти новыя вѣянія страннымъ образомъ совпадаютъ съ моментомъ заключенія мира, съ тѣмъ отступленіемъ передъ міровымъ капиталомъ, которымъ по существу дѣла былъ захватный миръ, съ тѣми дальнѣйшими внутренними уступками иностранному имперіализму, которыя изъ него вытекаютъ. Война ведется, вѣдь, не только для захвата земель, территорій, но и для хозяйственнаго подчиненія ихъ щупальцамъ капитала. Захватный миръ заключается имперіалистами для того, чтобы использовать хозяйство побѣжденной страны. И даже у самого тов. Ленина новый органическій „соціалистическій" періодъ идетъ рядомъ съ завязываніемъ связей съ иностраннымъ капиталомъ, отъ котораго онъ хочетъ получать деньги, инженеровъ, оружіе, военныхъ инструкторовъ и, можетъ быть, военную поддержку. Онъ связывается съ устройствомъ собственной арміи, которая называется „красной", но которая фор-

*) Всѣ эти лозунги и связанная съ ними программа должны были быть обоснованы въ тезисахъ тов. Ленина, которые онъ на совѣщаніи руководящихъ членовъ Ц. К. съ группой лѣвыхъ коммунистовъ 4 апрѣля обѣщалъ въ близкомъ будущемъ опубликовать. Кстати, почему эти тезисы до сихъ поръ не опубликованы? (2)

мируется при ближайшемъ — слишкомъ близкомъ и опасномъ—сотрудничествѣ царскихъ офицеровъ и генераловъ.

2.

Такъ что же, скажутъ намъ, по-вашему острое время ломки буржуазнаго общества еще не миновало? И неужели вы отрицаете необходимость дѣловой работы и наведенія порядка въ нашемъ „соціалистическомъ отечествѣ"?

Мы не отрицаемъ ни того, ни другого. Но не тотъ смыслъ имѣетъ для насъ окончаніе остраго періода. И мы полагаемъ, что нужна иная дѣловая работа, иной порядокъ, чѣмъ проповѣдуемые нашимъ партійнымъ большинствомъ.

(1) Острый періодъ ломки оружіемъ вооруженныхъ силъ буржуазіи (бѣлогвардейцевъ, калединцевъ и пр.) кончился. Кончился также острый періодъ ломки буржуазнаго и интеллигентскаго саботажа. Кончился острый періодъ ломки буржуазнаго государственнаго и хозяйственнаго порядка—стараго суда, земствъ и городовъ, банковъ, капиталистическаго и помѣщичьяго хозяйства и пр. Но не кончился періодъ остраго классоваго противорѣчія между буржуазіей и пролетаріатомъ: онъ и не можетъ окончиться. Побѣдивъ буржуазію, рабочіе не могутъ заключить съ ней миръ, они должны до конца уничтожить ее, какъ классъ; сломивъ вооруженныя силы и классовыя опоры буржуазіи, мы не можемъ итти на сдѣлки съ остатками ея организованныхъ силъ, сохранять остатки буржуазныхъ общественныхъ отношеній, не можемъ вступать съ буржуазіей въ соглашенія, какъ съ классомъ.

Мы должны использовать знанія и опытъ бывшихъ наемниковъ буржуазіи, ея организаторовъ, техниковъ, ученыхъ и пр. (у самой буржуазіи, у самихъ капиталистовъ этихъ знаній и опыта немного). Но использовать по-нашему, разрушивъ между ними организованную, классовую связь, порвавъ ихъ связь съ буржуазіей и буржуазнымъ порядкомъ.

Мы должны поставить ихъ на работу въ новомъ сочетаніи, въ новой общественной связи, какъ работниковъ всего общества, подчиненныхъ велѣніямъ рабочихъ и крестьянъ, растворенныхъ въ ихъ рядахъ.

И наша дѣловая работа, „органическое строительство" соціализма должны быть иными. Организаторы трестовъ не смогутъ и не сумѣютъ построить соціализмъ. Онъ можетъ быть построенъ только классовымъ творчествомъ самого пролетаріата, его массовыми усиліями при техническомъ содѣйствіи интеллигенціи.

Нечего думать также о мирной органической работѣ подъ флагомъ мѣщанскихъ прописей. Прежде всего этого не допускаетъ внѣшнее положеніе, рѣшительный натискъ имперіализма со всѣхъ сторонъ. Если только мы строимъ соціализмъ, то такое строительство будетъ неизбѣжно связано съ борьбой, съ отпоромъ домогательствамъ иностраннаго имперіализма. Да и въ самомъ этомъ строительствѣ недостаточно простыхъ мѣщанскихъ заповѣдей и добросовѣстной механической работы по чужой указкѣ. Не бывшіе слуги капитала должны двигать рабочими, какъ мертвыми пѣшками: сами рабочія массы должны развить высшую инціативу и дѣйственность. Въ ходѣ этого строительства рабочіе будутъ организовать и развивать свою силу. Соціализмъ станетъ на твердую ногу и его нельзя будетъ искоренить только въ томъ случаѣ, если новое хозяйство будетъ поставлено самимъ пролетаріатомъ, будетъ подчинено ему, какъ хозяину, будетъ для него близко, знакомо, и если организація этого хозяйства сорганизуетъ самихъ рабочихъ.

Не пассивная дѣловая работа подъ руководствомъ бывшихъ слугъ капитала и организація ими „соціализма" по способамъ организаціи трестовъ, а активное строительство соціализма рабочими при техническомъ содѣйствіи интеллигенціи и борьба пролетаріата за соціализмъ противъ внѣшнихъ и внутреннихъ враговъ (въ видѣ ли активной обороны или въ видѣ наступленія—въ зависимости отъ обстановки),—такова наша точка зрѣнія.

3.

Прежде чѣмъ пойти дальше, сдѣлаемъ пару общихъ замѣчаній объ организаціи производства, въ частности, объ организаціи производства въ капиталистическомъ обществѣ.

Одной изъ самыхъ характерныхъ чертъ, возникающихъ вмѣстѣ съ вторженіемъ капитала въ область производства, является то, что всѣ элементы, всѣ составныя части производственнаго процесса принимаютъ видъ цѣнностей. которыя, сочетаясь, возрастаютъ въ объемѣ и образуютъ капиталъ, производящій прибавочную стоимость.

Это относится, прежде всего, къ рабочей силѣ, которая покупается какъ товаръ, ввергается въ лоно капитала и въ своемъ потребленіи, использованіи создаетъ новую, добавочную стоимость, сохраняя въ то же время, „перенося" на производимый товаръ старую стоимость—стоимость средствъ производства (машинъ, матеріаловъ и пр.). Именно этотъ характеръ рабочей силы составляетъ основу такъ называемаго экономическаго самодержавія капиталиста, его командной власти (Kommando des Kapitals—Марксъ).

На капиталистической фабрикѣ не столько рабочій примѣняетъ средства производства для выработки продукта, сколько средства производства, превращенныя въ капиталъ, примѣняютъ, потребляютъ, высасываютъ рабочаго, извлекая изъ него прибавочную стоимость. Поэтому на большой фабрикѣ агенты капитала, его живые глаза и уши (директора, инженеры, мастера и пр.) не только организуютъ техническій процессъ производства, не только организуютъ трудъ, какъ „конкретную“, производящую потребительныя цѣнности работу, но организуютъ также и потребленіе рабочей силы, добываніе изъ рабочихъ „абстрактнаго“ труда, физіологической затраты энергіи, которая создаетъ мѣновую цѣнность. Послѣднее всего важнѣе. И въ этомъ отношеніи для нихъ нѣтъ свободнаго человѣка, имѣющаго самостоятельную волю. Есть только купленный за деньги особый товаръ, живая вещь, источникъ мѣновой цѣнности, золотого сока. Разъ этотъ товаръ проданъ за деньги, онъ уже не долженъ „разговаривать“. И потому первѣйшая задача всѣхъ этихъ инженеровъ, техниковъ, надсмотрщиковъ есть наилучшее использованіе этого товара, наиболѣе полное выжиманіе изъ него драгоцѣннаго сока; а для этого ихъ командная власть надъ рабочей силой должна быть неограниченна.

Управленіе большимъ заводомъ всегда бываетъ централизовано, объединено въ одной точкѣ, прежде всего вслѣдствіе той технической концентраціи, которую порождаетъ капитализмъ; кромѣ того, оно бываетъ самодержавно, такъ какъ направлено на производство прибавочной стоимости.

Съ этой главной цѣлью капиталистическаго производства связана еще одна сторона дѣла. Для капиталиста важно не только полностью использовать уже купленный товаръ—рабочую силу. Важно еще вліять на самого товаровладѣльца. Рабочій, вѣдь, является товаровладѣльцемъ, да еще такимъ, который носитъ этотъ товаръ въ себѣ и все время имъ управляетъ. Поэтому капиталистъ старается создать такое положеніе, чтобы, сохраняя команду капитала и неограниченное право выжиманія, оставляя рабочаго живой вещью,—заставить его, какъ товаровладѣльца и человѣка, управляющаго своей рабочей силой, самого выжимать изъ себя побольше золотого сока и отдавать его капиталисту. Это достигается, говоря словами Маркса, путемъ превращенія заработной платы изъ цѣны рабочей силы въ цѣну труда. Рабочему платятъ не за то, что онъ вообще нанялся работать на извѣстный срокъ—скажемъ, мѣсяцъ, двѣ недѣли. Ему начинаютъ платить по часамъ, поштучно, вводятъ преміи и т. п.

Пролетарій, какъ человѣкъ не владѣющій капиталомъ и не заинтересованный въ производствѣ прибавочной стоимости (ее-то, вѣдь, выжимаютъ изъ него, а не для него), смотритъ на производство и на свою работу прежде всего съ точки зрѣнія общественной. Поскольку онъ дѣлается сознательнымъ членомъ своего класса, класса производительныхъ рабочихъ, онъ разсматриваетъ фабрику, какъ общественную производительную силу, которая выпускаетъ потребительныя цѣнности и которая когда-нибудь должна начать служить только обществу. Въ трудѣ онъ видитъ также общественную функцію производства полезныхъ благъ. Себя онъ имѣетъ слабость разсматривать, какъ живого человѣка и члена общества. Да и какъ товаровладѣлецъ, онъ вовсе не заинтересованъ въ томъ, чтобы его рабочая сила истощалась чрезмѣрно и преждевременно изсякла.

Но такой взглядъ весьма не по-нутру капиталисту: ему важно раздробить рабочихъ, сдѣлать изъ нихъ только разъединенныхъ товаровладѣльцевъ, торгашей своей рабочей силой, выбивающихъ изъ нея копейку. Это укрѣпляетъ самодержавіе капитала и облегчаетъ ему извлеченіе изъ рабочаго прибавочной цѣнности. Поэтому самодержавная и іерархическая система управленія капиталистическими предпріятіями тѣсно связана съ системой сдѣльной платы, премій, „участія въ прибыляхъ“ и, наконецъ, съ высшимъ синтезомъ всѣхъ этихъ пріемовъ—„системой Тэйлора“ (поскольку она является системой выжиманія пота въ первую очередь).

4.

Посмотримъ теперь, какъ собираются „строить соціализмъ“ товарищи изъ партійнаго большинства. Форма организаціи производства у нихъ намѣчается приблизительно такая. Организуется, напр., вагоно- и паровозостроительная промышленность *) Для этого всѣ предпріятія, занимающіяся постройкой вагоновъ и паровозовъ, объявляются собственностью государства. Изъ нихъ образуется одно предпріятіе, государственный трестъ.

*) Люди „свѣдущіе“ знаютъ, что примѣры, нами приводимые, не являются фантазіей и опираются на проекты, обсуждавшіеся въ учрежденіяхъ, которымъ это вѣдать надлежитъ. Въ самое послѣднее время (уже послѣ написанія этой статьи) названные проекты въ ихъ первоначальной формѣ отодвинулись въ сторону. Также „отцвѣлъ“, не получивъ распространенія, лозунгъ обученія соціализму подъ руководствомъ организаторовъ трестовъ. Но это не мѣняетъ дѣла: мы разбираемъ цѣлый курсъ политики въ его наиболѣе яркомъ выраженіи. Эти проекты всегда могутъ и воскреснуть. Выступленія „коммунистовъ“ Луковскаго доказываютъ, что въ области финансовой политики идеи Смольяна продолжаютъ торжествовать. (1) (2)

Съ внѣшней стороны это предпріятіе имѣетъ видъ акціонернаго общества, всѣ акціи котораго (или подавляющее большинство) принадлежатъ государству. Но для того, чтобы „купить“ участіе въ дѣлѣ „капитановъ промышленности“, организаторовъ трестовъ, имъ либо передается часто акцій, либо это акціонерное предпріятіе выпускаетъ облигаціи, т. е. долговыя обязательства, по которымъ платится твердый, разъ навсегда опредѣленный процентъ (въ отличіе отъ акцій, по которымъ дивиденды платятся перемѣнный, въ зависимости отъ величины полученной за годъ прибыли). Этими-то облигаціями и покупаются капиталисты-организаторы. Замѣтимъ, кстати, покупаются не только они, но и выкупаются у нихъ націонализированные заводы. Происходитъ уже не аннулированіе, уничтоженіе стараго акціонернаго капитала, а выплата его путемъ обмѣна на облигаціи. Изъ совладѣльцевъ предпріятія акціонеры дѣлаются его кредиторами, заимодавцами. Получатъ ли они при этомъ возмѣщеніе всего своего капитала или только части его,— это ужъ вопросъ другой. Часть капитала они во всякомъ случаѣ получатъ, и при обмѣнѣ акцій на облигаціи организаторы треста еще погрѣютъ себѣ руки,—вотъ вамъ и „взятка“.

Какъ будетъ устроено управленіе такого треста? Нѣтъ никакого сомнѣнія, что оно, прежде всего, будетъ весьма централизованнымъ. Оно будетъ сосредоточено въ одномъ центрѣ, въ одномъ ядрѣ, которое составится изъ представителей государства, господъ „капитановъ промышленности“ (они же и представители заимодавцевъ, облигаціонеровъ) и представителей профессіон. союзовъ. Вся иниціатива въ дѣлѣ организаціи и руководства предпріятіемъ будетъ принадлежать „организаторамъ трестовъ“: вѣдь мы не учить ихъ хотимъ, не дѣлать ихъ рядовыми работниками, а учиться у нихъ. Естественно, что и на низахъ, на отдѣльныхъ заводахъ управленіе будетъ централизованнымъ и самодержавнымъ. Изъ центра будутъ назначаться директора, рядомъ съ которыми, можетъ быть будутъ стоять „архангелы“, по выраженію тов. Крыленко, контролеры-комиссары. Власть ихъ не будетъ ограничена вмѣшательствомъ рабочихъ даннаго завода: въ лучшемъ случаѣ рабочіе комитеты будутъ имѣть право жалобы на ихъ дѣйствія въ высшій центръ. Рабочій контроль въ развитомъ своемъ видѣ уже не нуженъ: контроль можно осуществлять изъ центра. Тамъ, вѣдь, будутъ засѣдать, какъ представители пролетарско-крестьянской власти, такъ и представители профессіональныхъ верхушекъ. Правда, они должны будутъ прежде всего учиться у гг. капиталистовъ: но это не бѣда, ученики могутъ контролировать учителей.

Организація промышленнаго труда, которая намѣчается при этомъ, также весьма характерна. Довольно митинговать и „разрѣшать конфликты“. Прежде всего—за работу! Объ устройствѣ производства позаботятся въ центрѣ; а рядовой рабочій долженъ помнить прежде всего о томъ, что онъ—рабочая сила, которую нужно использовать какъ можно интенсивнѣе. Рабочіе не выдержали экзамена на общественную зрѣлость, они не сумѣли наладить производство, не сумѣли соединить освобожденіе отъ палки капиталиста съ повышеніемъ производительности труда; а потому ихъ надо отставить отъ руководства производствомъ и заставить работать путемъ матеріальныхъ поощреній: ввести сдѣльную плату и, можетъ быть, систему Тэйлора. Разъ нѣтъ капиталистовъ, это не опасно. Притомъ надо также вести и агитацію среди нихъ за самодисциплину, за введеніе товарищескихъ судовъ, нормъ выработки и т. п. Надо сверху натягивать возжи и снизу побуждать рабочихъ подчиниться этимъ возжамъ, да и самимъ натянуть ихъ на себя. Все это неопасно: у власти рабочій классъ, и организаторы трестовъ будутъ только учителями, инструкторами.

5.

Правда ли, что это неопасно? И что же получается и можетъ получиться при такомъ „строительствѣ соціализма“? Мы думаемъ, что это—очень опасный путь и что соціализмомъ тутъ пахнетъ очень мало.

Прежде всего, если переходъ къ соціализму усматривается въ націонализаціи предпріятій, то сама по себѣ націонализація, т-е. переходъ предпріятія въ собственность государства, еще никакого соціализма не обозначаетъ. Въ Пруссіи всѣ желѣзныя дороги перешли въ руки государства, но никто не думаетъ, чтобы это было мѣрой, переходной къ соціализму.

Для того, чтобы націонализація имѣла такой смыслъ, стала соціализаціей, необходимо, во-первыхъ, чтобы организація хозяйства въ націонализированныхъ предпріятіяхъ была построена на соціалистическихъ началахъ, чтобы была уничтожена командная власть капитала и чтобы не было въ устройствѣ предпріятія почвы для возрожденія этого командованія; во-вторыхъ, нужно, чтобы та общественная власть, въ руки которой переходитъ собственность на средства производства, была властью пролетарской. Какъ обстоитъ у насъ дѣло съ этими двумя предпосылками?

Что касается второй предпосылки, то она есть налицо. Мы имѣли до сихъ поръ диктатуру пролетаріата и бѣднѣйшихъ крестьянъ. Будемъ ли мы имѣть ее и впередъ?

Если вопросъ тутъ ставится въ томъ смыслѣ—„имѣемъ ли мы угрозу возстановленія власти соглашательской интеллигентской клики и кадетской буржуазіи“, то на него надо отвѣтить отрицательно. Но если рѣчь идетъ о томъ, нѣтъ ли тенденціи къ перерожденію пролетарско-полупролетарской диктатуры въ политическое господство полупролетарско-мелкобуржуазной массы, то на это надо отвѣтить утвердительно. Такая опасность есть. Какъ это обосновывается въ печатаемыхъ здѣсь же „тезисахъ о текущемъ моментѣ“, экономическія и международныя послѣдствія мира такую тенденцію создаютъ, и ее можно преодолѣть только рѣшительной классовой политикой и рѣшительнымъ строительствомъ настоящаго соціализма. Такимъ строительствомъ рабочій классъ укрѣпить свою соціальную базу, основу, которая дала сейчасъ нѣкоторыя трещины, сорганизуетъ, усилитъ себя. Если онъ не сдѣлаетъ этого, если его увлекутъ въ другую сторону, то перерожденіе господствующей въ Россіи политической силы и перерожденіе совѣтской власти неизбѣжно. Поэтому, въ значительной мѣрѣ вопросъ о томъ, будемъ ли мы имѣть такую власть, при которой націонализація будетъ шагомъ къ соціализму, зависитъ отъ того, какъ будетъ организовано производство, воплотятся ли въ организаціи производства соціалистическія начала и сорганизуетъ ли, воспитаетъ ли пролетаріатъ въ соціалистическомъ направленіи эта организація производства.

Слѣдовательно, намъ приходится вернуться къ разсмотрѣнію той формы организаціи производства, которую предлагаетъ партійное большинство. Внѣшняя, правовая ея оболочка есть націонализація. Мы уже говорили, что само по себѣ это никакого соціализма не обозначаетъ Болѣе того: форма акціонернаго общества, въ которую предполагается облечь государственные тресты, есть въ своемъ законченномъ видѣ—порожденіе эпохи финансоваго капитала и государственнаго капитализма. Акціонерное общество—наиболѣе удобная форма для того сліянія банковъ и промышленности, которое создается финансовымъ капитализмомъ.

Пусть эта форма въ данномъ случаѣ есть обстоятельство случайное (хотя, по нашему мнѣнію, оно вовсе не случайно). Но далеко не случайно то, что „взятка“ организаторамъ трестовъ дается въ формѣ выпуска облигацій *). Если бы они покупались, какъ обычные инструктора-организаторы, какъ отдѣльные спеціалисты,

*) Такое же значеніе имѣетъ передача гг. банкирамъ части акцій — и другія подобныя условія.

достаточно было бы хорошаго личнаго вознагражденія. Но дѣло въ томъ, что они покупаются, какъ представители опредѣленнаго класса, и взятка (точнѣе выкупъ) дается всему этому классу. Тѣмъ самымъ, съ одной стороны, этому классу дѣлается уступка, которая укрѣпляетъ его общественную силу; съ другой стороны, закрѣпляется связь этихъ инструкторовъ съ ихъ классомъ—буржуазіей. Они выступаютъ не только, какъ служащіе Совѣтской республики, но и какъ представители финансоваго капитала. Съ этимъ почти неизбѣжно связано ихъ участіе въ будущихъ трестахъ, какъ оффиціальныхъ представителей облигаціонеровъ. А такъ какъ эти облигаціонеры въ дѣйствительности будутъ тѣми иностранными банкирами, которые раньше владѣли акціями заводовъ и съ согласія которыхъ, несомнѣнно, и войдутъ въ дѣло гг. Мещерскіе и прочіе „организаторы трестовъ“, (1)
то ясно, что самая подлинная, кровная связь съ иностраннымъ финансовымъ капиталомъ (въ частности, скажемъ, съ германскимъ) будетъ налицо. Вотъ почему не случайна система облигаціоннаго займа и акціонернаго общества: они являются для гг. организаторовъ трестовъ необходимой частью сдѣлки, которая связываетъ ихъ съ международнымъ капиталомъ и которая можетъ быть тѣмъ мостикомъ, черезъ который онъ начнетъ вновь входить въ „соціализированную“ промышленность. Уже съ этой точки зрѣнія имѣется опасность того, что наши „учителя“ будутъ не помогать намъ строить соціализмъ, а подъ сурдинку будутъ готовить настоящій капиталистическій трестъ, поведутъ свою классовую работу.

Но все это пока касается только внѣшней обмолочки и связи съ „внѣшнимъ“ капиталистическимъ „міромъ“. Правда, что авансы въ эту сторону въ моментъ, когда на насъ со всѣхъ сторонъ устремились щупальцы иностранныхъ банкировъ и штыки руководимыхъ ими имперіалистскихъ коалицій, когда всякая связь быстро можетъ превратиться въ подчиненіе, особенно опасны. Но это внѣшность; самое важное сохранить во внутренней организаціи производства диктатуру, командную власть пролетаріата, а не капиталистовъ.

Какъ будетъ обстоять дѣло въ этомъ отношеніи? Весьма печально. Пролетарскимъ массамъ предлагается смотрѣть на себя прежде всего, какъ на рабочихъ, въ профессіональномъ, техническомъ смыслѣ этого слова. Заботьтесь прежде всего о томъ, чтобы работать. Проникнитесь мѣщанскими заповѣдями,—отнынѣ это главный вашъ лозунгъ. Забота о руководствѣ предпріятіями, о направленіи ихъ дѣятельности съ васъ снимается. Этому насъ будутъ „учить“ гг. организаторы промышленности.

это будетъ рѣшаться въ центрѣ. Ваша общественная задача сводится къ участію въ выборахъ той верхушки, которая будетъ защищать ваши интересы, и къ пассивному содѣйствію водворенію „трудовой дисциплины“ и порядка на мѣстахъ. Ибо ясно, что съ централизаціей управленія и здѣсь соединяется самодержавный его характеръ. Директора, посланные на заводы, имѣютъ полную власть и право требовать себѣ полнаго повиновенія: въ этой формѣ будетъ реализоваться самодисциплина и
(1) наводиться порядокъ (ср. декретъ объ управленіи желѣзными дорогами).

Сумѣетъ ли та рабочая верхушка, которая будетъ засѣдать въ правленіи треста вмѣстѣ съ капиталистическими дѣльцами обезпечить пролетаріату реальную командную власть надъ производствомъ? Мы въ этомъ сильно сомнѣваемся, разъ пролетаріатъ, какъ классъ, дѣлается элементомъ пассивнымъ, объектомъ, а не субъектомъ организаціи производства труда. Рабочіе вожди могутъ быть сильны только непосредственной связью съ активными массами. Да и сама эта рабочая бюрократія будетъ выступать въ роли пассивныхъ учениковъ гг. представителей капитала, сама она болѣе всего будетъ проникнута „дѣловыми“ заповѣдями Смайльса. Здѣсь также создается прочный мостикъ, по которому финансовый капиталъ (въ особенности при хорошемъ давленіи извнѣ) можетъ возвращаться на свои старыя позиціи.

Къ этому надо добавить, наконецъ, еще и третій мостикъ. Для того, чтобы поощрить трудовое рвеніе рабочихъ, вводятся сдѣльная плата и хронометражъ (учетъ работы по часамъ*)—система Тэйлора). Мы уже говорили выше о вліяніи на классовое единство и сознательность рабочихъ этихъ формъ заработной платы. Онѣ созданы капиталомъ для того, чтобы разбить пролетарскую солидарность. Онѣ создаютъ среди рабочихъ конкуренцію и разслоеніе. Онѣ ведутъ къ перевѣсу личныхъ эгоистическихъ интересовъ надъ общими, классовыми. Онѣ превращаютъ рабочихъ въ мелкихъ торгашей своей рабочей силой, онѣ есть лучшее средство внѣдрить въ рабочія массы мелко-буржуазную психологію и мелкобуржуазное вліяніе, даже просто превратить въ концѣ-концовъ наиболѣе ловкихъ рабочихъ въ мелкихъ собственниковъ. Онѣ заставляютъ обращать все вниманіе на профессіональную, цеховую работу, отвлекаютъ вниманіе отъ общественныхъ задачъ. Рабочій стремится „выбить“ какъ можно больше въ день, на остальное у

*) Именно эта сторона дѣла въ системѣ Тэйлора—не ея положительная, организующая сторона интересуетъ конечно, сторонниковъ „новой ориентаціи“.

него не остается ни времени, ни интереса. Принимая во вниманіе общую усталость и истощенность рабочихъ въ наше время, надо сказать, что введеніе всѣхъ этихъ капиталистическихъ приманокъ можетъ въ огромной степени увеличить классовую пассивность, бездѣятельность россійскаго пролетаріата. И это, съ одной стороны, въ моментъ остраго натиска мірового имперіализма и, съ другой стороны, въ преддверіи рѣшительнаго боя, къ которому надо быть постоянно готовымъ!

Мы уже не говоримъ о томъ, какъ это повліяетъ на положеніе безработныхъ, съ одной стороны, и на отношеніе занятыхъ и безработныхъ пролетаріевъ—съ другой. По всѣмъ направленіямъ—невеселыя перспективы: разслоеніе пролетаріата, выдѣленіе равнодушныхъ къ политикѣ рабочихъ аристократовъ, завидующихъ имъ неудачниковъ и всеобщая пассивность. При такихъ условіяхъ привлеченіе капиталистовъ къ организаціи производства обѣщаетъ мало хорошаго.

6.

Что же оно, въ общемъ, обѣщаетъ? Допустимъ, что рабочіе примутъ эту новую систему (хотя водвореніе прежнихъ директоровъ, прежнихъ душителей и саботажниковъ на заводы подъ охраной совѣтской власти врядъ ли вѣроятно) Оно обѣщаетъ, прежде всего, укрѣпленіе позиціи капиталистовъ. Окончаніе „остраго періода“ ломки буржуазнаго порядка по существу будетъ обозначать начало уступокъ остаткамъ разбитой буржуазіи. Если это не будетъ укрѣпленіемъ позиціи русской буржуазіи, то, во всякомъ случаѣ, это есть открытіе лазеекъ международному капиталу. Германскій имперіализмъ, несомнѣнно, сейчасъ весьма озабоченъ изысканіемъ такихъ лазеекъ и посадилъ за эту работу сотни чиновниковъ и „ученыхъ“. Мы спѣшимъ навстрѣчу его стараніямъ. Разъ войдя въ эти лазейки, пользуясь той пассивностью рабочаго класса, которую разовьетъ въ немъ „органическая работа“ право-большевистскаго образца, иностранный капиталъ пойдетъ дальше и начнетъ возстанавливать все больше свою командную власть.

Форма организаціи государственныхъ предпріятій—объединеніе въ тресты, облигаціонные займы, бюрократическая централизація, акціонерная оболочка—все это облегчаетъ проникновеніе иностраннаго финансоваго капитала — будь ли то „злой“ нѣмецкій, или „добрый“ американскій. Абсолютная командная власть, находящаяся на добрую половину въ рукахъ патентованныхъ дѣльцовъ, будетъ эволюціонировать къ командной власти капитала.

А вся система въ цѣломъ, принимая во вниманіе другія сопутствующія такой линіи политики обстоятельства, можетъ составить этапъ по направленію къ возникновенію въ Россіи **государственнаго капитализма**, который не могъ возникнуть на гнилой почвѣ царскаго самодержавія и который, въ случаѣ перевѣса упадочной тенденціи въ русской революціи (если оставить въ сторонѣ перспективу революціи **международной**), можетъ теперь возникнуть на расчищенной отъ крѣпостничества почвѣ.

Россійскій пролетаріатъ долженъ пойти по другому пути, на которомъ онъ укрѣпитъ свою активную классовую силу, свою способность къ отпору международнымъ хищникамъ, свое вліяніе на развитіе и успѣхъ международной революціи, **великаго** и окончательнаго избавленія отъ гнета капитала. Это — путь строительства **настоящаго соціализма** силами самого пролетаріата, безъ опеки **капиталистическихъ** наставниковъ.

Объ этомъ пути мы будемъ говорить въ другой статьѣ.

Н. Осинскій.

Политическое обозрѣніе.

Герои соціалъ-предательства.

Нѣтъ болѣе отвратительнаго субъекта, чѣмъ прихлебатель съ рабьей психологіей, который притворяется революціонеромъ. И нѣтъ болѣе отталкивающаго существа, чѣмъ напомаженная проститутка, надѣвающая на себя „для невинности“ гимназическое платье.

Однако иногда волею исторіи такими собирательными субъектами оказываются цѣлыя политическія партіи. Они божатся, они клянутся въ своей чистотѣ, святости и преданности „народному дѣлу“! Но ихъ „преданность“ какъ двѣ капли воды смахиваетъ на „предательство“, а ихъ „чистота“ при ближайшемъ разсмотрѣніи оказывается слоемъ бѣлилъ, подъ которыми усиленно прячется далеко не чистый и отнюдь не пресвятой „ликъ“.

Въ русской революціи такими партіями выказали себя меньшевики и эсеры. Точно такъ же, какъ западноевропейскій имперіализмъ душитъ рабочее движеніе руками оффиціальной соціальдемократіи, въ Россіи самыя гнусныя, самыя свирѣпыя расправы съ рабочимъ классомъ и крестьянствомъ производились руками этихъ съ позволенія сказать, „соціалистическихъ“ партій.

Іюньское наступленіе Керенскаго; іюльскій погромъ и клеветническая кампанія противъ пролетаріата вкупѣ (1)
съ царскими прокурорами и заматорѣлыми охранниками;
разоруженіе пролетаріата; подготовка смертной казни (2)
на фронтѣ; реализація этихъ казней; звѣриныя расправы съ крестьянами, не уважающими права помѣщичьей собственности; сраженіе бокъ-о-бокъ съ юнкерами и бѣлогвардейцами противъ рабочихъ и солдатъ въ октябрѣ; организація дворянско-буржуазнаго возстанія юн- (3)
керовъ эсеромъ Гоцемъ; организація саботажа; безпрестанные заговоры противъ совѣтской власти; помощь предательской эсеровско-меньшевистской (въ то же время помѣщичье-буржуазной) Украинской Радѣ-таковъ простой перечень главныхъ фактовъ, иллюстрирующихъ поведеніе этихъ партій на протяженіи нашей великой революціи.

Послѣднія событія въ жизни Россіи, чрезвычайно тяжелое пораженіе на внѣшнемъ фронтѣ, вновь окрылило совсѣмъ было угасшія силы этихъ партій. А связанныя съ этимъ пораженіемъ затрудненія еще болѣе окрылили надежды тѣхъ, кто своей главной задачей поставилъ сверженіе рабоче-крестьянской власти, ибо... ибо Россія „не дозрѣла“ еще до той поры, когда палка капиталиста не составляетъ уже непремѣнной принадлежности производительнаго процесса.

Въ Николаевѣ, Одессѣ, на всемъ югѣ, подвергнувшемся по милости Рады набѣгу германско-гайдамацкихъ полчищъ, граждане-меньшевики „использовали моментъ“ для того... чтобы сдѣлать невозможной оборону и свалить совѣтскую власть. Въ то самое время, когда положеніе дѣлъ повелительно диктовало планомѣрную эвакуацію, эти милые господа выдвигали лозунгъ: „Ни пуда стали, ни фунта нефти къ вывозу“ (это, видите-ли, порождаетъ безработицу). И чѣмъ ближе подходили нѣмцы, тѣмъ нагляѣе выдвигался лозунгъ Учредительнаго Собранія.

Меньшевики и правые эсеры-зеркало буржуазной души. Сейчасъ буржуазія, не имѣющая никакого вкуса къ защитѣ соціалистическаго отечества, ориентируется на два фронта: одни ждутъ нѣмца, другіе—японца и англичанина. Господа буржуа готовы уже перевести Россію на колоніальное положеніе, лишь бы избавиться отъ большевиковъ. И какъ всегда бываетъ при этомъ колоніальномъ положеніи, различныя группировки буржуазіи ищутъ себѣ высокаго покровителя то съ одной, то съ другой стороны.

Если за какимъ-нибудь Мещерскимъ стоитъ иностран- (4)
ный капиталъ, то за какой нибудь „Стахѣевской груп-

ной"—стоитъ иностранный капиталъ иной марки. И когда рѣчь заходитъ объ избавленіи отъ „гнета большевистскихъ разбойниковъ", то въ зависимости отъ всякихъ „связей" почтенные бюргеры тянутъ свою пѣсню. Какъ же тутъ отстать меньшевикамъ и эсерамъ!

Въ „сердцѣ Россіи", гдѣ патріотическія чувства должны быть особенно сильны, эсеры, кадеты, энесы, плехановцы изволятъ „совѣщаться" на предметъ одобренія японскаго адмирала, храбро высадившаго свой десантъ во Владивостокѣ. Правда, эсеровскій центральный
(1) комитетъ „опровергалъ" свое участіе въ этомъ предатель-
(2) скомъ собраніи. Но „неоффиціальная" „Земля и Воля" отнеслась къ грабительскому выступленію адмирала
(3) Като болѣе чѣмъ благосклонно. „Если наши союзники (тѣ самые!) устоятъ на Западѣ предъ бѣшенымъ натискомъ германскихъ войскъ, если въ самой Россіи народъ поднимется и начнетъ борьбу за свою независимость, то высадка союзныхъ войскъ можетъ быть намъ полезной". (№ 246). А въ № 248 той же газетѣ эсеры „догадываются", что „не войну съ Россіей преслѣдуетъ сейчасъ японское правительство". Немудрено, что при такомъ „умонастроеніи" сибирскіе и дальневосточные единомышленники Дана-Мартова-Савинкова ищутъ опо-
(4) ры въ казацкихъ отрядахъ есаула Семенова, у японскихъ бѣлогвардейцевъ (см. любопытныя статьи тов. Нейбута въ Извѣстіяхъ Ц. И. К.), у „древняго Китая и могучей Японіи", кстати сказать, только что засадившей въ тюрьмы лучшихъ вождей японскаго соціализма.

Если въ области внѣшней политики соціальпредательскія партіи чрезвычайно удачно „отображали" настроенія своихъ крупно-капиталистическихъ патроновъ (развѣ не представительный мужчина генералъ Хорватъ или Путиловъ?), то ихъ внутренняя политика была уже дословно списана съ банкирскихъ изданій.

Въ № 71 „Извѣстій Ц. И. К." опубликованъ одинъ документъ, проливающій свѣтъ на кое-какія „платформы", „резолюціи" и т. д. нашихъ соглашателей. Этотъ документъ озаглавленъ: „Пунктъ соглашенія московскихъ
(5) комитетовъ: партіи народной свободы, группы „Единства", „Трудовой Народно-Соціалистической партіи", меньшевиковъ-оборонцевъ, исполн. комитета офицерскихъ депутатовъ, трудовой интеллигенціи". 24/11 февр. 1918 г.

„Пунктъ" заключается въ четырехъ пунктахъ: 1) непризнаніе мира и обязательность единенія съ союзниками; 2) созывъ Учред. Собранія; 3) возстановленіе земствъ и городскихъ думъ; 4) организація коалиц. министерства безъ большевиковъ и лѣвыхъ эсеровъ.

„Программа“ написана подъ диктовку кадетской партіи, т. е. подъ диктовку финансоваго капитала. И любопытно, что не только плехановцы, но и самые настоящіе „объединенные“ меньшевики, во главѣ съ Мартовымъ, послушно исполняютъ всѣ велѣнія этого капитала.

(1) Газета Мартова-Дана „Впередъ“ (№ 54) опубликовала по поводу перевыборовъ свой „манифестъ“ съ соотвѣтствующимъ „наказомъ“. Этотъ тоже „документъ“ отличается отъ перваго только тѣмъ, что идетъ гораздо дальше, дополняя политическія требованія капитала его экономическими требованіями. Онъ констатируетъ, что „рабочій контроль дезорганизовалъ производство“ (мнѣніе, раздѣляемое какъ „Промышленностью и Торговлей“, такъ и

(2) союзными владивостокскими консулами); что „захватъ банковъ разрушилъ кредитъ“, что „на мѣсто демократической республики воцарилась анархія“ и т. д. И выводъ отсюда дѣлается совсѣмъ во вкусѣ Рябушинскаго-

(3) Милюкова: отказъ совѣтовъ отъ власти; возстановленіе думъ; „прекращеніе опытовъ съ такъ называемымъ (!) рабочимъ контролемъ и націонализаціей банковъ“ и, наконецъ, возстановленіе Учредит. Собранія и организація „общедемократической власти“.

Хорошій комментарій къ этому „наказу“ далъ небезызвѣстный гражданинъ Шварцъ, въ газетѣ „Новый Лучъ“

(4) провозгласившій открыто лозунгъ: „Назадъ къ капитализму“ и предложившій возвратить всѣ фабрики, банки и заводы капиталистамъ.

Эту „платформу“, которую граждане-меньшевики осмѣлились преподнести московскому, а вмѣстѣ съ нимъ и всему русскому пролетаріату, чрезвычайно удачно дополнила соотвѣтствующая „практика“. Мы говоримъ о закавказскихъ безчинствахъ меньшевистскихъ Тьеровъ. Разстрѣлы крестьянъ и охрана помѣщичьей земли; разстрѣлы большевистскихъ рабочихъ митинговъ; закрытіе рабочей печати при полной свободѣ печати буржуазной; аресты вождей рабочаго движенія по всему Закавказью— такова „идиллія“, которую насаждаетъ меньшевистское

(5) правительство Жорданія-Гегечкори. Какъ ни старались меньшевистскіе пакостники во главѣ съ Мартовымъ замолчать, переврать, скрыть эти преступленія, это оказалось невозможнымъ. И московскій пролетаріатъ по достоинству оцѣнилъ поведеніе „соціальдемократической (объединенной съ буржуазіей) партіи“.

„Въ Москвѣ—писалъ гражданинъ Мартовъ въ № 52 своей газеты—ростъ оппозиціонныхъ настроеній... безъ сомнѣнія будетъ зарегистрированъ въ результатѣ перевыборовъ въ Совѣтъ“.

Эта „регистрація“ дала результаты, превзошедшіе самыя смѣлыя ожиданія коммунистовъ. Меньшевики и правые эсеры были разбиты на-голову, а „соціальдемократическая (объединенная съ буржуазіей) партія“ получила гораздо меньше мѣстъ въ Совѣтѣ, чѣмъ она имѣла ранѣе.

Партія соціалистической революціи, коммунисты, будетъ имѣть такой же успѣхъ, какъ и раньше, если она будетъ вести прежнюю, безкомпромиссную линію. На московскихъ выборахъ она побѣдила потому, что революціонная точка зрѣнія противопоставлялась болтовнѣ агентовъ буржуазіи. Всякое отступленіе отъ этой точки зрѣнія будетъ означать разложеніе нашихъ собственныхъ рядовъ. Это одинъ изъ уроковъ новой „выборной борьбы“.

Н. Б.

Экономическія замѣтки.

Въ исторіи русской пролетарско-крестьянской революціи второбрестскій миръ является той гранью, которая раздѣляетъ періодъ наступательный отъ періода постепеннаго отступленія волны революціи. Послѣ подписанія мира многимъ было неясно то, что капитуляція въ области международно-правовыхъ отношеній влечетъ за собою и измѣненіе во всей тактикѣ россійской революціи. Если это раньше всего сказалось въ области политики внѣшней и внутренней, то цѣлый рядъ новѣйшихъ фактовъ въ области экономической и финансовой политики заставляетъ говорить о поворотѣ и здѣсь.

Для періода послѣ-брестскаго характерны съ одной стороны слухи о денаціонализаціи банковъ, тѣсно связываемые съ именемъ новаго комиссара финансовъ
(1) тов. Гуковскаго, никогда ранѣе не бывшаго горячимъ поклонникомъ ни націонализаціи банковъ, ни націонализаціи промышленности, а съ другой,—періодъ замедленія или даже почти полной пріостановки націонализаціи индустріи.

Если ранѣе мыслилось создать единый централизованный Народный Банкъ Совѣтской республики, то сейчасъ, судя по неопровергнутымъ сообщеніямъ газетъ въ Петроградѣ предполагаются къ открытію всѣ частные банки, нынѣ бездѣйствующіе, правда, подъ флагомъ Совѣтской республики. При этомъ отъ прежнихъ проектовъ централизаціи операцій не остается и слѣда. Но мало того, въ правительственныхъ сферахъ серьезно

обсуждается рядъ проектовъ о созданіи спеціально мукомольнаго, текстильнаго и т. п. банковъ, при чемъ они не должны являться чисто совѣтскими. На ряду съ капиталомъ правительственнымъ въ нихъ должны быть привлечены и капиталы буржуазіи, а соотвѣтственно этому, конечно, должны распредѣляться и акціи между государствомъ и буржуазіей. Эти мукомольные, текстильные и иные банки по существу должны выполнять всѣ функціи прежнихъ банковъ.

Согласно проекту текстильнаго банка основной капиталъ образуется изъ 500 милл., ассигнуемыхъ правительствомъ, и 500 милл. паевъ, выпускаемыхъ Банкомъ; паи должны размѣщаться по проекту въ первую голову среди союза рабочихъ и служащихъ, кооперативовъ и прочихъ организацій и лицъ. На вложенный капиталъ правительство гарантируетъ минимальный доходъ въ 3% и въ зависимости отъ прибыли „дополнительный дивидендъ“ и т. д. Какъ видно изъ этихъ справокъ, новый текстильный банкъ съ его гарантированною прибылью на паи, плюсъ „дополнительнымъ дивидендомъ“, принципіально мало чѣмъ отличается отъ прежнихъ банковъ. Если авторы думаютъ сохранить свою соціалистическую невинность тѣмъ, что часть прибыли и „дополнительнаго дивиденда“ будутъ „въ первую голову“ получать, какъ объ этомъ говоритъ проектъ устава, обсуждавшійся уже на собраніяхъ въ Центротекстилѣ, (1) союзы рабочихъ и служащихъ, то это довольно слабое утѣшеніе для коммуниста.

Мы не говоримъ уже о томъ, что созданіемъ отдѣльныхъ банковъ для каждой производственной области съ кругомъ операцій—„принимать вклады, открывать текущіе счета, производить учетъ векселей, выдавать краткосрочныя ссуды и совершать комиссіонныя дѣла“ постепенно суживается кругъ функцій самого Совѣтскаго Центральнаго Банка, и если этотъ процессъ созданія банковъ по производствамъ пойдетъ достаточно быстро, то особая надобность въ существованіи Совѣтскаго Банка въ значительной мѣрѣ утратится. Интересно отмѣтить, что проектъ Мукомольнаго Банка весьма близокъ къ своему „соціалистическому“ оригиналу—уставу Мукомольнаго Банка Керенскаго. Кстати утверждаютъ, что комиссаръ финансовъ т. Гуковскій принципіально одобрилъ этотъ уставъ.

Въ области нашей экономической политики проекты о націонализаціи донецкой каменноугольной промышленности, гдѣ шахты фактически были брошены прежними владѣльцами, о націонализаціи крупныхъ трестовъ, обслуживающихъ нашъ желѣзнодорожный транспортъ, о

національзаціи текстильной и металлургической индустріи какъ то заглохли и не потому только, что въ Донецкомъ бассейнѣ бои, и онъ отходитъ къ Германо-Украинѣ. По тѣмъ условіямъ, которыя опубликованы въ Германіи, за Совѣтской Россіей должны остаться богатѣйшія антрацитовыя копи близъ Таганрога.

Наоборотъ, серьезно дебатируются вопросы о созданіи такихъ организаціонныхъ формъ въ индустріи, какъ тресты (паровозо- и вагоностроительный трестъ, проектъ Уральскаго треста и пр.), при которыхъ силы капиталистическія, всѣ эти крупнѣйшія акулы индустріи, нашли бы возможнымъ принять участіе въ руководствѣ производствомъ. Внѣшнимъ выраженіемъ этой попытки опереться на капиталистическихъ организаторовъ служатъ такія случайныя „интервью“ съ т. т. Луначарскимъ, Троцкимъ и др. Если въ первый, до-брестскій періодъ наша экономическая политика была ставкой на пролетарскую самодѣятельность, то послѣ-брестскій періодъ характеризуется иной политикой. Къ пролетарію остріемъ направлены мудрыя, но крѣпкія формулы: „Не разгильдяйствуй“, „Не воруй“, „Дисциплинируйся“ и т. д. Правда, эти формулы иному читателю покажутся мало относящимися къ экономической политикѣ, а болѣе напоминающими знаменитыя мѣщанскія формулы Смайльса „быть бережливымъ“ и пр. Но это заблужденіе. Именно параллельно съ этимъ происходитъ поворотъ въ отношеніи къ капиталистамъ-организаторамъ. Конечно, и въ первый періодъ никто не отрицалъ необходимости привлеченія въ національзируемыя рабоче-крестьянскимъ правительствомъ предпріятія инженеровъ, техниковъ и служащихъ. Вопросъ заключался въ томъ, какъ ихъ привлекать, и онъ рѣшался въ томъ смыслѣ, что рабоче-крестьянское правительство используетъ ихъ трудъ, не давая имъ руководящей роли. Теперь положеніе мѣняется. Вмѣсто использованія встаетъ опасность быть использованными. При организаціи новыхъ трестовъ прежнимъ акуламъ индустріи обезпечивается роль руководящая. Ставка на самодѣятельность рабочаго класса смѣнилась ставкой на помощь опытныхъ капиталистическихъ руководителей. Не
(1) даромъ покойное „Новое Слово“, захлебываясь, передавало о „новомъ курсѣ“ и призывало всю сознательную буржуазную интеллигенцію итти къ большевикамъ въ надеждѣ, что буржуазное знаніе и опытъ перевернутъ самое существо политики большевиковъ.

Мы нисколько не думаемъ отрицать расшатанности народнаго хозяйства. Мы знаемъ и не скрываемъ, что на нашемъ промышленномъ Югѣ изъ всѣхъ металлургическихъ заводовъ работаютъ полнымъ темпомъ одни

Петровскіе Совѣтскіе заводы, въ то время какъ другіе стоятъ или жизнь на нихъ еле-теплится, мы знаемъ, что добыча каменнаго угля въ Россіи находится въ катастрофическомъ положеніи, мы не скрываемъ всей разрухи въ желѣзно-дорожномъ дѣлѣ и т. д. Вопросъ состоитъ въ томъ, гдѣ выходъ изъ этого тупика. Наша точка зрѣнія, нашъ путь это—неуклонная націонализація банковъ, опирающаяся на столь же неуклонную націонализацію промышленности.

Привлеченіе техническаго персонала, квалифицированныхъ служащихъ при обязательномъ рабочемъ управленіи. Используя знаніе и опытъ, ни на минуту не выпускать изъ рабочихъ рукъ всей полноты распоряженія и руководства производствомъ.

А. Л.

Библіографія.

В. Ильинъ (Н. Ленинъ). Государство и революція.

(Ученіе марксизма о государствѣ и задачи пролетаріата въ революціи). Петроградъ. Кн-ство «Жизнь и Знаніе». Цѣна 2 р. 50 к.

Какъ ни нуждаются книги тов. Ленина въ рекомендаціи, но мы обращаемъ особенное вниманіе именно на эту книгу. Въ сущности въ ней нѣтъ ничего новаго. Но въ то же время въ ней почти все ново. Происходитъ это потому, что соціалъ-демократія сумѣла такъ основательно исказить и извратить революціонно-коммунистическое ученіе Маркса, что, по правильному выраженію тов. Ленина, приходится производить цѣлыя раскопки, чтобы возстановить подлинные взгляды творцовъ научнаго коммунизма. (1)

Но книга интересна не только съ точки зрѣнія простого возстановленія этихъ взглядовъ. Она имѣетъ и жгучій злободневный интересъ, ибо вопросъ объ отношеніи пролетаріата къ государству есть основной, принципіальный вопросъ всей практики революціоннаго класса. Этотъ вопросъ выдвинулся на первый планъ какъ разъ въ наше время, когда его въ упоръ задала пролетаріату міровая война. Въ самомъ дѣлѣ, вѣдь даже такой вопросъ, какъ вопросъ о защитѣ отечества, есть вопросъ о защитѣ границъ буржуазнаго государства; вопросъ о бургфриденѣ есть вопросъ о поддержкѣ этого государства или, по крайней мѣрѣ, о благожелательномъ къ нему нейтралитетѣ и т. д. Всѣ эти частичные вопросы—какъ бы важны они ни были, рѣшаются цѣликомъ въ зависимости отъ рѣшенія основной проблемы, проблемы отношенія пролетаріата къ государству буржуазіи, которое фигурируетъ подъ болѣе благозвучнымъ псевдонимомъ родины или отечества. Практическая важность этого вопроса увеличивается во много разъ и отъ того, что, во-первыхъ, сама государственная власть буржуазіи во всѣхъ передовыхъ капиталистическихъ странахъ усилилась до чрезвычайности, всосавъ въ себя и экономическія организаціи буржуазіи (синдикаты, тресты и т. д.); во-вторыхъ, оттого, что передъ пролетаріатомъ практически сталъ вопросъ о завоеваніи власти, т.-е. объ его диктатурѣ.

Основныя проблемы, разобранныя въ книгѣ тов. Ленина, поставленныя и разрѣшенныя Марксомъ и Энгельсомъ—это слѣдующія проблемы: 1) что такое государство; 2) какова роль государства въ будущемъ коммунистическомъ строѣ; 3) какова роль государства въ переходный моментъ пролетарской диктатуры; 4) чѣмъ отличается пролетарская диктатура отъ обычнаго типа государства (и по формѣ, и по содержанію); 5) какимъ образомъ пролетаріатъ «завоевываетъ власть», и, наконецъ, 6) какъ поэтому долженъ относиться пролетаріатъ къ буржуазно-государственной машинѣ.

На этотъ кругъ вопросовъ Марксъ и Энгельсъ даютъ абсолютно категорическіе отвѣты, которые стоятъ въ прямомъ противорѣчіи съ практикой соціалъ-демократіи. (Поэтому, между прочимъ, книжка тов. Ленина проводитъ съ необычайной ясностью водораздѣлъ между коммунистами и соціалъ-демократами).

Государство—есть орудіе классоваго угнетенія, есть классовая организація господствующихъ,—говоритъ Марксъ. Государство есть что-то болѣе или менѣе общенародное—говорятъ соціалъ-демократы.

Никакого государства не будетъ въ коммунистическомъ строѣ,—гдѣ отпадутъ всякія классовыя различія—заявляютъ творцы научнаго коммунизма. «Государство будущаго» — вотъ «идеалъ» соціалъ-демократовъ.

Въ переходный моментъ между капитализмомъ и соціализмомъ нужна классовая диктатура пролетаріата, пролетарское государство, для того, чтобы **додушить** буржуазію, нужно орудіе угнетенія противъ буржуазіи. Соціалъ-демократы поднимаютъ бѣшеный вой, когда эти взгляды Маркса начинаютъ примѣняться на практикѣ.

Пролетарская диктатура—это не есть парламентарная республика со всѣми ея украшеніями, а **государство-коммуна**, безъ полиціи, безъ постоянной арміи, безъ чиновничества и т. д.—пишутъ революціонные до мозга костей учителя соціализма. «Ни шагу дальше буржуазной республики»—утверждаютъ соціалъ-демократы.

Чтобы достигнуть диктатуры, чтобы завоевать политическую власть, нужно сломать, разбить, взорвать государственную машину буржуазіи—учатъ Марксъ и Энгельсъ. Для завоеванія власти необходимо брать эту машину почти цѣликомъ, и преступно «дезорганизовать армію, власть и проч.»—говорятъ соціалъ-демократы.

Борьба противъ государства буржуазіи вплоть до его разрушенія, ненависть къ нему, какъ къ главному орудію угнетенія—вотъ лозунгъ великихъ «стариковъ». Поддержка этого государства, добрый патріотизмъ и «государственная мудрость»—вотъ рабье ученіе рабьихъ соціалъ-демократовъ.

Такова въ основныхъ чертахъ разница между ученіемъ революціонныхъ марксистовъ, т.-е. коммунистовъ, и оппортунистическихъ соціалъ-предателей, которые отрекшись отъ ученія марксизма цѣликомъ, которые клянутся именемъ Маркса, но въ то же время извращаютъ его ученіе самымъ циничнымъ образомъ.

Книжка Ленина великолѣпно эту разницу вскрываетъ. И читатели не посѣтуютъ на автора за то, что онъ привелъ громадное количество цитатъ изъ сочиненій Маркса и Энгельса. Пусть сами они загрызутъ трусливыхъ рабовъ капитала, именующихъ себя соціалъ-демократами, всѣхъ этихъ меньшевиковъ, новожизненцевъ, эсеровъ, бундовцевъ, шейдемановцевъ и прочихъ, осмѣливающихся говорить отъ имени великихъ учителей.

Для нашего времени особенно книжка Ленина должна быть у всякаго товарища.

Н. Бухаринъ.

Владимиръ Трутовскій. Переходный періодъ. (1)

(между капитализмомъ и соціализмомъ). Петроградъ, 1918. Изд. «Революціонный соціализмъ» при ц. к. партіи лѣвыхъ соц.-рев.

Тема, поставленная въ заглавіи брошюры тов. Трутовскаго, чрезвычайно заманчива. Но, къ сожалѣнію, приходится констатировать, что врядъ ли можно написать заразъ столько невѣроятнаго вздора, какъ это сдѣлалъ тов. Трутовскій. Вмѣсто того, чтобы серьезно продумать всѣ вопросы, которые затронуты въ его работѣ, онъ рѣшилъ совершить легкій кавалерійскій наѣздъ на марксизмъ. И понятно, что, кромѣ конфуза, ничего не получилось.

Пусть же не посѣтуетъ на насъ тов. Трутовскій за то, что его атаки на марксизмъ получатъ съ нашей стороны суровую, но необходимую отповѣдь: онъ самъ этого хотѣлъ.

Пойдемъ за авторомъ въ его разсужденіяхъ.

На стр. 8—9 онъ пытается «опровергнуть» марксизмъ, указавъ на то, что имперіализмъ не носитъ чисто-экономическаго характера. При этомъ онъ, какъ обычный газетчикъ, подъ понятіе имперіализма подводитъ и древне-римское государство, и католическую церковь, и тысячу другихъ вещей. Все это на томъ достаточномъ основаніи, что здѣсь имѣлось «стремленіе къ господству». Однако, такія утвержденія на самомъ дѣлѣ напоминаютъ разсужденія того чудака, который утверждалъ, что курица, самая обыкновенная курица, является поѣдателемъ имперіализма, ибо она поглощаетъ зерно, господствуя надъ нимъ, и расширяетъ себя за счетъ этого несчастнаго зерна. Въ довершеніе курьеза т. Трутовскій ссылается еще и на международное искусство, науку и даже соціализмъ, который «одной своей стороной соприкасается съ имперіализмомъ», ибо хочетъ «объединить все человѣчество въ единый организмъ». По мнѣнію автора, разница только въ томъ, что здѣсь нѣтъ элемента принудительности. Но какъ разъ тутъ тов. Трутовскій просчитался: ибо соціализмъ хочетъ покорить міръ черезъ соціалистическую революцію, т.-е. путемъ насилія. И выходитъ, по Трутовскому, что соціализмъ есть «одинъ изъ видовъ» имперіализма! Вотъ что значитъ «критиковать марксизмъ».

На стр. 10 «экономическія» цѣли имперіализма опредѣляются, какъ «господство надъ сырьемъ» и какъ «сбытъ товаровъ по взвинченнымъ цѣнамъ». Ни слова—о самомъ важномъ: объ экспортѣ капитала. Какъ разъ то, что составляетъ самую существенную часть имперіалистской политики—обойдено. Не знать этого какъ-будто стыдно!

Послѣ такихъ «опредѣленій» имперіализма т. Трутовскій переходитъ къ «критикѣ» ученія Маркса о прибыли и при этомъ дѣлаетъ такія грубыя ошибки, что у насъ является сомнѣніе, да читалъ ли нашъ почтенный критикъ самого Маркса или только изложенія, «по Баху»...

На стр. 10 онъ приписываетъ марксистамъ слѣд. положеніе: «товары продаются по ихъ цѣнности; капиталистическая прибыль и (великолѣпно это «и»!) прибавочная стоимость, создается въ процессѣ производства, а не обмѣна; слѣдоват., если торговая прибыль не можетъ быть источникомъ обогащенія капиталиста, то единственнымъ источникомъ прибыли является трудъ даннаго рабочаго въ данномъ производствѣ; поэтому требованіе рабочимъ полнаго продукта своего труда убьетъ капиталистическій строй».

Мы привели нарочно эту цитату цѣликомъ, чтобы показать всю безграмотность зарвавшагося автора. Ибо марксисты «говорили» совсѣмъ не то, а иногда прямо противоположное тому, что приписываетъ имъ т. Трутовскій.

Во-1-хъ, товары никогда не продаются «по ихъ цѣнности» (неужели вы даже этого не знаете?!); во-2-хъ, «капиталистическая прибыль и прибавочная стоимость»—выраженіе нелѣпое, потому что прибыль есть часть прибавочной стоимости; въ-3-хъ, не прибыль, а прибавочная стоимость возникаетъ «въ процессѣ производства», при чемъ часть ея реализуется, какъ прибыль, въ процессѣ обращенія; въ-4-хъ, на извѣстной ступени развитія, при обмѣнѣ между разными странами, торговая прибыль можетъ базироваться «на обсчетѣ и обманѣ» (ср. Маркс, Капиталъ, т. III, стр. 307, перев. Степанова; подробно дѣло изложено въ моей работѣ: «Міровое хозяйство и имперіализмъ», стр. 50); въ-5-хъ, источникомъ прибыли капиталиста вовсе не является только трудъ рабочихъ его предпріятія (Трутовскому, очевидно, неизвѣстенъ весь III томъ «Капитала» и ученіе объ органическомъ составѣ капитала въ связи съ нормой прибыли); наконецъ, въ-6-хъ, требованіе «полнаго продукта труда» всегда считалось Марксомъ, Энгельсомъ и другими марксистами за идіотизмъ (ибо даже въ социалистическомъ обществѣ будетъ вычетъ въ общественный фондъ); [illegible] они и не могли утверждать, что это требованіе «убьетъ капиталистическій строй».

Трутовскій слышалъ что-то о сверхприбыли, о чемъ [illegible] Гильфердингъ, но онъ просто не знаетъ даже, что говоритъ [illegible] этотъ авторъ.

«Гдѣ получается эта прибыль, въ процессѣ производства и обмѣна? Конечно, въ процессѣ обмѣна. Капиталистическая прибавочная стоимость имѣетъ совершенно другой источникъ, чѣмъ сверхприбыль». Все это—прескучный вздоръ по той причинѣ, что сверхприбыль есть такая же часть прибавочной стоимости, какъ и всякая прибыль. Дѣло въ томъ, тов. Трутовскій, что монополистическій характеръ опредѣленныхъ предпріятій, отраслей, а также монополистическо-капиталистическая структура цѣлыхъ странъ, опредѣленнымъ образомъ перераспредѣляютъ міровую прибавочную цѣнность. Сказать «прибыль капиталиста создается не изъ одного элемента, изъ двухъ: прибавочной стоимости и сверхприбыли»—это значитъ сказать такую безграмотную вещь, за которую становится вчуже стыдно.

Изъ всего сказаннаго нами отнюдь не слѣдуетъ, что высокоразвитыя капиталистическія страны не могутъ эксплоатировать странъ отсталыхъ. Такую возможность отмѣчали еще и Маркъ и Энгельсъ. Болѣе того, они указывали, что на этой базѣ можетъ создаться и консерватизмъ среди рабочихъ (Энгельсъ о монопольномъ положеніи Англіи). Но этого не знаетъ, къ сожалѣнію, т. Трутовскій... или... или скрываетъ это отъ своихъ читателей.

Изъ выше проведенныхъ разсужденій Трутовскій дѣлаетъ выводъ, что «центръ работы революц. соціализма» переносится «въ отсталыя, хищнически эксплуатируемыя страны, гдѣ въ первый разъ за время капитализма выступаютъ его могильщики, не знающіе пощады ограбленное, полуголодное, трудовое крестьянство». Другими словами: капитализмъ будетъ свергнутъ не рабочими передовыхъ, а крестьянами отсталыхъ странъ. Вотъ оно, «новое» евангеліе!

Это написано на стр. 13 и слѣд. А на стр. 48 оказывается уже, что зрѣетъ сод. революція въ передовыхъ странахъ. «И угрозы тѣмъ революц., что въ передовыхъ странахъ не только само производство достаточно подготовлено... но и самъ рабочій классъ... подготовленъ психологически къ наступленію новаго строя». Такъ сводитъ тов. Трутовскій «концы съ концами»...

Издатель: М. О. Б. Р. К. П.

Чтобы отмѣтить еще пару поражающихъ дикихъ безграмотностей, загляните на стр. 66; тамъ читаемъ: «При соціализмѣ рабочій будетъ получать полный продуктъ труда (!). ...при переходномъ періодѣ уничтожается только одна часть предпринимательской прибыли: прибавочная стоимость, а процентъ на капиталъ—остается». До сихъ поръ полагалось, что рента, прибыль, процентъ и проч. суть части приб. стоимости. Но... теперь прибавочная стоимость оказывается частью прибыли: «nous avons changé tout cela» («мы все это перемѣнили»).

Приблизительно на такомъ же уровнѣ, какъ экономическія познанія, стоятъ и соціологическія «критическія мысли» критически-мыслящаго автора. Оказывается, что «по мнѣнію марксизма», соціалистическій переворотъ возможенъ только тогда, когда и отсталыя страны «выварятся въ фабричномъ котлѣ». Гдѣ это написано—это, знаетъ, вѣроятно Трутовскій. Но, къ сожалѣнію, онъ этого не указываетъ. А мы очень просили бы открыть секретъ.

Легкомысліе автора заходитъ такъ далеко, что на стр. 20—21 онъ ругаетъ «марксистовъ» вродѣ Плеханова, «не только отрекшихся отъ марксизма но и...» и т. д., а рядомъ пишетъ: «Это—вѣрные сыны марксистской церкви». Такъ кто же они, въ концѣ концовъ, «отрекшіеся» или «вѣрные сыны»?

Вся критика—повтореніе старыхъ «доводовъ» противъ историческихъ законовъ. А ея практическій эквивалентъ—протесты противъ «бланкистски-заговорщической» тактики большевиковъ. Совсѣмъ, какъ у добрыхъ, славныхъ, ревизіонистскихъ оппортунистовъ!

Мы не можемъ въ рецензіи останавливаться на анализѣ авторомъ переходныхъ мѣропріятій и текущей обстановки (и тутъ онъ легкомысленъ до наивности: напр., когда онъ утверждаетъ, [что] никакая внѣшняя опасность намъ не грозитъ). Остановимся только на одномъ. По автору выходитъ, видите-ли, что у насъ революція не соціалистическая, а «соціальная» (43, 78). Но и это «соображеніе» до крайности вульгарно. Соціальна всякая революція, тов. Трутовскій. Ибо не бываетъ на свѣтѣ «чисто-политическихъ» революцій: онѣ бываютъ лишь въ головахъ людей. На самомъ же дѣлѣ у насъ именно соціалистическая революція, т.-е. революція, экспропріирующая капиталъ. Summa summarum: да послужитъ примѣръ тов. Трутовскаго предостереженіемъ всѣмъ тѣмъ, кто, пылая ненавистью къ марксизму, не потрудился даже почитать Маркса. Для литературнаго здоровья критикомъ авантюристскіе наѣзды могутъ оказаться очень вредными.

Н. Бухаринъ.

Редакціонная коллегія: Н. Бухаринъ, В. Оболенскій, Н. Радекъ и В. Смирновъ.

Типографія Россійской Федеративной Соціалистической Совѣтской Республики.

РОССІЙСКАЯ КОММУНИСТИЧЕСКАЯ ПАРТІЯ (большевиковъ).

Пролетаріи всѣхъ странъ соединяйтесь!

КОММУНИСТЪ

ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫЙ ЖУРНАЛЪ ЭКОНОМИКИ, ПОЛИТИКИ И ОБЩЕСТВЕННОСТИ.

Органъ Московскаго Областного Бюро Р. К. П. (большевиковъ).

№ 2. Адресъ редакціи и конторы: Москва, гост. Дрезденъ, № 255. Цѣна 80 к.

Секретарь редакціи принимаетъ: ежедневно отъ 10 до 12 час. утра въ гост. Дрезденъ, въ ком. М. Обл. Б. Р. К. П. 27 Апрѣля 1918 г.

УСЛОВІЕ ПОДПИСКИ: 1 мѣсяцъ 3 р.

Въ журналѣ принимаютъ участіе: Р. Абрамовичъ, Аркадій, Н. Антоновъ (Н. Лукинъ), Барышниковъ, Г. Бокій, А. Бубновъ (А. Глотовъ), С. Бобинскій, Н. Бухаринъ, М. Бронскій, М. Васильевъ (Саратовъ), А. Выборгская, В. Долецкій, Б. Зуль, Инесса (Арманд), А. Коллонтай, С. Кассіоръ, В. Куйбышевъ, Ю. Лисскій, А. Ломовъ (Г. И. Оппоковъ), В. Максимовскій, В. Оболенскій (Н. Осинскій), М. Покровскій, Е. Преображенскій, Г. Пятаковъ, К. Радекъ, С. Равичъ, М. Савельевъ (И. Вѣтровъ), Сапроновъ, Г. Сафаровъ, В. Смирновъ, Вл. Соринъ, А. Сунцъ, Ив. Стуковъ, М. Урицкій, І. Умшлихтъ, Я. Фенигштейнъ, П. Штернбергъ, В. Яковлева, Ем. Ярославскій.

СОДЕРЖАНІЕ: Первое мая. — Внѣшняя политика Совѣтской республики. Victor. — Строительство соціализма. Н. Осинскій. — Анархизмъ и научный коммунизмъ. Бухаринъ. — Красная армія. К. Радекъ. — Прямые отвѣты. Н. Осинскій. — За-границей. Въ двуединой монархіи. Бела Кунъ. — Экономическія замѣтки: Программа финансовыхъ реформъ комиссара Гуковскаго. А. Ломовъ. — Что я видѣлъ, Ив. Стуковъ. — Библіографія. Н. Бухаринъ. Міровое хозяйство и имперіализмъ.

ПЕРВОЕ МАЯ.

Четвертый разъ встрѣчаетъ пролетаріатъ свой праздникъ посреди бушующей стихіи міровой войны. И первый разъ встрѣчаетъ этотъ праздникъ русскій пролетаріатъ въ такихъ условіяхъ, когда онъ стоитъ у власти, когда онъ уже разбилъ наголову свою отечественную буржуазію и опрокидываетъ капиталистическій строй. Продолженіе міровой грабительской войны, со всѣмъ чудовищнымъ разрушеніемъ человѣческой культуры, и первый побѣдоносный ударъ международной революціи, свергнувшей иго русской буржуазіи и готовой наносить другіе удары—такую картину застаетъ новое первое мая, первое мая 1918 года.

„Рабочее воскресенье" этого года проводитъ борозду между двумя эпохами въ развитіи соціалистическаго движенія пролетаріата, между эпохой
(1) мирнаго реформизма и господства Второго Интернаціонала и эпохой соціалистической „бури и на-

тика", съ грядущимъ новымъ, Третьимъ Интернаціоналомъ, интернаціоналомъ объединившихъ въ коммунистической революціи пролетарскихъ Совѣтовъ.

Второй Интернаціоналъ, вызвавшій къ жизни майскій праздникъ, въ то же время убилъ этотъ праздникъ. Праздникъ рабочихъ долженъ былъ быть смотромъ революціонныхъ силъ, парадомъ арміи пролетаріата, готовящейся къ бою. Онъ превратился мало-по-малу въ мирное мѣщанское празднество. Теоретики Второго Интернаціонала, когда говорили о значеніи перваго мая, возвышались лишь до благочестиваго пожеланія о разоруженіи и до словесныхъ протестовъ противъ милитаристскаго гнета. Пацифизмъ—вотъ знамя, которое держалъ въ рукахъ Второй Интернаціоналъ. И не мудрено, что эта пассивная, не боевая и не революціонная тактика неизбѣжно должна была привести къ тому, къ чему она привела: къ полному краху, къ грязному паденію, къ отвратительному разложенію Второго Интернаціонала, къ распаду его на „національныя" стаи сторожевыхъ псовъ капиталистическаго государства, выступившихъ какъ душители революціонной энергіи массъ.

Если прежде пролетаріатъ на своемъ интернаціональномъ праздникѣ поднималъ знамя разоруженія и мира, то теперь онъ поднимаетъ знамя вооруженія рабочихъ и гражданской, классовой войны, мятежное знамя соціалистической революціи. Нѣтъ прочнаго мира, пока не свергнутъ капиталъ; нѣтъ избавленія отъ милитаристскаго гнета, пока у власти стоитъ банкократія,—вотъ что говоритъ рабочему классу кровавый опытъ войны и опытъ великой русской революціи.

Но тотъ же опытъ говоритъ и другое. Онъ говоритъ, что пролетаріату нѣтъ спасенія ни интернаціональнаго дѣйствія. Это видитъ русскій пролетаріатъ, на который идетъ походомъ международный капиталъ; это видитъ финскій рабочій, котораго
(1) душитъ кровавыми руками финская буржуазія съ помощью нѣмецкихъ войскъ; это видитъ украинскій пролетаріатъ, тѣло котораго терзаютъ центрально-европейскія разбойничьи государства; это видитъ нѣмецкій и австрійскій рабочій классъ, превращаемый имперіалистскими насильниками въ палача соціалистической революціи.

Такъ снова становится свѣтлымъ весенній день днемъ грозной революціонной демонстраціи. Тѣ, кто привязанъ, какъ каторжникъ къ тачкѣ, къ

капиталистическому государству — отечеству, тѣ отказываются праздновать великій день. Но все больше становятся трудовые ряды рабочихъ, которые празднуютъ его во что бы то ни стало, которые выходятъ на улицу, не боясь шашки шуцмана или пулеметовъ полицейскихъ засадъ. Мѣщанское мирное празднество становится боевымъ актомъ, сплачивающимъ ряды рабочихъ въ ихъ революціонной борьбѣ противъ имперіалистскаго государства.

Россія—первая страна, гдѣ натискъ революціонныхъ рабочихъ прорвалъ фронтъ капиталистическаго государства. Это первая страна, гдѣ день революціи празднуется рабочимъ классомъ, взявшимъ въ свои руки власть, гдѣ праздникъ перваго мая организуется рабочей властью, пролетарскимъ государствомъ, гдѣ революціонные рабочіе **совѣты** строятъ въ боевыя колонны армію пролетаріата. Но точно такъ же, какъ для берлинскихъ и вѣнскихъ, будапештскихъ и лондонскихъ, дублинскихъ и парижскихъ рабочихъ **это** первое мая будетъ не радостно-упоительнымъ днемъ, когда наслаждаются полной побѣдой и отдыхаютъ отъ суровой борьбы, а грознымъ днемъ подготовки къ великимъ битвамъ, первой вылазкой, смотромъ силъ, точно такъ же и для русскаго пролетаріата этотъ день, день перваго мая 1918 года, будетъ днемъ смотра вооруженныхъ и невооруженныхъ силъ красной соціалистической республики.

Мы—боевой отрядъ коммунистической революціи. Больше чѣмъ кто-либо, мы имѣемъ возможность готовить свои силы, строить красные полки. Кому много дано, съ того много и спросится. Мы прислушиваемся къ тому, что готовятся сдѣлать въ день перваго мая наши европейскіе товарищи. Мы знаемъ, что они съ нами въ этотъ день. Мы знаемъ, что ихъ силы нарастаютъ съ каждымъ часомъ, какія бы чудовищныя пушки ни выкатывала фирма Фридрихъ Круппъ и какъ бы ни неистовствовалъ „демократическій" Ллойдъ-Джорджъ. Воля къ революціи, къ ея окончательной **международной** побѣдѣ—вотъ наше знамя. Международное возстаніе пролетаріата — вотъ нашъ лозунгъ. Въ день перваго мая мы несемъ кличъ „Коммунистическаго Манифеста:" (1)

„Пусть дрожатъ господствующіе классы передъ коммунистической революціей. Пролетаріямъ не- (2)

чего терять въ ней, кромѣ своихъ цѣпей. Пріобрѣтутъ же они цѣлый міръ. Пролетаріи всѣхъ странъ, соединяйтесь!"

Внѣшняя политика Совѣтской республики.

I.

Брестское пораженіе завершаетъ первый періодъ исторіи Совѣтской республики и ея внѣшней политики. Русская революція за все время своего существованія была въ военномъ отношеніи несравненно слабѣе своихъ противниковъ. Въ моментъ завершенія октябрьской революціи на фронтѣ находились лишь остатки русской арміи, измученные, деморализованные, неспособные къ военному отпору. Но, несмотря на это, Совѣтское правительство перешло къ рѣшительной атакѣ
(1) международнаго имперіализма: оно аннулировало старые царскіе договоры съ союзниками и предало ихъ гласности; рядомъ политическихъ актовъ оно пыталось поднять рабочихъ Франціи и Англіи противъ ихъ правительствъ; предложило нѣмецкому имперіализму заѣдомо непріемлемую для него программу мира и одновременно начало революціонную пропаганду на фронтѣ съ цѣлью вызвать къ жизни силы, которыя принудили бы капиталистическія правительства считаться съ волей русской революціи и ея стремленіемъ къ общему демократическому миру. Понятно, никто изъ думающихъ представителей и защитниковъ Совѣтской власти не предполагалъ, что можно заключить съ европейской революціей контрактъ о срокѣ ея пришествія. Великій понималъ, что какъ бы неизбѣжна она ни была, темпъ ея развитія никому неизвѣстенъ.

Тѣмъ не менѣе Совѣтская власть повела политику наступленія на международный имперіализмъ, потому что знала, что ускореніе темпа развитія европейской революціи является вопросомъ жизни и смерти для русской революціи. Только безпощадная атака международнаго имперіализма, только ежедневное разоблаченіе его политики и противопоставленіе ей политики революціи могло быть въ рукахъ Совѣтской власти набатнымъ колоколомъ, зовущимъ на бой пролетаріевъ всѣхъ странъ. Даже тогда, когда, несмотря на всѣ усилія, ей не удалось поднять на ноги европейскія рабочія массы, когда ей пришлось сѣсть за столъ съ

палачами нѣмецкаго рабочаго класса, съ нѣмецкой военной кликой, Совѣтская власть не искала компромисса съ

нѣмецкимъ империализмомъ: въ цитадели нѣмецкой военной партіи—Брестъ-Литовскѣ—она разоблачала политику германскихъ разбойниковъ. Совѣтская власть великолѣпно понимала весь неслыханный рискъ этой политики, она знала, что, отказавшись отъ разоблаченія нѣмецкой политики, она могла бы добиться уступокъ; она знала, что, разоблачая нѣмецкій империализмъ, можетъ вызвать его на наступленіе, и тѣмъ не менѣе она сознательно выбрала второй путь, прекрасно понимая, что въ великихъ дѣлахъ надо быть великимъ, что застрѣльщику международной революціи приходится держать, держать и еще разъ держать.

Политика держанія кончилась пораженіемъ. Въ тотъ моментъ, когда ей удалось вызвать первое революціонное массовое движеніе пролетаріата Германіи и Австріи, нѣмецкій империализмъ приставилъ Совѣтской власти револьверъ къ груди. Совѣтская власть сдалась. Она подписала условія мира, которыя территоріально искалѣчили тѣло революціи, которыя ее обезкровили экономически. Но не въ этомъ только суть брестскаго мира. Пришедши къ убѣжденію, что у русской революціи нѣтъ силъ для того, чтобы выдержать напоръ нѣмецкаго империализма, Совѣтская власть рѣшилась отказаться отъ политики наступленія на империализмъ. Она рѣшила выжидать европейской революціи, маневрируя пока что между империалистскими государствами и накопляя силы для будущей борьбы противъ нихъ. Было бы нелѣпымъ отрицать этотъ миръ, поворачиваться спиной къ совершившемуся факту, не исходить въ дальнѣйшей политикѣ изъ создавшагося положенія. Если въ тотъ моментъ, когда нѣмецкій империализмъ предложилъ русской революціи насильственный, грабительскій миръ, возможно было бы не подписывать этого мира,— всякій сознательный рабочій Европы понялъ бы этотъ шагъ и глубоко сочувствовалъ бы ему,— то провокаціонный срывъ мира послѣ его подписанія былъ бы не только непонятенъ рабочимъ массамъ Европы, но позволилъ бы нѣмецкимъ империалистамъ представить русскую революцію, какъ слѣпое орудіе въ рукахъ союзниковъ. Если въ моментъ нѣмецкаго наступленія можно было напрячь всѣ силы и бросить передовые отряды рабочихъ въ бой, указать имъ, что революція находится въ смертельной опасности, то теперь, когда Совѣтская власть и партія большевиковъ употребили всѣ усилія для того, чтобы доказать рабочимъ массамъ, что въ данный моментъ мы не можемъ бороться съ нѣмецкимъ (1)

империализмомъ, что надо накопить силы,—переходъ къ наступленію сталъ невозможнымъ до тѣхъ поръ, пока поднимающаяся волна европейскаго рабочаго движенія, новый подъемъ въ русскомъ рабочемъ движеніи, или рѣзкое ухудшеніе положенія нѣмецкаго империализма не создасть снова условій для перехода русской революціи въ наступленіе.

(1) Пяо-зеровское непріятіе брестскаго мира представляетъ собой только отзвукъ тактики интеллигентско-террористическаго единоборства, въ которомъ сильнаякъ-герой замѣняетъ отхлынувшую массу. Пролетарскіе коммунисты не могутъ заниматься игрой въ героизмъ: имъ дѣло приготовлять въ данныхъ брестскимъ миромъ условіяхъ новое выступленіе массъ.

Массовая борьба русскаго пролетаріата противъ иностраннаго империализма зависитъ отъ объективныхъ условій не только въ Россіи, но и отъ всей международной ситуаціи. Въ предыдущей статьѣ мы старались дать очеркъ международнаго положенія. Чѣмъ же характеризуется это положеніе? Въ первую голову—полнымъ отсутствіемъ соціальнаго равновѣсія. Можно сказать безъ всякаго преувеличенія, что пушки, уже четыре года громящія человѣчество, стоятъ теперь на вулканѣ.

Ни одно правительство не знаетъ, что принесетъ ему завтрашній день. Всѣ они доводятъ до крайняго напряженія силы народныхъ массъ, ни одно не знаетъ предѣла этихъ силъ, ни одно не знаетъ, не находятся ли онѣ на краю истощенія. Реальные политики русской буржуазіи выкинѣваютъ, какъ безсмысленныя мечтанія, наши надежды на европейскую революцію. Но мы тверже, чѣмъ когда-либо, убѣждены въ ея неизбѣжности. Чѣмъ болѣе затягивается война, чѣмъ больше жертвъ она требуетъ, тѣмъ больше она истощаетъ производительныя силы всѣхъ странъ, тѣмъ болѣе неминуемымъ становится крахъ империализма. Понятно, никто не знаетъ, какая сила нужна, чтобы море вышло изъ своихъ береговъ. И въ февралѣ 1918 года оказалось, что силы революціи въ Европѣ были недостаточны, чтобы оградить русскую революцію отъ разбойничьяго насилія нѣмецкаго империализма. Но русская революція, переставъ ставить карту на европейскую революцію, тѣмъ самымъ подписала бы себѣ смертный приговоръ. Въ одной странѣ, къ тому же странѣ отсталой, нельзя проводить въ жизнь соціализма. Капиталистическія страны, такъ тѣсно связаны между собой, что, проводя соціалистическія хозяйственныя мѣропріятія, русская революція ежедневно задѣваетъ интересы мірового ка-

питала, и онъ не можетъ относиться къ ней равнодушно. Русская революція и міровой имперіализмъ находятся въ состояніи непрерывной войны, скрытой или открытой. Если бы положеніе имперіализма во всѣхъ странахъ не было въ корнѣ пошатнувшимся, наше положеніе было бы безнадежнымъ, и никакая совѣтская дипломатія не могла бы спасти насъ отъ разгрома. Но мы уже указывали, что дѣло обстоитъ не такъ, и мы можемъ здѣсь повторить слова, сказанныя Марксомъ въ одномъ изъ писемъ къ Руге въ 1842 году: „Безнадежность положенія—вотъ въ чемъ моя надежда".

Но что же значитъ теперь, послѣ подписанія мира, (1)
ставить карту на европейскую революцію? Правое крыло коммунистической партіи заявляетъ: да и мы не бросили и не бросаемъ надежды на европейскую революцію, но ея пока что нѣтъ, поэтому намъ приходится имѣть дѣло только съ имперіалистскими лагерями. Мы принуждены маневрировать между ними. Разберемъ эту теорію маневрированія. Она основана на правильномъ учетѣ того факта, что между нѣмецко-австрійской коалиціей и французско-англійско-американской, коротко говоря, между нѣмецкимъ и англійскимъ имперіализмомъ (2)
пока не налаживается компромиссъ. Все это вѣрно. Но тѣ тактическіе и принципіальные выводы, которые дѣлаетъ изъ этого положенія правое крыло коммунистической партіи, въ корнѣ ошибочны. Расчетъ на то, что обострившаяся на поляхъ Фландріи борьба между нѣмецкимъ и англійскимъ имперіализмомъ означаетъ извѣстную гарантію того, что сцѣпившіеся между собой имперіалистскіе тресты не въ состояніи будутъ насъ задавить, совершенно неправиленъ. Неудача на западномъ фронтѣ, затяжной характеръ завязавшейся тамъ схватки, опасность мобилизаціи большихъ американскихъ силъ противъ Германіи—все это можетъ толкнуть ея властителей именно на путь разгрома Россіи, дабы выжать изъ нея всѣ матеріальные ресурсы, нужные нѣмецкому имперіализму для веденія войны. Тѣ же самые факты освобождаютъ Японію отъ ея зависимости отъ союзниковъ, позволяютъ ей шантажировать ихъ, или, не считаясь съ ихъ интересами, самостоятельно перейти въ наступленіе противъ Россіи. Чѣмъ болѣе безнадежно положеніе Франціи, тѣмъ большее значеніе пріобрѣтаютъ для ея финансоваго капитала милліарды, помѣщенные въ Россіи. Для ихъ спасенія финансовая олигархія Франціи не только готова поддержать Японію въ ея нападеніи на Россію: она готова въ крайнемъ случаѣ пожертвовать своими притязаніями на Эльзасъ-Лотарингію, дабы этой цѣной получить помощь нѣмец-

кого капитала для выкачивания процентовъ по русскимъ бумагамъ. Французскій рантье проститъ своему финансовому капиталу всѣ военныя неудачи, всю безрезультатность войны, если будетъ получать хотя бы часть процентовъ по русскимъ бумагамъ, участь которыхъ его серьезно безпокоитъ. Изъ этого слѣдуетъ: что какъ глубока ни была бы пропасть, отдѣляющая пока что оба враждующіе имперіалистскіе лагеря, мы не можемъ расчитывать на сколько-нибудь продолжительную эпоху мирнаго сожительства съ европейскимъ имперіализмомъ. Въ любой день мы можемъ стать объектомъ самаго жестокаго нападенія имперіалистскихъ отрядовъ.

Всякая внѣшняя политика, которая считается съ продолжительной передышкой и не готовится къ ежедневному отпору съ тѣми силами, какія у насъ имѣются налицо, — это политика не маневрированія, а политика
(1) капитуляціи. Военная исторія говоритъ о Куропаткинѣ, что онъ зналъ только одинъ маневръ: отступленіе. Политика, которая не поставитъ себѣ твердыхъ границъ уступокъ и не будетъ готовиться защищать эти границы съ оружіемъ въ рукахъ, — это именно Куропаткинская
(2) политика. А можетъ быть политика Кутузова — отвѣчаютъ намъ нѣкоторые сторонники праваго крыла нашей партіи — Кутузова, который жертвовалъ пространствомъ, чтобы выиграть время? Но Кутузовскую-то политику, вѣдь, и отклонили именно представители праваго крыла. Они подписали мирный договоръ, чтобы спасти территорію сѣверной Россіи. Кутузовъ же выигрывалъ время съ оружіемъ въ рукахъ, въ борьбѣ.

Для маневрированія, которое обѣщаетъ проводить въ жизнь Совѣтская власть, имѣются ясно начертанные предѣлы. Если маневрируетъ буржуазное государство или буржуазный полководецъ, то ему приходится считаться только съ требованіями военнаго искусства. Для него не существуетъ ничего запретнаго. Онъ можетъ входить въ любой союзъ съ любымъ противникомъ своего противника. Мы имѣемъ только одного союзника — международный пролетаріатъ, начинающій мобилизовать свои силы. Всѣ государства, между которыми намъ приходится маневрировать, — наши классовые враги. Это то и ставитъ предѣлы нашему маневрированію. Если ставка на европейскую революцію не фраза, не икона, висящая въ красномъ углу, передъ которой молятся утромъ и вечеромъ, но которая не имѣетъ никакого вліянія на наше ежедневное дѣйствіе, — тогда намъ нельзя маневрировать такъ, чтобы своимъ маневрированіемъ ослаблять нарастающія силы европейской революціи. Международная солидарность пролетаріата — это необходимое условіе европейской революціи. Всякій маневръ, который подрываетъ

вѣру европейскаго пролетаріата въ международную солидарность пролетаріата, задерживаетъ ростъ европейской революціи и тѣмъ самымъ убиваетъ смыслъ нашего маневрированія, цѣль котораго именно—продержаться до европейской революціи и ускорить ее.

Такое отрицательное вліяніе на нарастающую европейскую революцію оказалъ бы всякій актъ, связывающій насъ въ политическомъ или военномъ отношеніи съ однимъ изъ имперіалистскихъ лагерей.

Понятно, подписаніе мира въ Брестѣ кладетъ предѣлъ политической и экономической изоляціи, въ которой находилась Россія со времени октябрьскаго восстанія. Между капиталистическимъ міромъ и россійской революціей завязываются сношенія, отказываться отъ которыхъ мы не можемъ. Экономическія сношенія съ Германіей, громадныя обязательства, которыя мы вынуждены были взять на себя по отношенію къ ней, толкаютъ насъ на поддержаніе отношеній съ союзниками, если мы не хотимъ попасть въ полную зависимость отъ Германіи. Намъ придется, въ первую очередь, завязать торговыя сношенія съ Соединенными Штатами Америки. Намъ придется прибѣгать къ займамъ за границей, что поставитъ на очередь вопросъ о нашемъ отношеніи къ старымъ займамъ. Если вступивъ въ сношенія съ капиталистическимъ міромъ, мы будемъ вести умѣлую политику, если мы будемъ, дѣлая необходимыя уступки, зорко слѣдить за тѣмъ, чтобы онѣ не разрушали нашихъ переходныхъ мѣръ къ соціализму, то эти отношенія не только не будутъ противорѣчить антикапиталистическому характеру нашей политики, но они могутъ помочь намъ ликвидировать ужасный экономическій развалъ нашей страны, усилить русскую революцію и этимъ ускорить революцію европейскую. Но если бы мы дѣлали экономическія уступки, которыя позволили бы заграничному капиталу внѣдриться во всѣ поры экономическаго организма Россіи, то мы бы спасали жизнь, жертвуя ея смысломъ. Если бы мы для полученія экономическихъ выгодъ или для отраженія грозящей намъ опасности призывали на помощь противъ одного имперіалистическаго разбойника другого, противъ японскаго нашествія обращались бы къ помощи нѣмецкаго оружія или наоборотъ,—мы стали бы частью имперіалистической системы, независимо отъ тѣхъ цѣлей, во имя которыхъ совершался бы такое маневрированіе. Мысль о томъ, что мы смогли бы провести нашихъ случайныхъ союзниковъ, свидѣтельствуетъ о большой самоувѣренности, но, къ дѣйствительности,—увы!—это лишь смѣшная утопія. Мы, разбитая сторона, военная сила которой только-что создается, сдѣлались бы лишь жертвой имперіалисти-

ческой игры, вмѣсто того чтобы играть империалистами. Мы были бы принуждены помогать империалистамъ другихъ странъ осуществлять ихъ планы, какъ это было съ Керенскимъ. Независимо отъ того, съ какой империалистической коалиціей мы вступили бы въ связь, мы вызывали бы въ пролетаріатѣ другой коалиціи убѣжденіе, что мы связаны съ его врагами, мы убивали бы въ немъ чувство солидарности съ русской революціей. Русская революція, принужденная въ Брестъ-Литовскѣ подписать миръ, усиливающій нѣмецкій империализмъ, только потому не потеряла кліенто на европейскій пролетаріатъ, только потому не сдѣлалась въ его глазахъ сообщницей берлинскихъ разбойниковъ, что великій западно-европейскій рабочій видѣлъ собственными глазами, что нѣмецкій империализмъ съ оружіемъ въ рукахъ принуждаетъ ее подписать этотъ договоръ. Если бы русская революція добровольно, въ тиши дипломатическихъ кабинетовъ, вступила въ связь съ одной изъ империалистическихъ коалицій—она превратилась бы въ соучастницу империализма. Аналогичное дѣйствіе оказало бы на европейскій пролетаріатъ обращеніе за частичной военной помощью къ империалистамъ другихъ странъ, напримѣръ, въ видѣ привлеченія иностранныхъ военныхъ инструкторовъ. При теперешнемъ положеніи дѣлъ мы могли бы обратиться за ними только къ нашимъ бывшимъ союзникамъ. Не говоря уже о томъ, что наши вчерашніе союзники завтра могутъ стать нашими врагами (выступленіе Японіи), что мы не знаемъ, чѣмъ будутъ больше заниматься эти инструктора—помощью ли въ строительствѣ нашей новой арміи или шпіонствомъ,—появленіе французскихъ, англійскихъ или американскихъ офицеровъ въ рядахъ нашей революціонной арміи дастъ нѣмецкимъ империалистамъ возможность увѣрять нѣмецкихъ рабочихъ, что русская революція сдѣлалась снова игрушкой въ рукахъ союзныхъ империалистовъ, дастъ имъ возможность ослабить довѣріе къ ней нѣмецкаго рабочаго класса.

Наше маневрированіе не означаетъ, что мы имѣемъ развязанныя руки по отношенію къ обѣимъ империалистическимъ коалиціямъ. Не будучи въ состояніи вырваться изъ сѣтей міроваго капиталистическаго рынка, мы не можемъ не покупать, но должны покупать тамъ, гдѣ это намъ удобнѣе. Политически же мы связаны. Связаны соціалистическимъ характеромъ нашего государства, связаны цѣлями, которыя должна преслѣдовать наша внѣшняя политика. Брестское пораженіе ликвидировало первый періодъ нашей внѣшней политики—періодъ нашего открытаго наступленія на всемірный

имперіализмъ. Пока не усилится революціонное движеніе въ Европѣ, пока не оправится пролетаріатъ Россіи и не почувствуетъ новыхъ силъ, мы вынуждены вести политику накопленія этихъ силъ. Эта политика исключаетъ свободное маневрированіе, проще говоря, соглашательство съ тѣмъ или другимъ имперіалистскимъ лагеремъ, такъ какъ это маневрированіе означало бы не накопленіе революціонныхъ силъ, а растрату кредита русской революціи. Но этимъ не исчерпывается вопросъ о характерѣ нашей внѣшней политики въ данную переходную эпоху. Если въ данный моментъ мы не имѣемъ силъ, чтобы добровольно перейти въ наступленіе, то это отнюдь не означаетъ, что мы должны вести чисто пассивную оборону. Чисто пассивная оборона всегда обречена на неудачу. Она убиваетъ вѣру въ собственныя силы, оставляетъ иниціативу въ рукахъ противника. Стратегія, кромѣ пассивной, знаетъ активную оборону, когда слабый противникъ выслѣживаетъ всякій моментъ слабости у своего сильнаго противника, чтобы перейти хотя бы въ частичное наступленіе. Активная оборона, которую мы можемъ вести, требуетъ, чтобы революціонныя партіи рабочей Россіи вели работу, отъ которой отказалось Брестскимъ миромъ Совѣтское правительство, чтобы онѣ помогали революціонному движенію въ другихъ странахъ.

Активная оборона требуетъ, чтобы рабочее правительство и впредь вело политику разоблаченія имперіализма обоихъ лагерей, хотя бы въ формахъ, продиктованныхъ очень сложной международной ситуаціей. Мы понесли большое пораженіе, но мы не перестали быть единственнымъ въ мірѣ очагомъ свободной революціонной пропаганды. Мы попрежнему остаемся единственнымъ свѣтомъ, который свѣтитъ во тьмѣ. И всѣ наши усилія должны быть направлены на то, чтобы не выжидать въ бездѣйствіи европейской революціи, а ускорять ея темпъ нашимъ дѣйствіемъ.

Цѣли нашей внѣшней политики ясны. Это—не военный реваншъ за брестскій разгромъ. Если бы, идя рука объ руку съ нашими союзниками, мы и получили даже обратно оторванныя отъ Россіи области,—онѣ вернулись бы уже не къ соціалистической, а къ капиталистической Россіи. Той самой петлей, которая связала бы насъ съ союзниками, были бы задушены наши соціалистическія начинанія. Нашъ реваншъ—это европейская революція, которая освободитъ оторванныя отъ Россіи области и обезпечитъ дальнѣйшее развитіе русской революціи. Единственный курсъ, отвѣчающій интересамъ этой революціи,—это курсъ на европейскую революцію. Внѣшняя политика находится въ самой тѣсной связи съ внутренней. Поэтому нельзя окончить этотъ набросокъ вѣ-

новъ внѣшней политики русской революціи, не подчеркивая самымъ энергичнымъ образомъ, что въ той мѣрѣ, въ какой капитуляція передъ чужимъ капитализмомъ приводитъ къ сдѣлкѣ съ русскимъ капитализмомъ, въ той же самой мѣрѣ „тѣловая политика“ сдѣлки съ русскими капиталистами должна убить вліяніе русской революціи на международный пролетаріатъ. Русская революція можетъ поставить на ноги европейскій пролетаріатъ только какъ рабочая революція. Великій шагъ внутренней политики, означающій возвращеніе къ капиталистическому строю, долженъ уменьшать притягательную силу русской революціи и, уменьшая надежды на европейскую революцію, тѣмъ самымъ толкать совѣтскую республику въ объятія чужого имперіализма, т.-е. къ самоубійству.

Русская революція переживаетъ тяжелый кризисъ. Мы не можемъ перепрыгнуть черезъ вопросы, выдвинутые переходной эпохой, мы не можемъ спрятаться отъ нихъ, приговоривъ, что мы ихъ не видимъ. Но исторія рабочаго движенія во всѣ переходныя эпохи знала два метода, при помощи которыхъ можно считаться съ фактами создавшагося положенія: оппортунисты, ссылаясь на новое положеніе, подчинялись ему, т.-е. подчинялись побѣдителю-капиталу, дабы отъ него что-нибудь выторговать; сторонники соціалистической революціи считались съ фактами, дабы ихъ преодолѣть. Этотъ второй методъ, въ данной ситуаціи, означаетъ усиленіе соціалистическаго строительства внутри Россіи, активную интернаціоналистскую политику обороны революціи во внѣ.

(1) **Viator.**

Строительство соціализма.

Статья вторая.

I.

Мы не стоимъ на точкѣ зрѣнія „строительства соціализма подъ руководствомъ организаторовъ трестовъ“. Мы стоимъ на точкѣ зрѣнія строительства **пролетарскаго соціализма** классовымъ творчествомъ самихъ рабочихъ, не по указкѣ „капитановъ промышленности“. Какъ же представляемъ мы себѣ задачи и методы такого строительства?

Прежде всего одно замѣчаніе. Строить соціализмъ долженъ пролетаріатъ. Но для того, чтобы создать общественное хозяйство, не только русскій, но даже

западно-европейскій пролетаріатъ не обладаетъ достаточными техническими познаніями и культурными силами. Рабочій капиталистическаго общества (а мы пришли изъ него) есть рабочій, есть рядовой промышленной арміи. Офицеромъ такой арміи является инженеръ. Притомъ, если ужъ сравнивать „великую всемірную армію труда“ съ войскомъ, то она болѣе всего напоминаетъ инженерныя войска, саперныя, понтонныя, электротехническія части, гдѣ офицеры являются не только командирами, но и обученными спеціалистами своего дѣла. Безъ инженеровъ и другихъ обученныхъ спеціалистовъ нельзя организовать соціалистическую крупную промышленность. Въ развитомъ соціалистическомъ обществѣ всѣ работники станутъ если не инженерами, то „средними техниками“. Но это будетъ позже; а пока мы стоимъ на матеріальной основѣ прежняго общества съ его раздѣленіемъ труда и съ выдѣленіемъ квалифицированныхъ спеціалистовъ въ особую привилегированную группу.

Поэтому мы должны поставить ихъ на работу. Но поставить на работу такимъ образомъ, чтобы реальная „командная власть“ въ производствѣ принадлежала рабочему классу. Организація производства должна обезпечить господство рабочаго класса. Организація труда должна давать просторъ развитію классовой самостоятельности и активности пролетаріата. Всѣ участники производства должны находиться подъ классовымъ вліяніемъ пролетаріата, пропитаться атмосферой общественнаго хозяйства.

Инженеровъ надо изъ слугъ капитала, изъ выжимателей прибавочной цѣнности и участниковъ масонскаго ордена финансоваго капитала сдѣлать общественными инженерами. Такой типъ отчасти существовалъ и въ капиталистическомъ обществѣ. Какъ разъ благодаря нашей отсталости, въ Россіи была для этого почва. Инженеры большихъ городскихъ электрическихъ станцій, трамваевъ, водопроводовъ, казенныхъ заводовъ и копей были къ нему близки. Еще ближе къ такому типу общественные земскіе агрономы: послѣдніе для организаціи общественнаго сельскаго хозяйства—весьма подходящій элементъ. Большая часть ихъ, ставъ на новую общественную почву, быстро порвутъ свою связь съ классовой психологіей прежнихъ владѣльцевъ производства. То же самое (въ меньшей степени) можно сказать и объ инженерахъ: болѣе молодое поколѣніе, менѣе „вышедшее въ люди“, менѣе привыкшее стричь купоны и участвовать въ прибыляхъ, ставъ на новую почву, имѣя новыхъ хозяевъ, сумѣетъ работать въ дѣлѣ технической

организации общественнаго хозяйства. А среди „рядовыхъ", молодыхъ инженеровъ, до сихъ поръ саботировавшихъ новый порядокъ, найдутся и талантливые техники, и дѣльные организаторы, которымъ не было хода въ эпоху господства капиталистической іерархіи. Интеллигенція начинаетъ опредѣленно отказываться отъ саботажа. И не только для того, чтобы попытаться изнутри переродить новые порядки. Въ заявленіяхъ ея идеологовъ слышна и другая нота: интеллигенція, какъ общественная группа, начинаетъ понимать, что въ ближайшее время пролетаріатъ долженъ будетъ платить ей, можетъ-быть, даже дороже, чѣмъ буржуазіи. Переходный порядокъ для интеллигенціи небезвыгоденъ. Въ этомъ онъ дастъ ходъ всѣмъ талантливымъ людямъ, а „дифференціальная рента таланта" для интеллигенціи всегда была хорошимъ видомъ дохода. Да еще при этомъ открывается полный просторъ для идейнаго и организаціоннаго творчества. И это удовлетворитъ профессіональной потребности интеллигенціи, какъ производственной группы.

Пролетаріатъ долженъ покупать интеллигентскія силы, не скупясь на личное вознагражденіе. Это пролетаріатъ долженъ сдѣлать, какъ разумный хозяинъ. Но это вознагражденіе должно быть строго личнымъ, быть только оплатой обученной рабочей силы. Ни въ какомъ случаѣ оно не должно имѣть форму врученія инженерамъ акцій и облигаціи и предоставленія имъ „учредительской прибыли" при образованіи полу-государственнаго, полу-капиталистическаго треста. Это значитъ не только перекидывать мостикъ къ государственному капитализму, но и поддерживать въ интеллигенціи ея матеріальную и психологическую связь съ финансовымъ капиталомъ. Общественный работникъ съ высокимъ личнымъ доходомъ, не избавленный, однако, отъ конкурренціи достаточно талантливаго товарища—вотъ чѣмъ долженъ быть инженеръ въ переходное къ соціализму время.

А каково должно быть положеніе рабочаго? Насъ интересуетъ здѣсь не матеріальная сторона: послѣ октябрьской революціи пролетаріатъ довелъ свое положеніе до уровня нормальнаго человѣческаго существованія (поскольку не мѣшали тому продовольственная разруха и недостатокъ товаровъ); въ этомъ состояніи онъ останется и впредь. Насъ интересуетъ его вліяніе и роль въ организаціи производства.

(1) Рабочій классъ въ цѣломъ долженъ быть хозяиномъ производства. Конечно не рабочіе даннаго предпріятія должны быть хозяевами этого предпріятія. На этомъ послѣднемъ тезисѣ сойдутся какъ правые, такъ и лѣвые коммунисты. Объ организаціи управленія предпрія-

тіями*) мы будемъ говорить ниже. Пока подчеркнемъ, что кромѣ того, организація труда ни въ какомъ случаѣ не должна превращать рабочаго только въ придатокъ машины, въ механическую силу, главная задача которой побольше выработать. Соціалистическая организація труда выдвигаетъ на первый планъ „конкретную“ работу, сознательную работу по созданію полезныхъ для общества благъ. Она не только должна обезпечить рабочему возможность осуществленія всѣхъ его „гражданскихъ“ правъ и обязанностей, она должна развивать его, какъ сознательнаго мастера своего дѣла, повышать его профессіонально-техническое чувство и заставлять его увеличивать расходъ механической, мускульной силы потому, что этого требуетъ интересъ общественно-полезной работы, а не страхъ палки или погоня за барышемъ.

Совершенно недопустимы съ точки зрѣнія соціалистической организаціи труда сдѣльная плата и хронометражъ. Но установленіе нормъ выработки въ связи съ повременной, обезпечивающей нормальное существованіе оплатой труда не только допустимо, но его требуетъ достоинство общественнаго работника, которымъ теперь дѣлается всякій пролетарій. Выработать извѣстное, посильное для средняго человѣка количество продукта—есть для рабочаго вопросъ профессіональнаго достоинства и гражданскаго долга. Выработать его въ порядочномъ видѣ, безъ небрежности и упущеній—также вопросъ чести. Неподчиненіе установленнымъ въ этомъ смыслѣ рабочими организаціями нормамъ есть сознательный или безсознательный саботажъ соціализма, и оно должно преслѣдоваться самымъ суровымъ образомъ товарищескими судами. Людямъ, не имѣющимъ товарищескаго достоинства, не мѣсто въ товарищеской средѣ, какъ же, какъ и штрейкбрехерамъ.

Ставя вопросъ такимъ образомъ, мы исходимъ изъ довѣрія къ классовому инстинкту, къ классовой самодѣятельности пролетаріата. Иначе и невозможно его ставить. Если самъ пролетаріатъ не сумѣетъ создать необходимыя предпосылки для соціалистической организаціи труда,—никто за него этого не сдѣлаетъ и никто его къ этому не принудитъ. Палка, поднятая надъ рабочими, будетъ находиться въ рукахъ такой общественной силы, которая или находится подъ вліяніемъ другого обществен-

*) Кстати мы все время употребляемъ слово «предпріятіе» для обозначенія производственной единицы (фабрики, завода, копи и пр.) Мы дѣлаемъ это за отсутствіемъ въ русскомъ языкѣ такого слова, какъ, напр., нѣмецкое Betrieb, которое лишено оттѣнка капиталистическаго «предпринимательства» и означаетъ только единицу техническую, производственную.

наго класса или должна подпасть подъ его вліяніе. Если эта палка будетъ въ рукахъ совѣтской власти, то совѣтская власть вынуждена будетъ опереться противъ рабочихъ на другой классъ (напр., крестьянство) и этимъ она погубитъ себя, какъ диктатуру пролетаріата. Соціализмъ и соціалистическая организація труда будутъ построены самихъ пролетаріатомъ, или они не будутъ вовсе построены, а будетъ построено нѣчто иное— государственный капитализмъ.

2.

Товарищи, которые въ послѣднее время столь усиленно (на страницахъ „Извѣстій Ц. И. К." и „Извѣстій Московскаго С. Р. Д.") напираютъ о необходимости „повышенія производительности труда", впадаютъ въ одну довольно печальную ошибку и забываютъ объ одномъ весьма важномъ обстоятельствѣ.

Ошибка ревнителей увеличенія производительности труда путемъ введенія сдѣльной платы, удлиненія рабочаго времени и тому подобныхъ капиталистическихъ пріемовъ въ томъ, что они смѣшиваютъ производительность труда и его интенсивность (напряженность). Производительность труда, т.-е. его способность въ единицу времени произвести больше или меньше продукта, зависитъ отъ трехъ главныхъ обстоятельствъ: отъ тѣхъ орудій и средствъ производства, которыя примѣняетъ рабочій, отъ его ловкости и, наконецъ, отъ напряженности работы. Сдѣльная плата повыситъ, главнымъ образомъ, напряженность труда. Удлиненіе рабочаго времени увеличитъ производительность не труда, а предпріятія и понизитъ напряженность труда (увеличивая одновременно кадры безработныхъ, или, по крайней мѣрѣ, запирая имъ доступъ на фабрики). Весьма незначительно можетъ сдѣльная плата поднять ловкость труда, которая повышается прежде всего увеличеніемъ профессіональной культурности рабочихъ, правильной организаціей производства и подъемомъ общественной сознательности работниковъ.

Но самое существенное, о чемъ забываютъ сотрудники обѣихъ „Извѣстій", это то, что хорошее состояніе орудій и средствъ производства, правильная работа хорошихъ машинъ, правильно снабженныхъ матеріалами— главныя основы высокой производительности труда. Всѣ эти объективныя условія непосредственно вліяютъ на субъективные факторы производительности труда. Какъ отмѣчаетъ Маркъ., ходъ производственнаго аппарата увлекаетъ за собой рабочаго. Регулярная и быстрая работа машинъ вынуждаетъ увеличить и ловкость,

и напряженность труда, улучшать его качественно и количественно. Для капиталистовъ—это одинъ изъ способовъ извлеченія прибавочной цѣнности.

И тутъ у насъ возникаетъ вопросъ (мы ставимъ его вовсе не для того, чтобы во что бы то ни стало „оправдать рабочихъ"): въ порядкѣ ли у насъ мертвый производственный аппаратъ? Въ полной ли своей мощности наши машины? Достаточно ли и правильно ли онѣ снабжаются сырьемъ, топливомъ, смазочными веществами и пр.? И не есть ли отсутствіе всего этого—сношенность, растрепанность машинъ, разстроенность заводскаго аппарата, постоянные перерывы въ производствѣ за отсутствіемъ матеріаловъ, топлива и пр.—одна изъ главныхъ.—или, можетъ быть, главная—причинъ паденія производительности предпріятій и труда?

Мы склонны думать, что на послѣдній вопросъ надо отвѣтить утвердительно. Стоитъ только на дѣлѣ ознакомиться съ тѣми нечеловѣческими усиліями, при помощи которыхъ заводскіе комитеты добываютъ на текстильныхъ фабрикахъ хлопокъ, на металлообрабатывающихъ предпріятіяхъ—металлы и уголь, на конныхъ—лѣсъ и бензинъ, на всѣхъ вообще—производство, чтобы сказать, что главный вопросъ нашего времени есть организація производства и общественнаго обмѣна.

Не только всѣ эти прорѣхи въ матеріальныхъ основахъ производства понижаютъ производительность предпріятій, но они понижаютъ ловкость и напряженность труда. „Дѣла по дѣлай, а отъ дѣла не бѣгай"—развѣ такое положеніе создается для рабочихъ объективными условіями, оно въ высшей степени дезорганизуетъ ихъ, какъ профессіональную группу, это пріучаетъ къ небрежностямъ, заставляетъ работать „съ похода", тѣмъ болѣе, что на многихъ заводахъ и въ значительные періоды времени такъ и приходится работать. Благотворно ли вліяютъ на рабочихъ, какъ профессіоналовъ, полуторо-и двухмѣсячные перерывы и отпуски? Въ этомъ можно сильно сомнѣваться.

Необходимо организовать производство. Необходимо организовать общественный обмѣнъ—снабженіе и распредѣленіе. Организація производства есть матеріальная основа организаціи труда. Производственное „бытіе" опредѣляетъ профессіональное сознаніе. И хотя субъективные факторы играютъ самостоятельную роль въ опредѣленіи производительности труда, но сами-то они прежде всего опредѣляются объективными фактами—состояніемъ „мертвой" стороны производства. Кромѣ того, эти объективные факторы, эта налаженность мертвой стороны промышленнаго процесса на двѣ трети или на три четверти опредѣляетъ производительность труда.

Проповѣдь „подтягиванія рабочихъ“ и „самодисциплины“, какъ первоочередныхъ задачъ, вредна не только тѣмъ, что она стремится механизировать пролетаріатъ, главная обязанность котораго сейчасъ—напрячь всѣ свои живыя организаціонныя общественныя силы*). Она отвлекаетъ вниманіе отъ главной задачи—организаціи рѣшающихъ объективныхъ факторовъ производительности труда.

3.

Что имѣемъ мы сейчасъ налицо въ этой послѣдней области? Бюрократическую волокиту, пустые декреты, разсылку комиссаровъ съ чрезвычайными полномочіями, безпорядочное разсовываніе денегъ, съ одной стороны, крайнее скаредство и сѣть формальныхъ придирокъ при отпускѣ средствъ—съ другой стороны. Что намъ необходимо? Необходимо живое организаціонное строительство, руководимое и вдохновляемое пролетаріатомъ, проникнутое бодрымъ соціалистическимъ духомъ. Оно необходимо на мѣстахъ, на заводахъ (организація управленія предпріятіями) и въ центрахъ (организація регулирующихъ органовъ). Необходимо упрощеніе и упорядоченіе финансированія,—а къ этому ведутъ два пути: рѣшительный курсъ на націонализацію банковъ и такой же курсъ на націонализацію промышленности. Наконецъ, прежде всего, нуженъ рабочій планъ въ области хозяйства и нужно рѣшительное, бьющее въ точку проведеніе его.

Одна изъ самыхъ важныхъ задачъ заключается въ организаціонномъ строительствѣ развѣтвленной сѣти регулирующихъ органовъ съ налаженнымъ дѣловымъ аппаратомъ, проще говоря, мѣстныхъ совѣтовъ народнаго хозяйства, въ первую очередь областныхъ совѣтовъ, которые вокругъ себя должны создавать цѣлую сѣть мелкихъ, районныхъ ячеекъ.

(1) Высшій совѣтъ народнаго хозяйства сдѣлался одно время объектомъ настоящей травли со стороны части партійныхъ товарищей, которые, ссылаясь на его неорганизованность и безсиліе, возставали противъ этой формы организаціи вообще. Еще совсѣмъ недавно тов. Яцкисъ, мнящій себя профессоромъ „всеобщей организаціонной науки“, высказывался въ „Извѣстіяхъ Ц. И. К.“

*) Интересно, что тамъ, гдѣ эти живыя силы пробиваются черезъ оболочку матеріальной и организаціонной разрухи, производительность труда возрастаетъ сама собой и «самодисциплина» водворяется безъ всякихъ декретовъ. На заводѣ Гартмана въ Луганскѣ, гдѣ быстро и удачно былъ организованъ мѣстный совѣтъ Н. Х., гдѣ инженеры работаютъ съ рабочими, гдѣ (съ вспомогательными трудами) сумѣли раздобыть нужные матеріалы, рабочее правленіе націонализированнаго завода добилось выпуска за мартъ тридцати паровозовъ вмѣсто трехъ, выпускавшихся ежемѣсячно осенью.

на укороченіе его правъ, за возращеніе различнымъ вѣдомствамъ всѣхъ тѣхъ хозяйственныхъ функцій, которыя пытался собрать въ одинъ узелъ этотъ совѣтъ.

Спору нѣтъ: В. С. Н. Х. былъ очень слабо организованъ къ концу января мѣсяца, и въ этотъ моментъ его еще болѣе подорвалъ уходъ главныхъ работниковъ. Были въ нѣдрахъ его и специальныя, чисто мѣстныя дезорганизующія причины. Сейчасъ онъ совсѣмъ плохъ. Но главная причина его слабости, которую не успѣлъ устранить старый составъ руководителей и которую не собирается устранить новый составъ, проникнутый бюрократическо-централизаторскими идеями à la Ланинъ, заключается въ томъ, что онъ былъ оторванъ отъ мѣстъ, не имѣлъ мѣстныхъ органовъ, не разгружалъ работы на мѣста.

Составъ его былъ (и сейчасъ остается) чисто верхушечный: представители всероссійскихъ профессіональныхъ центровъ, т.-е. профессіональная бюрократія, которая и у насъ уже успѣла оторваться отъ низовъ, имѣя представителей вѣдомствъ. Представительства мѣстныхъ народно-хозяйственныхъ организацій нѣтъ, связи съ ними нѣтъ, инструктированія ихъ нѣтъ. И поэтому Высшій Совѣтъ Н. Х. плаваетъ въ воздухѣ, оторванный отъ мѣстныхъ силъ и потребностей, почему онъ все больше превращается въ канцелярію.

Совѣтъ иное дѣло областные совѣты. Стоитъ имъ стать на опредѣленные рельсы (а это сказывается, главнымъ образомъ, съ присылкой инструкторовъ изъ центра, какъ они начинаютъ обрастать тканью мѣстныхъ организацій и въ нихъ начинается живая и совершенно конкретная работа. Примѣромъ можетъ служить Харьковскій областной совѣтъ, нынѣ разбитый нѣмецкимъ нашествіемъ, который въ теченіе мѣсяца послѣ областного инструктирующаго съѣзда сталъ обрасть восемнадцатью мѣстными совѣтами и началъ развертывать свою работу весьма широко и серьезно.

Организація Харьковскаго совѣта можетъ быть нормальнымъ образцомъ устройства такихъ учрежденій, а потому мы ее вкратцѣ опергимъ. Прежде всего въ дѣловой аппаратъ совѣта включены (послѣ нѣкоторой перестройки) не только всѣ спеціальные регулирующіе хозяйство учрежденія и комитеты: въ него включены также и всѣ областныя „хозяйственныя“ вѣдомства. Областные комиссары продовольствія, транспорта, сельскаго хозяйства, финансовъ, труда являются обязательными предсѣдателями соотвѣтствующихъ отдѣловъ совѣта. Подчиненныя имъ учрежденія образуютъ дѣловой аппаратъ отдѣловъ. Предсѣдателемъ всего совѣта народнаго хозяйства въ цѣломъ является областной комиссаръ

народнаго хозяйства, который одновременно заведуетъ и „общимъ" отдѣломъ совѣта — отдѣломъ общихъ плановъ, общей политики.

Такимъ способомъ объединяются въ одномъ мѣстѣ всѣ учрежденія, регулирующія хозяйство, и достигается полное единство въ дѣлѣ организаціи хозяйства. Нечего говорить о томъ, насколько это важно.

Кромѣ „общаго" отдѣла, отдѣловъ-комиссаріатовъ и еще двухъ-трехъ отдѣловъ съ общими задачами (техническаго, статистическаго, финансирующаго, контроля, юридическаго) въ составъ совѣта имѣется ряд отдѣловъ производственныхъ: каменно-угольный, желѣзо-рудный, соляной, химическій, металлургическій и т. д. Коллегіи этихъ отдѣловъ образуются на двѣ трети изъ рабочихъ-спеціалистовъ въ данной отрасли производства и на одну треть изъ инженеровъ и служащихъ. Эти рабочіе и служащіе избираются областнымъ съѣздомъ профессіональныхъ союзовъ и заводскихъ комитетовъ*) и составляютъ въ своей совокупности пленумъ совѣта. Предсѣдатели производственныхъ отдѣловъ выбираются пленумомъ. Соединенное засѣданіе предсѣдателей всѣхъ отдѣловъ образуетъ бюро совѣта, которое ближайшимъ образомъ управляетъ всѣмъ хозяйствомъ области. Это бюро объединяетъ, слѣдовательно, всѣхъ „хозяйственныхъ" комиссаровъ и всѣхъ руководителей разными производствами.

Совѣты, которые такимъ способомъ: 1) объединятъ всю работу по устройству хозяйства, 2) непосредственно стоятъ у дѣла и связаны съ мѣстами черезъ производственныя коллегіи спеціалистовъ-рабочихъ и инженеровъ (которые въ то же время — члены своихъ союзовъ), 3) построены на основѣ настоящаго „демократическаго централизма" и коллегіальности (а не бюрократическаго централизма или, наоборотъ, синдикализма — выборности по ячейкамъ, прямо съ низовъ) должны быть и не могутъ не быть работоспособными, жизнеспособными и развивающими общеклассовую организаціонную творческую способность.

Такіе совѣты должны (такъ это и бываетъ на дѣлѣ) создавать въ своихъ нѣдрахъ крѣпкій дѣловой аппаратъ: организацію учета производства, выработки на мѣстахъ и сводки въ центрѣ смѣтъ, распредѣленія выработанныхъ продуктовъ, технической организаціи производства и пр.

Только въ томъ случаѣ, если по главнымъ областямъ уцѣлѣвшей совѣтской Россіи будутъ созданы такіе органы, только если имъ будетъ дана значительная само-

*) Впослѣдствіи было предположено выборы производить на съѣздѣ районныхъ совѣтовъ народнаго хозяйства (со включеніемъ, понятно, и представителей профессіональныхъ союзовъ).

дѣятельность, только если В. С. Н. Х. будетъ избираться на ихъ слѣдахъ, и пленумъ его по крайней мѣрѣ на двѣ трети будетъ опредѣляться голосами мѣстныхъ людей, начнутъ исчезать теперешнія болѣзни нашихъ регулирующихъ органовъ. Высшій совѣтъ перестанетъ висѣть въ воздухѣ, сживется съ мѣстами, перестанетъ быть канцеляріей. Онъ будетъ не такъ забитъ дѣлами. Его заботой будетъ давать общія указанія, вырабатывать общіе производственные планы, смѣты, наряды, держать въ рукахъ только шнуровъ денежнаго мѣшка. Рабочіе на мѣстахъ почувствуютъ нарожденіе порядка, организованности, осмысленныхъ воздѣйствій изъ центра. „Сепаратизмъ“ и „синдикализмъ“ сразу пойдутъ на убыль, ибо они на добрую половину питаются разрухой организаціонныхъ связей и горькимъ опытомъ безнадежнаго обиванія пороговъ перегруженныхъ канцелярій.

Не отсѣченіе функцій отъ единой системы соціалистическаго регулированія хозяйства и раздача ихъ по независимымъ (т.-е., слѣд., бюрократическимъ) „вѣдомствамъ“, а достройка системы внизъ и разгрузка тузла работы.

Уже здѣсь мы должны подчеркнуть: вся эта система лишь тогда можетъ быть построена въ порядкѣ, если будетъ энергично проводиться націонализація банковъ и промышленности. Только такая политика: 1) избавитъ насъ отъ организаціонной путаницы рабочаго контроля, который не дастъ возможности правильно устроить управленіе заводами на мѣстахъ, вырабатывать единообразныя смѣты и планы*), 2) избавитъ отъ двойственности въ способахъ финансированія, которая запутываетъ совѣты, 3) избавитъ отъ совершенно излишнихъ и страшно тормозящихъ работу капиталистическихъ формъ „обезпеченія“, выдаваемыхъ ссудъ векселями, залогомъ товаровъ и т. д., 4) устранитъ ту же двойственность и путаницу въ учетѣ товаровъ, технической организаціи и пр. и пр.

4.

Система совѣтовъ народнаго хозяйства должна имѣть корни въ правильно организованномъ управленіи предпріятіями. Мы только что сказали, что послѣднее предполагаетъ широкую націонализацію (вѣрнѣе соціализацію) производства. Всѣ крупныя предпріятія должны быть обобществлены. Всѣ мелкія и среднія предпріятія — по мѣстнымъ условіямъ и усмотрѣнію совѣтовъ и. (1)

*) Рабочій контроль въ эпоху полнаго господства рабочаго класса есть уже переживаніе, которое не развиваетъ, а стѣсняетъ организаціонную самодѣятельность пролетаріата. Отъ рабочаго контроля въ настоящее время должны остаться только репрессивныя функціи контрольной комиссіи. Рабочіе заводовъ должны участвовать прямо въ управленіи ими (но не въ большинствѣ состава правленій).

х.- должны быть либо „приписаны" къ предпріятіямъ крупнымъ и управляться изъ ихъ руководящихъ центровъ, либо должны быть объединены въ союзы — въ цѣляхъ правильнаго веденія производства, правильнаго учета, снабженія, распредѣленія и контроля. Въ послѣднемъ случаѣ ограничивается прибыль предпринимателя, вводится строгій рабочій контроль черезъ профессіон. союзы и совѣты н. х., кредитъ оказывается подъ условіемъ сбыта всѣхъ товаровъ черезъ регулирующіе органы.

Управленіе общественными предпріятіями должно строиться на слѣдующихъ принципахъ: 1) Рабочій классъ имѣетъ рѣшающее большинство въ заводскихъ правленіяхъ, — рѣшающее не противъ капиталистовъ, а противъ фабрично-заводскихъ служащихъ, которые также должны участвовать въ управленіи. 2) Рабочіе даннаго завода не должны быть въ большинствѣ въ составѣ правленій, т. к. хозяиномъ промышленности является весь рабочій классъ. Изъ этого слѣдуетъ, что въ составѣ заводскихъ правленій не болѣе трети мѣста должно принадлежать представителямъ рабочаго класса, но изъ этихъ двухъ третей не болѣе половины должно быть отдано рабочимъ завода. Другая половина образуется изъ представителей областного (или губернскаго) совѣта н. х., совѣта раб. депутатовъ, профессіон. союзовъ. 3) Техническій и вообще служебный персоналъ заводовъ долженъ не только участвовать въ правленіяхъ, но и быть въ значительной степени автономнымъ въ своихъ „исполнительныхъ" функціяхъ (которыя отличаются отъ „законодательныхъ" и наблюдательныхъ функцій правленія). Техническіе и коммерческіе директора должны назначаться правленіями и утверждаться областными совѣтами н. х., безъ согласія которыхъ никто изъ нихъ или старшій бухгалтеръ не могутъ быть уволены. Они обязаны отчетомъ правленію, правленіе можетъ дѣлать имъ указанія, руководить ихъ дѣятельностью, но непосредственно власть надъ ними имѣютъ только правленіе и областной совѣтъ. Пока ихъ терпятъ эти два рабочихъ организаціи, рабочіе должны ихъ терпѣть и имъ подчиняться. Такая постановка дѣла необходима, чтобы привлечь инженеровъ и чтобы создать порядокъ въ работѣ, обезпеченный притомъ отъ злоупотребленій интеллигентовъ и служащихъ. 4) Правленія должны быть достаточно самостоятельны, но все же строго подчинены областному совѣту н. х., который провѣряетъ представленные ими производственные планы и сметы и слѣдитъ за тѣмъ, чтобы правленія дѣйствовали въ предѣлахъ утвержденныхъ плановъ.

Нужны ли на заводахъ комиссары? Товарищи, увле-

ляющіеся „подтягиваніемъ", полагаютъ, что комиссаръ необходимъ и что безъ его согласія ни одно рѣшеніе не должно имѣть силы. Мы не видимъ этой необходимости. Назначеніе особаго представителя отъ областного совѣта и. т. д. съ правомъ пріостанавливать отдѣльныя рѣшенія возможно, но не обязательно. Оно нужно только для заводовъ съ наиболѣе отсталымъ составомъ рабочихъ, и даже здѣсь нуженъ прежде всего инструкторъ, а не предсѣдатель или комиссаръ. „Освобожденіе рабочихъ есть дѣло самихъ рабочихъ", и если пролетаріатъ въ массѣ не сумѣетъ освободиться и устроиться самъ,— никакіе комиссары не помогутъ дѣлу.

Мы слышимъ уже заранѣе одно возраженіе противъ наложеннаго плана, опирающагося на широкую планомѣрную организацію производства: это невозможно съ финансовой точки зрѣнія, не хватитъ средствъ.

О чемъ идетъ рѣчь въ данномъ случаѣ: о деньгахъ (въ смыслѣ денежныхъ знаковъ, золотой или бумажной наличности), о денежной формѣ капитала или о вещественныхъ средствахъ производства и потребленія, необходимыхъ для веденія дѣла?

Если рѣчь идетъ о денежныхъ знакахъ, то надо установить, что послѣ октябрьской революціи (въ сущности еще до нея) почти вся расплата наличными, производимая частными предпріятіями (и прежде всего вся расплата съ рабочими), производилась за счетъ субсидій (ссудъ и т. п.), поступавшихъ изъ Государственнаго банка, или за счетъ авансовъ различныхъ государственныхъ учрежденій. Это объективный фактъ, извѣстный всѣмъ дѣловымъ, знакомымъ съ дѣломъ. Въ этомъ отношеніи ничто не измѣнится съ переходомъ предпріятій въ руки государства,—исчезнутъ только формальные тормозы, препятствовавшіе обращенію общественнаго капитала.

Если рѣчь идетъ о капиталѣ въ денежной формѣ, размѣры котораго всегда значительно больше, чѣмъ наличныя суммы (въ виду того, что большая часть капитала, вложеннаго въ производство и выходящаго изъ него, облекается въ форму векселя и чека, а не въ золотую оболочку или разноцвѣтную одежду всевозможныхъ), то надо помнить, что государство имѣетъ полную возможность, введя систему книжнаго, бухгалтерскаго расчета между своими предпріятіями, замѣнить его банковскій капиталистическій кредитъ. Въ настоящее время благодаря расцвѣту бумажнаго кредита (послѣ націонализаціи банковъ), а также благодаря разстройству обращенія почти всѣ затраты производятся наличными, достигая огромныхъ размѣровъ. Возможный бюджетъ націонализированнаго хозяйства поражаетъ своей вели-

чиной и кажется совершенно непреодолимым для власти, если предположить, что ея плата наличными за средства производства будетъ продолжаться. Но въ томъ-то и дѣло, что по мѣрѣ созданія центральнаго расчетнаго аппарата (изъ прежнихъ капиталистическихъ банковъ), по мѣрѣ организаціи распредѣлительнаго аппарата, который принесетъ заказы товаровъ въ деревню и обезпечитъ ихъ реализацію*), потребность въ наличныхъ денежныхъ знакахъ, идущихъ съ печатнаго станка, сразу сократится, и націонализированная промышленность начнетъ сама воспроизводить свой капиталъ въ денежной формѣ.

Наконецъ, если рѣчь идетъ о вещественныхъ средствахъ производства и потребленія, то надо указать, что разъ таковыхъ мало, и капиталисты не сумѣютъ сотворить ихъ изъ ничего. Полученіе недостающаго сырья и матеріаловъ изъ-за границы вовсе не связано обязательно съ существованіемъ частнаго хозяйства. Большой вопросъ также возможно ли при всеобщемъ истощеніи производительныхъ силъ (даже въ Америкѣ), не говоря уже о разстройствѣ путей сообщенія, получить ихъ изъ-за границы въ достаточномъ объемѣ. Но если это возможно, то американскіе капиталисты — хорошіе процентщики и при условіи вѣрной уплаты увидятъ свои товары и совѣтскому государству.

На все сказанное выше можно сдѣлать два возраженія. Первое: допустимъ, что введеніе бухгалтерскаго расчета между предпріятіями замѣнитъ капиталистическій кре-

Но сумѣемъ ли мы наладить его? Не лучше ли пуститься къ капиталистической организаціи и денаціонализировать банки? На это отвѣтъ: задача, стоящая передъ нами, трудна, но нашъ долгъ рѣшать трудную задачу соціалистическаго строительства, а не возвращаться быстро и легко къ капитализму. Ибо денаціонализація банковъ—рѣшающій шагъ назадъ къ капитализму, возвращающій буржуазіи всѣ ключи къ производству, всю ея экономическую власть. Во-вторыхъ, аппаратъ частныхъ банковъ, разъ только прекращается саботажъ, разъ банки будутъ реорганизованы и освобождены отъ всѣхъ операцій по созданію и обращенію фиктивнаго капитала и фиктивныхъ цѣнностей, составляетъ готовый остовъ для центральной общественной бухгалтеріи.

Второе возраженіе: Все сказанное выше очень хорошо и прекрасно, но вопросъ заключается не столько въ томъ, чтобы организовать аппаратъ общественнаго

*) Въ подмосковномъ районѣ лежитъ сейчасъ на складахъ готовыхъ тканей болѣе чѣмъ на 700 милл. рублей, которыя существующіе аппараты пока не въ состояніи реализовать.

производства и обращенія, а въ томъ, будутъ ли расходы покрываться доходами? Государство содержитъ сейчасъ фактически всю промышленность, въ томъ числѣ и частную. Но если оно возьметъ ее непосредственно въ свои руки, прибыль станетъ больше, такъ какъ: 1) рабочіе будутъ предъявлять болѣе высокія требованія, такъ какъ государство возьметъ на себя гарантію правильной уплаты имъ заработковъ; 2) отпадетъ „самодѣятельность предпринимателя", „частно-хозяйственный интересъ", который раньше заставлялъ балансировать расходы съ доходами.

На это можно отвѣтить слѣдующее: во-первыхъ, далеко не доказано, что въ національныхъ предпріятіяхъ рабочіе требуютъ больше; можетъ-быть, это скорѣе надо сказать о предпріятіяхъ частныхъ; во-вторыхъ, дальнѣйшій ростъ реальной заработной платы врядъ ли вѣроятенъ, такъ какъ рабочій классъ повсюду уже довелъ свое положеніе до нормальнаго; въ-третьихъ, организаціонныя потемъ въ его средѣ, условіемъ котораго является націонализація, съ одной стороны, долженъ предупредить стремленія къ увеличиванію платы въ цѣляхъ простого обогащенія и, съ другой стороны, долженъ увеличить кредитъ пролетаріата къ соціалистическому строю и къ своей классовой власти: факты показываютъ, что рабочіе національныхъ предпріятій (особенно на югѣ) терпѣливо ждутъ запаздывающихъ получекъ, жертвуя матеріальными интересами для поддержанія своей власти, переживая временныя затрудненія. Этотъ кредитъ далеко не исчерпанъ и будетъ увеличенъ націонализаціей и приливомъ къ классовой самодѣятельности. (1)

Что касается „самодѣятельности предпринимателя," дѣлающей предпріятія доходными, то вѣдь главная основа ея заключалась въ усиленной эксплоатаціи рабочаго. Въ эту сторону смотрѣлъ хозяйскій глазъ. Націонализація, неся съ собой всѣ выгоды общественной централизаціи производства, снабженія и распредѣленія, давая возможность начать дѣйствительную организацію производства и труда, должна увеличить производительность труда и предпріятій и съ успѣхомъ восполнить преимущества частно-хозяйскаго глаза.

Но для того, чтобы расходы національнированной промышленности покрывались ея доходами, недостаточно доведенія до конца націонализаціи банковъ и обобществленія предпріятій. Нужно, чтобы гладко шло обращеніе товарнаго капитала, нужна организація общественнаго обмѣна и прежде всего обмѣнъ между городомъ и деревней. Здѣсь передъ нами большая задача построенія соотвѣтствующаго, правильно работающаго, дѣлового анна-

рата, къ выполненію которой должны приступить мѣстные совѣты народнаго хозяйства въ связи съ закупочно-потребительскими коммунами. Въ этомъ направленіи сдѣланы лишь первые шаги.

Весьма важенъ вопросъ о цѣнахъ. Будемъ ли мы брать балансъ обобществленной промышленности въ продуктахъ или въ деньгахъ,—покрытіе расходовъ доходами зависитъ въ значительной мѣрѣ отъ тѣхъ цѣнъ, по которымъ будетъ происходить обмѣнъ между городскими товарами и деревенскимъ сырьемъ и хлѣбомъ. Здѣсь необходимо положить въ основу хотя бы старыя (довоенныя) мѣновыя отношенія между этими товарами. Твердыя цѣны должны быть пересмотрѣны и сведены въ систему. Дабы принудить деревенскихъ кулаковъ прекратить ту спекуляцію съ продуктами сельскаго хозяйства, которая опирается на порожденные имперіалистической войной нарушеніе хода воспроизводства и диспропорціональность между промышленностью и сельскимъ-хозяйствомъ, надо опираться въ деревнѣ на бѣдноту противъ богачей, но что еще важнѣе, надо дѣйствительно дать деревнѣ товары, ликвидировать эту диспропорціональность.

6.

Въ утвержденіи, что для націонализированной промышленности не хватитъ средствъ, есть одна правильная сторона. Недостатокъ средствъ производства въ **вещественной формѣ** налицо, и денежно-финансовый кризисъ отчасти отражаетъ его.

Между производствомъ сырья и средствъ потребленія, съ одной стороны, и производствомъ промышленныхъ продуктовъ—съ другой, создалась диспропорціональность (несоотвѣтствіе), которая связана съ нарушеніемъ воспроизводства вообще. Вслѣдствіе разстройства сельскаго хозяйства (благодаря недостатку рабочихъ рукъ, отвлеченныхъ въ армію, благодаря недостатку **машинъ, желѣза, гвоздей**, изъ которыхъ промышленность дѣлала снаряды, орудія, инженерное имущество) пали урожайность и площадь засѣва, а промышленные злаки отчасти вытѣснялись хлѣбными. Добывающая промышленность также сократила свое производство и по тѣмъ же причинамъ. Съ другой стороны, въ связи съ недостаткомъ сырья, орудій, рабочихъ сократилась и обрабатывающая промышленность, а въ связи съ разстройствомъ аппарата обращенія нарушено все общественное воспроизводство.

Въ результатѣ, даже послѣ прекращенія войны и начала демобилизаціи промышленности и арміи пока-что не только предложеніе сел.-хоз. и промышленнаго сырья и средствъ продовольствія отстаетъ отъ потреб-

постей промышленности, но и предложеніе городскихъ товаровъ для деревенскаго рынка недостаточно для того, чтобы окупить (даже при прежнихъ мѣновыхъ пропорціяхъ) необходимые деревенскіе товары. Финансовый кризисъ промышленности, повторяемъ, отчасти отражаетъ это двойное затрудненіе, первая половина котораго имѣетъ болѣе острый характеръ. Промышленность не сводитъ концовъ съ концами: 1) потому что, цѣны на деревенскіе товары возросли вслѣдствіе сокращенія ихъ производства, и 2) потому, что пала и не возстановилась производительность промышленности.

Для ликвидаціи этого наслѣдія Николая—Керенскаго, умноженнаго интеллигентскимъ саботажемъ, помимо организаціонныхъ мѣръ, указанныхъ выше, необходимо правильное использованіе вещественныхъ средствъ производства, которыми располагаетъ страна. Нуженъ хозяйственно-технический рабочій планъ, который надо осуществлять быстро и рѣшительно. Средствъ производства и потребленія мало, меньше, чѣмъ нужно для хода всѣхъ станковъ на всѣхъ фабрикахъ и для работы всѣхъ рабочихъ. Нужно поэтому вложить ихъ прежде всего въ тѣ отрасли производства, полное насыщеніе которыхъ быстро увеличитъ снабженіе страны средствами производства. Вообще говоря, это—отрасли, производящія средства производства или готовящія необходимыя для этого матеріалы, а также отрасли, продукты которыхъ „шлютъ" изъ деревни с.-х. товары.

Прежде всего, нужно бросить обильныя средства въ „тяжелую" промышленность", производящую сырой матеріалъ для постройки машинъ и средствъ производства. Угольная, рудная, металлургическая, строительная промышленность (производство цемента, кирпича) всего важнѣе. Также „до отказа" надо насытить нужды машиностроенія, паровозо- и вагоностроенія. Большія средства надо обратить на строительство желѣзныхъ дорогъ, прежде всего тѣхъ, которыя свяжутъ между собой руду и уголь, и тѣхъ, которыя дадутъ выходъ въ города с.-х. сырью и хлѣбу. Усиленной поддержки заслуживаютъ предпріятія, дающія деревнѣ средства производства (машины, металлъ, удобренія). Далѣе надо развить всѣ отрасли, дающія возможность извлекать изъ деревни ея продукты, поскольку данная отрасль не накопила большихъ, нереализованныхъ заказовъ. Надо также развивать крупное общественное сельское хозяйство.

Для осуществленія всего этого нуженъ рабочій планъ. Не отвлеченная, идеальная схема „возрожденія страны" и не обремененный подробностями, пытающійся точно учесть всѣ средства и всѣ возможности кабинетный планъ. Нуженъ рабочій планъ, намѣченный общими

штрихами, но въ то же время достаточно конкретно учитывающій: 1) наличныя средства, 2) пункты ихъ приложенія, 3) приблизительную необходимую разверстку ихъ во времени и въ пространствѣ, 4) правильное соотношеніе между затратами на разныя отрасли (при недостаткѣ средствъ ихъ нигдѣ нельзя вкладывать непропорціонально много, благодаря чему часть ихъ не будетъ использована; кромѣ того, главная задача какъ разъ и заключается въ возстановленіи пропорціональности между отдѣльными отраслями производства).

Какъ самый планъ, такъ и осуществленіе его должны быть построены на томъ началѣ, что оживляемыя отрасли хозяйства должны получить необходимыя средства въ полномъ объемѣ. Это относится какъ къ вещественной, такъ и къ денежной ихъ формѣ. До сихъ поръ средства разбрасывались всюду понемногу и для всѣхъ отраслей общественнаго хозяйства господствовалъ принципъ уравнительнаго непотребленія. Съ нимъ надо рѣшительно порвать и рѣзко раздѣлить отрасли производства на покровительствуемыя и второочередныя. Подобно тому, какъ рабочій въ городѣ получаетъ большій паекъ, чѣмъ простой обыватель, нужно создать усиленные пайки для основныхъ отраслей производства.

Разумѣется, это усилитъ „недопотребленіе“ другихъ отраслей и приведетъ даже къ частичному закрытію „второочередныхъ“ предпріятій. Но на это нужно итти, гарантируя только интересы рабочихъ, используя планомѣрно ихъ силы. Практически и сейчасъ масса предпріятій наполовину бездѣйствуетъ. Лучше планомѣрно раздѣлить предпріятія на бездѣйствующія и дѣйствующія, лучше прямо платить бездѣйствующимъ рабочимъ паекъ, чѣмъ затрачивать въ мало полезныхъ предпріятіяхъ средства производства, нужныя для другихъ отраслей. Расширеніе и оживленіе этихъ отраслей и усиленное строительство увеличатъ съ другого конца спросъ на рабочую силу и парализуютъ вредное вліяніе бездѣйствія части рабочихъ. Наконецъ, планомѣрное оживленіе основныхъ отраслей скорѣе всего оживитъ промышленность въ цѣломъ и рабочій классъ въ цѣломъ.

Строительство соціализма, соціалистическихъ отношеній производства соединяется у насъ съ строительствомъ хозяйственно-техническимъ, съ возстановленіемъ разрушенной промышленности. Повидимому, именно такъ только и можетъ быть построенъ соціализмъ, ибо соціалистическая революція возникаетъ изъ краха капиталистическаго хозяйства, порожденнаго имперіалистскимъ военнымъ кризисомъ. Задача поэтому вдвойнѣ трудна. „Органическая работа“ необходима. Но она не можетъ и не должна быть проникнута мѣщанскимъ

дѣловымъ духомъ. Возсоздавая промышленность, мы должны создавать новый общественный порядокъ и окончательно ликвидировать старый. Укрѣпляя базисъ подъ ногами пролетаріата, мы должны быть готовы всегда бросить свои силы изъ области органической работы въ область вооруженной борьбы на сторонѣ возставшаго международнаго пролетаріата.

„Органическая работа“ не можетъ быть самодовлѣющей задачей. При настоящихъ условіяхъ она есть прежде всего средство укрѣпить россійскую и международную революцію. Только послѣ полной побѣды пролетаріата въ международномъ масштабѣ матеріальное строительство жизни станетъ первой задачей.

Н. Осинскій.

Анархизмъ и научный коммунизмъ.

Если на фонѣ производственнаго распада и неизбѣжно связаннаго съ этимъ разложенія здоровой пролетарской психологіи создается уклонъ въ сторону растворенія пролетарскихъ требованій въ общей массѣ стремленій „общенародныхъ“, то-есть, по существу дѣла, крестьянскихъ, то, съ другой стороны, эти же обстоятельства, люмпенъ-пролетаризируя пролетаріатъ, превращая отдѣльныя его части изъ производительныхъ работниковъ въ деклассированныхъ „индивидуумовъ“, не связанныхъ съ пролетарскимъ коллективомъ узами совмѣстнаго массоваго труда и массовой борьбы, создаютъ болѣе или менѣе благопріятную почву для анархическихъ настроеній. Нѣкоторыя трескучія выступленія анархистовъ, рупь, поднятый какъ ими, такъ и буржуазными газетами (ср., напр., желтый „Впередъ“) вокругъ пресловутой ликвидаціи пресловутыхъ московскихъ „Смерчей“, „Урагановъ“ и прочихъ группъ, носящихъ столь же поэтическія названія, сколь непоэтично содержаніе „политики“ этихъ группъ,—все это заставляетъ насъ провести грань между научнымъ коммунизмомъ Маркса и теоріями анархистовъ. Это тѣмъ болѣе необходимо, что соціалъ-демократы въ корнѣ извратили и опошлили ученіе Маркса, предали его буржуазіи теоретически точно такъ же, какъ практически они предали пролетаріатъ, и запутали вопросъ объ анархизмѣ настолько основательно, что намъ придется мимоходомъ касаться и со-

(1)

ціалъ-предательскихъ взглядовъ на анархизмъ, чтобы очистить ученіе Маркса отъ грязи, которой его забрызгали со всѣхъ сторонъ господа Плехановы, Реннеры Гэды и прочіе „государственные умы", имена же ихъ ты, господи, вѣси.

I.

Мы начнемъ съ „конечной цѣли", нашей и анархической. Обычное представленіе по этому пункту сводится къ тому, что коммунизмъ и соціализмъ предполагаютъ сохраненіе государства, тогда какъ „анархія" это государство устранитъ. „Государственники" и „анти-государственники"—такъ опредѣляетъ profanum vulgus „разницу" между марксистами и анархистами.

Нужно отмѣтить, что такому опредѣленію „разницы" въ высокой степени способствовали не только анархисты, но и соціалъ-демократы. Болтовня о „государствѣ будущаго", о „народномъ государствѣ" („Volksstaat") занимала народное мѣсто въ построеніяхъ соціалъ демократіи. А нѣкоторыя соціалъ-демократическія партіи всегда стремились особо подчеркнуть свой „государственный" характеръ „Мы истинные носители государственной идеи" („die wahren Träger der Staatsidee") —эта фраза была излюбленнѣйшей фразой въ устахъ австрійской соціалъ-демократіи. Такіе взгляды были широко распространены не только въ кругахъ австрійской партіи: въ своемъ родѣ они были (и отчасти и продолжаютъ быть, поскольку старая соціалъ-демократія не сгнила еще окончательно) международны.

И тѣмъ не менѣе эта „государственная мудрость" ничего общаго съ революціонно-коммунистическимъ ученіемъ Маркса не имѣетъ.

Научный коммунизмъ видитъ въ государствѣ организацію господствующихъ классовъ, орудіе угнетенія и насилія. Совершенно естественно, что онъ не можетъ поэтому говорить и о государствѣ будущаго. Въ этомъ будущемъ нѣтъ никакихъ классовъ, нѣтъ классоваго угнетенія, ", слѣдовательно, нѣтъ и орудія этого угнетенія,—государственной власти. „Неклассовое государство"—на точку зрѣнія котораго сбиваются соціалъ-демократы—есть противорѣчіе въ самомъ себѣ, безсмыслица, вздоръ, „сухая вода". И хотя политая этой сухой водицей и геологическая каша составляетъ духовную пищу соціалъ-демократіи, въ этомъ отнюдь не виновны великіе революціонеры Марксъ и Энгельсъ.

Итакъ, коммунистическій строй есть строй безгосударственный. Но если это такъ—а это безусловно такъ—то въ чемъ же дѣйствительная разница между анархистами и марксистскими коммунистами? Не исчезаетъ ли эта

разница, по крайней мѣрѣ, по вопросу о будущемъ обществѣ, о „конечной цѣли"?

Нѣтъ, разница есть. Но она проходитъ по совсѣмъ другому направленію. Коротко ее можно опредѣлить какъ различіе между крупнымъ централизованнымъ и мелкимъ децентрализованнымъ производствомъ.

Мы, коммунисты, полагаемъ, что будущее общество должно избавить насъ не только отъ угнетенія человѣка человѣкомъ, но и сдѣлать людей возможно болѣе независимыми отъ внѣшней природы, довести до минимума „необходимое рабочее время", доведя до максимума общественныя производительныя силы и производительность общественнаго труда. Поэтому нашъ идеалъ—централизованное и планомѣрно организованное крупное производство, въ предѣлѣ—организація всего мірового хозяйства. Наоборотъ, анархисты предпочитаютъ совсѣмъ иной типъ отношеній: ихъ идеаломъ являются маленькія коммуны, по самому своему строенію не могущія вести крупнаго хозяйства, вступающія въ „соглашенія" другъ съ другомъ и связанныя сѣтью добровольно-договорныхъ отношеній. Совершенно ясно, что такая схема производства экономически реакціонна. Она не дастъ и не можетъ дать простора развитію производительныхъ силъ, она экономически больше похожа на средневѣковыя общины, чѣмъ на строй, долженствующій замѣнить собой капитали...ъ. Но эта схема не только реакціонна, она въ высокой степени утопична. Будущее общество не родится „изъ ничего", и его не приноситъ съ неба анархистъ. Оно вырастаетъ изъ нѣдръ стараго міра, изъ отношеній, созданныхъ гигантской машиной финансоваго капитала. Понятно, что дальнѣйшее развитіе производительныхъ силъ (а всякій будущій строй только тогда жизнеспособенъ и возможенъ, когда онъ развиваетъ дальше производительныя силы строя уже отжившаго) можетъ мыслиться лишь какъ продолженіе тенденціи къ централизаціи производственнаго процесса, какъ растущая организованность „управленія вещами", которое замѣняетъ здѣсь отжившее „управленіе людьми".

Но—возразятъ намъ анархисты—вѣдь сущность государства и состоитъ въ централизаціи; оставляя централизацію производства, вы тѣмъ самымъ оставляете и государственный аппаратъ, власть, насиліе, „авторитарныя отношенія".

Такое возраженіе неправильно, ибо оно предполагаетъ совсѣмъ не научное, а попросту дѣтское представленіе о государствѣ. Государство есть, точно такъ же, какъ и капиталъ, не вещь, а отношеніе между людьми, еще болѣе точно, отношеніе между классами. Это есть классовое отношеніе господства и угнетенія. „Сущность" го-

сударства как разъ и состоитъ въ этомъ отношеніи. И если этого послѣдняго нѣтъ налицо, то нѣтъ налицо и никакого государства. Брать въ государствѣ за существенный признакъ „централизацію“ — это все равно, что видѣть въ капиталѣ средства производства. Средства производства только тогда становятся капиталомъ, когда они монополизируются однимъ классомъ и служатъ для эксплоатаціи другого класса на основѣ наемнаго труда, т.-е. когда эти средства производства выражаютъ общественное отношеніе классоваго угнетенія и классовой экономической эксплоатаціи. Наоборотъ, сами по себѣ они — прекрасная вещь, орудіе борьбы человѣка съ природой. Понятно поэтому, что они не только не исчезнутъ въ будущемъ обществѣ, а впервые займутъ тамъ надлежащее мѣсто.

Между тѣмъ, былъ періодъ въ движеніи рабочаго класса, когда онъ не отличалъ еще машины, какъ средства производства, отъ машины, какъ капитала, т.-е. какъ средства угнетенія. Въ это время мысль рабочаго была направлена не на то, чтобы уничтожить частную собственность на машины, а чтобы уничтожить самыя машины, вернувшись къ примитивнымъ ручнымъ станкамъ.

То же самое происходитъ у „сознательныхъ“ анархистовъ съ централизаціей производства. Они видятъ, что эта централизація въ капиталистическомъ строѣ служитъ орудіемъ угнетенія, и въ простотѣ своей протестуютъ противъ централизаціи производства вообще, по-дѣтски смѣшивая существо дѣла съ его общественной исторической оболочкой.

Итакъ, по отношенію къ будущему обществу разница между нами, коммунистами, и анархистами состоитъ вовсе не въ томъ, что мы—за, а они—противъ государства, а въ томъ, что—мы за централизованное крупное производство, развивающее до максимума производительныя силы, а они—за мелкое децентрализованное производство, которое уровень этихъ производительныхъ силъ не повышаетъ, а понижаетъ.

II.

Вторымъ существеннымъ вопросомъ, который раздѣляетъ коммунистовъ и анархистовъ, есть вопросъ объ отношеніи къ пролетарской диктатурѣ. Между капитализмомъ и „будущимъ строемъ“ лежитъ цѣлый періодъ классовыхъ битвъ, періодъ искорененія остатковъ буржуазнаго общества, періодъ отраженія классовыхъ атакъ со стороны уже низпровергнутой, но еще бунтующей буржуазіи. Практика октябрьской революціи показала, что буржуазія, которую „положили на обѣ лопатки“, все же используетъ остатки своихъ силъ для вооружен-

ной и всякой иной борьбы противъ рабочихъ; что въ послѣднемъ счетѣ она опирается на международную реакцію, и что окончательная побѣда рабочихъ возможна только тогда, когда пролетаріатъ очиститъ весь міръ отъ капиталистической скверны, когда онъ „додушитъ" буржуазію повсемѣстно.

Совершенно естественно поэтому, что для такой борьбы пролетаріату нужна организація. Чѣмъ шире, чѣмъ сильнѣе, чѣмъ прочнѣе эта организація, тѣмъ скорѣе окончательная побѣда. Такой временной организаціей является пролетарское государство, власть рабочихъ, ихъ диктатура.

Какъ всякая власть, и пролетарская власть есть организація насилія. Какъ всякое государство, и пролетарское государство есть орудіе угнетенія. Но такъ формально ставить вопросъ о насиліи нельзя. Это была бы точка зрѣнія добраго христіанина, толстовца, но не революціонера. Вопросъ о насиліи рѣшается въ положительномъ или отрицательномъ смыслѣ въ зависимости отъ того, противъ кого это насиліе примѣняется. Революція и контръ-революція суть въ одинаковой степени акты насилія. Но отказываться отъ революціи на этомъ основаніи было бы безсмыслицей.

Совершенно такъ же стоитъ вопросъ и о власти пролетаріата. Эта власть есть орудіе угнетенія, но она направлена противъ буржуазіи. Она предполагаетъ систему репрессіи, но эти репрессіи направлены опять-таки противъ буржуазіи. Въ классовой борьбѣ, въ моменты величайшаго обостренія этой борьбы, переходящей въ гражданскую войну, не рѣчи о свободѣ всякаго индивидуума должны имѣть мѣсто, а рѣчи о необходимости планомѣрнаго подавленія эксплоататорскихъ классовъ.

Что-нибудь одно изъ двухъ: или пролетаріатъ долженъ добивать ниспровергнутую буржуазію и защищаться отъ ея международныхъ союзниковъ или нѣтъ. Если онъ долженъ дѣлать это, то онъ долженъ вести такую работу организованно, планомѣрно, обобщая ее повсюду. Гдѣ его силы достаточны для этой работы. А разъ это такъ, то ему нужна во что бы то ни стало организованная мощь. Такой силой и является государственная власть пролетаріата.

Классовыя различія не уничтожаются однимъ росчеркомъ пера. Буржуазія не исчезаетъ, какъ классъ, послѣ того, какъ она лишилась политической власти. Точно такъ же и пролетаріатъ остался пролетаріатомъ послѣ своей побѣды. Но онъ перешелъ на положеніе господствующаго класса. Долженъ ли онъ держаться въ качествѣ таковаго, или онъ долженъ сразу раствориться

въ остальной, глубоко враждебной, ему массѣ? Такъ исторически стоитъ вопросъ. И на него не можетъ быть двухъ отвѣтовъ. Единственный отвѣтъ гласитъ: пролетаріатъ одинъ, какъ движущая сила революціи, продержался въ качествѣ господина положенія до тѣхъ поръ, пока онъ не передѣлалъ остальныхъ классовъ по своему образу и подобію. Тогда—и только тогда—пролетаріатъ распускаетъ свою государственную организацію, и государство „отмираетъ".

По отношенію къ этому переходному періоду анархисты занимаютъ иную позицію, и здѣсь различіе между ними и нами, дѣйствительное, идетъ по линіи: за или
(1) противъ пролетарскаго государства-коммуны, за или противъ диктатуры пролетаріата.

Всякая власть, власть при всѣхъ и всякихъ обстоятельствахъ, непріемлема для анархистовъ, потому что она угнетаетъ. Поэтому для нихъ непріемлема и власть рабочихъ, которая угнетаетъ буржуазію. Такимъ образомъ, на этой стадіи развитія революціи анархисты кричатъ **противъ власти пролетаріата въ одинъ голосъ съ буржуазіей и соглашательскими партіями.** Протестуя противъ власти рабочихъ, они не только не являются болѣе „лѣвыми", болѣе „крайними", какъ это принято обычно говорить. Напротивъ, они—плохіе революціонеры, не хотящіе объявлять организованной и планомѣрной, массовой борьбы съ буржуазіей. Отказываясь отъ диктатуры пролетаріата, они упускаютъ самое сильное оружіе борьбы; борясь съ этой диктатурой, они дезорганизуютъ силы пролетаріата, выбиваютъ у пролетаріата винтовку, объективно помогаютъ буржуазіи и соціалъ-предательскимъ агентамъ этой буржуазіи.

Нетрудно прослѣдить общую мысль, которая соединяетъ позицію анархистовъ въ вопросѣ о будущемъ обществѣ съ ихъ позиціей въ вопросѣ о диктатурѣ пролетаріата. Это ихъ, можно сказать, принципіальное отвращеніе къ методамъ массовымъ, планомѣрнымъ и организованнымъ дѣйствій.

Въ нашихъ условіяхъ анархическая постановка вопроса крайне вредна. Послѣдовательный анархистъ долженъ быть противъ совѣтской власти и долженъ стремиться къ разрушенію этой совѣтской власти. Правда, въ виду очевидной нелѣпости такой точки зрѣнія для рабочихъ и крестьянъ, далеко немногіе рѣшаются сдѣлать этотъ выводъ изъ своихъ собственныхъ предпосылокъ, а косвенно изъ анархистовъ прекрасно поспѣшаетъ въ высшемъ законодательномъ и исполнительномъ органѣ государственной власти пролетаріата—въ Центр. Исп. Комитетѣ Совѣтовъ. Это явная непослѣдовательность и сдача

чистой анархической политики. Однако, совершенно естественно, что анархисть не можетъ питать особой любви къ Совѣтамъ и, въ лучшемъ случаѣ, лишь „используетъ" ихъ, всегда будучи готовыхъ къ ихъ дезорганизаціи. Совершенно естественно поэтому, что здѣсь должно получиться крайне рѣзкое практическое расхожденіе, потому что мы видимъ теперь свою основную задачу въ расширеніи и укрѣпленіи, въ организаціи власти массовыхъ пролетарскихъ союзовъ—совѣтовъ рабочихъ депутатовъ,- тогда какъ анархисты должны сознательно мѣшать этому строительству.

Такъ же рѣзко расходятся наши пути и въ области экономической практики въ эпоху пролетарской диктатуры. Основное условіе экономическаго преодолѣнія капитализма состоитъ въ томъ, чтобы „экспропріація экспропріаторовъ" не вырождалась въ дѣлежку, хотя бы и уравнительную дѣлежку. Всякая дѣлежка плодитъ мелкихъ собственниковъ, а изъ мелкой собственности вытекаетъ и крупно-капиталистическая собственность. Поэтому раздѣлъ имуществъ богатыхъ неизбѣжно приводитъ снова къ образованію того же класса этихъ „богатыхъ". Задача рабочаго класса—не мелкобуржуазно-люмпеновскій передѣлъ, а общественно-товарищеское, планомѣрное и организованное использованіе экспропріируемыхъ средствъ производства.

А это возможно, въ свою очередь, лишь тогда, когда самый актъ экспропріаціи производится организованнымъ путемъ, при контролѣ со стороны рабочихъ учрежденій. Въ противномъ случаѣ „экспропріація" принимаетъ характеръ явно дезорганизаторскій и легко вырождается въ простое „присвоеніе" частными лицами того, что должно быть общественной собственностью.

Русское хозяйство вообще, русская промышленность и русское сельское хозяйство находятся въ процессѣ ужаснаго развала и распада. Не только прямое разрушеніе производительныхъ силъ, но и колоссальная дезорганизація всего хозяйственнаго аппарата является причиной мучительныхъ затрудненій. Поэтому рабочіе сейчасъ болѣе, чѣмъ когда-либо, должны заботиться о строгомъ учетѣ и контролѣ всѣхъ экспропріируемыхъ средствъ производства, домовъ, реквизируемыхъ продуктовъ потребленія и т. д. Такой контроль можетъ быть лишь тогда, когда экспропріація совершается не частными лицами и не частными группами, а органами рабочей власти.

III.

Мы намѣренно не полемизировали противъ анархистовъ, какъ противъ уголовныхъ, бандитовъ и т. д. Для рабочихъ важно понять вредныя стороны ихъ ученія, изъ котораго вытекаетъ и вредная практика.

Центръ аргументаціи долженъ лежать не въ такой поверхностной полемикѣ.

Но послѣ всего вышесказаннаго понятно, почему какъ разъ анархическія группы быстро вырождаются въ группы „экспропріаторовъ“ въ свой собственный карманъ, почему къ анархистамъ „примазывается“ уголовщина. Всегда и всюду найдутся грязные элементы, которые используютъ революцію въ цѣляхъ личной наживы. Но тамъ, гдѣ дѣло экспропріаціи экспропріаторовъ поставлено подъ массовый контроль организацій, тамъ труднѣе „ловить рыбу въ мутной водѣ“.

Наоборотъ, принципіальный отказъ отъ массовыхъ организованныхъ дѣйствій и замѣна ихъ „выступленіями“ „свободныхъ“, „самоопредѣляющихся“, „автономныхъ“ и „независимыхъ“ группъ создастъ наилучшее прикрытіе для такихъ „экспропріацій“, которыя ни теоретически, ни практически невозможно отличить отъ подвиговъ героевъ съ большой дороги.

Вредная сторона индивидуальныхъ экспропріацій, реквизицій и т. д. заключается не только въ томъ, что такіе акты разстраиваютъ дѣло налаживанія планомѣрнаго аппарата производства, распредѣленія и управленія; она состоитъ также и въ томъ, что эти акты въ корнѣ деморализуютъ и дезорганизуютъ самихъ людей, эти акты совершающихъ, отучаютъ ихъ отъ товарищескаго **общаго** дѣла, отъ выработки **коллективной** воли, ставя на ея мѣсто произволъ отдѣльной группы или даже отдѣльной „свободной личности“.

Въ рабочей революціи есть двѣ стороны: сторона разрушительная и сторона творчески-созидательная. Разрушительная сторона выражается въ первую голову во кускѣ буржуазнаго государства. Правда, соціалъ-демократическіе оппортунисты утверждаютъ, что завоеваніе власти пролетаріатомъ отнюдь не означаетъ разрушенія капиталистическаго государства. Но такое „завоеваніе“ существуетъ лишь въ головахъ людей. На самомъ дѣлѣ завоеваніе власти рабочими идетъ черезъ разрушеніе власти буржуазіи.

Вотъ въ этой разрушительной работѣ противъ буржуазнаго государства анархисты могутъ играть положительную роль. Но они органически неспособны творить „новый міръ“. И послѣ завоеванія власти пролетаріа-

томъ, тогда, когда центръ тяжести переносится въ строительство социализма, они играютъ почти исключительно отрицательную роль, мѣшая этому строительству своими дикими деморализаторскими выходками.

Коммунизмъ и коммунистическая революція—это дѣло пролетаріата, производительнаго класса, связаннаго механизмомъ крупнаго производства. Всѣ остальные слои бѣдноты могутъ играть роль агентовъ коммунистической революціи лишь постольку, поскольку они идутъ за пролетаріатомъ.

Анархизмъ—это не идеологія пролетаріата, а идеологія деклассированныхъ, непроизводительныхъ группъ, оторвавшихся отъ всякой производительной работы: люмпенъ-пролетаріатъ, вербующійся изъ пролетаріевъ, разорившихся мелкихъ буржуа, опустившихся интеллигентовъ, выбившихся изъ всякой колеи и обнищавшихъ крестьянъ, словомъ, голытьба, которая уже не можетъ, уже неспособна творить что-либо новое, производить новыя цѣнности, а способна лишь потреблять отнятое путемъ „реквизиціи",—такова соціальная основа анархизма. Анархизмъ—это продуктъ разложенія капиталистическаго общества. Характерной чертой этого разложенія является распадъ соціальныхъ связей, превращеніе бывшихъ членовъ какого-либо класса въ атомизированныхъ „индивидуумовъ", независимыхъ ни отъ какого класса, существующихъ „сами по себѣ", не работающихъ и не подчиняющихся никакой организаціи во имя своего сепаратнаго существованія. Это—людская пыль, которую производитъ варварскій режимъ капитала.

Здоровый классъ, классъ пролетаріевъ, не можетъ быть заражонъ потому анархизмомъ. Лишь въ условіяхъ распада самого рабочаго класса на одномъ полюсѣ его появляется анархизмъ, какъ симптомъ болѣзни. И рабочему классу, которому необходимо бороться противъ своего экономическаго разложенія, необходимо бороться и противъ своего идеологическаго разложенія, продуктомъ котораго является анархизмъ.

Н. Бухаринъ.

КРАСНАЯ АРМІЯ.

Рабоче-крестьянское правительство Россіи приступило, послѣ предварительныхъ работъ, къ созданію красной рабоче-крестьянской арміи. Послѣ короткаго періода исканія путей, оно намѣтило себѣ планъ работы и предложило его утвержденію Центральнаго Исполнительнаго Комитета Совѣтовъ.

За недѣлю до перваго мая, праздника мира и братства народовъ, въ день пріѣзда въ Москву представителя нѣмецкаго имперіализма, съ трибуны Ц. И. К. Троцкій провозгласилъ основы организаціи арміи. И хотя онѣ были одобрены подавляющимъ большинствомъ Ц. И. К., прежде въ партійныхъ кругахъ доказывають, что въ рядахъ совѣтской демократіи нѣтъ единодушнаго мнѣнія относительно основъ, на которыхъ предполагается строить революціонную армію. Созданіе арміи потребуетъ не только много усилій въ области организаціонной, но и много разъясняющей политической работы. Вопросы о методахъ созданія совѣтской арміи очень сложны, очень новы какъ для совѣтскихъ массъ, такъ и для руководителей, и намъ придется еще къ нимъ не одинъ разъ возвращаться. Сегодня рѣчь можетъ итти только объ уже намѣтившихся спорныхъ вопросахъ и о постановкѣ ихъ.

(1)

Нужна ли намъ вообще Совѣтская армія? Т. Троцкій совершенно правильно указалъ, что для того, чтобы справиться съ русской контръ-революціей, мы не нуждались бы въ созданіи большого армейскаго аппарата. Пока народныя массы за нами, мы могли бы справиться съ контръ-революціонными попытками буржуазіи при помощи наскоро создаваемыхъ партизанскихъ отрядовъ. Если бы мы не справились съ организаціонными задачами, поставленными намъ революціей, и наша безпомощность въ дѣлѣ организаціоннаго строительства возстановила бы противъ насъ народныя массы, армія, которую мы въ состояніи создать, не спасла бы насъ. И только меньшевистско-эсъ-эсеровскіе авантюристы, которые при помощи штыковъ, находившихся въ рукахъ несознательныхъ людей пытались удержать власть противъ народной массы, могли притти къ мысли, что мы собираемся создать армію, чтобы удержаться у власти даже тогда, когда рабочая масса будетъ противъ насъ. Армія нужна русской революціи въ первую очередь для борьбы съ міровымъ имперіализмомъ. Правда, мы не собираемся отвоевывать съ оружіемъ въ рукахъ оторванныя отъ Россіи области. Если мы говоримъ, что мы не строимъ на-

ныхъ расчетовъ на военномъ реваншѣ, то это не дипломатическая фраза, имѣющая своей цѣлью успокоить нѣмецкихъ империалистовъ. Мы дѣйствительно остаемся на старомъ посту и выражаемъ народнымъ массамъ Европы отражение интересовъ порабощенныхъ массъ Польши, Литвы, Латвіи, Украины и Финляндіи. Но мы должны создать вооруженную силу, дабы не позволить не только нѣмецкому, но и совокупному империализму смотрѣть на русскую революцію, какъ на легкую добычу. Японское нашествіе показываетъ, что когда мы говорили и говоримъ о непосредственной угрозѣ русской революціи со стороны всемірнаго империализма, то это не пустая фраза, а самый реальный фактъ.

Мы живемъ въ эпоху глубокихъ потрясеній, и когда грянетъ громъ европейской революціи, русская революціонная армія можетъ сыграть еще активную роль: не только роль застрѣльщика, но и роль организованнаго отряда помощи возставшимъ народнымъ массамъ другихъ странъ въ той тяжелой борьбѣ, которую этимъ массамъ придется вести со своимъ великолѣпно организованнымъ классовымъ врагомъ.

Какъ мы строимъ красную армію? Созданіе арміи революціи, арміи рабочаго класса и крестьянской бѣдноты — вотъ наша задача, преопредѣленная характеромъ октябрьскаго переворота. Поэтому мы можемъ только привѣтствовать, что рабоче-крестьянское правительство, послѣ колебаній, которыя нашли свое выраженіе въ извѣстномъ воззваніи т. т. Подвойскаго и Троцкаго, гдѣ говорилось о всеобщемъ обученіи военному искусству всѣхъ гражданъ, рѣшило обучать сему только рабочихъ и крестьянскую бѣдноту. Если Мартовъ видитъ въ этомъ уступку „фракціи Бухарина“, лѣвому крылу большевистской партіи, если онъ считаетъ, что эта уступка ничего не мѣняетъ въ существѣ создаваемой арміи, то это показываетъ только, что этотъ бывшій главарь меньшевиковъ-интернаціоналистовъ, возвратившись въ лоно Дановской семьи, растерялъ послѣдніе остатки своего марксистскаго багажа. (1)

Армія, въ которую была бы включена буржуазія и плетущаяся за ней мелко-буржуазная масса, вообще враждебно относящаяся къ пролетарской революціи, не въ состояніи была бы исполнить своихъ революціонныхъ задачъ. Дѣло не въ процентномъ отношеніи пролетарскихъ и не пролетарскихъ слоевъ населенія, и даже не въ томъ, что буржуазія, интеллектуально стоящая выше, чѣмъ рабочіе, могла бы играть въ арміи значительную роль. Дѣло въ томъ, что классовая рознь разъединяла бы армію, разрушала бы ея внутреннюю связь, т.-е. уничто-

жала бы главный источникъ ея силы—сознаніе общей цѣли, объединяющее всѣхъ солдатъ.

Но если цѣль, ради которой строится красная армія, и ея соціальный составъ даны намъ самымъ характеромъ нашей революціи и ея международнымъ положеніемъ, то не такъ просто обстоитъ дѣло съ путями, ведущими къ этой цѣли. Проще всего было бы начать обученіе рабочихъ и крестьянскихъ массъ и строить сразу обширную армію народныхъ низовъ. Но такой громадной работы пока мы выполнить не въ состояніи, намъ не достаетъ ни учетнаго аппарата на мѣстахъ, ни формирующаго аппарата, ни кадровыхъ инструкторовъ и руководителей, мы не имѣемъ, наконецъ, для этого достаточнаго количества оружія. Мало того, подобная армія требовала бы громаднѣйшихъ интендантскихъ запасовъ, налаженнаго транспорта и налаженной промышленности. Современная армія,—это не простой конгломератъ людей, а высоко развитый технически-административный аппаратъ. Созданіе такой арміи дѣло длительнаго процесса, укрѣпленія и организаціи побѣдоносной революціи. Но самый этотъ процессъ, въ свою очередь, требуетъ аппарата принужденія, который долженъ играть не послѣднюю роль въ дѣлѣ налаженія транспорта, въ дѣлѣ созданія предпосылокъ всякой созидательной работы. Поэтому созданіе пока что кадровъ общей рабоче-крестьянской арміи, въ формѣ организаціи рабоче-крестьянской добровольческой арміи,—это не только первый шагъ къ будущему вооруженію всего рабочаго класса и крестьянской бѣдноты, но и необходимая предпосылка организаціоннаго укрѣпленія революціи. Меньшевики указываютъ на опасность, которая создается оторванностью отъ соціальной базы рабочихъ и крестьянъ, добровольно вступающихъ въ ряды красной арміи. Мы не отрицаемъ, что такая опасность существуетъ: общественный слой, имѣющій оружіе, легко проникается особой психологіей, дѣлается кастой, требующей для себя привилегій, имѣющей собственные интересы, изъ орудія власти легко превращается въ ея повелителя. Агитація и революціонная пропаганда, укрѣпляющая живую связь между красной арміей и рабочей средой, можетъ замедлить этотъ процессъ отчужденія, но не можетъ его устранить. Въ казармѣ карты очень легко замѣняютъ агитаціонную брошюру, и сама брошюра не сильнѣе жизни. Дѣйствительное средство, предохраняющее наши красноармейскіе кадры отъ вырожденія въ преторіанскую клику, которая была бы въ состояніи диктовать рабоче-крестьянскому правительству свои условія,—это постоянное употребленіе созидаемой нами красной арміи для обученія военному дѣлу всей ра-

боче-крестьянской массы. Только въ той мѣрѣ, въ какой эти кадры будутъ помогать создавать вокругъ себя вооруженный народъ, они дѣйствительно будутъ орудіемъ революціи, а не исходнымъ пунктомъ контръ-революціоннаго движенія, соціальную базу котораго сейчасъ еще трудно опредѣлить. И намъ кажется, что руководящіе круги Совѣтской Республики недостаточно осязаютъ угрожающую опасность и недостаточно опредѣленно переносятъ центръ тяжести на подготовительный характеръ кадровой арміи, на то, что ея задача — быть организаторомъ принудительнаго обученія рабоче-крестьянскихъ массъ. Между тѣмъ, опасность, о которой мы говоримъ, состоитъ не только въ тенденціи кадровъ къ отдѣленію отъ народныхъ массъ, но равнымъ образомъ и въ томъ, что, разъ создавъ извѣстную вооруженную силу, совѣтскіе круги сами легко поддадутся искушенію довольствоваться только ею. Вѣдь, чтобы обучать народныя массы военному искусству, нельзя полагаться на незначительное количество военныхъ спеціалистовъ, которыми мы располагаемъ. Для этого нужно путемъ длительной упорной работы ввести военный вопросъ въ кругъ умственныхъ интересовъ всей рабочей демократіи, нужно создать въ рабочихъ массахъ атмосферу идейнаго интереса къ военному дѣлу. При колоссальной работѣ, которая лежитъ на плечахъ совѣтскихъ круговъ, очень легко можетъ случиться, что добровольческіе кадры заслонятъ отъ нихъ главную цѣль — обученіе военному искусству трудящихъ массъ.

Очень характерно, что эта опасность совершенно не выдвигалась ни во время преній въ Ц. И. К., ни при обсужденіи вопроса во фракціи. Главное вниманіе было удѣлено опасности контръ-революціонныхъ стремленій стараго офицерства, которое болѣе всего безпокоитъ совѣтскіе круги. Рабочіе и еще въ большей степени бывшіе солдаты и матросы, такъ же, какъ и работники нашихъ старыхъ военныхъ организацій, выросшихъ въ процессѣ борьбы съ контръ-революціонными вліяніями, съ тревогой обращаютъ взоры на бывшихъ царскихъ офицеровъ и въ нихъ видятъ главную опасность. Мы не раздѣляемъ оптимизма тѣхъ, Троцкаго, который утверждаетъ, что среди этого офицерства онъ нашелъ значительное количество людей, понимавшихъ совершившуюся перемѣну. Офицеровъ, мало-мальски понимающихъ цѣли, съ которыми солдатская наша новая армія, ея стратегическія задачи, встрѣчается очень мало; офицеры, соотвѣтствующіе этимъ цѣлямъ — рѣдкія единицы. Большинство офицеровъ, шедшихъ къ намъ на работу, — люди, ищущіе хлѣба. Сливки офицерства, наиболѣе цѣнные

въ интеллектуальномъ и боевомъ отношеніи, убѣждены, что мы вступаемъ на путь, который поведетъ насъ дальше, чѣмъ мы бы этого хотѣли, и незамѣтно для насъ самихъ. Они не собираются сыграть самостоятельную контръ-революціонную роль, но они увѣрены, что мы сами пойдемъ по направленію къ буржуазной республикѣ. Поэтому мы считаемъ, что роль стараго офицерства должна быть и будетъ лишь временной; только меньшая его часть дѣйствительно сольется съ арміей, будетъ съ ней жить общей жизнью. Понятно, пока у насъ нѣтъ собственныхъ офицеровъ, офицеровъ-коммунистовъ, мы вынуждены ставить старыхъ офицеровъ не только на посты инструкторовъ, но и командировъ. Но мы должны употребить всѣ усилія, чтобы въ первую очередь получить отъ нихъ то, что намъ дастъ возможность создать кадры собственныхъ офицеровъ: они должны научить насъ основамъ военнаго искусства, которое должно сдѣлаться достояніемъ совѣтской демократіи.

Судьба красной арміи находится въ самой тѣсной связи съ судьбами революціи вообще. Строеніе арміи всегда отражало строеніе общества, создававшаго ее. Если въ революціи возьмутъ верхъ мелко-буржуазные крестьянскіе элементы, если рабоче-крестьянское правительство пойдетъ по пути компромисса съ иностраннымъ и отечественнымъ капитализмомъ, никакіе организаціонные фокусы, никакія охранительныя средства не спасутъ красной арміи отъ превращенія въ орудіе, направленное противъ рабочаго класса. И потому ни чѣмъ инымъ, какъ курьезомъ исторіи, нельзя считать выкриковъ меньшевистскихъ и право-эсъ-эровскихъ Касандръ. Если бы революція пошла по пути, рекомендуемому ими — къ Учредительному Собранію, т.-е. именно къ компромиссу съ буржуазіей, къ сдачѣ власти въ руки буржуазіи,—армія революціи превратилась бы въ армію буржуазіи. То, что меньшевики и эсъ-эры хотятъ положить въ основу создаваемой революціонной арміи, угрожаетъ ей въ результатѣ возможнаго перерожденія революціи изъ рабочей въ крестьянскую. Задача пролетарскихъ коммунистовъ, наоборотъ, состоитъ въ томъ, чтобы при помощи мобилизаціи пролетаріата не допустить такого перерожденія революціи. Поскольку усилится ея рабочій характеръ, легко будетъ предохранить революціонную армію отъ опасности, о которой шла выше рѣчь.

Мы не знаемъ, дастъ ли намъ исторія достаточный срокъ для созданія сильной красной арміи путемъ мирной, организаціонной работы. Можетъ быть, намъ придется создавать ее въ борьбѣ не на жизнь, а на смерть. Чѣмъ больше, мы будемъ считаться съ этой

возможностью, тѣмъ болѣе необходимо напрягать всѣ силы, чтобы использовать каждый имѣющійся въ нашемъ распоряженіи день для подготовки хотя бы основу организаціи и распространенія хотя бы основъ военнаго знанія. Нужно помнить, что за каждую потерянную минуту придется заплатить кровью. Для дѣла созданія арміи, такъ же какъ и для налаженія хозяйственной машины, мы должны отдать самыя лучшія наши силы. Да, мы не оставимъ ее спеціалистамъ офицерамъ, которые могутъ дать нашей арміи только знаніе военной техники, а возьмемъ ее въ собственныя руки, чтобы вложить въ нее нашу душу, безъ которой она была бы мертвой.

Карлъ Радекъ.

Прямые отвѣты.

Въ своей рѣчи на пленарномъ засѣданіи новаго московскаго совѣта т. Ленинъ сказалъ, что главная задача рабочихъ—„стальное напряженіе всѣхъ силъ для примѣненія ихъ къ новой творческой работѣ". Уже не первый разъ слышимъ мы отъ т. Ленина призывъ къ „стальному", рѣшительному и быстрому внутреннему строительству. Правиленъ ли, своевременъ ли этотъ призывъ? Тысячу разъ—да. Быстро и рѣшительно должны мы строить новую трудовую республику и, прежде всего, должны организовать ея хозяйство. Быстроты и энергіи требуютъ отъ насъ слѣдующія главныя причины. Во-первыхъ, необходимость полностью использовать нашу внутреннюю побѣду надъ буржуазіей и ея прежними слугами—гг. интеллигентами. Сейчасъ они разбиты, разгромлены, сломлены. Побѣду используетъ только тотъ, кто быстро починаетъ ея плоды. Во-вторыхъ, находясь со всѣхъ сторонъ подъ экономическимъ давленіемъ иностраннаго империализма, мы должны какъ можно скорѣе закрѣпить свои внутреннія хозяйственныя позиціи. Чѣмъ раньше приготовимся къ бою, тѣмъ лучше предотвратимъ опасность нападенія. Въ-третьихъ, разрѣха такъ безмѣрно велика, что каждый часъ промедленія, каждый нерѣшительный шагъ затрудняютъ дальнѣйшую созидательную работу. Наконецъ, внутреннее строительство—если только, конечно, направить его по вѣрному руслу—укрѣпитъ почву подъ ногами пролетаріата, сократитъ безработицу, классовый распадъ, сократитъ вліяніе на пролетаріатъ мелко-буржуазной стихіи.

Но что необходимо для быстраго и рѣшительнаго строительства? Нуженъ ленинскій планъ и нужна твердая воля, рѣшительность дѣйствій. И прежде всего нуженъ

ленный планъ: не кабинетныя отвлеченныя умствованія, а нѣкія ближайшія дѣйствій. Безъ такихъ нѣтъ возможны и самыя дѣйствія. Только тотъ быстро и рѣшительно идетъ впередъ, кто знаетъ цѣль, къ которой онъ стремится.

Что же мы видимъ на самомъ дѣлѣ? Находимъ ли мы (въ той же рѣчи т. Ленина) рядомъ съ общими принципами какія либо осязательныя предложенія, какую-нибудь дѣловую программу? Видимъ ли мы, чтобы въ области финансовъ и хозяйства предпринимались какія-либудь дѣйствія?

Ни того, ни другого. Вмѣсто дѣловой финансовой программы—туманныя фразы Гуковскаго, который никакъ не можетъ рѣшиться прямо высказаться за денаціонализацію банковъ и предпочитаетъ словесно топтаться на мѣстѣ. Въ области хозяйственной политики—сперва вполнѣ обязательные проекты полу-капиталистическаго треста, потомъ отвлеченные разговоры о необходимости полной націонализаціи (безъ дѣйствительнаго проведенія ея въ жизнь). И одновременно—никакой организаціонной работы, все тотъ же хаосъ въ Высшемъ Совѣтѣ Н. Х., и вмѣсто дѣйствій—только декреты о націонализаціи внѣшней торговли, объ учетѣ процентныхъ бумагъ и т. п. Откуда всѣ эти программныя шатанія и все это топтаніе на мѣстѣ? Главная причина ясна: руководители совѣтской политики сами еще не рѣшили, куда они будутъ держать курсъ и какую программу они будутъ осуществлять.

(1) Въ этомъ отношеніи особенно характерно поведеніе тов. Ленина. 4 апрѣля на совѣщаніи съ группой лѣвыхъ коммунистовъ онъ заявилъ опредѣленно, что лозунгъ момента—„учиться организаціи соціализма у организаторовъ треста". Онъ говорилъ тогда, что согласенъ дать Мешерскому и К° взятку хотя бы въ 200—250 милл. рублей въ видѣ облигаціоннаго займа, лишь бы они взялись за организацію „государственнаго" металлургическаго треста *). Не позже, чѣмъ черезъ недѣлю на объединенномъ засѣданіи представителей высшихъ хозяйственныхъ организацій т. Ленинъ высказывался уже за полную націонализацію желѣзодѣлательныхъ заводовъ. Такая же перемѣна позиціи по вопросамъ военнымъ обнаружилась и у т. Троцкаго въ срокъ отъ его выступленія на московской городской конференціи и до его недавняго доклада въ Ц. И. К. Тов. Ленинъ теперь какъ будто за націонализацію промышленности, но что

*) Совѣщаніе не было публичнымъ, но носило характеръ официальный. Слова были сказаны при свидѣтеляхъ, которые не откажутся, конечно, ихъ подтвердить. Лѣвые коммунисты заявили самый энергичный протестъ противъ этого лозунга и проекта треста.

онъ думаетъ о національизаціи банковъ и о взглядахъ Суховскаго,—никому не вѣдомо. И врядъ ли, если бы его программа была ясна, онъ не изложилъ ее со свойственной ему рѣшительностью и точностью.

Руководители совѣтской политики въ цѣломъ и въ лицѣ наиболѣе отвѣтственныхъ лицъ не указали точно того пути, по которому они собираются итти. А между тѣмъ, какъ это обосновано въ нашихъ тезисахъ о текущемъ моментѣ (см. № 1 „Коммунистъ"), передъ россійскимъ пролетаріатомъ послѣ брестскаго мира открылись два пути. Одинъ путь ведетъ къ мелкобуржуазному перерожденію совѣтской власти и къ государственному капитализму. Другой путь—къ сохраненію пролетарской диктатуры и къ укрѣпленію ея основы путемъ строительства пролетарскаго соціализма. Тотъ, кто не идетъ по второму пути, волею событій сбивается на первый. Между тѣмъ, только второй путь даетъ возможность справиться цѣликомъ съ разрухой, побѣдить мелко-буржуазную стихію и сохранить пролетаріатъ какъ дѣйственный-революціонный классъ. Топтаніе на мѣстѣ увеличиваетъ силы россійской буржуазіи, облегчаетъ подчиненіе русскаго хозяйства иностранному капиталу, все болѣе деморализуетъ рабочій классъ и усиливаетъ разлагающее вліяніе мелкобуржуазнаго хозяйчика.

Надо ясно рѣшить: или-или. Въ такомъ положеніи, какъ сейчасъ, хозяйство и вся страна находиться не могутъ. Или вы возвращаетесь къ буржуазному строю—къ новому, подчиненному, освобожденному отъ крѣпостничества виду. Это тоже исходъ. Правда, чреватый тяжелыми хозяйственными и политическими потрясеніями, въ частности гибелью рабочей революціи, но это опредѣленный путь политики. Или же вы идете впередъ по пути соціализма.

Руководители совѣтской политики не рѣшаются опредѣленно высказаться, какой путь они избираютъ. Можетъ быть, они не *хотятъ* высказаться? Въ нѣкоторыхъ случаяхъ выгодиѣе самому промолчать, предоставивъ говорить другимъ, которые не боятся прямо или въ слегка прикрытой формѣ проповѣдывать движеніе вспять. Если за твоей спиной стоитъ большая дружина такихъ болѣе рѣшительныхъ людей, можно „*уступая*" такому „правому" крылу, отодвигать политику достаточно вправо, сохраняя въ то же время достаточно послѣдовательную позицію, Мы очень боимся, что дѣло обстоитъ именно такъ, особенно если принять во вниманіе, что атаки нашихъ руководящихъ товарищей (напр. Ленина въ его послѣдней рѣчи) направлены

только слѣво, а вправо, гдѣ собралась большая и опасная группа октябрьскихъ дезертировъ, тяжелая артиллерія не стрѣляетъ...

Мы погрѣшили противъ истины, сказавъ, что въ рѣчи т. Ленина не было ни одного осязательнаго дѣлового программнаго пункта. Одинъ пунктъ есть: эта самодисциплина (и притомъ обязательно „желѣзная“) трудящихся и борьба съ разлагающимъ вліяніемъ мелко-буржуазнаго „хапанья“. Въ этой борьбѣ рабочіе должны подтянуться и безпощадно истреблять всѣхъ, даже въ своей средѣ, кто будетъ „хапать“ или будетъ возражать противъ борьбы съ „хапающими“.

Желѣзная самодисциплина пролетаріата, какъ извѣстно, тѣсно связана у того же тов. Ленина (и въ особенности у сидящихъ одесную его правыхъ большевиковъ) съ введеніемъ сдѣльной платы, премій за повышенную производительность и системы Тэйлора (подъ наименованіемъ „нормировки труда“).

Мы не только не возражаемъ противъ самой рѣшительной борьбы съ „хапальщиками“ даже въ средѣ самого рабочаго класса. Наоборотъ, именно мы, лѣвые коммунисты, ведемъ самую безпощадную войну противъ мелко-буржуазныхъ теченій въ средѣ пролетаріата. И если т. Ленинъ намекалъ на лѣвыхъ коммунистовъ, когда говорилъ о „колеблющихся и вредныхъ элементахъ изъ нашей собственной среды, которые осмѣлятся внести дезорганизацію въ нашу тяжелую творческую работу“, то либо онъ заблуждался, либо стремился направить мысли слушателей по невѣрному руслу.

Мы противъ хапальщиковъ и дезорганизаторовъ. Но мы должны подчеркнуть самымъ рѣшительнымъ образомъ, что уничтожать мелко-буржуазныя теченія и возставать трудовую дисциплину путемъ введенія сдѣльной платы и премій, это значитъ бороться съ дьяволомъ при помощи Вельзевула. Это значитъ только говорить высокія слова о борьбѣ съ мелко-буржуазными аппетитами, а на дѣлѣ развивать въ средѣ рабочихъ мелко-буржуазный развратъ, погоню за копейкой, торгашество, отвлекающіе отъ политическихъ задачъ, понижающіе классовую боеспособность и сознательность.

Чтобы уничтожить мелко-буржуазныя тенденціи, недостаточно личныхъ, субъективныхъ пріемовъ: агитаціи, товарищескихъ судовъ: недостаточно и диктатуры рабочихъ организацій. Нужно, чтобы наѣтниія, объективныя условія устраняли почву для хапанья. И тутъ надо сказать, что, съ одной стороны, введеніе премій и сдѣльной платы созлаетъ наилучшія объективныя условія для развитія мелко-буржуазнаго маклачества. А съ другой стороны, топтанье на одномъ мѣстѣ въ дѣлѣ организаціи

производства и даже въ дѣлѣ выясненія программы по этому вопросу, превращаетъ всѣ разговоры о борьбѣ съ мелко-буржуазнымъ врагомъ въ пріятные но пустые разговоры.

Только организація производства и притомъ на соціалистическихъ началахъ вырветъ у хапанья изъ-подъ ногъ объективную хозяйственную почву. Этого, кажется, не надо доказывать марксистамъ. Если же это рѣшающее обстоятельство будетъ отсутствовать, то „хапанье" будетъ доведено до крайнихъ предѣловъ системой сдѣльной платы, разовьетъ въ высшей мѣрѣ мелко-буржуазныя, торгашескія наклонности и затушитъ классовую сознательность рабочихъ. И при такихъ условіяхъ диктатура пролетаріата надъ самимъ собою неизбѣжно превратится въ диктатуру надъ пролетаріатомъ — но *не* пролетаріата, а, очевидно, мелкой буржуазіи и — въ зависимости отъ того, какъ далеко пойдутъ соглашенія съ гг. Мещерскими — крупной буржуазіи.

Такимъ образомъ, даже разсмотрѣніе единственнаго осязательнаго лозунга тов. Ленина неизбѣжно возвращаетъ насъ все къ тому же вопросу: по какому же пути пойдетъ совѣтская власть? Какъ хочетъ она вести внутреннее строительство? Разъ на эти вопросы не дается ясного отвѣта, то борьба съ мелко-буржуазнымъ лавочничествомъ либо оказывается пустой фразой, либо грозитъ превратиться въ насажденіе этого лавочничества.

Политическій моментъ въ высшей степени грозенъ, тяжелъ и отвѣтствененъ. Ясность въ намѣреніяхъ и дѣйствіяхъ необходима. Рабочій классъ не только имѣетъ право, но и обязанъ требовать отъ своихъ руководителей, чтобы они твердо установили и ясно изложили свои позиціи и чтобы они приступили къ быстрымъ и энергичнымъ мѣрамъ.

И потому мы призываемъ товарищей-рабочихъ требовать созыва партійныхъ собраній и засѣданій совѣтовъ, на которыхъ руководящіе товарищи должны дать „прямые отвѣты на проклятые вопросы". Эти вопросы должны заключаться въ слѣдующемъ: 1) каковы общія перспективы совѣтской политики въ связи съ создавшимся политическимъ и хозяйственнымъ положеніемъ; 2) каковы ближайшія задачи совѣтской власти, дѣловая программа ея „творческой работы"; 3) что дѣлать рабочимъ, и что дѣлаетъ совѣтская власть для осуществленія этой программы.

Массовое обсужденіе этихъ вопросовъ вовлечетъ рабочій классъ въ то строительство соціализма, которое можетъ быть осуществлено только его руками. Оно

выпрямить партійную линію, прекратить шаталія. Оно заставить вмѣсто топтанья на мѣстѣ приняться за то дѣло, о которомъ такъ много говорятъ.

Н. Осинскій.

ЗА ГРАНИЦЕЙ.

Въ двуединой монархіи.

Въ Австро-Венгерской монархіи происходитъ сейчасъ перегруппировка военныхъ силъ: съ итальянскаго фронта перебрасываютъ силы на пражскій, будапештскій и вѣнскій. Австро-венгерскій имперіализмъ, съ трепетомъ ждавшій возможности снятія военныхъ силъ съ восточнаго фронта для посылки ихъ на итальянскій, теперь, силою обстоятельствъ, принужденъ сражаться на новыхъ фронтахъ. Онъ продолжаетъ воевать только потому, что вынужденъ къ этому. Его агрессивной мощи давно уже не существуетъ. Государственный аппаратъ отказывается дѣйствовать, онъ—наканунѣ полнаго распада, отдѣльныя его части уже перестаютъ ясно функціонировать. Поэтому австро-венгерскій имперіализмъ безсиленъ оказывать сопротивленіе на двухъ фронтахъ: внѣшнемъ и внутреннемъ.

Великое наступленіе, предпринимавшееся правительствомъ двуединой монархіи,—внутри страны или внѣ ея—превратилось въ безсильное отступленіе. Къ наступленію на внѣшнемъ фронтѣ правительство Карла вынуждалось болѣе сильнымъ и активнымъ нѣмецкимъ имперіализмомъ, внутри же ему приходилось наступать, обороняясь, но то и другое ему было уже не по силамъ.

(1) Правительственный кризисъ въ Австріи и въ Венгріи, отставка Черинна и Векерле являются, прежде всего, слѣдствіемъ того, что распадающійся государственный аппаратъ не въ силахъ справиться съ задачами, которыя взвалилъ на него болѣе сильный нѣмецкій имперіализмъ.

Всѣ эти смѣны лицъ въ правительствѣ являются попыткой сохранить разстроенный и близкій къ распаду государственный аппаратъ монархіи, хотя бы въ томъ состояніи безсилья, въ какомъ онъ сейчасъ находится, попыткой привести его въ дѣйствіе во что бы то ни стало.

* * *

Австро-венгерскій капитализмъ, находящійся сейчасъ въ процессѣ разложенія, уже до войны ожидала будущность безъ перспективъ, поскольку онъ уже тогда питался преимущественно иностраннымъ капиталомъ. Еще до войны Германія безъ труда расширяла свою „сферу интересовъ" за счетъ двуединой монархіи. Въ Австріи до войны было вложено однимъ нѣмецкимъ капиталомъ четыре милліарда марокъ, въ Венгріи—полтора милліарда. Помимо этихъ пяти съ половиной милліардовъ марокъ нѣмецкаго капитала, въ Австро-Венгріи было вложено два милліарда франковъ Франціей, въ Венгріи мелкія желѣзныя дороги финансировались англійскимъ капиталомъ, а въ послѣднее время и американскій капиталъ, привлекаемый высокимъ процентомъ, все чаще и чаще завоевывалъ почву на венгерскомъ рынкѣ, несмотря на то, что рискъ, сопряженный съ помѣщеніемъ тамъ капиталовъ былъ не меньше, чѣмъ на малоазіатскомъ рынкѣ. Слѣдовательно, капиталы, вложенные въ Австро-Венгріи странами Согласія, почти равнялись нѣмецкимъ.

Монопольное положеніе нѣмецкаго имперіализма до войны опредѣлялось не столько размѣрами ввезеннаго въ Австрію капитала, сколько наиболѣе благопріятнымъ географическимъ положеніемъ Германіи и ея имперіалистическимъ превосходствомъ.

Нѣмецкій капиталъ вложенъ преимущественно въ промышленныя предпріятія и военные займы.

Агрессивный характеръ его выявился задолго до войны. Съ каждымъ новымъ займомъ все больше сжимали желѣзные тиски австро-венгерскій имперіализмъ, претендовавшій когда то на самостоятельность и командованіе другими при помощи своей таможенной политики. Въ качествѣ компенсаціи за каждый вновь вложенный въ Австріи милліонъ марокъ, Германія требовала новыхъ военныхъ договоровъ, распространяла свое вліяніе на новыя территоріи и захватывала въ свои руки все новые источники сырья. Классическимъ примѣромъ агрессивности нѣмецкой политики по отношенію къ Австро-Венгерской монархіи можетъ служить вмѣшательство Вильгельма въ ея внутреннія дѣла по поводу затяжной парламентской обструкціи, съ помощью которой венгерская мелкая буржуазія пыталась осуществить свои „національныя чаянія" и которая выразилась въ отказѣ въ военныхъ кредитахъ.

О томъ же свидѣтельствуетъ монополизація „Deutsche Bank'омъ" („Нѣмецкимъ Банкомъ") богатыхъ транспорт-

вѣнскихъ источниковъ топливнаго газа, которой онъ добился вопреки болѣе выгоднымъ предложеніямъ, дѣлавшимся американскимъ и англійскимъ капиталомъ.

Наоборотъ, англійскій капиталъ финансировалъ преимущественно мелкія желѣзныя дороги Венгріи, находившіяся въ рукахъ акціонерныхъ компаній, и потому не могъ оказывать большого вліянія на внутреннія дѣла двуединой монархіи. Два милліарда франковъ вложены были французскимъ капиталомъ главнымъ образомъ въ государственныя бумаги. Съ французскимъ капиталомъ имѣть дѣло было легче всего: онъ не требовалъ никогда высокихъ процентовъ, не искалъ прямыхъ компенсацій ни въ области промышленности, ни въ области сельскаго хозяйства.

Симпатіи къ Франціи въ нѣкоторыхъ вліятельныхъ кругахъ Венгріи, во главѣ которыхъ стоялъ графъ Кароли, и даже пропаганда идеи франко-русско-венгерскаго союза объясняются главнымъ образомъ агрессивной политикой австро-нѣмецкаго капитала. Однако, съ военной точки зрѣнія дружба съ французскимъ капиталомъ имѣла серьезное неудобство, которое и обезпечило нѣмецкому капиталу перевѣсъ въ монархіи,—это конкуренція французскаго капитала на Балканахъ и особенно въ Сербіи.

Эта конкуренція заставила промышленниковъ Австріи заключить тѣсный союзъ съ венгерскими аграріями. И хотя ихъ интересы были противоположны, они пытались выступить на Балканахъ въ полномъ согласіи.

(1) Достопамятная таможенная война между Сербіей и Австро-Венгріей, бывшая введеніемъ въ балканское дѣйствіе кровавой міровой трагедіи и длившаяся—если не считать семилѣтней паузы—съ 1906 по 1911 годъ, была весьма на руку венгерскимъ помѣщичьимъ кругамъ. Изъятіе изъ обращенія на австро-венгерскомъ рынкѣ сербскихъ сельско-хозяйственныхъ продуктовъ въ теченіе пяти лѣтъ обезпечивало венгерскимъ аграріямъ высокія цѣны на продукты ихъ латифундій. Зато австро-венгерскіе капиталисты потеряли сорока-пяти-милліонные военные заказы Сербіи, которые за это время перешли къ Франціи.

Усиленію вліянія нѣмецкаго капитала помогло и то обстоятельство, что во время австро-сербской таможенной войны и аннексіи Австріей Босніи и Герцеговины
(2) французская биржа засыпала монархію австрійскими облигаціями, которыя до тѣхъ поръ она хранила у себя.

Вліяніе нѣмецкаго капитализма было такимъ образомъ закрѣплено. При такихъ условіяхъ идея Средне-Европейскаго союза не могла не найти отклика въ Австро-Венгріи. Война и сопряженные съ ней колоссальные

расходы только туже затянули аркань, которымъ нѣмецкій имперіализмъ привязалъ къ своей тріумфальной колесницѣ младшаго своего сотоварища или, лучше сказать, разбойника болѣе мелкаго масштаба.

* * *

Текущая война снова поставила на очередь дня всѣ тѣ вопросы, которые были давно похоронены въ Австріи, и которыя Венгрія разрѣшала самымъ варварскимъ способомъ—при помощи жандармовъ. Все то недовольство, которое порождалось гнетомъ, тяготѣвшимъ надъ массами, но до поры до времени таилось въ нѣдрахъ, и которое буржуазія всѣхъ національностей,—какъ угнетающихъ, такъ и угнетенныхъ—начиная съ мадьярской и польской и кончая чехо-словацкой, румынской и украинской, старалась одѣть въ національные костюмы, всплыло на поверхность и сразу, со всей силой ударило по больному государственному организму, передъ которымъ и безъ того стояли неразрѣшимые вопросы.

Капитализмъ въ странѣ, истощенной до послѣдняго предѣла войной, уже не можетъ удовлетворить всѣхъ тѣхъ требованій, которыя эта война къ нему предъявляетъ, разрѣшить всѣ тѣ вопросы, которые она передъ нимъ поставила. Голодъ, недостатокъ сырыхъ матеріаловъ еще въ первый періодъ брестскихъ переговоровъ приняли размѣры стихійнаго бѣдствія. Курсъ австрійской валюты сравнялся съ русскимъ. Сама Германія помогала этому паденію австрійской кроны, чтобы по дешевымъ цѣнамъ воспользоваться продуктами венгерскаго сельскаго хозяйства.

Будучи атакованъ со всѣхъ сторонъ—извнѣ, изнутри и снизу—государственный аппаратъ монархіи не въ состояніи былъ осуществить „каторжный соціализмъ", который съ такимъ успѣхомъ проводился въ Германіи.

Письмо императора, уличеннаго во лжи въ вопросѣ объ Эльзасъ-Лотарингіи, двуличіе „пацифиста" Черинина—все это результатъ того давленія, которому подвергается со всѣхъ сторонъ австро-венгерское правительство и подъ напоромъ котораго начинаетъ трещать слабѣйшая изъ западно-европейскихъ великихъ державъ, обладающая самымъ негоднымъ для какого-либо сопротивленія капиталистическимъ аппаратомъ.

Министерскій кризисъ—это хватанье за соломинку, лихорадочныя попытки продлить дни уже приговоренной къ смерти капиталистической Австро-Венгріи.

Поклонница идеи „великодержавной" Австріи и австро-венгерскаго капитализма вѣнская „Рабочая газета" („Arbeiter Zeitung") рисуетъ мрачныя перспективы

мрачнаго будущаго монархіи: оффиціальный органъ австро-нѣмецкой соціалъ-демократіи не знаетъ иного пути спасенія для пролетаріата отъ всѣхъ тѣхъ неслыханныхъ бѣдствій и варварства, которыя породила война, какъ спасеніе монархіи. Мы надѣемся, что австрійскій пролетаріатъ не признаетъ этой политики партійныхъ верховъ своею и не будетъ хвататься за спасеніе капиталистическаго строя.

* * *

Австро-венгерская армія устала отъ войны, она неладна. Это обнаружилось уже въ 1915 году, когда Брусилову удалось оттѣснить ее до самыхъ Карпатъ, гдѣ его задержали только нѣмецкія войска. Но поддерживать порядокъ внутри страны войска еще могли до тѣхъ поръ, пока стихійныя силы не принудили пролетаріатъ къ революціоннымъ выступленіямъ, возникшимъ одновременно во всѣхъ частяхъ монархіи. Венгерскія войска безчеловѣчно подавляли выступленія чешскаго пролетаріата, требовавшаго мира и хлѣба, въ то время какъ въ Будапештѣ чешскія войска отплатили той же монетой венграмъ; въ Хорватіи возстаніе бѣдноты подавляли войска изъ Верхней и Нижней Австріи: Линца и Вѣны.

Но мѣрѣ того какъ углублялся процессъ распада капитализма, всѣ эти выступленія, безъ всякой внѣшней видимой связи, становились все единодушнѣе. Вмѣстѣ съ тѣмъ все дальше шелъ процессъ разложенія арміи. Изъ всей арміи теперь самыми надежными считаются четыре тирольскихъ полка. Всѣ остальные считаются зараженными революціонной заразой, причемъ распространеніе этой заразы принимаетъ характеръ настоящей эпидеміи.

Нельзя освободиться отъ всѣхъ тѣхъ бѣдствій и варварства, которыя принесла съ собою война, тѣмъ путемъ, который рекомендуетъ намъ оффиціозъ австрійской соціалъ-демократіи. Это означало бы избѣжать Сциллы, чтобы попасть въ Харибду, это означало бы замѣнъ одного империализма другимъ. Это хорошо понимаетъ пролетаріатъ, несмотря на всѣ старанія своихъ высокопоставленныхъ вождей. Поэтому въ тотъ моментъ, когда зданіе капитализма грозитъ рушиться, онъ будетъ стараться спасти собственное существованіе, а вовсе не буржуазное государство. Онъ предоставитъ спасеніе „отечества“ тѣмъ, которые хотятъ увѣковѣчить бѣдствія народныхъ массъ.

Наивной была вѣра тѣхъ, кто представлялъ себѣ международную революцію въ формѣ забастовки солидарности въ первые дни русской революціи, въ дни „медоваго мѣсяца“ тогдашнихъ вождей пролетаріата съ

буржуазіей. Русская революція, внѣшняя политика диктатуры пролетаріата, опирающаяся на международную революцію, оказались единственно правильнымъ прогнозомъ.

Разлагающійся, неспособный болѣе держать массы въ подчиненіи австро-венгерскій капитализмъ не сможетъ оказать серьезнаго сопротивленія. Онъ слишкомъ слабъ, чтобы соперничать съ тѣми силами, которыя толкаютъ пролетаріатъ на возстаніе. Эта слабость усиливается еще благодаря тому, что пролетаріату помогаетъ помимо своей воли недовольная буржуазія всѣхъ національностей, заинтересованныхъ въ распадѣ монархіи.

У буржуазіи угнетающихъ и угнетенныхъ національностей еще достаточно времени, чтобы сговориться для предупрежденія пролетарскаго возстанія. Но кризисъ назрѣваетъ въ Австро-Венгерской монархіи. Въ нѣдрахъ австро-венгерскаго пролетаріата назрѣваетъ первое доказательство международной революціи. Революція не можетъ быть вызвана давленіемъ извнѣ, но, разъ назрѣвъ, она не можетъ быть задушена. Кажется, что прусская каска сможетъ задушить революцію, мы отнюдь не раздѣляемъ.

Бела Кунъ. (1)

ЭКОНОМИЧЕСКІЯ ЗАМѢТКИ.

Программа финансовыхъ реформъ комиссара Гуковскаго.

«Подлинно, нѣтъ большей славы, чѣмъ нежеланіе видѣть».
«Свобода Россіи».

Новыя вѣянія, новыя пѣсни...

Въ бурные дни пролетарскаго натиска ослабленная, остервенѣлая буржуазія на всѣхъ перекресткахъ старалась запѣвать и изолгать великое движеніе рабочихъ массъ Россіи. Великій новый декретъ приводилъ ее въ бѣшенство. Великое новое завоеваніе—въ ужасъ.

Теперь дѣйствительность начинаетъ дарить ее пріятными сюрпризами. То Совѣтская власть пригласитъ въ армію на мѣста командного состава старыхъ генераловъ и офицеровъ, то завяжется легкій романъ съ акулами россійскаго капитала. Наконецъ, послѣдніе дни подарили насъ новыми „соціалистическими" откровеніями народнаго комиссара финансовъ Гуковскаго, послѣ

которыхъ у многихъ представителей банковаго міра отлегло отъ сердца, а всякій сознательный рабочій долженъ поставить передъ собою вопросъ: по правильному ли пути ведутъ его руководители?

Вопросы экономической и финансовой политики являются основными вопросами нашей революціи, отъ того или иного рѣшенія ихъ зависитъ въ значительной мѣрѣ и исходъ ея. Въ дни октября-ноября у Совѣтской власти сложилась совершенно опредѣленная политика въ этомъ направленіи: націонализація производства, опирающаяся на рабочее управленіе предпріятіями, рѣшительно требовала также и націонализаціи банковъ. Мы знали, что эти экономическія и финансовыя мѣропріятія въ корнѣ разрушаютъ буржуазную систему кредита. Буржуазія и кулаки, выгнанные съ фабрикъ и заводовъ, поставленные подъ контроль рабочихъ организацій, въ періодъ ломки всѣхъ экономическихъ основъ буржуазнаго правопорядка не могли питать довѣрія къ финансовымъ мѣропріятіямъ соціалистическаго правительства, не могли рѣшиться довѣрить ему свои капиталы. При такихъ условіяхъ количество денегъ, нужныхъ для бесперебойнаго товарообмѣна, должно было возрастать поскольку рушился кредитъ въ прежней его формѣ, а непосредственный товарообмѣнъ не былъ еще налаженъ. Финансовая политика рабочаго класса сводилась къ тому, чтобы налаживая такой товарообмѣнъ, тѣмъ самымъ постепенно сокращать выпускъ кредитокъ, а съ другой стороны, обезпечить на первыхъ порахъ деньгами этотъ товарообмѣнъ. Мысль о возстановленіи кредита въ буржуазной его формѣ не приходила въ голову дѣятелямъ Россійской революціи. Комиссару финансовъ Совѣтской Россіи эта мысль показалась очередной, программной. Въ своихъ тезисахъ къ докладу, прочитанному въ Ц. И. К. т. Гуковскій пишетъ: „Должны быть приняты въ экстренномъ порядкѣ мѣры къ возстановленію въ странѣ кредитнаго аппарата, къ оздоровленію и укрѣпленію денежнаго обращенія, къ возвращенію въ кассы банковъ денежныхъ знаковъ". И совершенно логично развивая свои положенія, комиссаръ финансовъ во всѣхъ своихъ выводахъ стоитъ прочно на почвѣ буржуазнаго правопорядка. Бюджетъ Совѣтской Республики слишкомъ разбухъ, его надо сильно сократить. Нужно внести въ дѣло взиманія налоговъ больше единообразія, для чего необходимо централизовать его. Комиссаръ Гуковскій въ своей рѣчи указывалъ на то, что нашъ бюджетъ долженъ въ настоящемъ году увеличиться съ 3,2 милліардовъ рублей до 80—100 милліардовъ. Онъ приходитъ въ ужасъ отъ этого невѣроят-

наго роста расходовъ и ужасомъ предъ этими цифрами проникнуты все его расчеты. Т. Сокольниковъ, пытаясь разобраться въ цифрахъ т. Гуковскаго, уже указалъ на рядъ неправильныхъ вычисленій. Оказывается, бюджетъ въ 17 году вмѣстѣ со всѣми военными расходами долженъ былъ выразиться не въ 3—4 милліарда, а приблизительно въ 40 милліардовъ. Нужно лишить мѣстные С. Р. Д. права облагать контрибуціями, населеніе своихъ городовъ; необходимо, наконецъ, поднять производительность труда и т. д. Программа финансовой политики, мало напоминающая программу октябрьской революціи. Недаромъ „Свободная Россія“ сразу почувствовала родную душу въ новомъ комиссарѣ. „Гуковскій предлагаетъ—пишетъ она—программу реформъ, вполнѣ прозаическую и вполнѣ „буржуазную“, которыя въ своихъ главныхъ частяхъ сводятся къ возстановленію того, что одни сознательно, а другіе по неразумію разрушали, якобы расчищая дорогу соціализму“. Съ неменьшей радостью встрѣчена новая программа и др. буржуазными группами. Такъ г. Бернацкій считаетъ докладъ Гуковскаго „симптоматичнымъ протестомъ здраваго смысла противъ парящаго кошмара“ и т. д. Впрочемъ, аппетитъ приходитъ съ ѣдой, и въ слѣдующемъ нумерѣ буржуазная „Свобода Россіи“ благожелательно журитъ Гуковскаго и его финансовыя мѣропріятія, „часть изъ которыхъ“ „представляются, несомнѣнно, разумными“. „Однако и въ тезисахъ Гуковскаго мы не видимъ прямого, открытаго отказа отъ прежней экономической и финансовой политики Совѣтской власти“.

(1)

(2)

Буржуазія окрылена сладостными мечтами о потерянномъ раѣ. Коммунистическій комиссаръ Гуковскій, у котораго буржуазія обнаружила и „здравый смыслъ“, и, что гораздо для нея важнѣе, „вполнѣ буржуазную“ программу, правда, остановился на полдорогѣ — „прямого откровеннаго отказа“ отъ большевистскаго прошлаго нѣтъ, но, вѣдь, всѣмъ извѣстно, что бываетъ страшенъ лишь первый шагъ.

Но можетъ быть, программа комиссара финансовъ Гуковскаго не характерна для Совѣтской власти? Послушаемъ замѣстителя комиссара — приватъ-доцента Боголѣпова. Резюмируя свой разборъ тезисовъ Гуковскаго, онъ заявляетъ: „программа т. Гуковскаго, которую можно нѣсколько измѣнить, кое-гдѣ ослабить, а кое-гдѣ подчеркнуть, дастъ возможность добиться лучшаго будущаго“. Надо быть только опытнымъ университетскимъ подмастерьемъ: немного подмазать, подкрасить—и новая „программа“ готова. Обычный методъ быстраго изготовленія всякихъ пластырей отъ мозолей, которые

„радикально уничтожаютъ“ и калѣчиваютъ ревматизмъ, подагру и туберкулезъ! Что же собирается подмазать и подправить замѣститель комиссара?

Онъ, какъ и комиссаръ Гуковскій, очень недоволенъ тѣмъ, „что Совѣтская власть ретиво принялась выискивать налоги въ формѣ контрибуцій. Недостатокъ этой формы лежитъ въ мало разработанной формѣ контрибуцій“. И далѣе Боголѣповъ скромно утверждаетъ: „необходимъ правильно поставленный податной аппаратъ“. Увы, вѣрно то, что форма контрибуцій „мало разработана“, только почтенный замѣститель комиссара очевидно забылъ одно, что во время революціи всегда приходится считаться съ этимъ, такъ же, какъ и съ отсутствіемъ податного аппарата. Роста бюджета, (принимая во вниманіе и паденіе курса рубля) отрицать не приходится. Гдѣ же причина этого? Въ томъ ли, что слишкомъ много имѣется оплачиваемыхъ должностей въ Республикѣ? Увы, это объясненіе врядъ ли можетъ кого-либо удовлетворить. Профессоръ Фридманъ куда правильнѣе объясняетъ это, когда пишетъ „Соціализмъ означаетъ существованіе одного только регулированнаго, планомѣрно ведомаго хозяйства. Бюджетъ государства сливается съ бюджетомъ народнаго хозяйства“. Поскольку мы шли по пути націонализаціи производства, постольку естественно долженъ былъ вырастать и нашъ бюджетъ. Т. Гуковскій этого не видитъ, онъ напуганъ цифрами, онъ въ панику у нихъ. Ростъ нашего бюджета свидѣтельствуетъ о ростѣ общественнаго хозяйства. Т. Гуковскій хочетъ сократить, урѣзать бюджетъ, тѣмъ самымъ урѣзая, замедляя процессъ организаціи общественнаго производства, процессъ націонализаціи индустріи. Мы въ противоположность программѣ комиссаріата финансовъ предлагаемъ не пятиться назадъ, а итти путемъ быстрой націонализаціи производства и, слѣдовательно, новаго увеличенія нашего бюджета. Эти расходы являются производительными расходами нашего Совѣтскаго хозяйства и строить соціалистическое хозяйство въ эпоху величайшаго развала народнаго хозяйства безъ такого роста бюджета, задача нелѣпая, невозможная. Надо-ли отказаться отъ строительства соціализма, и тогда изъ рядомъ буржуазныхъ мѣропріятій поправимъ свои финансы, или же строить соціализмъ и не бояться производительныхъ расходовъ. Вина ли революціи, что она „ретиво“ стала выискивать контрибуціи? Нѣтъ, ибо иначе она лишила бы себя всякой финансовой опоры. Вина революціи въ томъ, что во главѣ съ финансоваго комиссаріата стоятъ столь „ретивые“ комиссары. Какъ же думаетъ комиссаріатъ финансовъ создать податной аппаратъ? „Если въ дѣло будетъ вне-

шиваться мѣстная власть, но имѣющая связи съ центромъ, то это будетъ мѣшать общей работѣ... Противъ этого должна вестись рѣшительная борьба". Итакъ, въ этомъ вопросѣ: долой власть мѣстныхъ совѣтовъ, да здравствуетъ власть комиссаріата финансовъ! Ну, а гдѣ же податной аппаратъ, спроситъ читатель? Увы, о немъ мы не узнаемъ ровно ничего. Мы узнали лишь то, что надо разрушить и тотъ податной аппаратъ революціи, который до сихъ поръ, плохо ли, хорошо ли, но все же работалъ — мѣстные Совѣты. Буржуазія отъ этой работы, конечно, не была въ большомъ восторгѣ, но, судя по революціонному опыту цѣлаго ряда Совѣтовъ (Сибирскіе, Симбирскій, Московскій, Иваново-Вознесенскій), они не ограничивались одними контрибуціями, они вводили поимущественное обложеніе, они вводили, что особенно цѣнно, налоги на деревенскихъ кулаковъ (Симбирскій, Сибирскіе и рядъ другихъ) и т. д. Теперь, съ этой дѣятельностью мѣстныхъ Совѣтовъ (настала видно новая пора) рѣшено „рѣшительно бороться". При такихъ настроеніяхъ нашихъ руководителей комиссаріата финансовъ, ихъ дѣятельность не сможетъ не превратиться въ простой бюрократизмъ, да еще безъ соотвѣтствующаго аппарата.

Но, вѣдь, надо, спасать! Недаромъ комиссаръ т. Гуковскій нарисовалъ передъ потрясенной Россіей цифры нашихъ предполагаемыхъ расходовъ. Правда, довѣрчивые слушатели и читатели не попросили его детальнѣе разобраться въ этихъ цифрахъ, а тамъ открылись бы кое-какіе любопытные факты. Напримѣръ, читатель, ты думаешь, по простотѣ душевной, что всѣ наши долги заграницѣ давно аннулированы, и никакихъ процентовъ по нимъ платить не придется (правда, т. Гуковскій на радость всей буржуазіи считаетъ этотъ шагъ ошибочнымъ), ты ошибаешься. Наши финансисты, реальные политики, они противники „революціонной фразы", они „предвидятъ," и, вѣроятно, въ предвидѣніи этого будущаго т. Богольповъ предполагаетъ въ смѣтномъ порядкѣ испросить одинъ милліардъ четырсста тысячъ рублей на выплату процентовъ по иностраннымъ займамъ. А т. Гуковскій на такихъ цифрахъ строитъ свой докладъ!

Почему же объ этомъ наши товарищи комиссары не заикнулись въ своихъ рѣчахъ? А откуда взять цѣлый рядъ другихъ цифръ? Несомнѣнно, „съ потолка". Поэтому то мы думаемъ, что товарищи допустили непростительную ошибку, не проанализировавъ всѣхъ цифръ. Вѣроятно, тамъ есть много интереснаго и поучительнаго не только для сторонника „революціонной фразы."

Этимъ самымъ мы вовсе не хотимъ отрицать всей грозной опасности возможности финансоваго краха. Да, если мы будемъ безпомощно танцовать на мѣстѣ и съ вожделѣніемъ взирать на спокойное прошлое, или же немного подчеркивать", „немного ослаблять", то крахъ неизбѣженъ. Не немножко „подчеркнуть", революція должна опредѣленно зачеркнуть весь этотъ курсъ-не курсъ, линію-не линію, а жалкое барахтанье напуганныхъ обывателей. Революція въ Россіи можетъ побѣдить лишь какъ революція соціалистическая. Не въ топтаніи нуждается старая практика, а въ томъ, чтобы поставить все на новыя рельсы соціалистической политики. Т. Бухаринъ въ своей рѣчи, посвященной критикѣ буржуазной по существу программы реформъ комиссара Гуковскаго (что подчеркиваетъ и сама буржуазія) указывалъ этотъ путь, путь намѣченный не въ профессорскихъ кабинетахъ, а самой рабочей октябрьской революціей. Необходимо послѣдовательно, не сбиваясь на буржуазныя рельсы, безъ всякихъ оппортунистическихъ уклоновъ итти по пути организаціи товарообмѣна безъ денегъ. Революція и развивается въ этомъ направленіи. Теперь ее стараются свернуть съ этого пути въ сторону возстановленія буржуазнаго кредита и т. под. реформъ. Левый коммунистъ т. Бухаринъ чрезвычайно мѣтко охарактеризовалъ эти комиссарскія потуги. „Глупо думать, говорилъ онъ, въ періодъ соціалистической революціи возстанавливать буржуазный характеръ кредита".

Волею исторіи русская революція въ раздумьи пащупываетъ себѣ далнѣйшій путь. Мы должны приложить всѣ свои силы къ тому, чтобы не дать возможности повернуть революцію на путь буржуазныхъ проектовъ и реформъ. Комиссаръ Гуковскій предлагаетъ программу реформъ вполнѣ реальную, вполнѣ буржуазную, ведущую, какъ говоритъ, „Свобода Россіи" „къ возстановленію" того, что разрушила октябрьская революція. Т. Гуковскій требуетъ опредѣленнаго отвѣта на эту программу отъ верховнаго органа Совѣтской Республики, а Ц. И. К. вмѣсто яснаго отвѣта сдалъ ее въ комиссію для разработки. Что же онъ одобрилъ программу? Нѣтъ, тамъ слышались моментами рѣзкія критики по адресу программы Гуковскаго. Но, можетъ быть, онъ отвергъ ее. Увы, нѣтъ. Такъ Совѣтская Россія осталась и безъ соціалистической финансовой программы и безъ буржуазной, но зато у нея есть испытанный вождь комиссаръ Гуковскій и его замѣститель т. Богдановъ, проводящіе по существу буржуазную программу, да еще комиссія, въ которую безъ шума отправили программу. Все осталось по старому. Никто никого не одобрилъ,

никто никому не выражалъ недовѣрія. Все обошлось по хорошему, по-Божески. Можно только перекреститься и облегченно вздохнуть. Мы твердо убѣждены, что не сдавать въ комиссію для обработки, какъ это сдѣлалъ Ц. И. К., надо было программу т. Гуковскаго нужно было сдать въ архивъ исторіи для разъѣдающей критики мышей и тѣней и самыхъ руководителей нашей финансовой политики. Рабочій классъ долженъ найти въ себѣ силы указать тотъ путь революціи, который заведетъ ее не въ буржуазную трясину, откроетъ передъ ней дорогу къ соціалистическимъ далямъ.

А. Ломовъ. (1)

Что я видѣлъ *)

(Замѣтка).

Я побывалъ на одномъ изъ участковъ украино-германскаго фронта.

Если меня спросятъ, что я видѣлъ,—я, не боясь преувеличенія, отвѣчу:

Сплошной хаосъ...

Сплошную траги-комедію...

Здѣсь, въ Москвѣ, въ извѣстныхъ кругахъ существуетъ мнѣніе, что неудачи на украино-германскомъ фронтѣ есть результатъ небоеспособности совѣтскихъ отрядовъ...

Да, отряды небоеспособны, отряды даже при слабыхъ столкновеніяхъ съ противникомъ бѣгутъ. На 50%, если не больше, отряды эти состоятъ изъ элементовъ недоброкачественныхъ во всѣхъ смыслахъ, которые между прочимъ въ высокой степени [illegible] на совѣтскую власть, на интернаціоналъ и на прочія вещи.

Но только ли поэтому отряды небоеспособны?

Нѣтъ ли другихъ причинъ, почему они бѣгутъ?

Вѣдь, есть же въ этихъ отрядахъ элементъ вполнѣ боеспособный, сознательный и преданный дѣлу...

То, что мнѣ пришлось видѣть за двѣ недѣли боевъ въ Новозыбковскомъ районѣ, заставляетъ меня опредѣленно и рѣшительно утверждать, что отряды бѣгутъ

*) Помѣщая настоящую замѣтку, какъ матеріалъ, весьма интересный для оцѣнки положенія дѣлъ на [illegible] и [illegible] совѣтскихъ отрядовъ, редакція [illegible], что она не принимаетъ на себя [illegible] освѣщенія вопросовъ [illegible] другихъ товарищей [illegible] своихъ мнѣній и соображеній по затронутому вопросу. Ред.

потому, что они слѣпы и глухи въ военномъ отношеніи, почти совершенно безпомощны и нѣтъ надъ ними никакого общаго руководства.

Прежде всего, объ общемъ руководствѣ.

Что представляетъ изъ себя, напримѣръ, штабъ X-ой революціонной арміи западнаго фронта?

Все, что хотите, но только не учрежденіе, не организацію, руководящую военными операціями и координирующую дѣйствія отдѣльныхъ частей.

Тамъ нѣтъ тамъ людей, которые хоть что-нибудь понимали въ военномъ дѣлѣ...

Впрочемъ, всѣхъ тѣхъ, изъ коего состоитъ штабъ X-ой арміи западнаго фронта можно подраздѣлить на нѣсколько категорій, и это дастъ болѣе вѣрное представленіе о немъ.

Есть тамъ люди, душой и тѣломъ преданные дѣлу, но не имѣющіе ни малѣйшаго представленія о томъ, что такое стратегія, тактика и даже вообще, что такое сраженіе. Они полагаютъ, что слѣдуетъ выставить какъ можно больше людей и начать стрѣлять. Кто кого перестрѣляетъ, тотъ, значитъ, и побѣдитъ. Эти преданные дѣлу товарищи знаютъ слова: „позиція", „фланги" и т. п., но все это ими употребляется безъ всякаго смысла, обо всемъ этомъ у нихъ какое то совершенно абстрактное представленіе...

Если этихъ „руководителей" спросить: что долженъ дѣлать отрядъ, когда онъ движется и когда онъ занимаетъ тотъ или иной пунктъ,—то ни въ какомъ случаѣ не получите вразумительнаго отвѣта.

Я помню случай, чрезвычайно характерный въ этомъ отношеніи.

Это было на одномъ изъ разъѣздовъ Полѣсской ж. д. Всѣ пути были забиты эшелонами. Крикъ, шумъ, бѣготня. Никто не зналъ, гдѣ собственно находится противникъ, и всѣ въ паникѣ старались вскочить въ вагоны и уѣхать.

Я обратился къ помощнику главнокомандующаго X-ой арміи т-щу Л—ву и спросилъ его, указывая, на ничѣмъ не занятыхъ штабныхъ конныхъ разъѣздчиковъ:

— Вы знаете, что нужно сейчасъ, немедленно сдѣлать, чтобы мы не были отрѣзаны?

— Нѣтъ,—чистосердечно отвѣтилъ этотъ товарищъ.

Мнѣ пришлось вразумлять лицо, занимавшее въ это время пость руководителя цѣлой арміи.

Есть однако и другого сорта люди, сидящіе въ штабахъ. Это люди, идущіе въ штабъ ради „кормленія" и оклада. Они почти ничего не дѣлаютъ, но много говорятъ, вѣчно толкуются и совершенно разлодушны къ дѣлу. Большая часть такихъ людей также ничего не

значеніе въ военномъ отношеніи.

Наконецъ, нужно отмѣтить еще одинъ сортъ штабныхъ руководителей, тотъ, на которомъ надлежащимъ учрежденіямъ необходимо остановить свое особое вниманіе.

Къ этой категоріи относятся лица, не просто равнодушныя къ дѣлу защиты революціи, а, наоборотъ, ненавидящіе революцію. Это наши скрытые политическіе враги. Они борются съ нами и борются путемъ провокацій. Чѣмъ толковѣе такое лицо въ военномъ отношеніи, тѣмъ опаснѣе оно для дѣла обороны революціи.

Общая схема работы этихъ людей такова: [illegible]-таліи оперативныя распоряженія, которыя вели бы къ вѣрной неудачѣ. Людямъ, не понимающимъ ничего въ стратегическихъ и тактическихъ заданіяхъ, совершенно невозможно уловить предательскую сущность такихъ распоряженій.

Само собой разумѣется, что такихъ людей пока что очень мало, но зато они больше всѣхъ понимаютъ въ военномъ дѣлѣ, а это все. Съ этой точки зрѣнія, назначеніе военныхъ руководителей изъ старой офицерской среды чрезвычайно рискованно и опасно. Никакой политическій контроль тутъ не поможетъ, ибо отъ контроля прежде всего требуется дѣйствительное знаніе военнаго дѣла и военной науки. Политическій комиссаръ, незнающій этого дѣла, никогда не разберется въ тѣхъ оперативныхъ распоряженіяхъ, которыя будетъ отдавать такой военный руководитель. А между тѣмъ эти распоряженія, претворяясь въ жизнь, создаютъ такое положеніе для отряда, которое называется пораженіемъ...

Таковъ по составу тотъ штабъ, „работу" котораго мнѣ пришлось наблюдать въ теченіе двухъ недѣль.

Какъ-же работаетъ этотъ штабъ? Обычно онъ помѣщается въ вагонѣ, въ ближайшемъ тылу. Вагонъ всегда набитъ биткомъ людьми, изъ которыхъ три четверти не имѣютъ никакого отношенія къ штабу и даже совершенно посторонніе... Шумъ, крикъ, споры. Въ такой обстановкѣ, такъ сказать, при всемъ честномъ народѣ, вслухъ придумываются и отдаются распоряженія. Распоряженія эти весьма рѣдко имѣютъ какую-либо внутреннюю связь другъ съ другомъ, ибо отдаются они не на основаніи изученія положенія дѣла и болѣе или менѣе яснаго представленія о силахъ и намѣреніяхъ противника, а просто такъ, по вдохновенію. Если прибавить къ этому, что даже одинъ и тотъ же отрядъ умудряется отъ различныхъ членовъ штаба получать совершенно различныя задачи, то картина самаго чудовищнаго хаоса будетъ ясна для каждаго. Про-

вокаторская работа при такихъ условіяхъ чрезвычайно облегчается и, если можно такъ выразиться, сама напрашивается. Тутъ все становится достояніемъ самой широкой гласности и все, что нужно противнику,— онъ безъ всякаго труда узнаетъ.

Я приведу для иллюстраціи одинъ, съ точки зрѣнія военнаго дѣла, прямо скомпрометирующій примѣръ.

Нужно было передать отрядамъ пропускъ. Посылается лицо, которое чуть-ли не каждому встрѣчному солдату кричитъ за нѣсколько саженъ:

—Товарищъ! На сегодняшніе сутки пропускъ „пуля"!

И эта „пуля" летитъ по всей окрестности и благополучно долетаетъ до расположенія противника.

Люди, передающіе распоряженія, часто не имѣютъ при себѣ никакихъ полномочій на это. Больше: бываетъ и такъ, что принесши распоряженіе отъ штаба по внезапному вдохновенію отмѣняетъ его и отдастъ свое собственное. Члены штаба, начальники авангарда, комиссары, все это смѣшивается въ одну кучу и никто ничего не понимаетъ, но всѣ распоряжаются. Неудивительно, что случаются такіе курьезы: какой-нибудь солдатъ смотритъ, смотритъ на всю эту картину и рѣшительно отдастъ приказаніе:—все начальство бросается исполнять его...

Таковъ штабъ, такова его работа. Разумѣется, у такого штаба не можетъ быть никакого предположенія объ общемъ оперативномъ планѣ. И онъ, конечно, совершенно не способенъ координировать дѣйствія различныхъ отрядовъ.

—Что штабъ X-й арміи западнаго фронта дѣлаетъ съ отрядами? Просто скучиваетъ ихъ на какомъ-либо разъѣздѣ или станціи, не устанавливаетъ никакой линіи обороны и при первомъ движеніи противника впередъ отдастъ приказаніе, мягко выражаясь, отступать.

Отряды, такимъ образомъ, становятся безпомощными, они не имѣютъ и представленія ни о своихъ задачахъ, ни объ общемъ планѣ. Требовать отъ нихъ при такихъ условіяхъ и при наличіи у противника организованныхъ и рѣшительныхъ дѣйствій осмысленности,—очень и очень трудно.

Трудно требовать отъ нихъ этого необходимаго качества еще и потому, что они технически почти совершенно не оборудованы.

Въ самомъ дѣлѣ, что имѣется у нашихъ отрядовъ? Въ должномъ и исправномъ видѣ, только винтовка.

Изъ всего количества пулеметовъ, имѣющихся у того или иного отряда, обычно чуть ли не половина не имѣетъ замковъ или другой какой-либо части. И рѣдко,

очень рѣдко въ отрядѣ приходится до 8—10 пулеметовъ. У нѣкоторыхъ отрядовъ ихъ и вовсе нѣтъ. Такой отрядъ, можно сказать, ничего не стоитъ.

Бываетъ, что у какого-нибудь отряда имѣется одна-двѣ пушки. Но онѣ стоятъ на вагонахъ-платформахъ и не могутъ быть пущены въ дѣло, такъ какъ у отряда нѣтъ переносныхъ средствъ,— нѣтъ обоза. Если пушки и удается пускать въ дѣло, то толку отъ этого—почти никакого, потому что, или, во-первыхъ, снаряды на 50% не разрываются, или, во-вторыхъ, у пушки нѣтъ необходимыхъ техническихъ принадлежностей для прицѣла. Въ N-мъ Рев. отрядѣ была, напримѣръ, такая пушка (шрапнель), изъ которой можно было стрѣлять лишь такъ: открыть затворъ, заглянуть въ дуло и, наставивъ его на какую-нибудь видимую цѣль, — спустить ударникъ.

Отъ такой „стрѣльбы по прямой наводкѣ", разумѣется, никакого эффекта, кромѣ грохота, не получалось.

Далѣе, ни у одного отряда я не видѣлъ бинокля, компасовъ, полевыхъ телефоновъ и въ должномъ количествѣ картъ района военныхъ дѣйствій. Безъ этихъ принадлежностей отрядъ—слѣпъ и глухъ; безъ нихъ онъ совершенно безпомощенъ и чувствуетъ себя, какъ заблудившійся въ дремучемъ лѣсу. Конной развѣдки у большинства отрядовъ также нѣтъ; у тѣхъ, у которыхъ имѣется такая развѣдка, она настолько мала, что не можетъ обслуживать отрядъ должнымъ образомъ. Отрядъ, такимъ образомъ, ничего не знаетъ, что дѣлается у него по сторонамъ, впереди и даже въ тылу. При такихъ условіяхъ онъ не можетъ двигаться.

Въ результатѣ всего этого отряды просто-напросто приковываются къ линіи желѣзной дороги, двигаются только по ней, совершенно лишаясь возможности производить какіе-бы то ни было маневры и фланговыя движенія. Противникъ же, наоборотъ, имѣетъ полную возможность все это быстро и легко продѣлывать. Ясно, что положеніе нашихъ отрядовъ совершенно невозможное по сравненію съ положеніемъ противника,— и понятно, повторяю, почему эти отряды все время отступаютъ или даже просто бѣгутъ.

Много фактовъ, много сторонъ той печальной картины, которую мнѣ пришлось наблюдать на фронтѣ,— я въ этой бѣглой замѣткѣ не отмѣтилъ. Если удастся,— сдѣлаю это впослѣдствіи.

Не дѣлаю я здѣсь и общаго вывода изъ наблюденныхъ мною фактовъ, тѣхъ выводовъ, которые имѣли бы не только спеціально военный характеръ, но и характеръ политическій.

Я знаю, что у многихъ явится страстное желаніе ткнуть пальцемъ и завопить торжествующе: факты! Но пусть поостерегутся направлять этотъ сырой фактическій матеріалъ противъ насъ, противниковъ мира. Факты мало констатировать,—ихъ нужно изслѣдовать въ процессѣ ихъ возникновенія. И какъ сдается, что такое отношеніе къ изложенному мною матеріалу быстро и легко приведетъ насъ къ одной основной, органической причинѣ, къ существованію которой мы меньше всего придаемъ какое-бы то ни было отношеніе.

Въ заключеніе я долженъ сказать, что положеніе не такъ безнадежно, какъ это можетъ показаться съ перваго взгляда. Оно поправимо. Но объ этомъ въ слѣдующій разъ,—тогда, когда мною будутъ указаны и другія стороны фактическаго положенія дѣла.

И. Стуковъ.

Библіографія.

Н. Бухаринъ. Міровое хозяйство и имперіализмъ.

Экономическій очеркъ. Изд. «Прибой». Петербургъ, 1918. Цѣна 2 руб.

Книга тов. Бухарина представляетъ собою переработку большой статьи, [illegible] въ заграничномъ, [illegible] журналѣ
(1) «Коммунистъ». Книга (точнѣе — рукопись ея) испытала немало превратностей судьбы, какъ еще при царскомъ режимѣ, такъ и въ [illegible]. Наконецъ, она увидѣла свѣтъ, и появленіе ея можно только горячо привѣтствовать.

Въ прежнихъ университетахъ [illegible] пункта, согласно которому [illegible] могъ присуждать степень доктора [illegible], [illegible] если только [illegible] вообще нужна, то Н. И. Бухаринъ безусловно заработалъ себѣ степень доктора своей небольшой работой въ семь печатныхъ листовъ. Книга интересна, и какъ сочиненіе описательное, сводящее обширный статистическій и литературный матеріалъ по вопросамъ мірового хозяйства и развивающихся въ связи съ нимъ [illegible]. Она крайне цѣнна и съ точки зрѣнія теоретической. Не только авторъ умѣетъ [illegible] den theoretischen Standpunkt zu betonen (выявить теоретическую подкладку), что Марксъ ставилъ въ такую заслугу [illegible], но и теоретическая постановка вопроса [illegible] является [illegible] приложеніемъ марксистскаго метода. Основная [illegible] развитія капитализма и соотвѣтствующихъ ему
(2) формъ государственной организаціи и методовъ политики была дана Гильфердингомъ. Но [illegible] этого изслѣдователя было разсмотрѣніе [illegible] новѣйшаго капитализма. Н. Бухаринъ сосредоточилъ здѣсь свое вниманіе на [illegible] финансово-капиталистическаго хозяйства и на борьбѣ финансоваго капитала [illegible]. Онъ [illegible] имперіализмъ, какъ систему конкуренціи въ эпоху финансоваго капитала

и одновременно, какъ систему его политики. По самому характеру своей задачи онъ долженъ былъ итти дальше по пути, намѣченному Гильфердингомъ, и онъ сумѣлъ пойти дальше. Въ отличіе отъ Гильфердинга Бухаринъ могъ также пользоваться опытомъ самыхъ послѣднихъ лѣтъ и отмѣчаетъ поэтому нарожденіе системы государственнаго капитализма, которая является новымъ шагомъ капиталистическаго развитія. Также только въ послѣдніе годы можно было поставить вопросъ объ основныхъ тенденціяхъ развитія мірового хозяйства и имперіалистской политики. Это также сдѣлано Бухаринымъ. Детальный анализъ имперіализма—государственно-политической оболочки финансоваго и государственнаго капитализма—оцѣнка возможныхъ судебъ этой оболочки вмѣстѣ съ ея содержаніемъ есть спеціальная задача книги Бухарина и спеціальная ея заслуга.

Книга Бухарина распадается на двѣ части и даетъ основаніе двумъ основнымъ выводамъ. Въ первой части (отдѣлъ I и II) Бухаринъ разсматриваетъ новѣйшую эволюцію капиталистическаго хозяйства, превращающагося въ міровое, и капитала, превращающагося въ міровой капиталъ. Онъ отмѣчаетъ развитіе мірового обмѣна на почвѣ международнаго раздѣленія труда. Онъ описываетъ, какъ изъ этой простѣйшей формы общественной связи между національными хозяйствами вырастаетъ цѣлая система міровыхъ отношеній производства, въ которую втягивается и капиталъ (міровой рынокъ капитала) и рабочая сила (міровой рынокъ рабочей силы). Онъ отмѣчаетъ міровую централизацію капитала (международные тресты и синдикаты).

Но вслѣдъ за разсмотрѣніемъ формъ интернаціонализаціи хозяйства и капитала, онъ переходитъ къ изслѣдованію другой, обратной тенденціи—къ національной [illegible]*) капитала, которая неразрывно связана съ первой. Интернаціонализація хозяйства есть интернаціонализація капиталистическаго, анархическаго хозяйства. Она въ міровомъ масштабѣ воспроизводитъ капиталистическую конкуренцію, борьбу отдѣльныхъ хозяйственныхъ ячеекъ. Для мірового хозяйства этими ячейками являются національныя государства—тресты, и второй отдѣлъ книги Бухарина посвященъ разсмотрѣнію формъ образованія этихъ національныхъ узловъ (росту картелей, трестовъ, комбинированныхъ предпріятій, превращенію банковаго капитала въ финансовый капиталъ) и ихъ положенію въ міровыхъ отношеніяхъ производства. Между тенденціей къ интернаціонализаціи и къ національзаціи есть противорѣчіе, но это противорѣчіе есть новое выраженіе общаго противорѣчія между общественнымъ характеромъ производства и частнымъ характеромъ присвоенія, присущаго капитализму вообще. Общій выводъ изъ первой части, поэтому таковъ, что интернаціонализація капитала не можетъ возобладать надъ національзаціей его; въ предѣлахъ капиталистическаго общества разрѣшеніе противорѣчія немыслимо и даже сама интернаціонализація должна выливаться преимущественно въ форму стремленія каждой изъ національно-капиталистическихъ группъ подчинить себѣ по возможности весь міръ, создать міровую самодовлѣющую имперію.

Вторая часть работы (отдѣлы III и IV) касается имперіализма, какъ системы политики финансоваго капитала и какъ формы конкурренціи національно-государственныхъ трестовъ. Разсматривается прежде всего хозяйственный аппаратъ, какъ конкуррирующая единица и какъ продуктъ конкурренціи; разсматриваются видоизмѣненія процессовъ концентраціи и централизаціи въ эпоху финансоваго капитала. Далѣе идутъ средства конкурентной борьбы, которыя на

*) Подъ національзаціей здѣсь надо понимать, конечно, не переходъ въ собственность государства, а замыканіе въ рамки національнаго государства.

добрую половину являются мѣрами государственнаго характера—мѣрами империалистской политики. И въ плоскости политики ставится тотъ же самый вопросъ, что и въ первой части: возобладаютъ ли въ предѣлахъ капиталистическаго строя центростремительныя тенденціи надъ центробѣжными? Сумѣетъ ли финансовый капиталъ
(1) организовать не только мировое хозяйство, но и мировое ультраимпериалистическое государство? Разрѣшитъ ли онъ противорѣчіе между стремленіемъ къ сліянію всего міра въ единое общество и національными рамками, въ которыя замкнуты государства? Если да, то еще въ предѣлахъ буржуазнаго общества исчезнетъ война; если нѣтъ, то военные кризисы неизбѣжны, и изъ этихъ кризисовъ долженъ родиться соціализмъ. Авторъ критикуетъ первую постановку вопроса въ «редакціи» Каутскаго (мирное сліяніе мировыхъ имперій подъ давленіемъ рабочаго класса). Самъ онъ и въ данномъ случаѣ полагаетъ, что противорѣчіе разрѣшится только переходомъ къ соціализму).

Можно было бы сдѣлать нѣсколько возраженій экономическо-теоретическаго характера по отдѣльнымъ вопросамъ. Но ихъ нѣтъ возможности дѣлать въ краткой рецензіи. Да они должны были бы коснуться вопросовъ сравнительно второстепенныхъ. Во всѣхъ главныхъ частяхъ работа Бухарина полно охватываетъ матеріалъ, ясно излагаетъ его, правильно связываетъ и объясняетъ и дѣлаетъ изъ него вѣрные выводы. Можно только пожалѣть о томъ, что авторъ нѣсколько злоупотребляетъ рѣдкими иностранными словами и сложными оборотами, не объясняя притомъ ихъ. Для массового читателя книга трудна, но ясность и связность мысли автора дѣлаютъ книжку достаточно популярной и помогаютъ преодолѣвать внѣшнія затрудненія.

Книга Бухарина—маленькая энциклопедія объ империализмѣ. Ее можно рекомендовать и тѣмъ, кто подходитъ къ дѣлу съ точки зрѣнія научнаго интереса, и тѣмъ, кто ищетъ пособія для пропаганды, и даже, съ оговорками, массовому читателю. Соединеніе научной содержательности, практической примѣнимости и возможности быть использованной въ качествѣ популярной брошюры есть рѣдкое и цѣнное соединеніе. Книга должна имѣть большой успѣхъ, и мы ей этого искренне желаемъ.

Н. Осинскій.

Редакціонная коллегія: Н. Бухаринъ, В. Оболенскій, К. Радекъ и В. Смирновъ.

Издатель: М. О. Б. Р. К. П.

Типографія Россійской Федеративной Соціалистической Совѣтской Республики

РОССІЙСКАЯ КОММУНИСТИЧЕСКАЯ ПАРТІЯ (большевиковъ).

Пролетаріи всѣхъ странъ, соединяйтесь!

КОММУНИСТЪ

ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫЙ ЖУРНАЛЪ ЭКОНОМИКИ, ПОЛИТИКИ И ОБЩЕСТВЕННОСТИ.

Органъ Московскаго Областного Бюро Р. К. П. (большевиковъ).

№ 3. Адресъ редакціи и конторы: Москва, гост. Дрезденъ, № 257. Секретарь редакціи принимаетъ ежедневно отъ 10 до 12 час. утра въ гост. Дрезденъ, въ комн. № 257. Цѣна 80 к. 16 Мая 1918 г.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ: 1 мѣсяцъ—3 р. 50 к.

Въ журналѣ принимаютъ участіе: Р. Абрамовичъ, Аркадій, Н. Антоновъ (Н. Лукинъ), В. Барышниковъ, Г. Бокій, А. Бубновъ (А. Глотовъ), С. Бобинскій, Н. Бухаринъ, М. Бронскій, М. Васильевъ (Саратовъ), А. Выборгскій, В. Долецкій, Б. Зуль, Инесса (Арманд), А. Коллонтай, С. Кассіоръ, В. Куйбышевъ, Ю. Ленскій, А. Ломовъ (Г. И. Оппоковъ), В. Максимовскій, В. Оболенскій (Н. Осинскій), М. Покровскій, Е. Преображенскій, Г. Пятаковъ, К. Радекъ, С. Равичъ, М. Савельевъ (И. Вѣтровъ), Сапроновъ, Т. Сафаровъ, В. Смирновъ, Вл. Соринъ, А. Сунцовъ, Ив. Стуковъ, М. Урицкій, І. Ушлихтъ, Г. Усіевичъ, Я. Фенигштейнъ, П. Штернбергъ, В. Яковлева, Е. Ярославскій.

СОДЕРЖАНІЕ: На порогѣ. — Великій старикъ. В. Оболенскій. — Россійская контръ-революція въ украинскомъ нарядѣ. А. Ломовъ. — Нѣкоторыя основныя понятія современной экономики. Н. Бухаринъ. — Объ организаціонныхъ путяхъ строительства хозяйственной жизни. Л. Крицманъ. — Грядущій голодъ. А. А. — Совѣщаніе Украинскихъ коммунистовъ. — Резолюція о текущемъ моментѣ. — Партійная жизнь. — Библіографія. А. Богдановъ. Вопросы соціализма. «Пламя» (№ 1) и «Грядущее» (№ 2).

НА ПОРОГѢ.

Пробилъ часъ тяжелыхъ испытаній для рабочей революціи. Грозныя схватки со смертельными врагами близки. Печаль о неизбѣжныхъ потеряхъ, тяжкая забота о ближайшемъ будущемъ тѣснитъ сердце. Но въ то же время въ немъ растутъ сознаніе силы и бодрость: гнилое время уступокъ кончилось, мы снова вступаемъ въ полосу открытаго боя съ врагами и черезъ временныя и частичныя пораженія идемъ къ неизбѣжной побѣдѣ.

Что перемѣнилось въ политическихъ условіяхъ, начиная съ начала мая, и перемѣнилось ли что-нибудь? Ибо наиболѣе зараженная гнилью оппортунизма часть праваго большинства партіи утверждаетъ, что измѣненій нѣтъ или почти нѣтъ.

Двѣ колоссальныя перемѣны обозначились въ концѣ апрѣля и въ началѣ мая. Это—перемѣна курса германскаго имперіализма по отношенію къ Россіи и къ борющимся въ ней классамъ и перемѣна курса у нашего классоваго врага—россійской буржуазіи.

Что касается германскаго имперіализма, то здѣсь перемѣна курса состоитъ въ слѣдующемъ. Отъ политики медленнаго удушенія россійской революціи онъ перешелъ къ прямому зажиманію горла. Все время германскій имперіализмъ пользуется двумя способами для борьбы съ красной опасностью въ Россіи. Онъ примѣняетъ военный захватъ, окупацію, береть въ желѣзные тиски совѣтскую республику, занимая военной силой наиболѣе важные военные и экономическіе пункты. Съ другой стороны, онъ поддерживаетъ, вооружаетъ, субсидируетъ

на рабочую революцію ея внутреннихъ классовыхъ враговъ, онъ способствуетъ **реставраціи**, возстановленію буржуазнаго порядка въ Россіи.

До 28 апрѣля 1918 г. онъ опирался въ своихъ захватахъ на мелко-буржуазнаго врага русской революціи, онъ игралъ—по внѣшности—на вопросѣ національномъ. Выдвигая, какъ ширму, мелкобуржуазную націоналистическую Раду, онъ захватывалъ губерніи Украины. Съ 28 апрѣля онъ бросилъ эту игру: Рада разогнана; германскій имперіализмъ опирается непосредственно на главныя силы контръ-революціи: на помѣщиковъ, крупныхъ капиталистовъ и „крѣпкихъ" крестьянъ. Онъ вызвалъ къ жизни новое правительство, которое на бумагѣ еще числится „украинскимъ", которое противостоитъ совѣтской республикѣ, какъ власть другого государства, „самостійной" Украины. Въ дѣйствительности эта новая власть есть исполнительный комитетъ общероссійскихъ господствующихъ классовъ, она составлена изъ представителей всероссійскихъ (не націоналистическихъ) контръ-революціонныхъ партій. Украина оказывается только частью, отрѣзкомъ единой Россіи. Другъ-другу противопоставляются не „Великороссія" и „Украина", но двѣ области одной страны, въ которыхъ различны и даже противоположны только правительства и соотношенія классовъ.

Другъ-другу противопоставлены двѣ классовыхъ диктатуры, ибо на Украинѣ мы также имѣемъ
(1) передъ диктатуру гетмана Скоропадскаго, огражденную нѣмецкими штыками. И классовое содержаніе этой диктатуры есть господство помѣщиковъ и крупнаго капитала.

Россія разбита отнынѣ на двѣ области — на красную Россію и бѣлую Россію. Съ перваго взгляда ясно, что такія двѣ области не могутъ существовать рядомъ другъ съ другомъ. Одна должна по-

жрать другую. Ибо здѣсь въ видѣ двухъ державъ воплотились двѣ смертельно враждебныя классовыя силы.

Отнынѣ Украина будетъ чѣмъ-то похуже Ванден. (1)
Это—не Донъ и не Кубань, гдѣ бѣлогвардейскія (2)
части и офицерскіе батальоны формировались бокъ о бокъ со **свободнымъ и вооруженнымъ** трудовымъ казачествомъ, которое въ концѣ-концовъ разогнало ихъ. Это не Донъ, гдѣ царскимъ генераламъ приходилось играть въ республику и притворяться демократами. Это—укрѣпленный лагерь контръ-революціи, защищенный **нѣмецкими штыками.** Въ этотъ лагерь будутъ свободно стягиваться всѣ силы общероссійской контръ-революціи. Офицеры, юнкера, ударники, саботажники, капиталисты, бывшіе великіе князья, всѣ стянутся туда, и на свободѣ, въ безопасности будутъ формировать свои батальоны.

Зачѣмъ понадобилось германскимъ имперіалистамъ такъ рѣшительно ставить вопросъ, зачѣмъ имъ нужно было создавать бѣлое правительство Россіи наподобіе бѣлаго правительства Финляндіи? (3)

Къ этому побудило ихъ положеніе какъ на западномъ, такъ и на нашемъ русскомъ фронтѣ. На западѣ, несмотря на всѣ усилія, исходъ войны къ [illegible] весны не рѣшился. Нужна тяжкая и [illegible] борьба. Чѣмъ тяжелѣе борьба во внѣ, тѣмъ напряженнѣе состояніе внутри страны: надо [illegible] въ смыслѣ хозяйственномъ и политическомъ. Нужно обезпечить себя хлѣбомъ и сырьемъ, нужно прекратить „развращеніе" нѣмецкихъ рабочихъ русской революціей; нужно уничтожить возможность вооруженнаго вмѣшательства русской революціи на Западѣ, созданіе красной арміи.

А для этого нужно выпустить на русскую революцію ея смертельныхъ враговъ, подкрѣпивъ ихъ своими штыками. Только эти люди сумѣютъ выкачать для Германіи хлѣбъ и сырье изъ Украины, если только это вообще возможно. Мелко-буржуазная Рада имѣла слабость не возстанавливать во всей полнотѣ аппаратъ государственнаго угнетенія и хозяйственной эксплоатаціи; да она и не умѣла, не могла этого дѣлать. Кто лучше, чѣмъ помѣщики и капиталисты, умѣетъ организовывать государственное угнетеніе и хозяйственную эксплоатацію? Кто больше, чѣмъ помѣщики и буржуазія, не за страхъ, а за совѣсть, за собственную шкуру, ненавидитъ рабочую революцію? На нихъ-то и надо

опереться. Прусскіе юнкера и капиталисты въ часъ рѣшительной борьбы всего больше могли полагаться и положились на юнкеровъ и капиталистовъ **русскихъ**.

Но и на восточномъ, совѣтскомъ, фронтѣ положеніе толкало нѣмцевъ къ рѣшительнымъ дѣйствіямъ. „Охватъ" совѣтской республики завершенъ. Желѣзное кольцо стянуто отъ форта Ино до Кубани, а скоро, можетъ-быть, до Каспійскаго моря. Отъ хлѣба, угля, желѣза, можетъ-быть, нефти, отъ главныхъ морей Сѣверъ отрѣзанъ. И теперь легко бить его военными ударами, легко также порвать съ нимъ политически и опереться непосредственно на предтечу Романовыхъ—Павла Скоропадскаго.

Таковъ ближайшій тактическій планъ нѣмецкихъ имперіалистовъ, таковы ихъ надежды. А на что надѣются и какіе планы строятъ ихъ друзья и агенты, русскіе помѣщики и капиталисты?

Эти также „перемѣнили оріентацію". Кіевскіе
(1) кадеты подписываютъ теперь хвалебныя грамоты Германіи, такъ же, какъ раньше они подписывали хвалебныя посланья „союзникамъ". При этомъ, правда, кадетскіе партійные центры умываютъ себѣ руки. Они, центры, стоятъ-де въ сторонѣ, они не при чемъ. Это **отдѣльные** члены партіи, для **дѣловой** работы на свой страхъ и рискъ идутъ къ нѣмцамъ. Весьма возможно, что одновременно кадеты попробуютъ маневрировать и въ сторону союзниковъ, увѣрять ихъ, что русская буржуазія тоже заключила свой „Тильзитскій миръ" только для того, чтобы позже побѣдить нѣмца. Но одно ясно: на ближайшее время значительная часть нашей буржуазіи оставила мечты о великодержавности въ союзѣ съ страпами согласія. Она перемѣнила свой курсъ отъ великодержавной оріентаціи прежде всего на **внутреннюю оріентацію**, классовую оріентацію. Противъ рабочихъ, хотя бы съ нѣмцами, таковъ ихъ кличъ. Это старый кличъ, брошенный еще французской буржуазіей въ 1870 г., но то, что онъ брошенъ, указываетъ на огромный переломъ, на рѣзкое обостреніе классовой позиціи буржуазіи, на неизбѣжность рѣшительныхъ схватокъ.

Но чѣмъ опредѣленнѣе позиція германскаго имперіализма и русской буржуазіи, тѣмъ яснѣе также позиція рабочихъ и крестьянъ. У подавляющей массы рабочихъ она съ октября мѣсяца была ясна. Но и послѣднія опоры соціалъ-соглашательства въ рабочей средѣ теперь должны рухнуть. Буржуазія бросаетъ смертельный вызовъ пролета-

ріату. О соглашеніи, о единомъ демократическомъ фронтѣ отнынѣ могутъ говорить только безумцы или подлые предатели рабочаго класса. И если въ средѣ пролетаріата была замѣтна раньше усталость, бездѣятельность, то отнынѣ весь пролетаріатъ долженъ и не можетъ не приготовиться къ отчаянной борьбѣ. Сдачей на капитуляцію побѣдителю не поможемъ. Захваты германо-гайдамаковъ на Украинѣ сопровождались такими избіеніями рабочихъ, вели къ такому разгулу буржуазнаго террора, что рабочіе наиболѣе отсталыхъ и меньшевистски настроенныхъ районовъ черезъ недѣлю—двѣ послѣ захвата переходили къ попыткамъ возстанія и быстро становились на сторону большевиковъ. Такъ же „воспитывалъ“ захватъ и крестьянъ Украины. Косвенно воспитывалъ онъ и крестьянъ близко лежащихъ губерній, которые подъ Курскомъ, при извѣстіяхъ о приближеніи нѣмецкихъ отрядовъ, выступали цѣлыми деревнями съ оружіемъ въ рукахъ.

Реставрація на Украинѣ, образованіе тамъ центра „бѣлой Россіи“ рѣзко обострить классовыя противорѣчія. Первое время, можетъ-быть, гетманъ Скоропадскій сумѣетъ овладѣть положеніемъ. При помощи нѣмецкихъ штыковъ и возстановленія государственнаго и хозяйственнаго угнетенія онъ попытается сдержать наростающее возстаніе. Но ростъ его—особенно имѣя въ виду невозможность справиться съ хозяйственной разрухой въ обстановкѣ гражданской войны—неизбѣженъ.

Изъ этого какъ для гетмана Скоропадскаго, такъ и для его покровителей вытекаетъ необходимость быстрыхъ и рѣшительныхъ дѣйствій по направленію къ сѣверу. Точно такъ же, какъ германскимъ имперіалистамъ важно раздавить русскую революцію раньше, чѣмъ загорится пожаръ въ центральной Европѣ, точно такъ же для захватчиковъ и ихъ русскихъ слугъ важно раздавить революціонное гнѣздо на сѣверѣ раньше, чѣмъ на югѣ разразится возстаніе, и раньше, чѣмъ разложится размѣщенная на Украинѣ нѣмецкая армія. Вѣдь одно дѣло—стояніе въ окопахъ и другое дѣло расквартированье въ захваченной мѣстности, да еще въ мѣстности, охваченной революціей. Стояніе въ окопахъ разлагаетъ, но классовая цѣль такого стоянья подъ ружьемъ не бросается въ глаза; да и дисциплину поддерживать легко. Но быть полицейской силой въ невоюющей странѣ, силой,

прямо направленной на борьбу съ рабочими и крестьянами, и притомъ силой, вкрапленной въ ихъ среду, въ среду рабочихъ и крестьянъ — это разлагаетъ въ десять разъ скорѣе. И это также вызываетъ необходимость въ рѣшительныхъ дѣйствіяхъ противъ того большевистскаго оазиса, изъ-за тлетворнаго вліянія котораго приходится тратить столько силъ.

Рѣшительное столкновеніе неизбѣжно, неизбѣжно въ самомъ близкомъ будущемъ. Совѣтскія и нѣмецкія оккупаціонныя войска никогда не выходили до самаго послѣдняго времени изъ соприкосновенія, изъ боя. Но теперь борьба должна вспыхнуть по всей линіи. Требованіе сдачи Ино, захватъ Крыма и Таганрога — это первые шаги къ натиску германскаго имперіализма и русской буржуазіи на совѣтскую власть.

Раньше совѣтская власть творила себѣ „передышку", уступая германскимъ требованіямъ и подрубая сукъ, на которомъ она сидитъ. Отнынѣ нѣтъ уже и этой возможности. Не принимая боя, не зовя массы въ бой, она имѣетъ передъ собой только два исхода: или немедленно передать власть другой власти, или очень быстро стать, подобно Радѣ, хранителемъ большой печати, прилагаемой ко всѣмъ контръ-революціоннымъ требованіямъ германскаго имперіализма.

Всякія попытки „лавировать" сейчасъ на дѣлѣ будутъ приводить только къ непосредственному подчиненію совѣтской республики вліянію германскаго и **россійскаго капитала**. Каждое ихъ требованіе будетъ **гибельнымъ** требованіемъ, хотя бы они и предъявлялись по частямъ. Новые земельные захваты, отмѣна націонализаціи торговли, отмѣна націонализаціи банковъ—все это будетъ прямыми шагами къ превращенію совѣтской власти въ украинскую Раду, а это ближайшія очередныя требованія германскаго имперіализма. Все это будетъ обезсиливать рабочій классъ, усиливать позиціи буржуазіи, помогать пораженію революціи.

Линія совѣтской политики, линія нашей партіи должна быть выпрямлена. Въ ожиданіи боя надо оставить политику прятанія головы подъ крыло и дезорганизующихъ революцію уступокъ. Надо открыто призвать массы къ выступленію противъ германскаго имперіализма и его кадетско-октябристскихъ помощниковъ, нужно непосредственно приступить къ организаціи борьбы съ нимъ.

Итакъ, открытый и формальный разрывъ? Тѣ, кто „пугаетъ“ этимъ вопросомъ, бьютъ мимо цѣли. Разрывъ неизбѣженъ и помимо нашей воли. Но для того, чтобы массамъ стало съ очевидностью ясно, за что они должны бороться и какія силы стоятъ противъ нихъ, необходимо раскрыть во всей широтѣ намѣренія Вильгельма и Скоропадскаго. Это можно сдѣлать только путемъ обращенія къ нимъ съ требованіемъ ясно и точно опредѣлить свои отношенія къ совѣтской республикѣ, опредѣлить свои ультимативныя требованія, основныя черты ихъ политики. Наряду съ массовой агитаціей за организацію гражданской войны, наряду съ военными мѣрами (сосредоточеніемъ имѣющихся войскъ, эвакуаціей центральныхъ учрежденій, подготовкой частичныхъ мобилизацій), внѣшняя политика совѣтской республики отъ дряблой системы читерянскихъ моральныхъ проповѣдей, похожихъ на жалобы унтеръ-офицерской вдовы, должна немедленно перейти къ агитаціонному разоблаченію скрытыхъ плановъ враговъ русской революціи. (1)

Задача дня—организація борьбы рабочихъ и крестьянскихъ массъ противъ контръ-революціоннаго похода нѣмцевъ и русскихъ „бѣлыхъ“. Вся политика партіи и совѣтской власти должна быть направлена въ эту сторону, въ частности, въ сторону подготовки нелегальной организаціи и тыловыхъ возстаній въ занятыхъ и стоящихъ подъ угрозой захвата мѣстностяхъ.

Что особенно важно подчеркнуть, это необходимость выпрямленія и опредѣленность политики **внутренней**. Шатанія въ хозяйственной политикѣ, отказъ отъ государственнаго соціализма, отъ націонализаціи производства, проповѣдь государственнаго капитализма и выдвиганіе на первый планъ **самосовершенствованія** рабочихъ взамѣнъ рѣшительныхъ мѣръ по организаціи хозяйства,—все это немедленно должно быть сдано въ архивъ. Нѣтъ уже надобности въ этихъ отступленіяхъ съ революціоннаго пути. Съ нѣмецкимъ финансовымъ капиталомъ, **который правые товарищи боялись раздражить** націонализаціей, связующія нити порваны. Что касается русской буржазіи, то она хочетъ отнынѣ строить государственный капитализмъ не съ правыми большевиками, а съ нѣмецкими генералами. Нѣтъ болѣе смысла мѣшать рабочимъ въ организаціи производства ради сохраненія за гг. капи-

талистами права распоряженія ихъ „имуществомъ“. Фабрики должны стать рабочими фабриками, собственностью пролетаріата въ цѣломъ, ибо только тогда наше отечество станетъ дѣйствительно соціалистическимъ отечествомъ, за которое рабочій прольетъ послѣднюю каплю крови. Государственный капитализмъ, какъ онъ ни хорошъ съ точки зрѣнія тов. Ленина, не есть соціализмъ, и государственно-капиталистическое отечество не есть отечество соціалистическое. Въ моментъ начала рѣшительнаго боя рабочій долженъ ясно знать, за что онъ идетъ въ битву.

Послѣдніе ключи отъ производства должны быть вырваны изъ рукъ буржуазіи; она должна быть экспропріирована до послѣдней нитки, даже въ отношеніи ея частнаго имущества; самыя рѣшительныя мѣры противъ нея должны быть приняты, дабы она не могла помогать захватамъ и реставраціи (необходимо, напр., эвакуировать изъ ближайшихъ къ фронту городовъ всѣхъ болѣе или менѣе крупныхъ „общественныхъ дѣятелей“ въ качествѣ заложниковъ и для уничтоженія этой
(1) возможной опоры режима Скоропадскаго—Василенко—Лизогуба).

Вотъ то, что должна дѣлать наша партія и совѣтская власть. Вотъ то, что мы призываемъ дѣлать всѣхъ рабочихъ и крестьянъ. Къ массовой борьбѣ должны готовиться сами массы, тѣмъ болѣе, что верхушки заражены ядомъ политики отступленія и не сумѣютъ дать необходимый толчокъ. Рабочіе, учитесь стрѣлять, требуйте оружія, организуйте батальоны и полки! Сознательные пролетаріи, будите къ возстанію всѣхъ задремавшихъ сномъ „передышки“! Агитируйте за частичную мобилизацію, требуйте проведенія ея совѣтской властью! Организуйте заранѣе нелегальныя ячейки въ прифронтовыхъ мѣстностяхъ, прячьте въ безопасныя мѣста винтовки тамъ, гдѣ нѣмецкіе фельдфебеля не разыщутъ ихъ даже съ помощью магнитныхъ стрѣлокъ! Заботьтесь о постановкѣ будущихъ типографій и въ особенности запасайтесь нѣмецкимъ шрифтомъ! Требуйте немедленной передачи фабрикъ въ управленіе классовыхъ рабочихъ организацій и немедленной экспропріаціи и эвакуаціи буржуазіи!

На улицахъ, площадяхъ, въ казармахъ, на заводахъ говорите о томъ, что врагъ близокъ, что онъ идетъ отбирать назадъ все завоеванное и что онъ не дастъ даже корки хлѣба тѣмъ, у кого только

она уцѣлѣла, благодаря захвату Украины. Голодъ, разореніе, угнетеніе въ захваченныхъ мѣстностяхъ вдесятеро хуже тѣхъ бѣдствій, которыя теперь переживаетъ рабочій классъ изъ-за недостатка хлѣба съ юга.

Нѣтъ исхода рабочему классу и деревенской бѣднотѣ: они должны взяться за оружіе. И что бы не сулила намъ судьба въ началѣ этой борьбы, ея исходъ несомнѣненъ. Обостреніе классовой борьбы въ тылу, разложеніе нѣмецкихъ войскъ, все болѣе надвигающаяся международная революція, которая придетъ тѣмъ скорѣе, чѣмъ упорнѣе будетъ борьба въ Россіи,—все это неизбѣжно приведетъ къ той послѣдней побѣдѣ, когда красное знамя, подобно языкамъ пламени, взовьется надъ дворцами, банками и тюрьмами всего міра.

Великій старикъ.

Не всѣ историческіе дѣятели уходятъ въ прошлое и остаются въ памяти, какъ старики. Многіе, умирая молодыми, такими же переходятъ въ исторію. Молодыми въ нашемъ представленіи остаются Робеспьеръ, Лассаль, (1)
Бѣлинскій, Перовская, многіе вожди коммуны. Карлъ Марксъ остался въ вѣчной памяти людей, какъ старикъ съ лицомъ стараго добраго льва, съ большой сѣдой бородой, съ милыми глубокими глазами, смотрящими изъ-подъ густыхъ бровей. Великій старикъ! Съ нѣжностью, любовью, глубокимъ уваженіемъ смотрятъ на его портретъ „ученики“ его, которыхъ становится все больше, число которыхъ измѣряется милліонами. Этотъ старикъ все понялъ и взвѣсилъ, ничего не простилъ вѣковому насилію и его слугамъ, впервые намѣтилъ путь, по которому человѣчество выходитъ изъ „царства необходимости“, угнетенія человѣка человѣкомъ, хозяйственной эксплоатаціи, государственнаго насилія, всяческаго обмана и лжи, вѣкового страданія милліоновъ—въ „царство свободы“, въ коммунистическое общество.

„Философы да сихъ поръ только объясняли міръ; задача заключается въ томъ, чтобы измѣнить его“. (2)
Эти слова надо писать на портретахъ великаго старика, на памятникахъ ему, ибо они составляютъ главный стержень его ученія и его дѣятельности. Раньше философы или объясняли міръ, или же безсильно бились

надъ тѣмъ, чтобы найти исходъ изъ царящаго „зла“. Одни изъ нихъ, самые безсильные или вредные, обѣщали лучшій міръ на небесахъ. Другіе здѣсь, на землѣ, пытались построить рай: или въ сторонѣ отъ большой дороги исторіи, въ маленькой коммунѣ, въ
(1) фаланстерѣ, который ничего не мѣняетъ въ общей связи отношеній; или же въ предѣлахъ всего общества, но путемъ какого-то чуда, всеобщаго просвѣщенія и просвѣтлѣнія, которое заставитъ людей отвергнуть все существующее и заново создать нѣчто „идеальное“, ничѣмъ не связанное съ предшествующимъ міромъ зла. Впервые Марксъ показалъ, какъ изъ **этого**, существующаго міра, безъ всякихъ чудесъ и боговдохновенныхъ дѣйствій, нашими земными руками, путемъ выдержанной и упорной политической борьбы можно сдѣлать другое общество, то, о которомъ **мечтали** въ теченіе столѣтій, свободное и прекрасное. Только потому можно это сдѣлать, что къ этому ведетъ самый ходъ вещей,
(2) этого требуютъ законы общественнаго развитія. „Опіумъ народовъ“ былъ развѣянъ ученіемъ Маркса; его наука доказала, что религія (и всѣ разновидности „религіознаго“ мышленія въ общественныхъ ученіяхъ), поскольку она является утопическимъ бореніемъ за общественную утопію—несостоятельна. Нужна классовая революціонная борьба за неизбѣжно грядущее новое общество, классовая организація, классовое воспитаніе массъ пропагандой и дѣйствіемъ и, наконецъ, матеріальная борьба съ оружіемъ въ рукахъ. Все задачи „земныя“, все задачи, поставленныя не религіознымъ долгомъ и не вѣрой въ идеалы; будничная, матеріальная, грязная—съ точки зрѣнія буржуазныхъ пошляковъ — работа. Но какое глубокое вдохновеніе и какую гордую силу вливаетъ она въ сердца! Это то, что велѣли историческія судьбы, чего требуютъ объективные законы общественнаго развитія. Это то, что будетъ во что бы то ни стало! Связавъ себя съ исторической необходимостью, понявъ себя, какъ частицы въ движеніи общественной матеріи, вы обрѣли теперь реальную силу **измѣнить** этотъ міръ и построить новый—не въ небесахъ, изъ воздуха и розовыхъ облаковъ, а изъ земныхъ кирпичей и стали, въ которомъ сами будете жить, строить и сами будете хозяевами.

Теоретическій матеріализмъ, развѣнчиваніе всѣхъ высокихъ идей и фразъ, ѣдкая самокритика при выработкѣ теоріи, программы и тактики пролетарскаго движенія и въ то же время самый горячій практическій идеализмъ, неизмѣнная, неубывающая революціонная энергія—все, что соединяется въ одномъ словѣ **выдержанность**—вотъ что внесъ въ рабочее движеніе Карлъ Марксъ,

чѣмъ былъ полонъ онъ самъ и что стало основной чертой этого движенія, ибо Марксъ только вѣрно понялъ его внутреннюю сущность.

Какъ человѣкъ, Марксъ пришелся необыкновенно въ пору тому великому историческому движенію, знамя котораго онъ поднялъ. Прежде всего то былъ человѣкъ громадной, необыкновенной духовной силы. Онъ самъ училъ—и это стало уже слишкомъ понятнымъ,—что не герои создаютъ исторію. Ея основа — хозяйственный строй, который ставитъ людей въ опредѣленныя отношенія другъ къ другу, создаетъ классы. Борьба массъ, образующихъ классы, составляетъ исторію общества. Общественныя ученія и идеи—лишь идеологія классовъ, лишь объясненіе существующаго на языкѣ даннаго класса; люди, вырабатывающіе эти ученія, лишь идеологи, глашатаи классовыхъ интересовъ; историческіе герои—лишь вожди и организаторы классовой борьбы, которая выдвигаетъ ихъ, и отъ которой они не могутъ оторваться. Вотъ что подчеркивалъ Марксъ въ противовѣсъ тѣмъ, кто думалъ, что исторію творятъ герои, высасывая ее изъ своего пальца и увлекая за своими идеями „толпу“. Но для него было ясно,—и намъ это ясно,—что строго обусловленная общественной средой роль идеологовъ и организаторовъ сама по себѣ очень значительна. Силу даннаго класса можно въ значительной степени измѣрять ясностью его идеологіи, крѣпкостью его организаціонной связи. А и то, и другое въ значительной мѣрѣ вырабатывается порожденными имъ теоретиками и организаторами. Они—только одна изъ частей машины, но часть наиболѣе важная и вполнѣ необходимая, и чѣмъ лучше построена эта часть, тѣмъ лучше дѣлаетъ машина свою работу. И потому огромное значеніе для рабочаго класса имѣетъ то, что три четверти его ученія построилъ такой человѣкъ, какъ Марксъ, и три четверти методовъ организаціи и борьбы завѣщалъ ему великій старикъ.

Марксъ былъ человѣкомъ необыкновенной духовной силы. Это не только величайшій ученый XIX столѣтія, это одинъ изъ тѣхъ людей, имена которыхъ переходятъ изъ столѣтія въ столѣтіе, живутъ вѣчно. Книги его обладаютъ отличительнымъ свойствомъ геніальныхъ работъ: при перечитываніи ихъ каждый разъ читающему открывается нѣчто новое. Мысль, запечатлѣнная въ нихъ, настолько глубока, является настолько полнымъ идеологическимъ отраженіемъ реальныхъ процессовъ, что, воспринимая ее вновь, вы какъ-будто дѣлаете новое наблюденіе надъ самой жизнью и открываете новыя особенности.

Другія черты дополняютъ эту основную черту геніальности. Совершенно исключительная начитанность Маркса извѣстна: онъ зналъ до послѣдняго листочка всю экономическую литературу и „открылъ“ массу забытыхъ гг. профессорами старинныхъ экономистовъ. И вообще въ смыслѣ подготовки къ своей умственной работѣ Марксъ стоялъ безконечно выше всякаго погруженнаго въ книги и живущаго спокойно на казенной пайкѣ буржуазнаго ученаго. Трудно перечислить, напр., сколько языковъ зналъ Марксъ. Но всѣмъ извѣстно, что онъ владѣлъ и языкомъ русскимъ, былъ въ курсѣ русской экономической литературы и собирался использовать ее для своихъ работъ. Марксъ никогда не замыкался въ предѣлы только своей науки: его познанія въ философіи, въ исторіи, филологіи, правѣ, естественныхъ наукахъ и особенно въ математикѣ были огромны. Это дѣлало его теоретическій кругозоръ исключительно широкимъ: наука въ цѣломъ была всегда передъ его глазами. На высшей математикѣ онъ отдыхалъ, такъ же, какъ на чтеніи классиковъ-поэтовъ всѣхъ временъ и народовъ. Марксъ обладалъ не только геніальнымъ умомъ, но и огромнымъ художественнымъ вкусомъ.

Умственный характеръ Карла Маркса отмѣченъ его отвращеніемъ къ теоретически вульгарному, пошлому. Величайшимъ презрѣніемъ клеймитъ онъ „вульгарныхъ экономистовъ“, которые стараются оправдать буржуазное общество, изображая его порядки, какъ естественно необходимые, вытекающіе изъ всѣмъ понятныхъ, азбучныхъ свойствъ человѣческой природы. Здѣсь въ Марксѣ говоритъ не только презрѣніе къ наемнымъ, продажнымъ душамъ, но также чувство огромнаго духовнаго превосходства надъ этими жалкими противниками. Есть и еще одна сторона дѣла. Марксъ вообще завѣщалъ своимъ ученикамъ боязнь вульгарнаго въ теоретическомъ мышленіи и заботу объ изысканной выдержанности теоріи. Внѣшняя оболочка капиталистическаго строя находится въ полномъ противорѣчіи съ ея содержаніемъ. Она завѣдомо обманчива („товарный фетишизмъ“) и даетъ широкое основаніе для организованнаго теоретическаго обмана массъ идеологами буржуазіи. Пошляки, вульгарные экономисты, опирающіеся на внѣшность капиталистическихъ хозяйственныхъ отношеній, въ концѣ-концовъ, только идутъ по линіи наименьшаго сопротивленія. Чтобы вѣрно понять капиталистическій строй, чтобы научиться тому, какъ его преодолѣть, нужно умѣть вскрыть его противорѣчія, а для этого отказаться отъ плоской первоначальной логики и примѣнить діалектику. Необходима изысканная выдержанность мышленія: только обладающій ею можетъ быть идеологомъ пролетаріата.

Нравственный характеръ Карла Маркса вполнѣ соотвѣтствуетъ характеру его ума. Точно такъ же какъ Марксъ былъ великимъ мыслителемъ, такъ же былъ онъ однимъ изъ лучшихъ предетавителей общества своего времени, былъ наиболѣе крѣпко проникнутъ общественнымъ инстинктомъ, стремленіемъ къ тому, чтобы принести людямъ наибольшую пользу. Это—одна изъ причинъ, приведшихъ его въ лагерь революціоннаго пролетаріата. Общественный инстинктъ, который буржуазнымъ идеалистамъ угодно называть „нравственнымъ чувствомъ", „совѣстью" и т. д., проявляется въ разнообразныхъ формахъ. Это — любовь къ людямъ*), личное безкорыстіе, способность все отдать за то, что человѣкъ считаетъ необходимымъ провести въ жизнь. Для революціонера самыми цѣнными чертами нравственнаго характера являются еще послѣдовательность и выдержка—умѣнье доводить до конца свои рѣшенія и не сдавать ихъ врагу. Всѣми этими чертами Марксъ обладалъ въ высшей мѣрѣ.

Буржуазные писатели (между прочимъ и россійскіе) любятъ повторять о Марксѣ старую глупую сказку. Онъ-де былъ человѣкомъ, умѣвшимъ только ненавидѣть, видѣвшимъ только дурныя черты современнаго общества и лишеннымъ „нравственнаго чувства". Эта сказка такъ же нелѣпа и глупа, какъ теоретическія построенія противниковъ Маркса. Великая любовь къ людямъ, къ угнетеннымъ и страдающимъ пропитываетъ всѣ писанія Маркса. Въ своихъ теоретическихъ работахъ онъ не могъ и не долженъ былъ говорить о ней. Не на этомъ строится соціализмъ, и соціалистическая революція обосновывается не субъективными нашими желаніями и симпатіями. На этомъ строили свои ученія всѣ тѣ „философы, которые только объясняли міръ" или, въ лучшемъ случаѣ, возводили воздушные замки утопій. Великая, сдержанная—и потому еще болѣе страстная—любовь свѣтитъ со страницъ „Капитала" и рядомъ съ ней стоитъ ея сестра—великая, неумолимая, неисчерпаемая ненависть революціонера. Но и она никогда не заставляетъ Маркса перейти къ пустому отрицанію существующаго, къ словесному разгрому его чувствительными фразами. Любовь и ненависть только эмоціональная подкладка его теоретической неумолимости и выдержанности и его нравственной послѣдовательности и выдержки.

Вотъ какого идеолога и вождя получилъ международный соціализмъ еще въ свои молодые годы. Проле-

*) Беря дѣло въ общественномъ масштабѣ—къ людямъ, конечно, своего класса; и съ этой любовью постоянно соединяется ненависть къ людямъ, угнетающимъ этотъ классъ или опаснымъ для него.

гаріатъ, могильщикъ капитализма и собственности, освободитель человѣчества, достоинъ былъ имѣть такого вождя и получилъ его.

Если перейти къ еще болѣе личнымъ свойствамъ Карла Маркса, то и здѣсь всюду находимъ цѣльность и соотвѣтствіе со всѣми другими чертами. Какъ писатель, Марксъ интересенъ рѣдкимъ соединеніемъ отвлеченнаго и образнаго способа мыслить. Извѣстно, что Марксъ былъ не только великимъ ученымъ, но и великимъ политическимъ писателемъ, публицистомъ. Хорошій публицистъ почти всегда бываетъ неудавшимся беллетристомъ, который используетъ свою способность писать образами для того, чтобы болѣе выпукло изображать тѣ отвлеченныя идеи, которыя онъ передаетъ читателямъ.
(1) Бѣлинскій, Герценъ, Чернышевскій и т. д. были неудавшимися беллетристами. Такимъ же былъ и Марксъ, который въ ранніе годы писалъ стихи и повѣсти. Но если въ публицистикѣ Бѣлинскаго, Герцена, Чернышевскаго подчасъ или слишкомъ много беллетристики, слишкомъ перевѣшиваетъ образная форма мышленія, или, наоборотъ, публицистика переходитъ въ сухое теоретическое изложеніе, то въ публицистикѣ Маркса гармонично сливаются эти два способа выражать мысль. И не только важна гармоничность сліянія. Замѣчательна также и та оболочка образовъ, которую Марксъ даетъ своимъ идеямъ: эти образы просты, ярки, превосходно передаютъ содержаніе и выражены въ чудесныхъ короткихъ фразахъ*). Публицистика Маркса есть классическая публицистика въ точномъ смыслѣ слова, она и съ внѣшней стороны есть изысканная выдержанность.

Наконецъ, Марксъ, какъ „частный человѣкъ", какъ Privatmann, все таковъ же. Несмотря на жизнь эмигранта, на скитанія и голодъ, Марксъ не опустился до того духовнаго босячества, до котораго часто доходятъ политическіе эмигранты и которое лучше всего вывѣтриваетъ ихъ. Марксъ, теоретически разрушившій буржуазную семью, самъ имѣлъ прекрасную семью, замѣчательную жену и прекрасныхъ дѣтей и самъ былъ „отличнымъ мужемъ и отцомъ". И это понятно, ибо Марксъ говорилъ о болѣе высокой формѣ семьи, чѣмъ буржуазная, и не собирался разлагать ее до болѣе низкой формы. Это понятно, ибо при существующихъ отношеніяхъ только въ такой формѣ могъ Марксъ устроить свою личную жизнь такъ же цѣльно, крѣпко, опредѣленно, какимъ онъ былъ весь. Въ воспоминаніяхъ его
(2) *) Для примѣра достаточно взять хотя бы заключительные абзацы «Коммунистическаго манифеста», гдѣ каждое слово просто, но чрезвычайно выразительно, и гдѣ фразы звучатъ почти, какъ стихи.

учениковъ можно найти не одинъ разсказъ о веселомъ и добродушномъ образѣ жизни „мавра“ (точнѣе, пожалуй, „арапа“—Mohr—домашнее прозвище Маркса), о его гостепріимномъ нравѣ, о кружкахъ пива, выпитыхъ имъ съ пріятелями, и пр. Марксъ дорисовывается здѣсь до конца, какъ „честный гражданинъ“ и отличный человѣкъ въ дѣлахъ узко-личныхъ.

Еще разъ—именно таковъ и долженъ былъ быть идеологъ и вождь революціоннаго пролетаріата. Конечно, историческая случайность могла бы дать рабочему классу менѣе крупныхъ теоретиковъ и организаторовъ. Медленнѣе шла бы тогда выработка идеологіи пролетаріата и методовъ его борьбы за коммунизмъ. И все же рано или поздно, въ лучшемъ или худшемъ видѣ, она была бы сдѣлана и другими руками. Но Карлъ Марксъ былъ наилучшимъ выполнителемъ этой задачи.

Вся его фигура прекрасно соотвѣтствуетъ той перемѣнѣ въ общественной жизни, какая произошла съ появленіемъ капитализма и связаннаго съ нимъ соединенія техники и науки. Кончилось царство мелко-буржуазной революціонной фразы и революціоннаго геройства. Кончилась эпоха, когда троны низвергались во имя „братства, равенства и свободы“, и Робеспьеръ учреждалъ „республику добродѣтели“. Новая революція была предсказана и намѣчена. Но она была предсказана не по наитію святаго Духа и намѣчена не ради проведенія въ жизнь священныхъ принциповъ. Это предсказанье было научнымъ предсказаньемъ. Эта революція была революціей, пути для которой должно было проложить усовершенствованье промышленной машины, развитіе производительныхъ силъ. Эта революція должна была быть революціей милліоновъ, перерожденныхъ и воспитанныхъ самой жизнью, но которыхъ надо еще сплотить, обучить и двинуть въ бой по всѣмъ правиламъ военной науки. Эта революція, какъ и все въ XIX и XX вѣкѣ, должна была быть научной революціей въ томъ смыслѣ, что эта революція должна была быть сдѣлана научными методами. Подобно тому, какъ для современной арміи уже не имѣютъ значенія пріемы личнаго геройства и добродѣтели военачальниковъ, а всего важнѣе правильная организація продовольствія, снабженія, транспорта, правильное техническое снаряженіе войска и, наконецъ, научно поставленная разработка плана дѣйствій и выполненіе его въ главномъ штабѣ, такъ и пролетарская соціалистическая революція требовала обоснованія ея, какъ реально преобразующаго и организующаго жизнь

процесса и выработки научнаго метода низверженія капитализма. Эту задачу почти цѣликомъ выполнилъ Карлъ Марксъ, который первый сталъ учить о томъ, какъ „измѣнять міръ“, и который первый поставилъ вопросъ о новѣйшей политикѣ XIX и XX вѣка—политикѣ милліоновъ, политикѣ научно обоснованной и руководимой революціи.

В. Оболенскій.

Россійская контръ-революція въ украинскомъ нарядѣ.

Украинская соглашательская Рада, подсаженная къ власти штыками нѣмецкихъ имперіалистовъ, очутилась сама на штыкахъ.

Въ моментъ рѣшительной борьбы съ Совѣтской республикой она была „призвана“ къ тому, чтобы освятить свѣтомъ „соціализма“ работу имперіалистскихъ лейтенантовъ по удушенію Совѣтской республики и россійской революціи. Нѣтъ больше надобности въ услугахъ соглашателей Украины, когда подъ руками есть новые, болѣе рѣшительные душители рабоче-крестьянской свободы. Не спасла всѣхъ этихъ меньшевиковъ и эс-еровъ Украины вся подлость и низость предателей, жаждавшихъ наканунѣ самаго **разгрома Рады** какою угодно цѣною спасти свои курульныя кресла и власть. Делегація, посланная въ эти часы къ барону Мумму, заявила (1) ему о рѣшеніи центральной Рады создать новое министерство и передала ему о томъ, что центральная Рада всемѣрно пойдетъ навстрѣчу германскимъ властямъ. Въ отвѣтъ на это делегація услыхала, что заявленія Рады уже запоздали.

Баронъ Муммъ ласково журилъ растерявшихся соглашателей: онъ, вѣдь, и раньше „предупреждалъ“ Раду „**о несбыточности соціализаціи земли и другихъ реформъ**“. И соглашатели, великолѣпно изучившіе одно ремесло—ремесло предателей, готовы были предать не только россійскую революцію, но и все, что имъ прикажутъ. Делегаты Рады заявили **о готовности** поручить новому кабинету пересмотръ земельнаго закона съ возстановленіемъ частной собственности для мелкихъ землевладѣльцевъ. Но и тутъ въ отвѣтъ они услыхали роковое: (2) „Ужъ поздно! Мавръ сдѣлалъ свое дѣло, Мавръ можетъ итти!“ Рада начала кровавыми избіеніями рабочихъ, предательствомъ революціи, позорной запродажей своей соглашательской души нѣмецкимъ имперіалистамъ,

окончательно раскрыла глаза рабочимъ и крестьянской бѣднотѣ Украины, указала, гдѣ враги и друзья ихъ, крупная же буржуазія и помѣщики всегда лишь терпѣли Раду за политику удушенія революціи. Утративъ послѣднюю опору въ низахъ, Рада повисла какъ мыльный пузырь въ воздухѣ и ее, какъ дохлую собаку, носкомъ сапога отшвырнули съ презрѣніемъ вонъ съ дороги. Ея политика была пропитана узкимъ національнымъ стремленіемъ досадить „москалямъ“ Совѣтской республики. На дѣлѣ она была той ширмой, за которой обдѣлывала свои дѣла буржуазно-помѣщичья контръ-революція. Но націонализмъ Рады обнаружилъ свое контръ-революціонное существо въ ея дѣйствіяхъ и ея политикѣ.

Ставка на использованіе въ цѣляхъ буржуазной контръреволюціи національныхъ треній была бита ходомъ россійской и украинской революціи. Вмѣсто ставки на націонализмъ—германскій имперіализмъ ставитъ новую ставку на буржуазно-помѣщичью контръ-революцію. Этотъ характеръ переворота обнаруженъ съ полной ясностью ходомъ событій. Каковы же силы, на которыя опирается новый порядокъ съ гетманомъ Скоропадскимъ во главѣ?

Уже самое объясненіе германскимъ посломъ въ Украинѣ барономъ Муммомъ причинъ переворота проливаетъ должный свѣтъ на характеръ переворота и силы, на которыя опирался въ этомъ германскій имперіализмъ. „Германская власть, заявилъ посолъ, неоднократно указывала и Радѣ и правительству... о несбыточности соціализаціи земли и другихъ реформъ“. Священныя права собственности на землю помѣщиковъ и деревенскихъ кулаковъ—вотъ основа украинскаго переворота. Не даромъ съѣздъ „хлѣборобовъ“—съѣздъ помѣщиковъ и крестьянскихъ богатѣевъ, на которомъ кадетъ Кистяковскій [redacted] (1) свой докладъ объ аграрномъ вопросѣ, принялъ такую красочную резолюцію: „Владѣніе землею на иномъ, кромѣ собственности, правѣ противорѣчитъ исторически сложившимся понятіямъ украинскаго хлѣбороба. Поэтому мы требуемъ **немедленнаго возстановленія права свободнаго распоряженія землею, упраздненія земельныхъ и всѣхъ комитетовъ**“. При этомъ съѣздъ потребовалъ включенія въ резолюцію слова всѣхъ комитетовъ.

Наиболѣе бурно хлѣборобы привѣтствовали слова Кистяковскаго: „Награбленное подъ видомъ закона должно быть возвращено, сожженное—оплачено“. Съѣздъ хлѣборобовъ объединилъ тѣ элементы, которыхъ „ограбила“ революція, „ограбила“ ихъ помѣстья или ихъ крупныя, кулацкія хозяйства. И „панъ гетманъ“ Скоропадскій въ своей грамотѣ въ полномъ согласіи съ этой кулацко-помѣщичьей коалиціей провозглашаетъ—

„Право частной собственности, какъ основа культуры и цивилизаціи, возстанавливается въ полномъ объемѣ", „возстанавливается полная свобода совершенія сдѣлокъ по продажѣ и покупкѣ земли", „всѣ земельные комитеты распускаются".

Вторая сила, на которую опирались германскіе имперіалисты въ дѣлѣ совершенія переворота,—буржуазія.

Представители объединенныхъ организацій промышленности, торговли, финансовъ и сельскаго хозяйства Украины такъ обрисовываютъ свою позицію въ поданной докладной запискѣ: „Совершенно недопустимы тѣ соціалистическіе эксперименты въ области земельной реформы, которые предполагаются на основаніи послѣднихъ универсаловъ и направлены къ уничтоженію частной собственности на землю. При націонализаціи нѣдръ необходимо въ основаніе ея положить принципъ вознагражденія собственника нѣдръ за отчуждаемыя у него нѣдра. Мы должны высказать рѣзко отрицательное отношеніе къ такъ-называемому рабочему контролю и ко всѣмъ попыткамъ соціализаціи и націонализаціи предпріятій. Правильное функціонированіе предпріятій невозможно, если не будетъ въ полномъ объемѣ возстановлено право владѣльцевъ распоряжаться принадлежащими имъ предпріятіями. Съ этой точки зрѣнія необходимо твердое проведеніе правительствомъ полнаго устраненія вмѣшательства рабочихъ организацій (профессіональные союзы, заводскіе комитеты и т. п.) въ коммерческую и административно-техническую дѣятельность руководителей предпріятій. Рѣшительно должны быть устранены всѣ попытки къ законодательному нормированію заработной платы при современномъ состояніи промышленности".

(1)

Задачи буржуазіи—уничтоженіе всѣхъ завоеваній октябрьской рабоче-крестьянской революціи. Націонализація, рабочій контроль—все должно быть уничтожено. Нужно возстановленіе „въ полномъ объемѣ" правъ владѣльца распоряжаться своимъ имуществомъ, нужно воспретить нормировки заработной платы. Программа ясная, совершенно оголенная.

И гетманъ Скоропадскій принимаетъ эту программу. Интересы буржуазной контръ-революціи ему такъ же милы, какъ и интересы контръ-революціи кулацко-помѣщичьей. „Въ области экономической и финансовой, пишетъ онъ, возстанавливается полная свобода торговли и открывается широкой просторъ частной предпріимчивости и иниціативѣ"; „право частной собственности, какъ основа культуры и цивилизаціи, возстанавливается въ полномъ объемѣ". Экономическая программа переворота—программа кулацко-помѣщичьей и буржуазной контръ-революціи.

Задачи политическія столь же опредѣленно ясны, какъ и экономическія: уничтоженіе какой бы то ни было политической роли рабочихъ и крестьянскихъ организацій, уничтоженіе „всѣхъ“ комитетовъ, походъ противъ рабочихъ организацій—все это слишкомъ ясная политика. Но контръ-революція не ограничивается этимъ, она заодно хочетъ опрокинуть и то Учредительное Собраніе, которое должно было вскорѣ быть созвано. Необходимо новое Учредительное Собраніе, созванное на основѣ цензоваго избирательнаго права. Наконецъ, вѣнчаетъ всю политическую программу внушительная фигура самого пана гетмана Скоропадскаго, которому принадлежитъ ни больше ни меньше какъ „власть управленія во всемъ ея объемѣ въ предѣлахъ всей Украинской державы“. Единственно, кто ограничиваетъ эту самодержавную власть и подчиняетъ ее себѣ—это генералъ Эйхгорнъ и прусскій лейтенантъ. Но что до того. Надо быть благодарнымъ и помнить, что Украина „спасеніемъ своимъ, какъ пишетъ Скоропадскій, обязана мощной поддержкѣ центральныхъ державъ, которыя, вѣрныя своему слову, продолжаютъ и въ настоящее время бороться за цѣлость и спокойствіе Украины“.

Какія же партіи представлены въ новомъ министерствѣ? О, конечно, самыя трезвыя, не грѣшащія соціалистическими утопіями: партіями, принявшими съ благодарностью отъ прусскихъ конкеровъ власть, оказались наши старые знакомые, ненавидящіе нѣмцевъ и готовые бороться съ ними до послѣдней капли крови—кадеты и октябристы. Годъ назадъ они обвиняли большевиковъ и ихъ вождей, какъ нѣмецкихъ агентовъ, теперь они съ радостью цѣлуютъ сапоги нѣмецкихъ имперіалистовъ. II Кіевскій областной комитетъ партіи Народной Свободы, при молчаніи Ц. К. партіи, призналъ „необходимымъ“ участіе членовъ партіи въ составѣ новаго правительства. Годъ назадъ тотъ, кто проѣхалъ черезъ Германію въ „запломбированномъ“ вагонѣ, считался ими чуть ли не предателемъ, а сегодня ихъ представители сидятъ въ правительствѣ буржуазно-помѣщичьей и кулацкой контръ революціи милостью штыковъ Людендорфа. Интересно отмѣтить, что вся наша буржуазная пресса даетъ чрезвычайно лестныя характеристики дѣятелей контръ-революціи. „Заря Россіи“ не ограничивается этимъ. (1)
Она съ радостью смакуетъ происшедшій переворотъ: „Въ отношеніи прекращенія на Украинѣ „соціальной революціи“, мы можемъ только подчеркнуть, что фантастическій опытъ теоретическаго соціализма безъ соотвѣтствія его мѣстнымъ условіямъ долженъ былъ рано или поздно такъ кончиться“—пишетъ органъ промышленниковъ. Русскіе промышленники, какъ и русскіе кадеты,

октябристы и другія силы, уложенныя было въ гробъ работе-крестьянской революціей, пытаются ожить подъ вліяніемъ переворота, произведеннаго нѣмецкими штыками на Украинѣ. Они надѣются, что при помощи тѣхъ же штыковъ имъ удастся уничтожить всѣ слѣды „фантастическаго опыта“ организаціи въ Россіи соціалистическаго хозяйства. Ихъ агентъ—профессоръ Кистяковскій—не даромъ прибылъ въ Москву, не даромъ вылѣзаютъ изъ всѣхъ щелей черносотенные гады. Украинскіе паны гетманъ, господа кадеты и генералъ Людендорфъ, вѣдь, не ограничиваютъ свои задачи раіономъ Украины. Нѣтъ, они „преодолѣли“ націонализмъ, они сторонники великодержавности, они мечтаютъ при помощи „мощной поддержки центральныхъ державъ“ устроить маленькій переворотъ и здѣсь, въ Совѣтской Россіи. А пока они подготовляютъ себѣ опору, базу въ слояхъ контръ-революціонеровъ съ тѣмъ, чтобъ буржуазно-кулацкая контръ-революція сразу смогла найти себѣ того „гетмана“, на котораго надо будетъ накинуть королевскую мантію, и тѣхъ министровъ, которые дѣловито могутъ организовать силы контръреволюціи. Изъ разорванной мантіи Украинской контръ-революціи выглядываетъ контръ-революція россійская. Одна порождаетъ другую, такъ же, какъ обѣ находятъ „мощную поддержку“ въ имперіалистскомъ штыкѣ центральныхъ державъ.

Таковъ глубочайшій смыслъ послѣдняго переворота, и пролетаріатъ въ своей политикѣ учтетъ его.

А. Ломовъ.

Нѣкоторыя основныя понятія современной экономики.

За послѣднее время и русская, и западно-европейская экономическая жизнь выдвинула много новообразованій, экономическихъ комплексовъ, которые нуждаются въ „научной обработкѣ“, въ первую голову, въ правильной классификаціи. Вполнѣ естественно, что и здѣсь „практика“ предшествуетъ „теоріи“ и теоретическая обработка появляется уже послѣ того, какъ дѣйствительность накопила болѣе чѣмъ достаточный матеріалъ. Вполнѣ понятно также, что самая первоначальная ориентація страдаетъ неизбѣжно грубыми промахами. „Смѣшеніе понятій“ — неизбѣжный грѣхъ человѣческой мысли, когда она прокладываетъ себѣ новые пути. Однако, очень часто въ логическихъ ошибкахъ проглядываетъ

опредѣленная психологическая предвзятость, уклонъ, знаменующіе собой опредѣленное соціальное умонастроеніе. Въ такомъ случаѣ передъ нами формирующееся „теченіе", которое можно оцѣнивать въ зависимости отъ его соціальнаго содержанія. Послѣднія выступленія тов. Ленина, съ одной стороны, рядъ чрезвычайно симптоматическихъ заявленій, статей и т. д., исходящихъ изъ рабочей среды, — съ другой, дѣлаютъ настоятельно необходимымъ критическій анализъ нѣкоторыхъ основныхъ понятій современной экономики.

I.

Въ спорахъ, которые ведутся сейчасъ между правымъ и лѣвымъ крыломъ нашей партіи, въ ходѣ дискуссіи выдвинулся на первый планъ вопросъ о государственномъ капитализмѣ. Здѣсь тов. Ленинъ выдвинулъ одну за другой цѣлый рядъ формулъ: „учиться соціализму у организаторовъ трестовъ" — таковъ былъ первый лозунгъ; „государственный капитализмъ въ нашихъ условіяхъ есть величайшій прогрессъ" — таково второе положеніе; „государственный капитализмъ даже при Керенскомъ былъ бы громаднымъ шагомъ впередъ" — таково третье положеніе тов. Ленина, которое онъ выставлялъ противъ пишущаго эти строки на одномъ изъ послѣднихъ собраній Центр. Исполн.-Комитета.

Приведемъ теперь пару цитатъ изъ „Вѣстника Металлиста" *). Вотъ что пишетъ тов. Я. Боярковъ въ статьѣ: „Проблемы демобилизаціи промышленности": (1) (2)

„Молодымъ рабочимъ союзамъ, не окрѣпшимъ въ классовой борьбѣ и не привыкшимъ къ хозяйственно-организующей дѣятельности, приходится брать на себя всю тяжесть отвѣтственности за дѣло государственнаго регулированія хозяйства. Безъ сотрудничества съ предпринимателями, и при поразительной бѣдности индустріально-интеллигентными силами, русскому пролетаріату приходится одному насаждать ту систему учета и регулированія хозяйственныхъ силъ, который характеризуетъ собой *развернутый капитализмъ* (нашъ курсивъ. Н. Б.) въ Западной Европѣ" (стр. 37).

И въ другомъ мѣстѣ:

„Не соціализмъ и не чисто-буржуазный строй призваны мы водворять въ Россіи. Нужно проводить противъ воли отсталой русской буржуазіи систему *развернутаго капитализма* (нашъ курс. Н. Б.), сопровождающагося государственнымъ регулированіемъ производства".

*) «Вѣстникъ Металлиста», № 2. Январь. Петроградъ. 1918 г.

А въ третьемъ мѣстѣ авторъ заявляетъ, что онъ „не питаетъ иллюзій на возсіяніе соціалистическаго свѣта съ Востока".

Сопоставимъ заявленія тов. Ленина со статьями „Вѣстника Металлиста". Вспомнимъ также, что тов. Ленинъ приводитъ идеологію союза металлистовъ (т. е. руководителей), какъ образецъ пролетарской идеологіи. Тогда станетъ понятно, что совпаденіе здѣсь отнюдь не случайно. Налицо формирующееся „теченіе", имѣющее опору и въ рабочихъ массахъ.

Разберемъ теперь вышеприведенныя положенія съ ихъ логической стороны. Изъ нихъ видно, что „государственный капитализмъ" т. Ленина совпадаетъ съ „развернутымъ капитализмомъ" „Вѣстника". Анализъ этого понятія и долженъ быть предпринятъ въ первую голову.

Что такое государственный капитализмъ? Если разсматривать дѣло съ точки зрѣнія **производственно-технической**, то здѣсь мы имѣемъ государственно-урегулированное производство, уничтоженіе производственной анархіи, уничтоженіе вольнаго рынка, „учетъ и контроль" со стороны государственныхъ органовъ. Тутъ мы находимъ организацію производства и соотвѣтствующую организацію распредѣленія. Не только общія условія производственнаго процесса, но и детали техническаго распорядка продуманно вставлены въ рамки общаго организаціоннаго плана.

Съ точки зрѣнія **соціально-экономической** такая характеристика, какая дана была выше, отнюдь не достаточна. Тутъ требуется анализъ отношеній **между людьми**, которыя складываются въ производственномъ процессѣ. Государственный капитализмъ („развернутый капитализмъ") есть одинъ изъ видовъ капитализма, есть опредѣленная форма **власти капитала**. Тутъ, слѣдовательно, нѣтъ и рѣчи о **принципіальномъ** измѣненіи „экономической структуры". Основнымъ производственнымъ отношеніемъ капиталистическаго строя является отношеніе между капиталистомъ, владѣющимъ средствами производства, и рабочимъ, продающимъ капиталисту свою рабочую силу. При **финансовомъ** капитализмѣ это отношеніе сохраняется, при чемъ отличіе отъ промышленнаго капитализма состоитъ въ томъ, что на мѣсто индивидуальной собственности каждаго капиталиста выступаетъ коллективно-организованная собственность класса капиталистовъ на средства производства. **Государственный** капитализмъ есть завершеніе капитализма финансоваго. Опять-таки основное отношеніе—власть капитала надъ рабочимъ классомъ—сохраняется и здѣсь. Отличіе отъ финансоваго капитализма въ томъ, что вмѣсто ряда буржуазныхъ организацій, въ рукахъ кото-

рыхъ было сосредоточено производство (частные синдикаты, тресты, картели, союзы „работодателей“ и т. д.), выступаетъ единая организація буржуазіи—буржуазное, финансово-капиталистическое, имперіалистское государство.

Если взять теперь характеристику государственно-капиталистическаго строя съ точки зрѣнія **соотношенія соціальныхъ силъ**, то государственный капитализмъ есть потенцированная (возведенная въ степень) власть буржуазіи. Здѣсь господство капитала достигаетъ своей высочайшей силы, чудовищной величины, которая сокрушаетъ всѣхъ своихъ враговъ, въ первую голову пролетаріатъ, закрѣпощаемый разбойничьему государству.

Наконецъ, если разсматривать дѣло съ точки зрѣнія **отношенія между странами**, то государственный капитализмъ означаетъ обостреніе капиталистической конкуренціи, хозяйственную подготовку къ слѣдующимъ грабительскимъ войнамъ („милитаризація хозяйства“), гигантскій скачокъ вверхъ протекціонизма, милитаризма и маринизма, ростъ военной опасности.

Разсмотримъ теперь государственный капитализмъ **по отношенію къ соціализму**. Соціалъ-патріоты всѣхъ калибровъ объявляли государственный капитализмъ какъ своего рода соціализмъ. Извѣстный нѣмецкій ревизіонистъ Эдмундъ Фишеръ находилъ въ свое время столько видовъ соціализма, сколько монополій вводило прусское или баварское королевство: проектируется государственная монополія на электрическую энергію—вотъ вамъ электрическій соціализмъ; вводится монополія на двигательную силу воды—вотъ вамъ водяной соціализмъ и т. д. Съ объявленіемъ войны и милитаризаціей промышленности, т.-е. съ ростомъ государственно-капиталистическихъ отношеній, соціалъ-патріоты прямо заявляли, что поддерживать теперешнее государство нужно какъ разъ потому, что буржуазное государство перерождается во внѣклассовое, „государственно-соціалистическое“ государство.

Нетрудно видѣть послѣ всего вышесказаннаго, что такая характеристика государственнаго капитализма есть кроваваа насмѣшка надъ рабочимъ классомъ. Ибо государственный капитализмъ есть громадное усиленіе власти капитала и милитаристской клики при нещаднѣйшей эксплоатаціи рабочаго класса. Это есть скорѣе рабовладѣльческое хозяйство, чѣмъ соціализмъ. И для реализаціи соціализма нужно прежде всего разрушеніе этого чудовищнаго аппарата насилія и угнетенія.

Вотъ почему крайнее лѣвое крыло Циммервальдскаго интернаціонала выдвигало въ качествѣ основного лозунга эпохи лозунгъ: „Противъ государственнаго капитализма“ („Gegen den Staatskapitalismus“). Вотъ почему это крыло отказывалось поддерживать всякія мѣры, способствовавшія росту государственнаго капитализма (даже такія, какъ, напр., таможенное объединеніе Австро-Венгріи съ Германіей).

Критеріемъ тактики здѣсь не была и не могла быть техническая прогрессивность данной формы. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что, съ точки зрѣнія дальнѣйшей централизаціи и концентраціи капитала, государственный капитализмъ есть шагъ впередъ. Но такова ужъ противорѣчивость капиталистическаго развитія. Этотъ „шагъ впередъ“ въ то же время означаетъ ростъ милитаризма, военной опасности, угнетенія рабочаго класса, растущей угрозы соціалистической революціи, т.-е. въ суммѣ ростъ опасности колоссальнаго и варварскаго истребленія производительныхъ силъ человѣческаго общества. Теперешняя эпоха ставитъ поэтому передъ рабочимъ классомъ не задачу поддержки государственнаго капитализма, а задачу его разрушенія. Имперіализмъ, милитаризмъ, государственный капитализмъ—эта пресвятая троица капиталистическаго варварства должна быть взорвана пролетаріатомъ на воздухъ.

И наша партія совершенно правильно опѣнивала суть
(1) дѣла. Припомнимъ полемику между „Новой Жизнью“ и
органами нашей прессы. Въ то время, когда „Новая
(2) Жизнь“ въ лицѣ Базаровыхъ, Авиловыхъ и т. д. выставляла лозунгъ государственнаго контроля, мы выставляли лозунгъ рабочаго контроля снизу. Это мы дѣлали вовсе не потому, что мы были противниками одного центральнаго плана и общей организаціи не только снизу, но и сверху. Мы вели полемику съ той точки зрѣнія, что, поскольку власть находится въ рукахъ имперіалистской буржуазіи, постольку государственный контроль, государственное регулированіе и т. д. означаетъ ростъ государственнаго капитализма и милитаризма, ростъ, неизбѣжно сопровождающійся закабаленіемъ и закрѣпощеніемъ рабочаго класса. Мы тогда отнюдь не раздѣляли теперешней мысли тов. Ленина, что „даже при Керенскомъ государственный капитализмъ былъ бы крупнымъ шагомъ впередъ.“ Намъ было ясно, что финансовый капиталъ, прекрасно „использовавшій“ мелкобуржуазныхъ вождей, нашелъ бы себѣ добавочную точку опоры какъ разъ тогда, когда изъ-подъ его ногъ необходимо было выбить всякую опору.

Но то, что когда-то было такъ ясно, становится неяснымъ для многихъ теперь. Когда т. Бояркoвъ пишетъ: „Не соціализмъ и не чистый буржуазный строй призваны мы (т.-е. рабочій классъ. Н. Б.) водворять въ Россіи", и когда оказывается, что этимъ строемъ долженъ быть „развернутый капитализмъ", то въ этой, поистинѣ классической, фразѣ концентрируется вся бездна путаницы, противорѣчій и самаго отчаяннаго оппортунизма, которая разбросана по частямъ въ обрывкахъ рѣчей и заявленій многихъ изъ нашихъ товарищей.

Въ самомъ дѣлѣ, здѣсь „развернутый капитализмъ" представляется какимъ-то переходнымъ, промежуточнымъ строемъ, лежащимъ между капитализмомъ и соціализмомъ. И т. Бояркoвъ въ душевной наивности своей говоритъ, что капитализмъ, да еще „развернутый"—не есть чисто-буржуазный строй! Смѣемъ увѣрить тов. Бояркова, что государственный капитализмъ—это буржуазный строй самой бѣлоснѣжной буржуазной чистоты, такъ какъ ни при какой формулировкѣ капитализма мощь капиталистическихъ организацій не доведена до такой колоссальной степени напряженія, чѣмъ здѣсь. И вотъ этотъ строй „Вѣстникъ Металлиста" предлагаетъ рабочимъ „водворять въ Россіи"! Нечего сказать, хорошая задача для соціалистовъ-рабочихъ! До сихъ поръ марксисты всегда съ презрѣніемъ отворачивались отъ народниковъ, приглашавшихъ ихъ „сдѣлать выводы": самимъ открывать кабаки и „насаждать капитализмъ". Марксисты полагали, что ихъ задача не въ „насажденіи" капитала, а въ организаціи могильщиковъ капитала. Теперь, оказывается, то, прежнее, мнѣніе устарѣло: мы осуществляемъ народническую карикатуру; что теперь мы не „насаждаемъ", а „водворяемъ",—утѣшеніе не изъ крупныхъ.

II.

Да не подумаетъ, однако, читатель, что и товарищи-металлисты, и тов. Ленинъ съ мѣста въ карьеръ готовятся строить на самомъ дѣлѣ тѣ же самыя производственныя отношенія, какія насаждаются Ллойдъ-Джорджами, Гельферихами, Ратенау и другими олигархами Европы и Америки. Было бы поистинѣ ужасно, если бы послѣ кровавой борьбы съ имперіалистской буржуазіей и ея агентами побѣдившій пролетаріатъ своими руками понастроилъ бы государственно-капиталистическій укладъ русской „общественности"... И, дѣйствительно, если приглядѣться къ формулировкамъ, которыя даются и т. Ленинымъ, и „высококвалифицированными рабочими" изъ „Вѣстника Металлиста", то можно безъ

труда увидѣть, что товарищи бросаются словами, не совсѣмъ понимая ихъ значеніе. Такъ, тов. Ленинъ говоритъ о „государственномъ капитализмѣ **въ условіяхъ пролетарской диктатуры**“, а цитированный авторъ изъ „Вѣстника“, не подозрѣвая ничего, говоритъ о построеніи капитализма (!) „**безъ предпринимателей**“(!!). Одно стоитъ другого. Государственный капитализмъ **при пролетарской** диктатурѣ—это безсмыслица, сапоги всмятку. Ибо государственный капитализмъ предполагаетъ **диктатуру финансоваго капитала**, это есть передача производства диктаторски организованному имперіалистскому государству. Точно такимъ же вздоромъ является государственный **капитализмъ** безъ **капиталистовъ**. „Некапиталистическій капитализмъ“—вѣдь, это верхъ путаницы, до которой можно дойти.

Отсюда видно, что товарищи смѣшиваютъ государственный капитализмъ съ регулированіемъ промышленности соціалистическимъ, пролетарскимъ (или пролетарско-крестьянскимъ) государствомъ. Государственное регулированіе можетъ принимать двѣ **противоположныя** по своему смыслу и соціальному значенію формы: соціализма и государственнаго капитализма, и это разное значеніе зависитъ цѣликомъ отъ того, **какой классъ стоитъ у власти.**

Но нѣтъ дыма безъ огня. И въ дѣйствительности рѣчь здѣсь идетъ не только о спутанныхъ словесныхъ обозначеніяхъ, и споръ, къ сожалѣнію, не есть только терминологическій споръ. Господство каждаго класса и его власть должна разсматриваться не статически, а динамически, въ движеніи, въ развитіи или упадкѣ. Вотъ съ этой-то точки зрѣнія и нужно разсмотрѣть создающееся положеніе.

Реальная власть класса складывается изъ двухъ элементовъ: изъ его политической власти и изъ его власти въ сферѣ экономической, при чемъ рѣшающимъ обстоятельствомъ, **въ конечномъ счетѣ**, является степень достигнутаго вліянія въ производствѣ. Съ этой точки зрѣнія вполнѣ понятно, что пролетарско-крестьянская диктатура, не влекущая за собой экспропріаціи экспропріаторовъ и не устраняющая власти капитала на фабрикахъ и заводахъ, могла бы быть лишь временнымъ явленіемъ; она неизбѣжно уступила бы мѣсто буржуазному политическому режиму, а ея историческій смыслъ заключался бы лишь въ искорененіи остатковъ феодализма. Такъ именно ставили мы вопросъ въ эпоху **прошлой** революціи 1905—7 г.г., когда на очереди была не соціалистическая, а буржуазно-демократическая революція. „Диктатура пролетаріата и крестьянства“ разсматривалась нами, какъ желѣзная метла исторіи, вы-

метающая феодальный мусоръ и расчищающая объективно дорогу быстрому развитію капиталистическихъ отношеній.

Вотъ этотъ вопросъ стоитъ и сейчасъ. Можетъ создаться извѣстное несоотвѣтствіе между экономическимъ и политическимъ режимомъ, при чемъ давленіе „экономики“ будетъ способствовать перерожденію „политики“. Представимъ себѣ дѣло конкретно: предположимъ, что совѣтская власть (диктатура пролетаріата, поддержаннаго крестьянской бѣднотой), организуя **номинально**, на словахъ государственное регулированіе, **фактически** передаетъ дѣло управленія „организаторамъ трестовъ“. Что получается тогда? Въ **экономикѣ** растетъ и укрѣпляется реальная власть капитала. А политическая оболочка либо мало-по-малу перерождается до неузнаваемости, либо на извѣстномъ пунктѣ „лопается“, потому что **длительно** „командная власть“ капитала въ экономикѣ несовмѣстима съ „командной властью“ пролетаріата въ политикѣ.

Такая ситуація, такое положеніе вещей намѣчается у насъ сейчасъ. Если бы тенденціи къ соглашенію съ капиталомъ получили рѣшительный перевѣсъ (чего еще, къ счастью, нѣтъ), тогда бы создалась постепенно крѣпкая командная власть капиталистовъ въ экономикѣ, которая рано или поздно спихнула бы совсѣмъ неподходящую для нея политическую надстройку. Тутъ мы получаемъ уже зрѣлый **государственный капитализмъ**, политическую диктатуру капитала, вылупившуюся изъ яйца экономической командной власти „организаторовъ трестовъ“. Эта опасность и есть та реальная внутренняя опасность, о которой говорили мы въ тезисахъ нашей редакціи. Внѣшне она проявляется у совѣтской власти — въ курсѣ Гуковскаго, въ переговорахъ съ Мещерскимъ (къ счастью, кончившихся ничѣмъ) и т. д.; у товарищей изъ „Вѣстника Металлиста“ — въ оріентаціи на иностранный капиталъ, съ которымъ они хотятъ насаждать государственный капитализмъ. Къ сожалѣнію, товарищи позабываютъ, что вмѣстѣ съ ростомъ государственно-капиталистическаго тѣла отлетаетъ душа пролетарской диктатуры.

III.

Отсутствіе ясности въ постановкѣ основного вопроса — о государственномъ капитализмѣ — влечетъ за собой и цѣлый рядъ неясностей и ошибокъ во всѣхъ почти вопросахъ, связанныхъ съ государственнымъ регулированіемъ производства. Мы отмѣтимъ здѣсь вопросъ **о трудовой повинности** и **о трудовой дисциплинѣ**.

Послѣ даннаго выше анализа видно, что эти понятія могутъ имѣть два въ корнѣ различныхъ и противоположныхъ значенія.

Трудовая повинность есть товарищеская повинность при соціалистической диктатурѣ. Она есть закрѣпощеніе и полное закабаленіе рабочаго класса при государственномъ капитализмѣ.

Трудовая дисциплина есть товарищеская дисциплина при соціалистической диктатурѣ. Но она является казармой, духовнымъ убійствомъ, каторгой при государственномъ капитализмѣ. Поскольку же можетъ имѣться тенденція къ государственному капитализму, постольку будетъ имѣться и превращеніе перваго значенія этихъ категорій во второе значеніе. И это обстоятельство неизбѣжно будетъ отталкивать рабочій классъ отъ партіи, которая ведетъ массы къ государственному капитализму.

Товарищъ Ленинъ, полемизируя съ лѣвыми коммунистами, центръ тяжести вопроса переноситъ на то якобы существующее обстоятельство, что лѣвые коммунисты не понимаютъ переломнаго характера данной фазы революціи, которая ставитъ пролетаріатъ передъ необходимостью дѣловой повседневной работы. Но необходимость такой работы со всѣми вытекающими отсюда послѣдствіями мы признаемъ цѣликомъ. Дѣйствительныя разногласія идутъ по другой линіи—по линіи водораздѣла между государственнымъ капитализмомъ и соціалистическимъ государствомъ-коммуной. Нетрудно было бы показать, что теперешняя концепція отмѣны коллетіальнаго начала, основанная на недовѣріи къ силамъ рабочихъ организацій, въ корнѣ противорѣчитъ когда-то прекрасно формулированному лозунгу тов. Ленина:
(1) „научить каждую кухарку управлять государствомъ“. Нетрудно было бы показать также, что „организаторы трестовъ“ (не технической персоналъ, а капиталисты, привлекаемые, какъ таковые) не соотвѣтствуютъ ни въ малѣйшей степени тѣмъ воспитывающимъ активность пролетаріата лозунгамъ, которые выдвигались ранѣе. Но все это выходитъ изъ рамокъ данной статьи.

Вернемся къ дальнѣйшему анализу „основныхъ понятій современной экономики“. Мнѣ кажется, что изрядную долю вины въ путаницѣ понятій несетъ чрезвычайно обычное въ наше время слово: „національзація“.

Національзація есть огосударствленіе. Но есть [illegible] государствленіе и огосударствленіе, ибо соціальный смыслъ государства зависитъ отъ класса, который организованъ въ государственной организаціи. „Національзація“ есть понятіе съ извѣстной точки зрѣнія формальное, потому что оно ровно ничего не говоритъ о соціальномъ [illegible]

жаніи огосударствленія. Когда американскій капиталъ передаетъ желѣзныя дороги въ руки своего разбойничьяго государства—это есть націонализація. Когда прусское государство объявляетъ государственную монополію въ области производства электрической энергіи—это есть націонализація. Но націонализаціей является и передача сахарной промышленности въ руки рабоче-крестьянскаго государства при полной изоляціи промышленниковъ. Ясно, что въ первыхъ двухъ случаяхъ нѣтъ никакой „экспропріаціи экспропріаторовъ"; они просто на-просто перекладываютъ машину эксплоатаціи изъ одной своей руки въ другую, передаютъ ее изъ рукъ своихъ синдикатовъ въ руки своего же государства. Въ третьемъ случаѣ такая экспропріація имѣется налицо.

Ясно, что при соціалистической диктатурѣ полная націонализація есть соціализація, есть переходъ данной производственной отрасли въ руки соціалистической власти.

Слово „соціализація" испорчено нѣсколько эсъ-эрами, (1)
которые внесли сюда специфическія ноты (уравнительные надѣлы, трудовыя нормы и т. д.). Но это нисколько не мѣшаетъ давать такое обозначеніе націонализаціи при режимѣ пролетарской диктатуры.

Отъ соціализаціи нужно отличать захватъ рабочими отдѣльныхъ предпріятій въ свои собственныя руки, въ руки рабочихъ даннаго предпріятія. При восходящей линіи революціи такой захватъ неизбѣжно превращается въ соціализацію; при гніеніи революціи дѣло либо замираетъ (рабочіе „не могутъ справиться"), либо настаетъ „реставрація", либо (что мало вѣроятно) удержавшіеся рабочіе становится „артелью", которая должна превратиться, какъ большинство производительныхъ товариществъ, въ капиталистическое предпріятіе.

Соціализація производства есть антитеза государственнаго капитализма. Она есть переходная ступень къ соціализму и коммунизму, гдѣ отомретъ за ненадобностью диктатура пролетаріата и классы растворятся въ единомъ и гармонично построенномъ безгосударственномъ коммунистическомъ обществѣ.

Нашъ лозунгъ, лозунгъ коммунистической партіи, это не лозунгъ государственнаго капитализма, а лозунгъ: „Черезъ соціализацію производства къ соціализму!"

Н. Бухаринъ.

Объ организаціонныхъ путяхъ соціалистическаго строительства хозяйственной жизни.

(1) Въ хозяйственной жизни Россіи крупная промышленность*) играла роль, непропорціональную количеству занятого въ ней населенія. Именно это обстоятельство позволило русскому пролетаріату занять руководящее положеніе въ политической жизни страны и стать гегемономъ въ русскомъ революціонномъ движеніи. Иными словами — основой политическаго вліянія пролетаріата являлось достаточно далеко зашедшее развитіе капитализма въ Россіи; въ Россіи и въ Европѣ вообще, такъ какъ именно долгая исторія капитализма, а, значитъ, и рабочаго движенія сдѣлали въ Россіи, стоявшей на порогѣ своей буржуазной революціи, невозможнымъ созданіе революціонной буржуазной партіи.

Міровая война въ необычайной мѣрѣ увеличила значеніе крупной промышленности, стало быть, и пролетаріата; она сдѣлала невѣроятно разбухшую военную промышленность основной, по отношенію къ которой всѣ другіе виды промышленности стали придаткомъ, и сконцентрировала ее почти цѣликомъ въ Петербургѣ.

Налицо были всѣ условія для политическаго переворота — и захватъ центральной власти произошелъ: весь аппаратъ ея сразу оказался въ рукахъ пролетаріата.

Успѣхъ октябрьской революціи былъ обусловленъ соотношеніемъ силъ противниковъ: значитъ, не только силой пролетаріата, но и слабостью буржуазіи, которой исторія Запада не позволила въ моментъ революціи выдвинуть собственную революціонную партію.

Совсѣмъ иначе сложились условія для переворота экономическаго. Пролетарскіе профессіональные союзы переживали свое младенчество, учась самостоятельно ходить; ихъ знакомство съ технической, экономической, а тѣмъ болѣе финансовой организаціей предпріятій было ничтожно. Грандіозный политическій подъемъ пролетарскихъ массъ происходилъ на фонѣ колоссальнаго экономическаго упадка, разрухи, вызванной міровой войной, углубленной революціей и доведенной до пароксизма политикой соглашательской власти, по природѣ своей неспособной принять дѣйствительныя мѣры противъ разрухи, непрерывно усиливаемой безпрепятственнымъ саботажемъ капиталистической буржуазіи.

*) Какъ извѣстно, размѣры гигантскихъ предпріятій и ихъ процентъ по отношенію къ общему числу предпріятій русской промышленности особенно велики.

Неизбѣжное послѣдствіе политическаго переворота — ломка стараго аппарата политическаго господства — не представляла сама по себѣ ничего опаснаго для новой власти, т. к. уничтожала по существу лишь аппаратъ угнетенія; этотъ аппаратъ могъ быть въ сравнительно быстрый срокъ замѣненъ новымъ, уже сложившимся (въ лицѣ совдеповъ) подъ скорлупой соглашательства и не разъ разминавшимъ свои богатырскіе мускулы въ этотъ утробный періодъ своей жизни.

Неизбѣжное послѣдствіе экономическаго переворота — ломка стараго экономическаго аппарата — грозила остановкой всей хозяйственной жизни страны; новаго аппарата, который могъ бы замѣнить старый, въ готовомъ видѣ не было.

Правда, политическій переворотъ создавалъ условія для побѣды переворота экономическаго: положивъ конецъ войнѣ, онъ прекращалъ чудовищно-губительную непроизводительную растрату силъ; перемѣстивъ политическую власть въ руки пролетаріата, онъ отдавалъ ему и власть надъ хозяйственной жизнью, возможность принять нужныя рѣшительныя мѣры. Но это вліяніе политическаго переворота могло проявиться не сразу, — первое время могли быть замѣтны лишь проявленія разрушительныхъ силъ.

Однако, овладѣвъ политической властью, пролетаріатъ и его партія **не могли** отказаться отъ переворота экономическаго. Политическая власть есть по существу лишь средство закрѣпить экономическое господство надъ классовымъ противникомъ. Партія, которая совершила бы политическій переворотъ во имя пролетаріата и отказалась бы отъ переворота экономическаго, тѣмъ самымъ разоблачила бы себя, какъ партія антипролетарская.

Захватъ центральнаго аппарата политической власти былъ **послѣднимъ словомъ** политическаго переворота, подготовленнаго мѣсяцами повсемѣстной организаціи пролетаріата въ совдены. Захватъ центральнаго аппарата экономической власти (банковъ) былъ **первымъ словомъ** экономическаго переворота. И въ этомъ его особенная трудность.

I.

Вопросъ, вставшій сейчасъ же послѣ захвата банковъ, гласитъ: Что же дальше? Каковы должны быть **переходныя** организаціонныя формы, которыя могли бы послужить мостомъ къ полному осуществленію соціализма?

Основная линія развитія была дана націонализаціей банковъ. Въ эпоху имперіализма, т. е. господства финансоваго капитала, банки связаны съ промышленностью

не менѣе тѣсно, чѣмъ душа съ тѣломъ. Націонализація банковъ означала—и это было ясно для всѣхъ—либо націонализацію промышленности, либо денаціонализацію банковъ.

Но если содержаніе экономическаго переворота послѣ націонализаціи банковъ не вызывало по существу сомнѣній, то конкретныя организаціонныя формы, въ которыхъ будетъ протекать этотъ переворотъ, оставались и остаются въ достаточной степени неясными, какъ бы въ предразсвѣтномъ туманѣ. Несомнѣнно одно: все дѣло въ отысканіи переходныхъ организаціонныхъ формъ. О немедленной націонализаціи всей промышленности*), стало быть, и громадной массы мелкихъ предпріятій, другими словами о простомъ декретированіи отмѣны частной собственности на орудія производства, не могло и не можетъ быть и рѣчи. Пролетаріатъ, завоевавшій политическую власть въ экономически отсталой Россіи, при всемъ желаніи не въ состояніи единымъ махомъ дѣйствительно овладѣть всей хозяйственной жизнью страны,—это овладѣніе можетъ быть осуществлено лишь въ результатѣ организованныхъ усилій массъ черезъ переходныя организаціонныя формы. Но съ другой стороны пролетаріатъ не въ состояніи не приняться за овладѣніе хозяйственной жизнью, ибо отказъ отъ него былъ бы отказомъ отъ революціи, которую пролетаріатъ не только хочетъ, но и вынужденъ развивать. Логика же революціи съ желѣзной необходимостью требуетъ отъ пролетаріата умѣнія найти переходныя организаціонныя формы овладѣнія хозяйственной жизнью.

Попытка разрѣшить эту проблемму введеніемъ рабочаго контроля не могла не оказаться неудачной, ибо была внутренне несостоятельной: она пыталась лишь измѣнить функціи существующихъ рабочихъ организацій, не создавая новыхъ организаціонныхъ формъ, которыхъ властно требуетъ жизнь; и уже въ силу своей половинчатости рабочій контроль оказался неудачнымъ рабочимъ управленіемъ.

Рабочій контроль былъ проявленіемъ здороваго пролетарскаго стремленія взнуздать капиталистовъ, до тѣхъ поръ безконтрольно хозяйничавшихъ въ „своихъ“ предпріятіяхъ. Но формы, въ которыхъ это стремленіе

*) Само собой разумѣется, націонализація тяжелой индустріи является неизбѣжнымъ выводомъ изъ націонализаціи банковъ; ея оттягиваніе—торкозъ для революціи, а во время революціи болѣе, чѣмъ когда бы то ни было, «замедленіе смерти подобно». Финансовый капиталъ долженъ быть выбитъ изъ своей цитадели—тяжелой индустріи.

должно было осуществляться, нужно признать ублюдочными; основная мысль, руководившая созданіемъ этихъ формъ, была и внутренне несостоятельна, и внутренне—гнила. Внутренне несостоятельной была идея сначала научиться у своего классоваго противника искусству вести предпріятіе во всѣхъ его частяхъ, технической, административной, коммерческой, контролируя всѣ его дѣйствія и, слѣдовательно, наблюдая всѣ его повадки; эта утопія забывала объ одномъ фактѣ, безъ котораго не появился бы на свѣтъ божій и самый рабочій контроль,—о диктатурѣ пролетаріата; но буржуазія запомнила этотъ основной фактъ и, саботируя нормальный ходъ производства, вынуждала рабочіе органы сдѣлать слѣдующій шагъ отъ наблюдательнаго контроля къ вмѣшательству въ управленіе тамъ, гдѣ ей удавалось, обезличить органы рабочаго контроля, превративъ ихъ въ орудія для своихъ цѣлей. Внутренне гнилой была боязнь перейти завѣтную черту, безъ всякаго опыта въ веденіи предпріятія перенять на себѣ общественно-полезныя функціи капиталиста, его техническія и коммерческо-организаторскія функціи. „Рабочій контроль, но не рабочее управленіе“, говорила эта боязнь. (1)
„Назвался груздемъ, полѣзай въ кузовъ“, отвѣчала жизнь, не признававшая „табу“ *) за управленіемъ предпріятіями. (2)

Но, кромѣ всего, рабочій контроль былъ мимо цѣли. При отсутствіи какого бы то ни было опыта и достаточныхъ предварительныхъ знаній въ дѣлѣ управленія предпріятіями, приступить къ этому дѣлу съ шансами на успѣхъ можно было, лишь стягивая въ каждой отрасли въ одно мѣсто всѣ силы, бывшія въ распоряженіи пролетаріата, т.-е. это дѣло нужно было организовать въ центрѣ, а не предоставить отдѣльныя предпріятія своимъ собственнымъ силамъ. Между тѣмъ попытки перейти къ рабочему управленію возникали какъ-разъ тамъ, гдѣ органы рабочаго контроля, не давшіе себя обезличить, принуждены были реагировать на саботажъ переходомъ границъ контроля и захватомъ области управленія; эти локализованныя и потому безпомощныя попытки были осуждены въ общемъ на полную неудачу, вызывая большей частью лишь дезорганизацію предпріятія.

II.

Центральный органъ Рабочаго Контроля, составившій остовъ Высшаго Совѣта Народнаго Хозяйства, сталъ центромъ экономической организаціи захватившаго

*) Запрета.

власть пролетаріата, сталъ органомъ пролетарскаго экономическаго переворота. Какъ и многіе мѣстные органы рабочаго контроля, онъ не могъ ограничиться и не ограничивался контролемъ; болѣе того, онъ вовсе не занимался контролемъ, онъ, какъ умѣлъ, осуществлялъ и расширялъ экономическій переворотъ.

Но онъ висѣлъ въ воздухѣ. И находясь въ этомъ неудобномъ положеніи, онъ судорожно пытался нащупать почву. Въ одномъ направленіи попытки эти оказались неизненными. Это попытки опереться на районныя организаціи—районные Совѣты Народнаго Хозяйства. Въ основѣ этихъ попытокъ лежитъ перенесеніе обычной организаціонной схемы, заимствованной изъ области политической, профессіональной и др. организацій, въ область организаціи хозяйственной жизни.

Но какъ-разъ хозяйственная жизнь не допускаетъ дѣленія всеобщей экономической организаціи страны на районы. Можно ли, чтобы привести пару примѣровъ изъ массы напрашивающихся, два самарскихъ сахарныхъ завода отнести къ волжскому району, а остальные четыре десятка курскихъ, орловскихъ, воронежскихъ
(1) и др. къ центральному? или „Треугольникъ“ къ сѣверному, а „Проводникъ“ и двѣ остальныхъ резиновыхъ фабрики къ центральному? и какъ быть съ [illegible] связанныхъ другъ съ другомъ предпріятій по [illegible] рѣчнымъ путямъ, не говоря уже о пароходствахъ средствахъ транспорта вообще? Административныя [illegible] ленія, завѣщанныя царизмомъ (а ими приходится пока что пользоваться), мало и плохо считались съ хозяйственной жизнью; а хозяйственная жизнь уже вовсе не считается съ административнымъ дѣленіемъ на районы: чуть не каждая отрасль хозяйственной жизни требуетъ распредѣленія по иной межѣ; и провести общую межу хозяйственной жизни, не уродуя отдѣльныхъ (часто многихъ и важныхъ) отраслей ея, нѣтъ абсолютно никакой возможности.

Вызванная войной разруха привела ко все растущему распаду хозяйственныхъ связей, къ распаденію хозяйственнаго организма страны на отдѣльные районы. Гражданская война, брестскій миръ, отрѣзавшій „самостійную“ Украину отъ остальной, до сихъ поръ тѣсно съ нею связанной Россіи, необычайно усилили эти явленія распада; катастрофическое состояніе транспорта грозитъ этотъ распадъ хозяйственныхъ связей „консервировать“. При такихъ условіяхъ принципъ общехозяйственнаго раздѣленія на районы въ примѣненіи къ областямъ отдаленныхъ (Сибирь, Туркестанъ) является неизбѣжнымъ **зломъ**. Не слѣдуетъ, однако, забывать, что

этимъ дѣлается уступка деградаціи, между тѣмъ, какъ задача пролетаріата итти не назадъ, а впередъ къ укрѣпленію созданныхъ капитализмомъ и отчасти разрушенныхъ войной хозяйственныхъ связей, не къ децентрализаціи, а къ сугубо централизованому объединенію хозяйственной жизни. И хозяйственная политика пролетаріата можетъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ отстаивать общіе областные центры хозяйственной жизни, какъ узлы хозяйственныхъ связей, которые она желаетъ предохранить отъ глубже идущаго распада для того, чтобы затѣмъ какъ можно скорѣе слить ихъ вновь въ общій центръ.

Но если хозяйственная жизнь въ цѣломъ не допускаетъ дѣленія на районы, то существованіе районовъ отдѣльныхъ отраслей ея неспоримо. Въ тѣхъ случаяхъ, когда эта отрасль играетъ въ хозяйственной жизни очень важную роль (напр., металлургія, каменноугольное дѣло) или когда районы нѣсколькихъ такихъ отраслей въ общемъ совпадаютъ, создается база для въ общемъ вполнѣ жизнеспособнаго районнаго общехозяйственной организаціи. Изъ того, однако, не слѣдуетъ, что, превращая естественный районъ одной или двухъ важныхъ отраслей хозяйства въ общехозяйственный районъ, тѣмъ самымъ не уродуютъ остальныхъ отраслей хозяйства, наоборотъ: естественное ложе для одной—двухъ отраслей превращается въ прокрустово ложе для большинства остальныхъ

Жизнеспособные районные Совѣты Народнаго Хозяйства являются дѣйствительно районами опредѣленныхъ производствъ; большей частью одного (Уралъ) или двухъ (Донецкій бассейнъ).

III.

Капитализмъ превращаетъ хозяйство всякой страны, гдѣ онъ прочно водворился, въ организмъ. А любой организмъ обладаетъ, какъ извѣстно, свойствомъ недѣлимости. Поэтому всякое расчлененіе хозяйственной жизни вынуждено не считаться съ нѣкоторыми ея связями. Но, разумѣется, различія въ цѣлесообразности разныхъ способовъ расчлененія хозяйственнаго организма страны этимъ вовсе не устраняются.

Расчлененіе всей хозяйственной организаціи въ цѣломъ на районы не считается съ основнымъ фактомъ несовпаденія районовъ различныхъ производствъ, противорѣчитъ основной централизующей тенденціи развитія хозяйственной жизни, связывающей воедино всю хозяйственную жизнь въ цѣломъ.

Соціалистическое строительство и въ области хозяйственной жизни опирается и продолжаетъ тенденціи не

до — капиталистическаго локализма, а послѣднихъ фазъ развитого капитализма. Капиталистическое хозяйство развивалось, какъ извѣстно, отъ конкуренціи къ монополіи, точнѣе отъ конкуренціи отдѣльныхъ предпринимателей къ конкуренціи предпринимательскихъ союзовъ —синдикатовъ и трестовъ, и далѣе къ конкуренціи еще болѣе крупныхъ объединеній финансоваго капитала. Для индивидуальнаго и коллективнаго предпринимателя прогрессивныя формы хозяйственной организаціи, какъ и хозяйственный и техническій прогрессъ вообще, являются однако только орудіемъ ожесточенной борьбы за прибыль,—эти хозяйственно-организаціонныя формы не проявляются поэтому въ синдикатахъ и трестахъ во вполнѣ чистомъ видѣ; тѣмъ не менѣе основные контуры новаго типа хозяйственной организаціи, осуществленнаго въ синдикатахъ и трестахъ, достаточно рельефны: **синдикаты и тресты являются объединеніями отдѣльныхъ отраслей хозяйственной жизни.**

Практика пролетарскаго экономическаго переворота въ Россіи повелительно предписываетъ тотъ же путь, карая неудачей за попытки отклоненія. Несмотря на свою экономическую отсталость Россія (отчасти благодаря подчеркнутому въ началѣ этой статьи относительному преобладанію крупныхъ предпріятій) насчитывала рядъ синдикатовъ и трестовъ, преимущественно въ тяжелой индустріи; эти синдикаты и тресты наряду съ объединеніями, созданными государственной властью въ интересахъ мобилизаціи промышленности для военныхъ
(1) нуждъ (напр., Кожевенный Комитетъ), и стали послѣ ихъ полнаго или частичнаго перерожденія, т. е. послѣ изгнанія предпринимателей или послѣ превращенія ихъ въ меньшинство правленія, центрами пролетарской организаціи соотвѣтствующихъ отраслей хозяйственной жизни. Интересно отмѣтить, что иниціатива подобнаго овладѣнія синдикатами и трестами принадлежала не только центральнымъ органамъ пролетарской диктатуры, но и (для производствъ второстепенныхъ) мѣстнымъ организаціямъ (такъ напр. надъ синдикатомъ крахмально-паточныхъ заводовъ „Вокпазъ“, т. е. Всероссійское О-во крахмально-паточныхъ заводчиковъ, былъ созданъ въ Москвѣ Совѣтъ, гдѣ правленіе Вокпаза составляетъ приблизительно $^1/_4$ всего состава).

Но и тамъ, гдѣ капитализмъ и милитаризмъ не успѣли создать производственныхъ объединеній, производственные центры возникали повсюду, гдѣ передъ пролетарской властью вставала задача организаціи опредѣленной отрасли хозяйственной жизни въ всероссійскомъ масштабѣ. Для разрѣшенія такой задачи необходимо было собрать представителей всѣхъ органи-

зацій и всѣ тѣ отдѣльныя силы, которыя могли и хотѣли поработать надъ ея разрѣшеніемъ: это собраніе, обсудивъ поставленную передъ нею задачу, обычно оказывалось и единственно компетентнымъ органомъ, который могъ либо взять на себя ея осуществленіе, либо создать для этой цѣли по тому же типу соотвѣтственную организацію. Такъ возникъ рядъ всероссійскихъ регулирующихъ центровъ отдѣльныхъ отраслей хозяйственной жизни.

Въ нихъ центральный экономическій органъ пролетаріата—Высшій Совѣтъ Народнаго Хозяйства—нащупываетъ, наконецъ, почву, вступая въ непосредственную связь съ испытанными экономическими организаціями пролетаріата, профессіональными союзами, представляющими—и это, разумѣется, не случайность—объединенія пролетаріевъ по отраслямъ хозяйственной жизни. Въ нихъ же Высшій Совѣтъ Народнаго Хозяйства имѣетъ возможность стянуть всѣ находящіяся въ его распоряженіи и примѣнимыя для данной отрасли хозяйства техническія и организаторскія силы, и слѣдовательно, наиболѣе экономно ихъ использовать, что особенно важно при остромъ недостаткѣ въ нихъ, неизбѣжномъ для пролетарской диктатуры да еще въ экономически отсталой Россіи.

Расчлененіе на районы должно было бы неизбѣжно привести къ распыленію этихъ силъ. Какъ и въ профессіональныхъ организаціяхъ пролетаріата, и въ хозяйственной организаціи страны районы могутъ существовать лишь какъ районы отдѣльныхъ отраслей хозяйственной жизни, да какъ общехозяйственныя организаціи служебнаго и контрольнаго типа.

Вообще же не головное дѣленіе на искусственные районы, но объединеніе частныхъ центровъ, регулирующихъ отдѣльныя производственныя отрасли народнаго хозяйства, вотъ путь для дѣйствительнаго осуществленія пролетарскаго экономическаго переворота. Въ этихъ регулирующихъ центрахъ центральный экономическій органъ пролетарской диктатуры, созданный сверху благодаря захвату политической власти, соприкасается и связывается, наконецъ, съ пролетаріатомъ въ лицѣ его профессіональныхъ организацій, и пролетаріатъ завоевавшій себѣ политическую власть, закрѣпляетъ при ея помощи свою соціальную революцію.

Л. Крицманъ.

Грядущій голодъ.

Міровая имперіалистская бойня привела не только къ гибели милліоновъ людей, но и къ жестокому матеріальному оскудѣнію. Производительныя силы воюющихъ народовъ настолько подорваны, что всему человѣчеству въ ближайшіе годы предстоитъ перенести тягчайшія испытанія. Однимъ изъ наиболѣе тяжелыхъ послѣдствій войны явится міровой голодъ, грозные признаки котораго вырисовываются съ полной ясностью.

По даннымъ Международнаго С.-Хоз. Института въ Римѣ*), охватывающимъ 20 крупнѣйшихъ государствъ міра, въ 1915/16 с.-хоз. году хлѣбная производительность ихъ упала по сравненію съ предыдущимъ пятилѣтіемъ на 14%. То же уменьшеніе вырисовывается, если мы возьмемъ данныя по пяти главнѣйшимъ хлѣбамъ (пшеница, рожь, овесъ, ячмень и кукуруза). Сборъ ихъ въ 15/16 г.г. ниже средняго за предшествовавшія пять лѣтъ приблизительно на 9%. Повсюду наблюдается сокращеніе посѣвной площади, причемъ, исключая изъ нашихъ наблюденій Россію, мы увидимъ, что наибольшее сокращеніе посѣвной площади падаетъ на Францію (на 36% для пшеницы по сравненію съ 1913 г.). Въ Англіи урожай пшеницы въ 16 году упалъ по сравненію съ 15 годомъ почти на $^1/_5$, или на 18%. Тѣ же тенденціи дѣйствовали и въ странахъ Австро-Германской коалиціи, въ которыхъ продовольственныя затрудненія дошли до крайней степени обострения.

По этимъ же даннымъ всѣмъ Европейскимъ странамъ въ кампанію 1917/18 года недоставало 160 милліоновъ квинталовъ, которые надо было ввезти изъ странъ внѣевропейскихъ.

Главными поставщиками хлѣба изъ этихъ послѣднихъ являются Соед. Штаты Америки и Аргентина. Но въ этихъ странахъ за годы войны урожайность сильно падаетъ: такъ, сборъ пшеницы въ 16 и 17 гг. меньше на 35% по сравненію съ 15 годомъ, а сообразно этому сокращенію падаетъ и вывозъ въ Европу. Такъ, за девять мѣсяцевъ (съ 1-го іюля по 1 апрѣля) 16/17 гг. было вывезено изъ Соед. Штатовъ въ Европу всего 146.851 тыс. бушелей противъ 187.112 тыс. въ 15/16 г. и противъ 269.545 за тѣ же мѣсяцы въ 14/15 г. Такимъ образомъ, за два года вывозъ упалъ на 122.694 тыс. (1) бушелей, или приблизительно на 80%! Тотъ же самый процессъ замѣчается въ вывозѣ хлѣба изъ Аргентины.

*) Данныя взяты изъ Экономическаго Обозрѣнія, составленнаго г. Г. Б. и помѣщеннаго въ № 3 журнала «Международная политика и міровое хозяйство».

Здѣсь въ началѣ хлѣбной кампаніи 16/17 гг. предполагалось къ вывозу до 11 милл. квартеровъ хлѣба, но въ концѣ-концовъ оказалось, что Аргентина можетъ отпустить въ Европу всего только 100 тыс. тоннъ!

Не можетъ выкинуть на Европейскіе рынки достаточнаго количества хлѣба и Россія, ибо никакихъ запасовъ его для вывоза не имѣется, а теперь, съ потерей юго-западныхъ и южныхъ хлѣбородныхъ губерній, недостатокъ хлѣба будетъ необычайно остро испытывать вся Европейская Россія.

На кровавомъ фонѣ четырехлѣтней имперіалистской войны во весь ростъ встаетъ страшный силуэтъ царя голода. Подъ грохотъ канонады, среди свистящихъ пуль и ядеръ, неслышными шагами прокрался онъ и заключилъ весь міръ въ свои желѣзныя объятія.

А. Л.

Совѣщаніе Украинскихъ коммунистовъ. (1)

19—20 апрѣля въ Таганрогѣ состоялось партійное совѣщаніе коммунистовъ-большевиковъ, членовъ центральнаго исполнительнаго комитета совѣтовъ Украины и работниковъ изъ оккупированныхъ и неоккупированныхъ мѣстностей Украины.

Въ совѣщаніи приняли участіе слѣдующіе товарищи: 1) Н. А. Скрыпникъ—Ц. И. К. Украины. 2) В. Н. Затонскій—Ц. И. К. Украины (Кіевъ). 3) Яковъ Мартьяновъ—Ц. И. К. Украины (Харьковъ), на 2-мъ засѣданіи отсутствовалъ. 4) Э. Квирингъ, 5) Б. Ройзейманъ, 6) Я. Эпштейнъ, 7) С. И. Гопнеръ, 8) М. Сегалъ, 9) Гельковъ, 10) Новиковъ, 11) Халявскій—всѣ восемь тов. отъ Екатеринославской организаціи, на 2-мъ засѣданіи отсутствовали. 12) Локоть—Ц. И. К. Украины. 13) Зельдичъ—Кіевская организація. 14) И. Куликъ—Ц. И. К. Украины (Кіевъ). 15) А. Шарый—Черкасскій комитетъ (Кіевск. губ.). 16) В. Я. Введенскій—Кіевская организація. 17) Я. Ц. Гамарникъ—Ц. И. К. Украины (Кіев.). 18) М. Медянскій—Кіевская организація. 19) В. Липшицъ—Херсонскій комитетъ. 20) Вайнманъ—П. И. К. Украины (Харьковъ). 21) Ю. М. Коцюбинскій—Ц. И. К. Украины (Черниговъ). 22) Спренженъ—Ц. И. К. Украины (Елисаветградъ). 23) Л. Сольповъ—Екатеринославская организація. 24) Маслюкъ—Кіевская организація. 25) П. Бѣлоусогъ—Кіевская организація. 26) Петръ Че-

ретаевъ—Ц. И. К. Украины. 27) К. Порицъ—Проскуровскій комитетъ (Подольск. губ.). 28) Куделя—Екатеринославская организація. 29) Райхштейнъ—Харьковская организація. 30) Эрдэ—Ц. И. К. Украины (Харьковъ). 31) Губенко—Екатеринославская организація. 32) Н. Тарногродскій—Ц. И. К. Украины (Винница, Под. губ.). 33) М. Серхъ—Кіевская организація. 34) Р. Серхъ—Кіевская организація. 35) Р. В. Гальперинъ—Ц. [redacted] Украины (Кіевъ). 36) Андреевъ—Хорольская организація (Полт. губ.). 37) Синяковъ—Ц. И. К. [redacted] (Вознесенскъ, Херс. губ.). 38) М. Семиковъ—Луганская районная организація. 39) Г. Михайловскій—Луганскъ. 40) Бѣлоцерковскій—Ц. И. К. Украины (Кіевъ). 41) К. Гресь—Ц. И. К. Украины (Екатеринославская губ.). 42) Г. Вороновъ—Варваропольская район. организація. 43) Р. Фарбманъ—Ц. И. К. Украины (Кіевъ). 44) Т. Эккертъ—Кіевская организація. 45) Смоляковъ—Горловско-Щербиновскій районъ (Донецк. бас.). 46) О. Вейландъ—Кіевская организація. 47) О. Бошъ—Кіевская организація. 48) Н. Н. Лебедевъ—Кіевская организація. 49) С. В. Коссіоръ—Ц. И. К. Украины. 50) А. С. Бубновъ—Ц. И. К. Украины. 51) М. В. Реутъ—Ц. И. К. Украины (Кіевъ). 52) Кокошко—Кіевская организація. 53) Покровскій—Кіевская организація. 54) Уманскій—Кіевская организація. 55) Лисовицкій—Кременчугская организація. 56) Георгій Лапчинскій—Ц. И. К. Украины (Кременчугъ). 57) Яковицкая — сотрудница Ц. И. К. 58) Шварцбургъ, 59) Андрущенко, 60) Остапенко, 61) Замерладскій, 62) М. Н. Скрыпникъ—всѣ пять отъ Елисаветградской организаціи. 63) Юлія Явяковская—сотрудница Ц. И. К. отъ Кіевской организаціи. 64) Карновскій—Харьковская организація. 65) Уфимовъ и 66) Денисовъ—отъ Екатеринославской организаціи. 67) Быкъ—Кіевская организація.

На первомъ засѣданіи предсѣтельствовалъ тов. Георгій Пятаковъ, на второмъ — тов. Николай Скрыпникъ. Секретаремъ былъ тов. Крейсбергъ (М. Исаковъ).

Совѣщаніе признало, что оно имѣетъ организаціонный характеръ; его рѣшенія не являются обязательными для организацій, но служатъ матеріаломъ при обсужденіи партійными организаціями организаціонныхъ и тактическихъ вопросовъ партійной работы на Украинѣ; задачей совѣщанія является также созданіе временнаго центра для подготовки съѣзда партійныхъ организацій коммунистовъ-большевиковъ Украины.

Большинствомъ 35 голосовъ противъ 21 при 1 воздержавшемся принято предложеніе образовать самостоятельную партію, имѣющую свой Центральный Комитетъ

и свои партійные съѣзды и связанную съ Россійской Коммунистической Партіей черезъ Международную Комиссію (III Интернационалъ).

34 голосами постановлено именовать партію „Коммунистической партіей (большевиковъ) Украины".

По вопросу о тактикѣ партіи на Украинѣ собранію были предложены тезисы представителями двухъ намѣтившихся точекъ зрѣнія: 1) тезисы тов. Скрыпника, получившіе 25 голосовъ и 2) тезисы тов. Бубнова, Пятакова, Кассіора, Исаакова и Коцюбинскаго—получившіе 23 голоса. Воздержалось отъ голосованія—2, уклонилось—3.

Тезисы, предложенные тов. Бубновымъ, Пятаковымъ, Кассіоромъ, Исааковымъ и Коцюбинскимъ (за эти тезисы голосовало 23 противъ 26).

1) Политическій режимъ, устанавливающійся на Украинѣ послѣ захвата ея территоріи вооруженными отрядами австро-германскаго имперіализма и Кіевской буржуазной рады, является режимомъ военной диктатуры. Эта диктатура полностью осуществляетъ владычество имперіализма центральныхъ государствъ Европы, при которомъ значеніе буржуазной рады не можетъ не быть второстепеннымъ, и вслѣдствіе чего роль ея въ этомъ имперіалистическомъ союзѣ является подчиненной по отношенію къ роли правительствъ центральныхъ державъ.

2) Германскій имперіализмъ, разгромившій въ данный моментъ военной силой совѣтскую власть на Украинѣ, не только возстановитъ всевластіе помѣщиковъ и капиталистовъ, не только задушитъ эксплоатируемыя массы Украинскаго народа, но и въ корнѣ расшатаетъ производительныя силы страны, вычерпавъ все необходимое для продолженія имперіалистической войны на западѣ продовольствіе для арміи и сырье для военнаго производства.

3) Военный режимъ и грабительская хозяйственная политика завоевателей рабоче-крестьянской Украины будетъ до крайней степени ухудшать положеніе трудящихся, вызывать ростъ недовольства и возмущенія противъ ига имперіалистовъ, обострять борьбу рабочихъ противъ капиталистовъ, крестьянъ противъ помѣщиковъ и кулаковъ, и тѣмъ самымъ усиливать повстанческое движеніе на Украинѣ.

4) Развивающееся возстаніе рабочихъ и крестьянъ Украины противъ ига германо-гайдамацкихъ завоевателей является лишь отдѣльнымъ моментомъ борьбы эксплоатируемыхъ классовъ противъ мірового имперіа-

лизма. Это обстоятельство ставитъ развитіе и исходъ возстанія на Украинѣ въ тѣсную связь съ судьбами международной рабочей революціи. Вмѣстѣ съ тѣмъ повстанческое движеніе пролетаріевъ и полупролетаріевъ Украины будетъ способствовать развертыванію революціи въ международномъ масштабѣ и не можетъ не оказать своего положительнаго вліянія на укрѣпленіе центральной совѣтской власти на Сѣверѣ Россіи.

5) При такихъ условіяхъ основной задачей партіи пролетаріата является организація вооруженнаго возстанія пролетарско-крестьянскихъ массъ Украины противъ угнетателей. Партія должна сосредоточить всѣ свои силы на укрѣпленіе массовыхъ организацій, на развитіе широкой агитаціи, призывая рабочихъ и крестьянъ къ активнымъ выступленіямъ вплоть до вооруженной борьбы съ германо-гайдамацкими бандами, и оказывать организаціонно-техническую помощь дѣйствующимъ партизанскимъ отрядамъ, стремясь къ внесенію наибольшей организованности въ ихъ повстанческую работу.

6) Въ связи съ образованіемъ центральнымъ исполнительнымъ комитетомъ совѣтовъ Украины правительства возстанія, въ видѣ особаго народнаго секретаріата со спеціальнымъ назначеніемъ, при выполненіи партійными организаціями основныхъ задачъ момента, координировать свои дѣйствія съ повстанческой дѣятельностью рабоче-крестьянскаго правительства Украины. Въ частности, вся военно-техническая работа пролетарскихъ организацій должна совершаться подъ руководствомъ народнаго секретаріата.

За эти тезисы голосовали слѣдующіе товарищи:

1) Пятаковъ, 2) Исааковъ, 3) Шарый, 4) Введенскій, 5) Гамарникъ, 6) Маслюкъ, 7) Порицъ, 8) Губенко, 9) Тарногродскій, 10) Серхъ, 11) Андреевъ, 12) Грессъ, 13) Фарбманъ, 14) Вейландъ, 15) О. Бошъ, 16) Кассіоръ, 17) Бубновъ, 18) Лебедевъ, 19) Реутъ, 20) Додіевъ, 21) Приходько, 22) Коцюбинскій и 23) Синяковъ.

(1) **Тезисы тов. Скрыпника.**

1) Захватъ территоріи Украины наступающими нѣмецко-гайдамацкими войсками и военное пораженіе украинской совѣтской власти привелъ къ созданію на Украинѣ диктатуры контръ-революціи. Выражая волю и интересы украинской буржуазіи и союзнаго съ нею оккупировавшаго Украину германскаго имперіализма, эта контръ-революціонная диктатура направлена противъ рабочаго класса и крестьянства, не пользуется поддержкой какихъ-либо широкихъ слоевъ украинскаго на-

селенія и опирается исключительно на силу штыковъ германскихъ войскъ и наемныхъ гайдамацкихъ бандъ.

2) Эта контръ-революціонная диктатура буржуазіи своею дѣятельностью поднимаетъ къ борьбѣ наиболѣе отсталые слои крестьянства, разоблачаетъ соглашательскую агитацію меньшевиковъ и эсеровъ и вновь ставитъ передъ каждымъ рабочимъ и крестьяниномъ задачу вооруженной борьбы за совѣтскую власть. Такимъ образомъ, побѣда контръ-революціи является цѣликомъ военною, но не политическою, и передъ пролетаріатомъ вновь создается почва для успѣшной борьбы за соціальную революцію.

3) Эта борьба на Украинѣ неизбѣжно принимаетъ формы инсуррекціоннаго (повстанческаго) движенія; массы поднимаются въ отдѣльныхъ мѣстностяхъ Украины и движеніе сливается въ общій пожаръ возстанія.

4) Этотъ неизбѣжный и самымъ ходомъ классовыхъ отношеній вызываемый ростъ возстанія будетъ пролетаріатомъ направленъ къ побѣдѣ его коммунистической революціи лишь въ мѣру его классовой, партійной организаціи, не допускающей того, чтобы поднимающіеся къ борьбѣ массы рабочаго класса и бѣднѣйшаго крестьянства — были мелко-буржуазными партіями совлечены на путь „обще-національной“ борьбы съ чужеземнымъ завоевателемъ, на путь соглашенія классовъ и фактическаго отказа отъ классовой борьбы и классовыхъ цѣлей пролетаріата.

5) Поэтому задачей коммунистической партіи большевиковъ Украины является возсозданіе классовой партійной организаціи пролетаріата и ея руководство въ дѣлѣ организаціи и веденія возстанія рабочаго класса и крестьянства противъ диктатуры контръ-революціонной буржуазіи.

6) Партія должна рѣзко отмежеваться отъ меньшевистско—соглашательскихъ теченій, признающихъ соціальную революцію на Украинѣ ликвидированною и предлагающихъ политически—встать на путь работы въ рамкахъ буржуазнаго парламентаризма, а организаціонно—поставить своей задачей исключительно текущую работу по организаціи агитаціи и пропаганды, которая на крайній случай лишь въ будущемъ приведетъ къ революціи.

7) Но вмѣстѣ съ тѣмъ партія должна не менѣе рѣзко отмежеваться отъ теченія эсеровскаго чистаго инсуррекціонизма, выдвигающаго единственной задачей—организацію повстанческихъ актовъ хотя бы и оторванныхъ отъ массъ группъ, при чемъ возсозданіе партійной орга-

низаціи имѣетъ для этого теченія значеніе лишь постольку, поскольку эта организація необходима для веденія возстанія.

8) Ведя свою работу по организаціи возстанія рабочихъ и крестьянъ на Украинѣ, коммунистическая партія большевиковъ Украины должна выяснить массамъ всю зависимость успѣха этого возстанія отъ сохраненія и укрѣпленія совѣтской власти въ Россійской федераціи и отъ дальнѣйшаго развитія міровой соціалистической революціи.

За эти тезисы голосовали слѣдующіе товарищи:

1) Скрыпникъ, 2) Локоть, 3) Зельдичъ, 4) Вайманъ, 5) Спренженъ, 6) Бѣлоусовъ, 7) Черетаевъ, 8) Райхштейнъ, 9) Эрде, 10) Гальперинъ, 11) Бѣлоцерковскій, 12) Смѣляковъ, 13) Кокошко, 14) Покровскій, 15) Яковидкая, 16) Шварцбургъ, 17) Андріяшенко, 18) Остапенко, 19) Замеръ-Чацкій, 20) Скрыпникъ, 21) Яваковская, 22) Карповскій, 23) Уфимовъ, 24) Денисовъ, 25) Быкъ.

По вопросу о выборахъ въ различныя представительныя учрежденія на Украинѣ 27 голосами противъ 14 принято предложеніе тов. Бубнова участія въ выборахъ не принимать.

Далѣе рѣшено: создать центръ („организаціонное бюро по созыву конференціи партійныхъ организацій коммунистовъ-большевиковъ Украины"), избравъ въ него 7 человѣкъ и пригласивъ по одному представителю отъ областного Донецко-Криворожскаго бассейна партіи и отъ главнаго комитета соціалъ-демократіи Украины; списокъ центра рѣшено не оглашать; организаціонному бюро поручено вступить въ переговоры съ лѣвыми украинскими соціалъ-демократами по вопросу объ объединеніи для доклада партійной конференціи; конференція должна быть созвана 20 іюня въ Москвѣ; организаціонному бюро поручено разработать проектъ программы партіи для представленія конференціи.

Резолюція о текущемъ моментѣ.

(1) (Резолюція предложена группой лѣвыхъ коммунистовъ на междурайонномъ совѣщаніи 8 мая; за резолюцію высказалось 27 голосовъ, противъ—30).

1. Германскій имперіализмъ переходитъ въ открытое наступленіе противъ рабоче-крестьянской революціи, и внѣшнее положеніе совѣтской республики сразу стало угрожающимъ.

Не добившись быстраго рѣшенія на западномъ фронтѣ, германскій имперіализмъ стоитъ передъ необходимостью длительной борьбы при все болѣе напряженномъ, близкомъ къ взрыву состояніи внутри страны. Поэтому онъ долженъ стремиться путемъ рѣшительныхъ дѣйствій обезопасить свой тылъ отъ разлагающаго вліянія русской революціи и отъ угрозы возможнаго возрожденія Россіи какъ военной силы; поэтому же онъ во что бы то ни стало долженъ обезпечить себѣ правильное снабженіе хлѣбомъ и сырьемъ изъ Россіи.

Противопоставленіе украинской націоналистической Рады совѣтской власти оказалось плохой опорой для оккупаціи (захвата) и плохимъ пріемомъ борьбы съ рабоче-крестьянской революціей. Обнаружилось, что Рада лишена всякой опоры въ массахъ и не объединяетъ силъ господствующихъ классовъ Украины; обнаружилась необходимость „общерусской оріентаціи“ для нѣмецкихъ захватчиковъ, необходимость опереться на россійскіе господствовавшіе классы вообще, заключить съ ними лишенное національной окраски, чисто классовое соглашеніе.

Октябристское правительство Скоропадскаго противопоставлено теперь рабоче-крестьянской революціи на Украинѣ и совѣтской республикѣ на Сѣверѣ. Естественно, что германскіе имперіалисты будутъ предъявлять совѣтской власти рядъ требованій и предпринимать противъ нея рядъ дѣйствій. Эти требованія и дѣйствія будутъ имѣть цѣлью либо насадить при помощи оккупаціи режимъ Скоропадскаго на Сѣверѣ во всей полнотѣ, либо въ случаѣ готовности совѣтской власти на уступки и болѣе медленнаго темпа германскаго натиска, заставить ее на дѣлѣ принять и провести программу Скоропадскаго, сдѣлаться, подобно Радѣ, на первое время учрежденіемъ, ставящимъ штемпель на контръ-революціонныя требованія германскаго имперіализма, а въ дальнѣйшемъ раздѣлить судьбу Рады. Въ обоихъ случаяхъ самая опредѣленная политика въ сторону полной и фактической реставраціи буржуазнаго порядка на Сѣверѣ Россіи неизбѣжна.

2. Германскій имперіализмъ ведетъ эту политику, разсчитывая вовлечь господствующіе классы Россіи въ сдѣлку съ германскимъ имперіализмомъ, которая въ обмѣнъ за предоставленіе хлѣба, сырья, рабочей силы, за подчиненіе военной и политической гегемоніи Германіи предоставитъ русскимъ помѣщикамъ „возстановленіе порядка“, можетъ быть территоріальныя компенсаціи (возвращеніе части захваченныхъ земель) и, во всякомъ случаѣ, „возсоединеніе“ Украины и Сѣвера Россіи.

Нѣкоторая часть господствующихъ классовъ, преимущественно помѣщики и большая часть тыловой буржуазіи, будутъ поддерживать такую сдѣлку. Остальная часть буржуазіи и буржуазная интеллигенція не могутъ порвать своей связи съ державами согласія.

3. Поэтому власть, построенная захватчиками, уже по этой причинѣ должна быть внутренне слаба. Невозможность возстановить правильное дѣйствіе хозяйственнаго аппарата въ условіяхъ оккупаціи и революціоннаго отношенія къ ней и буржуазно-помѣщичьей власти рабочихъ и крестьянъ сдѣлаетъ эту власть еще слабѣе и потребовала бы огромныхъ военныхъ силъ для оккупаціи и реставраціи.

Отношеніе рабочаго класса и крестьянства къ оккупаціи-реставраціи очевидно: для рабочаго класса это гибель завоеваній пролетарской революціи, перспектива разстрѣловъ и голоданія, для крестьянъ она означаетъ возвращеніе земель помѣщикамъ, нѣмецкіе карательные отряды и реквизиціи.

При такихъ условіяхъ не только реставрація въ случаѣ частичныхъ успѣховъ захвата не можетъ быть прочной, но, въ случаѣ принятія совѣтской властью рѣшительнаго курса на отпоръ германскому имперіализму, массовая поддержка рабочихъ и деревенской бѣдноты, основанная на учетѣ опыта германскаго захвата Украины, обезпечена.

4. Международное положеніе въ связи съ перемѣной германской политики по отношенію къ Россіи измѣняется, съ одной стороны, въ томъ направленіи, что отвлеченіе силъ на политику оккупаціи ослабляетъ западный фронтъ, понижаетъ шансы на побѣду центральныхъ державъ, обостряетъ внутреннее положеніе въ Германіи и Австріи и усиливаетъ силы революціи. Въ то же время сопротивленіе рабочихъ и крестьянъ Россіи наступающимъ войскамъ, яркое обнаженіе классово-реакціонной задачи наступленія, положеніе осажденнаго лагеря, въ которое попадаютъ тыловые отряды оккупирующихъ войскъ—непосредственно разлагаютъ нѣмецкую армію (процессъ уже замѣтный на Украинѣ) и подготовляютъ крушеніе какъ германскаго натиска, такъ и начало крушенія германскаго милитаризма и имперіализма вообще.

Въ странахъ согласія революціонное движеніе, въ случаѣ, если въ Россіи натиску германскаго имперіализма будетъ оказанъ серьезный отпоръ, также должно усилиться, съ одной стороны, въ связи съ ослабленіемъ нѣмецкаго нажима и оборонческихъ настроеній, съ другой стороны—въ связи съ возрожденіемъ авторитета русской революціи.

5. При такихъ условіяхъ совѣтская власть не имѣетъ ни возможности, ни права держать курсъ на уступки германскому имперіализму и на сдѣлку съ нимъ, ибо всякая возможность „маневрировать“ отпала, и передъ совѣтской властью стоятъ двѣ перспективы: умереть смертью Рады, разлагаясь и дезорганизуя рабоче-крестьянскую революцію, или открыто принять бой съ германскими захватчиками. Совѣтская власть обязана, выяснивъ ультимативныя требованія германскаго имперіализма, отклонить пункты, уничтожающіе завоеванія октябрьской революціи, и принять слѣдующія мѣры:

а) объявить рабочимъ и крестьянамъ о томъ, что германскій имперіализмъ, возстановивъ на Украинѣ власть помѣщиковъ и буржуазіи, идетъ въ союзѣ съ ними и съ той же цѣлью на сѣверъ Россіи; она должна призвать ихъ къ гражданской войнѣ противъ захватчиковъ и къ защитѣ крестьянской земли, рабочихъ фабрикъ и совѣтской власти;

б) немедленно перевести въ далекій тылъ совѣтскія центральныя учрежденія и военные опорные пункты;

в) стянуть на германскій фронтъ всѣ красно-армейскія части и оказывать германскому наступленію рѣшительный военный отпоръ;

г) произвести вооруженіе пролетаріата и подготовлять частичную мобилизацію нѣсколькихъ призывныхъ годовъ рабочихъ и бѣднѣйшихъ крестьянъ;

д) немедленно предпринять шаги для организаціи нелегальныхъ ячеекъ въ оккупированныхъ и стоящихъ подъ угрозой оккупаціи мѣстностяхъ для организаціи тамъ агитаціоннаго аппарата и для подготовки тыловыхъ возстаній;

е) немедленно декретировать общую націонализацію всего промышленнаго производства и путемъ массоваго натиска рабочаго класса осуществить полную экспропріацію излишняго частнаго имущества капиталистовъ;

ж) призвать рабочихъ къ величайшему напряженію классовой самодѣятельности и дисциплины какъ въ области производства, такъ и въ области политической и военной организаціи въ цѣляхъ побѣдоноснаго отпора германскому имперіализму.

ПАРТІЙНАЯ ЖИЗНЬ.

Меленки (Владимірск. губ.).

Меленковская организація Россійской коммунистической партіи большевиковъ шлетъ привѣтъ въ день 1-го мая, праздника пролетаріата всего міра, областному комитету партіи коммунистовъ-большевиковъ, а также и всему пролетаріату.

Предсѣдатель Безпаловъ.

Городской районъ (Москва).

На делегатскомъ собраніи партійныхъ ячеекъ района принята резолюція о необходимости усилить партійную работу въ направленіи болѣе успѣшнаго проведенія въ жизнь принциповъ коммунизма какъ въ области экономики, такъ и въ области политики. Въ частности, собраніе находитъ необходимымъ вести усиленную партійную работу въ красноармейскихъ отрядахъ и начать работу въ направленіи выпрямленія политики Совѣта народныхъ комиссаровъ какъ въ области внѣшней, такъ и внутренней, приближая ее къ принципамъ пролетарско-коммунистической программы.

Басманный районъ (Москва).

Активные работники Басманнаго района шлютъ привѣтъ редакціи „Коммуниста".

Мы надѣемся, что линія, занятая редакціей въ вопросахъ экономической и внутренней политики, найдетъ откликъ, поддержку и сочувствіе въ широкихъ массахъ партійныхъ работниковъ и среди низовъ.

При семъ прилагаемъ 176 р. 60 к. въ пользу журнала „Коммунистъ".

Областная конференція коммунистовъ.

7 мая въ Екатеринбургѣ закончилась Уральская областная конференція партіи коммунистовъ. На конференцію съѣхалось 114 делегатовъ отъ 78 организацій, представляющихъ и объединяющихъ 36,000 членовъ. Въ резолюціи по текущему моменту конференція высказалась за неуклонное, послѣдовательное проведеніе въ жизнь соціалистическихъ преобразованій, отнюдь не вступая въ компромиссы съ буржуазіей какъ иностранной, такъ и русской, создавъ въ то же время твердую рабо-

чую дисциплину. Съѣздомъ одобрена политика фракціи коммунистовъ Уральскаго Совѣта Комиссаровъ. Постановлено требовать скорѣйшаго созыва широкаго партійнаго съѣзда для обсужденія политики совѣтскихъ центровъ.

Уральскій Обл. Комит. Р. К. П. (Екатеринбургъ).

Уральскимъ Областнымъ Комитетомъ прислана Московскому Областному Бюро Р. К. П. большевиковъ слѣдующая телеграмма:

„Предлагаемъ конференціи присоединиться къ рѣшенію Уральской областной конференціи о немедленномъ созывѣ широкаго партійнаго съѣзда".

Басманный районъ (Москва).

Резолюція, принятая на засѣданіи Басманнаго районнаго комитета Р. К. П. съ представителями отъ партійныхъ ячеекъ и при участіи фракціи Исполнительнаго Комитета Басманнаго Совѣта Рабочихъ Депутатовъ и активныхъ работниковъ по докладу о текущемъ моментѣ:

„Событія на Украинѣ, Финляндіи и цѣлый рядъ другихъ фактовъ, не измѣняя существа положенія вещей, сложившагося съ момента заключенія „мира" въ Брестѣ и долженствующаго быть охарактеризованнымъ какъ систематическое и послѣдовательное выполненіе германскимъ имперіализмомъ плана удушенія русской соціалистической революціи, плана, исключающаго и исключившаго на дѣлѣ всякую передышку,—эти событія и факты съ несомнѣнностью указываютъ, что германскіе имперіалисты завершаютъ этотъ планъ. Они заканчиваютъ то дѣло, отъ котораго въ силу своей природы и инстинкта самосохраненія не могли и не могутъ отказаться.

Открытая поддержка со стороны русской буржуазіи въ лицѣ партіи кадетъ и октябристовъ только лишній разъ подчеркиваетъ солидарность имущихъ классовъ въ дѣлѣ борьбы съ пролетаріатомъ. Такимъ образомъ, русская соціалистическая революція находится въ состояніи смертельной опасности. Апелляція къ такъ называемымъ „союзникамъ" не можетъ вывести ее изъ этого состоянія; ибо „союзный" имперіализмъ является такимъ же смертельнымъ врагомъ для соціалистической революціи, такъ же органически исключающимъ ея существованіе. Враждуя между собой, имперіалисты всѣхъ странъ тѣмъ не менѣе вполнѣ солидарны въ своихъ цѣляхъ и дѣйствіяхъ по отношенію къ Совѣтской Россіи.

На натискъ на Россію со стороны германской коалиціи англо-французская коалиція отвѣчаетъ натискомъ съ востока и сѣвера. Россія стоитъ непосредственно передъ актомъ оккупаціи и фактическаго ея раздѣла на части имперіалистами всѣхъ странъ. Это тѣмъ болѣе очевидно, что выходомъ, удовлетворяющимъ аппетиты аннексіонистовъ изъ затяжной „безпобѣдной“ войны, для обѣихъ коалицій можетъ быть только „миръ“, заключенный за счетъ Россіи.

Въ такую минуту смертельной опасности партія коммунистовъ, единственная партія пролетарской революціи, должна немедленно вступить на **путь рѣшительнаго поворота своего курса безграничныхъ уступокъ** домогательствамъ германскихъ имперіалистовъ, курса, который можетъ быть опредѣленъ, какъ самоудушеніе, какъ пассивная отдача октябрьской революціи на растерзаніе имперіалистовъ, и призвать пролетаріатъ и бѣднѣйшее крестьянство къ вооруженной защитѣ революціи.

Партія должна немедленно отбросить тотъ способъ „укрѣпленія“ октябрьскихъ завоеваній, который на дѣлѣ ведетъ къ реставраціи буржуазно-капиталлистическихъ отношеній и облегчаетъ дѣло австро-германскихъ имперіалистовъ.

Активная оборона революціи какъ въ области внутренней, такъ и въ области внѣшней политики, **никакихъ уступокъ и соглашеній** съ имперіалистами—вотъ тотъ путь, на который должна вступить партія и по которому она должна повести рабочія массы.

На основаніи этого, собраніе находитъ необходимымъ, чтобы: 1) Совѣтъ Народныхъ Комиссаровъ и Центральный Исполнительный Комитетъ немедленно и рѣшительно измѣнили курсъ въ сторону прекращенія всякихъ уступокъ и соглашеній во всѣхъ областяхъ и призвали рабочихъ и бѣднѣйшихъ крестьянъ къ **вооруженной защитѣ** революціи; 2) вооружить рабочихъ и бѣднѣйшихъ крестьянъ; 3) немедленно увеличить насколько возможно кадры красноармейцевъ на основѣ закона объ организаціи красной арміи, **отбрасывая однако принципъ сотрудничества съ царскими генералами**. Повести самую энергичную работу въ рядахъ красной арміи въ цѣляхъ поднятія ея соціалистическаго самосознанія; 4) сконцентрировать отряды красной арміи въ мѣстностяхъ, находящихся подъ угрозой непосредственнаго нападенія со стороны имперіалистовъ; 5) **эвакуація** правительственныхъ и иныхъ учрежденій въ глубокій тылъ и соотвѣтственная подготовка для этого транспорта; 6) организовать самую существенную **помощь украинскому пролетаріату**, вступить съ нимъ въ тѣсную связь, насадить на Украинѣ густую сѣть партійныхъ ячеекъ въ цѣляхъ организаціи

и руководства возстаніемъ; 7) осуществить диктатуру пролетаріата во всей ея полнотѣ; 8) въ качествѣ необходимой предпосылки для выполненія всѣхъ вышеизложенныхъ пунктовъ собраніе считаетъ необходимымъ требованіе отъ Центральнаго Комитета партіи возврата къ принципамъ и тактикѣ пролетарскаго коммунизма и къ его программѣ.

Библіографія.

А. Богдановъ. Вопросы соціализма. (1)

Т-во «Книгоиздательство писателей въ Москвѣ». 1918 г. Стр. 104. Цѣна 1 р. 50 к.

А. Богдановъ—теоретикъ въ высшей степени интересный и оригинальный. Можно по разному относиться къ его эмпиріомонистической философіи. Но ему нельзя отказать ни въ самостоятельности мышленія, ни въ глубинѣ трактовки затрагиваемыхъ вопросовъ, ни въ монистичности (стройномъ единствѣ) всей его теоретической системы. Нѣкоторыя его общесоціологическія положенія получили затѣмъ блестящее подтвержденіе въ работахъ историковъ-спеціалистовъ и этнологовъ: такова, напр., теорія Богданова относительно происхожденія религіи изъ производственнаго дуализма, теорія, полностью доказанная въ послѣднихъ работахъ Кунова (который, кстати сказать, вридъ ли и знаетъ о существованіи Богданова).

Къ сожалѣнію, однако, мы не можемъ рекомендовать читателямъ брошюры, заглавіе которой поставлено выше, въ качествѣ работы, долженствующей дать отвѣты на «вопросы соціализма». Тактическій смыслъ брошюры состоитъ въ атакѣ на максимализмъ, въ частности, въ атакѣ на нашу партію. И какъ бы не открещивался отъ этого А. Богдановъ—эта критика ведется у него съ точки зрѣнія *оппортунистическаго культурничества*.

Основная мысль автора въ томъ, что соціалистическое преобразованіе общества и соціалистическая революція могутъ быть сдѣланы по заранѣе выработанному организаціонному плану. Сперва рабочій классъ создастъ свою науку, вырабатываетъ свои научные методы во всѣхъ областяхъ знанія, создастъ для этой цѣли рабочіе университеты, пишетъ пролетарскую энциклопедію и т. д., а затѣмъ строитъ «организаціонный планъ» для рѣшенія «міровой организаціонной задачи». Когда это все реализуется, тогда можно будетъ, по Богданову, приступать къ соціализму. «Максимализмъ» *до* этого—есть утопизмъ.

Мы имѣемъ передъ собой, такимъ образомъ, классическій образецъ возродившагося подъ якобы марксистской оболочкой культурничества. Его ошибка состоитъ вовсе не въ томъ, что оно признаетъ *силу* за «идеологіей» (и напрасно А. Богдановъ полагаетъ, что его построеніе мы, ортодоксы революціоннаго марксизма, критикуемъ съ точки зрѣнія отрицанія за идеологіей этой силы), а въ томъ, что онъ разсматриваетъ общественно-историческій процессъ, какъ раціоналистъ (сперва выработанный до деталей планъ міровой организаціи, потомъ осуществленіе этого провѣреннаго во всѣхъ направленіяхъ плана). [illegible]

[illegible]

Если разсматривать ошибку А. Богданова съ логической стороны, то она прекрасно видна на слѣдующемъ его положеніи (стр. 102): «Творческое осуществленіе соціалистическаго классоваго строя приведетъ пролетаріатъ къ той побѣдѣ, которая превратитъ этотъ строй въ общечеловѣческій. Соціалистическое развитіе *завершится* (курс. наш. П. Б.) соціалистической революціей». Итакъ, по Богданову, имѣются такіе «ряды явленій»: 1) осуществленіе «классоваго соціалистическаго строя» въ предѣлахъ капитализма; 2) завершеніе его путемъ соціалистической революціи, превращающей классовый строй въ строй общечеловѣческій.

Такъ думаетъ А. Богдановъ. А на самомъ дѣлѣ имѣется нѣчто совсѣмъ другое: 1) организація пролетаріата въ предѣлахъ капитализма для взрыва капитализма и капиталистическаго государства; 2) соціалистическая революція, которая *впервые* устанавливаетъ «классовый соціалистическій строй» (диктатура пролетаріата); эта соціалистическая революція *не завершитъ*, *а начнетъ* «соціалистическое развитіе»; 3) періодъ отмиранія диктатуры и государства и превращенія «классоваго соціалистическаго строя» въ «общечеловѣческій». Этотъ періодъ можетъ наступить только послѣ рѣшительной и окончательной побѣды рабочихъ. И кто откладываетъ эту побѣду и называетъ борьбу за эту побѣду «авантюрой», тогда какъ это есть единственный выходъ изъ кровавого тупика, тотъ идетъ противъ соціализма.

А. Богдановъ сдѣлалъ большой промахъ, когда за образецъ «максималиста» онъ взялъ гражданина Базарова изъ газеты «Новая Жизнь». Сей гражданинъ видитъ соціализмъ въ каторжномъ государственно-капиталистическомъ строѣ Германіи, Англіи и т. д. А. Богдановъ очень мѣтко критикуетъ этотъ режимъ. И въ этой критикѣ онъ въ общемъ правъ. Но когда онъ пишетъ: «Намъ предлагаютъ «узнавать» грядущій соціализмъ въ отвратительной карикатурѣ на него, порожденной войной и старымъ строемъ»—мы на это можемъ отвѣтить, что никогда этого не «предлагали», а «предлагалъ» гражданинъ Базаровъ.

Мы не можемъ въ рецензіи останавливаться на всѣхъ *отдѣльныхъ* промахахъ автора. Отмѣтимъ лишь нѣкоторые. На стр. 21. Богдановъ сомнѣвается въ максимализмѣ европейскихъ лѣвыхъ, тогда какъ максималистская постановка вопроса и была впервые выдвинута ими (голландскіе трибунисты, Паннекукъ и пр.). На стр. 25 авторъ видитъ идеологическую причину краха II Интернаціонала въ остаткахъ мѣщанско-крестьянскаго мышленія, тогда какъ

на самомъ дѣлѣ здѣсь налицо «рабочій империализмъ», вырастающій на совершенно иной основѣ. Въ концѣ книжки Богдановъ критикуетъ «государство-коммунъ» тов. Ленина съ точки зрѣнія ея неустойчивости. При этомъ онъ опять-таки не понимаетъ всего революціоннаго значенія эпохи диктатуры. Въ этомъ пунктѣ наилучшимъ отвѣтомъ А. Богданову будетъ отвѣтъ, данный самой жизнью.

Наконецъ, мы позволимъ себѣ отмѣтить одно въ высшей степени странное мѣсто. Въ главѣ: «Военный коммунизмъ и государственный капитализмъ», стр. 76, мы съ изумленіемъ читаемъ объ *империалистской* (т.-е. разбойничьей) мобилизаціи: «армія перестала быть безполезною, она сдѣлалась (!) необходимѣйшимъ органомъ защиты и спасенія цѣлаго (!!)». Это уже настоящій жаргонъ империалистскаго гелертера. Какъ связываетъ данное мѣсто съ другими, антипатріотическими, мыслями самъ А. Богдановъ—изъ брошюры понять невозможно.

Всякій рабочій, прочитавшій книжечку Богданова, увидитъ безъ труда всю утопичность и оппортунизмъ развитыхъ тамъ взглядовъ. Узнаетъ, что отъ такого писателя, какъ Богдановъ, отлетаетъ живой революціонный духъ, да еще во время величайшей изъ революцій.

Н. Бухаринъ.

„Пламя" (№ 1) и „Грядущее" (№ 2).

(Еженедѣльные журналы).

Преодолѣніе буржуазной культуры и созданіе новаго, *пролетарскаго* искусства, такова одна изъ задачъ рабочаго класса. Еженедѣльный журналъ «Пламя», издаваемый петроградскимъ совѣтомъ подъ редакціей тов. Луначарскаго, далекъ отъ того, чтобы хотя немного приблизиться къ разрѣшенію этой задачи и стать на правильный путь. Журналъ не хуже, но и не лучше любого журнала изъ того вороха еженедѣльниковъ, которымъ сейчасъ изобилуетъ книжный рынокъ. Въ немъ рѣшительно нѣтъ ничего, что давало бы право говорить о привносимомъ имъ вкладѣ въ *пролетарскую* культуру, и совершенно непонятно, почему, напримѣръ, одно изъ стихотвореній носитъ названіе «Отблески пролетарскаго (!) міросозерцанія», если оно пропитано мистическимъ туманомъ и украшено такимъ четверостишіемъ:

«Отдайся!—юноша молилъ,
Гонясь за дѣвушкой небесной
Боролся съ ней и побѣдилъ,
И вотъ возникъ союзъ тѣлесный».

Ну, и слава богу! Но только при чемъ тутъ «пролетарское міросозерцаніе»?

Разсказы—слабы, неискренни, поддѣланы «подъ народъ», пропитаны фальшью. Въ несуразномъ разсказѣ Ивнева «Вѣчное слушаніе» герой описываетъ происшедшее съ нимъ и непонятное для читателей духовное просвѣтлѣніе и оканчиваетъ свое повѣствованіе назидательнымъ афоризмомъ: «Всѣмъ руководитъ Господь.»

Въ качествѣ пролетарскаго «юмора» преподносятся такіе стихи:

«Бывало, въ маленькомъ ларькѣ,
Раскинувъ свой товаръ,
Стоишь и шапку мнешь въ рукѣ
Передъ толпою баръ...
Теперь—совсѣмъ наоборотъ.
Забывъ свой прежній чинъ,
Передо мною спину гнетъ
Вчерашній господинъ:
Весь день сидитъ въ своемъ ларькѣ
Съ цвѣтами, да тесьмой,
А я гуляю налегкѣ
Съ тобою, ангелъ мой!»

Бросимъ, однако, эту безвкусицу и перейдемъ къ «Грядущему», органу петроградск. «Пролеткульта»: здѣсь сразу чувствуется честность и искренность, близость къ рабочей средѣ, серьезное отношеніе къ искусству. Впрочемъ, мы оговоримся напередъ, что не просто хорошихъ стиховъ и разсказовъ, удачно задуманныхъ и художественно выполненныхъ, безукоризненныхъ по формѣ и работкѣ, мы ставимъ вопросъ такъ: что *новаго* вносятъ въ искусство пролетарскіе поэты и писатели? даютъ ли право затронутые ими мотивы и настроенія говорить о чисто *пролетарскомъ* искусствѣ, какъ о чемъ-то своеобразномъ, отличномъ отъ мотивовъ и настроеній буржуазныхъ поэтовъ и писателей? Съ этой точки зрѣнія и относимся къ «Грядущему».

Оттого, что въ стихотвореніи фигурируетъ «заводъ», «станокъ», «рабочій» и т. д.—оно еще не станетъ пролетарскимъ, и три четверти матеріала, помѣщеннаго въ «Грядущемъ», не даютъ права говорить о зарожденіи новаго, пролетарскаго искусства. «Въ рукѣ пучокъ дрожитъ сирень...», «Я мятежный, призывный, свободный...», «Такъ тяжко въ казармѣ! Мнѣ скучно до боли...», «Пляшутъ свѣтло-плиску Саломеи...», «Грустно, сердцу больно, хочется рыдать», «Пусть блещетъ пѣснь твоя алмазомъ», «Въ грустный часъ, давшись укоризнѣ...» и т. д.: все это прекрасно и художественно дышатъ подлинной поэзіей и правдивостью, но все это не ново, все это давнымъ-давно сказано, все это уже кѣмъ-то и гдѣ-то переживалось и описывалось, и все это совсѣмъ не характерно для *новаго*, чисто пролетарскаго искусства, которое долженъ создать рабочій классъ.

Какъ будетъ выглядѣть это зарождающееся искусство, разумѣется невозможно предугадать, но все же въ «Грядущемъ» мы находимъ произведенія, которыя намѣчаютъ *новое* въ искусствѣ. Это прежде всего чудесное стихотвореніе тов. Кириллова: «Мы несмѣтные, грозные легіоны Труда». Здѣсь каждая строка превосходна, и все стихотвореніе въ цѣломъ художественно передаетъ настроеніе объятаго жаромъ возстанія пролетаріата, находящагося во власти мятежа страстнаго такъ и хмеля; такъ слышится тяжкая поступь рабочихъ батальоновъ. Авторъ сумѣлъ *изнутри* (а не при помощи нагроможденія внѣшнихъ симеоловъ) схватить душу коллектива, его жизнь. Прекрасно и стихотвореніе въ прозѣ тов. Кириллова: «Городу»: «Я слышу ст...

Издатель: М. О. Б. Р. К. П.

несмѣтныхъ согласныхъ молотковъ—это гигантская кузница, выковывается новая радостная жизнь, это могучія симфоніи тр желѣза и стали».

Нельзя также не отмѣтить «Башни» т. Гастева: здѣсь ве вѣетъ духъ коллектива, массы.

Умѣть подслушать біеніе жизни коллектива, сквозь внѣшній ось найти внутреннее единство массы, услышать музыку ея дух творческую муку коллективной груди» (выраженіе т. Кириллова намъ кажется, это и есть то новое, что намѣчается въ искусст

Остается пожелать «Грядущему» и его сотрудникамъ продолж свою работу по созданію пролетарской культуры.

Вл. Соринъ.

ТОВАРИЩИ!

Журналъ «Коммунистъ» разсчитываетъ на вашу поддержку.

Редакціонная коллегія: Н. Бухаринъ, В. Оболенскій, К. Радекъ и В. Смирновъ.

Издатель: М. О. Б. Р. К. П.

Типографія Россійской Федеративной Соціалистической Совѣтской Республики.

РОССІЙСКАЯ КОММУНИСТИЧЕСКАЯ ПАРТІЯ (большевиковъ).

Пролетаріи всѣхъ странъ, соединяйтесь!

КОММУНИСТЪ

ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫЙ ЖУРНАЛЪ ЭКОНОМИКИ, ПОЛИТИКИ И ОБЩЕСТВЕННОСТИ.

Органъ группы лѣвыхъ коммунистовъ.

№ 4. | Адресъ редакціи и конторы: Москва, гост. Дрезденъ, № 257. Секретарь редакціи принимаетъ: ежедневно отъ 10 до 12 час. утра въ гост. Дрезденъ, въ комн. № 257. | Цѣна 90 к. Іюнь 1918 г.

УСЛОВІЕ ПОДПИСКИ: 1 мѣсяцъ — 3 р. 50 к.

Въ журналѣ принимаютъ участіе: Р. Абрамовичъ, Аркадій, Н. Антоновъ (Н. Лукинъ), В. Барышниковъ, Бела Кунъ, Г. Бокій, А. Бубновъ (А. Глотовъ), С. Бобинскій, Н. Бухаринъ, М. Бронскій, М. Васильевъ (Сидоровъ), А. Выборгская, В. Долецкій, Б. Зуль, Инесса (Армандъ), А. Коллонтай, С. Кассіоръ, В. Куйбышевъ, Ю. Ленскій, А. Ломовъ (Г. И. Оппоковъ), В. Максимовскій, В. Оболенскій (Н. Осинскій), М. Покровскій, Е. Преображенскій, Г. Пятаковъ, К. Радекъ, С. Равичъ, М. Савельевъ (И. Вѣтровъ), Сапроновъ, Г. Сафаровъ, В. Смирновъ, Вл. Соринъ, А. Спунде, Ин. Стуковъ, М. Урицкій, І. Уншлихтъ, Г. Усіевичъ, Я. Фенигштейнъ, П. Штернбергъ, В. Яковлева, Ем. Ярославскій.

СОДЕРЖАНІЕ: Въ борьбѣ съ контръ-революціей I. Т. С.—Финансовая программа и «государственный капитализмъ». В. Смирновъ.—Къ вопросу о совѣтской власти. Вл. Соринъ.—Кризисъ австро-венгерской монархіи. Бела Кунъ.—Духовенство и контръ-революція. Н. Антоновъ.—Съѣздъ необходимъ. Е. Преображенскій.—Итоги партійной конференціи Центральной промышленной области. В. Я.—Дѣловыя замѣтки. Ш.—Хроника.—Библіографія.

Въ борьбѣ съ контръ-революціей.

I.

Только нѣсколько недѣль тому назадъ глава правительства и вождь коммунистической партіи тов. Ленинъ утверждалъ въ своемъ знаменитомъ докладѣ о задачахъ Совѣтскаго правительства, что съ паденіемъ Богаевскаго сопротивленіе буржуазіи сломано, что мы вступаемъ въ періодъ органической работы. Не отрицая задачъ органической работы, мы, пролетарскіе коммунисты, утверждали, что побѣда надъ буржуазіей не можетъ быть результатомъ такого короткаго періода исторіи, что впредь до момента, когда всѣ важнѣйшія орудія производства не будутъ фактически находиться въ рукахъ пролетаріата, что, впредь до момента, пока соціалистическое производство не будетъ налажено, буржуазія, имѣющая въ своихъ (1)

рукахъ крупный капиталъ, будетъ пользоваться всякимъ нашимъ затрудненіемъ, чтобы пытаться низвергнуть рабоче-крестьянское правительство и захватить власть. Мы указывали, что, когда господствуетъ вокругъ насъ еще имперіализмъ, русская буржуазія можетъ получить поддержку отъ иностраннаго капитала и съ новыми силами броситься въ бой съ Совѣтской властью.

Миновало нѣсколько недѣль, и въ Москвѣ раскрытъ серьезный контръ-революціонный заговоръ, объявлено военное положеніе, на Дону и на Кубани подняла голову контръ-революціонная банда съ
(1) генераломъ Красновымъ во главѣ. Въ Кіевѣ русскіе контръ-революціонеры формируютъ добровольческіе отряды для Краснова. Что бы ни говорила германская дипломатія, какъ бы она ни увѣряла, что она не имѣетъ ничего общаго съ замыслами Краснова, и слѣпой видитъ, что переворотъ на Украинѣ, возстановленіе помѣщичьяго и капиталистическаго хозяйства повліяло, какъ кличъ, брошенный капиталистической контръ-революціей: собирай свои силы, организуйся, идетъ тебѣ на помощь нѣмецкій имперіализмъ! Но не подлежитъ сомнѣнію, что дѣло не только въ надеждахъ, которыя возбудилъ въ русской буржуазіи переворотъ, совершонный на Украинѣ нѣмецкими штыками.

Нѣмецкая дипломатія не закроетъ никакими фразами того факта, что такъ-называемое правительство горцевъ Сѣвернаго Кавказа, т.-е. контръ-революціонная банда генерала Краснова, было выдвинуто противъ Совѣтской власти именно нѣмецкимъ имперіализмомъ. Не менѣе ясна связь
(2) между чехо-словацкой авантюрой и агентами союзнаго капитала. Чехо-словацкія бригады получали послѣ октябрьскаго переворота деньги отъ французской и англійской военныхъ миссій, и мы знаемъ изъ достовѣрныхъ источниковъ, что уже давно пытались втянуть чехо-словаковъ въ борьбу противъ Совѣтской власти не только контръ-революціонная клика Россіи, но и агенты французскаго имперіализма. Часть чехо-словаковъ перешла на сторону Совѣтской власти, большинство же хотѣло оставаться нейтральными между россійской революціей и контръ-революціей и прошмыгнуть между молотомъ и наковальней, дабы бороться на западномъ фронтѣ въ рядахъ союзныхъ армій противъ германскаго имперіализма. Шаткость мелко-буржуазныхъ чехо-словацкихъ массъ использовало буржуазное чехо-словацкое офицерство невыясненнымъ еще способомъ—для борьбы съ Совѣтской

властью, для захвата западной части Сибирской желѣзной дороги. Cui prodest? Въ чьихъ интересахъ? Въ интересахъ японско-французскаго имперіализма, который изъ Владивостока преслѣдуетъ ту же цѣль, которой служатъ чехо-словаки въ Челябинскѣ: захватъ Сибирской желѣзной дороги. И тѣ, и другіе дѣйствуютъ въ союзѣ съ бандами Семенова, направляющимися на Читу отъ имени такъ-называемаго Сибирскаго правительства, т.-е. отъ контръ-революціонной клики, возглавленной (1)
генераломъ Колчакомъ и генераломъ Хорватомъ. Совершенно правильно заявлялъ на кадетскомъ съѣздѣ руководящій тактикъ кадетской партіи Винаверъ, что не важно, какой держаться оріентаціи, что самое важное—служить спасенію Россіи, (2)
(въ устахъ кадета это, какъ извѣстно, означаетъ сверженіе Совѣтской власти). И тысячу разъ правъ Винаверъ, исходя изъ своей точки зрѣнія: Хорватъ и Колчакъ и ихъ несчастное орудіе—чехо-словаки берутъ деньги отъ японцевъ и французовъ, Красновъ—отъ нѣмцевъ, но отряды Краснова, какъ и чехо-словаковъ, составляютъ два фланга той же анти-совѣтской арміи, какъ правильно отмѣчаетъ „Правда".

Подъ защитой нѣмецкихъ штыковъ идетъ одна контръ-революціонная банда, чтобы отрѣзать трудовую Россію отъ кубанскаго и донского хлѣба и кавказской нефти. Подъ защитой японскихъ, за деньги французскихъ имперіалистовъ идетъ другая,—чтобы отрѣзать трудовую Россію отъ хлѣбныхъ районовъ Западной Сибири, отъ уральскаго желѣза, уральской и поволжской базы сопротивленія имперіализму. Рухнула иллюзія, что мы можемъ заняться мирной политикой, мирнымъ строительствомъ, рухнулъ расчетъ, который мы всегда считали построеннымъ на пескѣ, что продолжающаяся на западѣ бойня даетъ намъ какіе-нибудь шансы на передышку.

II

Теорія передышки сводилась къ тому, что если германская и англійская коалиціи сцѣпятся другъ съ другомъ, то не будутъ въ состояніи разгромить Россіи. Но уже судьба Украины доказала, что это—одна сплошная иллюзія. Именно потому, что Германія не въ состояніи побѣдить союзниковъ, что она еще считается съ длиннымъ періодомъ войны, она принуждена была не только захватить Украину для вывоза прошлогодняго

хлѣба, но должна была совершить переворотъ, возвратить землю помѣщикамъ, фабрики капиталистамъ, чтобы пытаться обезпечить за собой и слѣдующій урожай. Захватъ Центральной Россіи отсроченъ нѣмцами пока по двумъ соображеніямъ: стратегическимъ и экономическимъ. Сначала необходимо было военное окруженіе Центральной Россіи, чтобы ее послѣ взять небольшими силами. Эта задача завершена занятіемъ Украины и Финляндіи. Съ другой стороны, было бы полной безсмыслицей оккупировать Центральную Россію до новаго урожая, во время самаго остраго голода. Занявъ теперь Россію, нѣмцы немедленно имѣли бы противъ себя голодное движеніе. Не занимая ея теперь и ожидая, чтобы голодные бунты скинули большевиковъ и отдали власть въ руки буржуазіи, которая, опираясь на нѣмецкіе штыки, возьметъ на себя роль организатора хозяйственной жизни, роль поставщика находящихся въ Центральной Россіи запасовъ сырья и товаровъ, столь нужныхъ Германіи для дальнѣйшаго веденія войны, — отъ этого Германія только выигрываетъ. Моментъ, когда назрѣетъ этотъ захватъ, нѣмцы ускоряютъ своей поддержкой контръ-революціоннаго возстанія Краснова и поддержкой турецкихъ
(1) дѣйствій на Кавказѣ. Этимъ долженъ быть отрѣзанъ отъ Россіи послѣдній хлѣбный районъ, послѣднее топливо. Продолженіе борьбы на Западѣ, которое должно было намъ дать какую-нибудь гарантію противъ Германіи, усиливаетъ только совершенно планомѣрные маневры окруже-
(2) нія насъ германскими силами. Cannae*) — вотъ идеалъ нѣмецкой стратегіи, воспѣваемый графомъ
(3) Шлифеномъ, начальникомъ германскаго генеральнаго штаба, который подготовилъ эту войну; этотъ маневръ окруженія нѣмцы повторяютъ теперь по отношенію къ Россіи.

А союзники? Среди нихъ несомнѣнный разбродъ. Америка, находящаяся дальше остальныхъ отъ огня сраженія, можетъ позволить себѣ дальновидную политику; вліятельные круги ея понимаютъ, какое значеніе будетъ имѣть въ будущемъ, благодаря аграрной революціи въ Россіи, ея внутренній рынокъ. Она хотѣла бы гарантировать себѣ преобладаніе на этомъ рынкѣ. Въ то же время Америка понимаетъ, что если Россія можетъ сыграть какую-либо роль въ этой войнѣ, то слѣдуетъ дать

*) Канны извѣстны жестокимъ пораженіемъ римлянъ Ганнибаломъ.

ей возможность экономически обновиться, укрѣпиться. Но остальные бывшіе союзники не въ состояніи подняться до „высоты“ воззрѣній этого умнаго великаго хищника. Для Франціи, съ ея двадцатью милліардами русскихъ займовъ, не существуетъ ничего другого, кромѣ заботы объ обезпеченіи этихъ займовъ. Военное положеніе Франціи, угроза разгрома не позволяютъ ей даже военной политики вести съ болѣе далекимъ расчетомъ. Какъ же ей думать о выгодахъ усиленія Россіи черезъ годъ, когда ей угрожаетъ разгромъ завтра? Для нея важно только одно – принудить нѣмцевъ войти въ глубь Россіи и, такимъ образомъ, ослабить нѣмецкій отпоръ на Западѣ. Поэтому Франція безусловно за захватъ Сибири Японіей, такъ какъ она ожидаетъ, что Японія обезпечитъ ей русскіе займы и притянетъ къ Уралу нѣмецкія войска. Если французская пресса утверждаетъ, что японскій захватъ нуженъ для спасенія Сибири отъ нѣмцевъ, то это—сплошное лицемѣріе: она хочетъ, чтобы Германія заняла Россію, все остальное ей безразлично. Хищническіе аппетиты Японіи не требуютъ никакого объясненія. Между точкой зрѣнія Франціи и Америки колеблется англійскій имперіализмъ, не будучи въ состояніи занять опредѣленной позиціи. Сегодня онъ ведетъ переговоры съ Америкой объ экономической помощи Россіи, завтра – съ французскими авантюристами о занятіи Сибири. А такъ какъ политику рѣшаютъ люди дѣйствія, люди-иниціативы, то очень возможно, что въ скоромъ будущемъ кончатся всѣ разговоры союзниковъ, и мы будемъ стоять передъ голымъ фактомъ, что снова перерѣжетъ грудь Россіи линія окоповъ, которая будетъ дѣлить не два сражающихся между собой лагеря, а двѣ банды мародеровъ, грабящихъ по ту и другую стороны окоповъ несчастную страну, которая, переставъ быть субъектомъ имперіалистской войны, дѣлается ея объектомъ.

III

Политика передышки имѣла цѣлью использованіе времени для реорганизаціи силъ страны Совѣтской властью, для накопленія силъ къ новой борьбѣ. Мы имѣемъ за собой три мѣсяца передышки. Пусть назовутъ намъ эту организаціонную работу, которая сдѣлана за эти три мѣсяца. Были долгіе разговоры объ использованіи королей тре-

стовъ для соціалистическаго правительства. Кончилось разговорами, да и не могло быть иначе. Органическое строительство требуетъ не только времени, но и матеріальныхъ элементовъ, какъ исходнаго пункта. Нельзя начать строить, не имѣя кирпичей, т.-е. желѣза, угля, хлопка, машинъ. Мы говорили о товарообмѣнѣ съ деревней. Теперь, чтобы добыть хлѣбъ для голодающихъ городовъ,
(1) мы организуемъ крестовый походъ противъ деревенскихъ кулаковъ. Это необходимо, но необходимо только въ силу того, что мы не въ состояніи были наладить товарообмѣна, хотя въ Россіи больше мануфактуры, нежели въ Германіи. И мы начинаемъ крестовый походъ не противъ областей, богатыхъ хлѣбомъ, но находящихся по ту сторону линіи германскихъ штыковъ, а противъ областей, въ которыхъ мало излишковъ. Но даже эта борьба за Кубань и Донъ насъ столкнетъ съ Германіей.

Брестскій миръ, капитуляція передъ нѣмецкимъ имперіализмомъ, привелъ къ попыткамъ использованія буржуазіи, т.-е. къ попыткамъ соглашенія съ буржуазіей, какъ бы отъ этого названія вещи своимъ именемъ не открещивались правые коммунисты. Эта попытка кончилась ничѣмъ. Мы стоимъ въ борьбѣ съ контръ-революціей, а такъ какъ за этой контръ-революціей стоятъ германскіе и японскіе штыки, то мы неизбѣжно столкнемся съ ними. Въ послѣднихъ воззваніяхъ правительства слышатся ноты, которыя показываютъ, что оно начинаетъ понимать неизбѣжность этого столкновенія, но оно не рѣшается на опредѣленную политику, бьющую въ набатъ, готовящуюся къ открытому отраженію натиска. Оно не рѣшается поставить передъ массами вопроса хлѣба, вопроса труда, вопроса борьбы съ контръ-революціей во всемъ его объемѣ, и поэтому политика его—половинчатая, неискренняя—не можетъ будить, организовать силъ, которыя нашлись бы въ массахъ, если бы имъ открыто сказать, что онѣ идутъ къ гибели.

Главари правительства связаны по рукамъ и ногамъ чувствомъ военной немощи. Но развѣ это чувство не отвѣчаетъ дѣйствительности? Развѣ наша Красная Армія не находится въ началѣ организаціи? Этотъ вопросъ попадалъ бы въ точку, если бы наша борьба съ международнымъ имперіализмомъ могла и должна развиваться, какъ борьба двухъ армій. Роковая ошибка совѣтскаго правительства состоитъ именно въ томъ, что, осво-

бождаясь во всѣхъ другихъ областяхъ отъ буржуазныхъ взглядовъ, закрывающихъ существо вопроса, оно въ военномъ вопросѣ инертно, держится взглядовъ рутинной военщины, которые имъ тѣмъ легче внушаются отбросами бездарнаго русскаго генералитета, что никто изъ руководителей совѣтской политики не старается самостоятельно продумать особенностей проблемы войны Россіи съ имперіализмомъ, а, наоборотъ, всѣ они загипнотизированы картинами войны между имперіалистскими странами. Современная стратегія представляетъ собой науку объ условіяхъ борьбы капиталистическихъ государствъ; она беретъ исходнымъ пунктомъ своихъ разсужденій организованныя силы капиталистическихъ государствъ. Мы этихъ элементовъ силы не имѣемъ, и, поэтому, вожди совѣтской политики полагаютъ, что мы вообще не имѣемъ силы. Но капиталистическое государство и внутри покоилось на тѣхъ же элементахъ силы: на организованной, вооруженной массѣ и обладаніи техникой. Развѣ мы этой силѣ царизма могли противопоставить собственную организованную военную силу и технику? Нѣтъ, мы взорвали царизмъ, разложивъ основы его силы, ускоривъ ея разложеніе тѣмъ, что мы принуждали царизмъ нашей борьбой обращать эту силу противъ народной массы. Стратегія въ войнѣ буржуазныхъ государствъ между собой покоится на стремленіи собрать существующія силы для удара по мѣсту, гдѣ можетъ быть разгромленъ противникъ. Стратегія войны народнаго государства съ капиталистическимъ состоитъ въ томъ, чтобы принудить противника, сила котораго состоитъ въ господствѣ малаго класса эксплоататоровъ надъ своими народными массами, разбросать эти массы на большомъ пространствѣ, ослабить этимъ командную и контрольную силу маленькой кучки офицеровъ, привести эти „чужія“ народныя массы въ соприкосновеніе съ революціонными народными массами другой стороны.

Кто не учитываетъ этого различія между условіями въ стратегіи капиталистическаго и народнаго государства, тотъ поневолѣ будетъ убѣжденъ въ нашемъ полномъ безсиліи. Но достаточно конкретно представить себѣ ситуацію, которая создастся на случай нѣмецкаго наступленія при наличіи твердой воли совѣтскаго правительства не сдаваться. Наши военныя силы не будутъ, понятно, въ состояніи задержать непріятеля; онъ пойдетъ

такъ далеко въ страну, какъ далеко позволитъ ему учетъ максимальной возможности отдаленія отъ его оперативной базы, т.-е. Польши. Военные писатели Германіи, какъ и сочувствующіе ей шведскіе военные писатели (см. работу ген.-майора Норденсвана въ „Шведскомъ военномъ журналѣ"), считали одной изъ самыхъ большихъ опасностей для Германіи отдаляться черезчуръ далеко отъ обезпеченной базы, гдѣ существуетъ нѣмецкая администрація, гдѣ господство Германіи наиболѣе сильно, гдѣ находятся источники ея военной силы. И вотъ, нѣмецкое передвиженіе въ глубь Россіи означаетъ не менѣе и не болѣе, какъ отдѣленіе германскихъ войскъ, оперирующихъ на русской территоріи, отъ ихъ базы—Польши, Литвы, Курляндіи, Бѣлоруссіи—странъ, выжатыхъ до послѣдней степени, съ голоднымъ, бунтующимъ населеніемъ, ненависть котораго къ нѣмцамъ усиливается съ каждымъ днемъ. Такъ какъ всякое народное движеніе въ этихъ областяхъ можетъ отрѣзать нѣмецкія войска въ Россіи, то нѣмцы будутъ принуждены держать на связывающей ихъ съ базой территоріи многочисленнѣйшія войска. Въ Россіи же число войскъ, въ которомъ будетъ нуждаться Германія, будетъ расти тоже съ каждымъ днемъ. Возможно, что нѣмцамъ удастся захватить русскіе центры при помощи небольшихъ силъ, но если они хотятъ выжать изъ Россіи сырье, металлы, то имъ придется, противъ ихъ собственной воли и намѣреній, увеличивать количество своей арміи, такъ какъ недостаточно будетъ занять узловые пункты и главные центры, а придется охватывать всю страну. Народная масса, которая, можетъ-быть, въ моментъ нѣмецкаго наступленія не будетъ оказывать ему нужнаго сопротивленія,—эта народная масса, увидѣвъ, какъ нѣмцы отнимаютъ у нея землю и отдаютъ ее помѣщикамъ, водворяютъ капиталистическое хозяйство, вывозятъ изъ истощенной страны послѣдніе ея запасы,—эта народная масса будетъ бороться противъ нихъ всѣми средствами, доступными народу. Нѣмцы будутъ жить на вулканѣ, и это принудитъ ихъ увеличивать свои войска въ Россіи. Такимъ образомъ, ослабляя свои силы на западномъ фронтѣ, отсрочивая тамъ рѣшеніе затягиваніемъ войны, нѣмцы углубляютъ недовольство своихъ народныхъ массъ, недовольство въ своей арміи, стоящей на русской территоріи, подвергающейся ежедневно нападеніямъ со стороны населенія. Въ такой ситуаціи рабоче-крестьян-

ское правительство, потерявъ большую часть русской территоріи, но имѣя еще базу, въ которой оно заготовляетъ техническія средства борьбы, организуетъ кадры инструкторовъ, создаетъ сѣть нелегальныхъ агентуръ, сыграло бы роль организатора и руководителя народной массы въ ея борьбѣ противъ имперіализма.

Буржуазное государство, какъ органъ принужденія большинства меньшинствомъ, существуетъ лишь постольку, поскольку въ рукахъ его находится его территорія и всѣ органы и весь аппаратъ принужденія. Рабоче-крестьянское же правительство, опирающееся на борющіяся массы народа, руководящее этими массами, не перестаетъ быть правительствомъ, хотя оно утратило бы значительную часть территоріи; въ его рукахъ останутся средства принужденія по отношенію къ собственной буржуазіи и средства борьбы съ иностранной буржуазіей: народный массовый терроръ.

Если рабоче-крестьянское правительство этого не пойметъ, то оно не будетъ въ состояніи использовать даже этого короткаго срока, которымъ мы, жертвой большихъ уступокъ нѣмецкому имперіализму, можемъ располагать. Оно будетъ строить красную армію для задачъ, для которыхъ послѣдняя совсѣмъ не понадобится. Генералитетъ думаетъ о созданіи небольшой, но стройной арміи, которая будетъ играть роль давящаго фактора во время общихъ мирныхъ переговоровъ. Но впредь до того, какъ начнутся международные мирные переговоры, мы будемъ стоять передъ фактомъ нѣмецкаго наступленія. Тогда передъ нами встанетъ въ первую очередь не вопросъ о томъ, чтобы существующей арміей это наступленіе остановить, а о томъ, чтобы эту армію употребить, какъ кадры, организующіе нарастающее народное движеніе. Само собой понятно, что армія, предназначенная для этой задачи, должна быть иначе построена, чѣмъ армія, отвѣчающая выше намѣченнымъ цѣлямъ генералитета.

Насталъ послѣдній часъ, когда рабочее-крестьянское правительство можетъ еще выбирать путь. Если оно теперь не пойметъ, что въ ближайшемъ будущемъ ему придется организовать открытую борьбу съ имперіализмомъ, то, несмотря на всѣ его попытки справиться съ русской контръреволюціей, оно будетъ захвачено врасплохъ, какъ кіевская Рада.

І. Т. С.

Финансовая программа и „государственный капитализмъ".

Несмотря на всю остроту финансоваго кризиса, доставшагося намъ въ наслѣдство отъ царскаго режима и правительства Керенскаго, финансовая политика, если не считать націонализаціи банковъ (что, въ сущности, относится къ нѣсколько иной области), занимала одно изъ послѣднихъ мѣстъ въ ряду вопросовъ экономической политики Совѣтской власти. Правда, вопросъ о надвигающемся финансовомъ крахѣ сильно безпокоилъ отдѣльныхъ членовъ Совѣта Народныхъ Комиссаровъ и особенно т. Ленина, но никакихъ практическихъ выходовъ изъ положенія не намѣчалось и никакой программы въ этомъ вопросѣ не было. И надо сказать правду: Совѣтская власть въ области вопроса о финансовомъ кризисѣ неизбѣжно оказывалась въ несравненно болѣе затруднительномъ положеніи, чѣмъ любая буржуазная власть.

Даже и для послѣдней разрѣшеніе финансоваго вопроса представляло почти неразрѣшимую задачу. Огромные военные расходы и расходы по ликвидаціи войны, раздувавшіе до невѣроятныхъ размѣровъ расходный бюджетъ, покрытіе котораго путемъ налоговъ всякаго рода представлялось явно безнадежнымъ дѣломъ, неизбѣжность въ результатѣ этого покрытія этихъ расходовъ работы печатнаго станка, развалъ промышленности —все это дѣлало бы и для нея шансы на упорядоченіе нашихъ финансовъ ничтожными, но къ ея услугамъ все-таки была возможность — правда, проблематическая —иностранныхъ займовъ, хотя бы на чрезвычайно тяжелыхъ условіяхъ, „нормальнаго" буржуазнаго банкротства. И недаромъ бывшій министръ финансовъ
(1) Бернацкій въ своей статьѣ въ журналѣ „Міровая политика и народное хозяйство" выдвигаетъ теперь, какъ выходъ, международный золотой заемъ и девальвацію.

Для Совѣтской власти и этого выхода нѣтъ. О займѣ за границей для возстановленія металлической валюты и говорить не приходится. Кромѣ того, нашъ расходный бюджетъ растетъ колоссальнымъ образомъ въ результатѣ націонализаціи, требующей на первыхъ порахъ огромныхъ денежныхъ средствъ безъ гарантіи въ ближайшемъ будущемъ ихъ возвращенія. Къ этому присоединяется еще полное разстройство прежняго финансоваго аппарата. Задача становится уже совершенно неразрѣшимой.

И надо ясно дать себѣ отчетъ, что такого разрѣшенія и быть не можетъ. Прочность финансовъ всецѣло

зависитъ отъ прочности буржуазнаго строя. Поскольку мы идемъ къ соціализму, финансовое хозяйство должно постепенно отмирать. Въ самомъ дѣлѣ, при націонализаціи предпріятій отпадаетъ возможность обложенія прибыли. Когда все большее и большее число населенія начинаетъ получать содержаніе отъ Совѣтской власти, взиманіе подоходнаго налога представляетъ собой лишь сложную процедуру, результаты которой могутъ быть достигнуты гораздо проще соотвѣтственнымъ уменьшеніемъ уплачиваемыхъ суммъ. Для насъ финансовый и денежный кризисъ можетъ быть разрѣшенъ не путемъ возстановленія финансовъ и денежнаго обращенія, что означало бы возвратъ къ буржуазному строю, а ликвидаціей и денежной и финансовой системы путемъ перехода къ соціалистической организаціи производства.

Между тѣмъ, сознанія этого абсолютно незамѣтно въ тѣхъ попыткахъ построенія финансовой программы, которыя дѣлаются за послѣднее время. Комиссаръ финансовъ Гуковскій въ извѣстной своей рѣчи передъ Ц. И. К. въ сущности становился именно на первый путь — возстановленія буржуазныхъ экономическихъ отношеній. Ц. И. К. обошелъ молчаніемъ эту программу, не выразивъ ей ни одобренія, ни порицанія, очевидно не будучи въ состояніи противопоставить ей что-либо иное. Въ самомъ дѣлѣ, если идея возстановленія доходной части бюджета путемъ частичнаго возстановленія буржуазнаго строя оказалась для него непріемлемой, то другая идея — необходимости сокращенія расходнаго бюджета, строжайшей экономіи—давно уже проводится въ жизнь Совѣтомъ Народныхъ Комиссаровъ съ достойнымъ лучшей участи упорствомъ. Священное уваженіе къ деньгамъ и священный трепетъ передъ дефицитомъ слишкомъ глубоко живетъ въ душѣ руководителей Совѣтской власти, и немало націонализированныхъ заводовъ обязано этимъ чувствамъ продолжительной иногда остановкой, при чемъ эта тенденція въ послѣднее время явно усиливается. Какъ мы увидимъ впослѣдствіи, это уваженіе къ деньгамъ соединяется съ довольно острой ненавистью къ нимъ.

Отвергнувъ возвращеніе къ буржуазнымъ отношеніямъ и въ то же время стремясь упорядочить наше денежное и финансовое хозяйство, руководители Совѣтской власти явно становятся на мелко-буржуазную и утопическую точку зрѣнія. И это особенно замѣтно въ ихъ рѣчахъ на недавно закончившемся съѣздѣ комиссаровъ финансовъ.

Комиссаръ Госуд. банка т. Спунде развивалъ программу развитія дѣятельности банковъ. Методъ его весьма простъ: если буржуазныя основы банковскихъ (1)

операцій уничтожены, то надо насильственно создать условія ихъ возможности. И вотъ выдвигается проектъ принудительнаго держанія денегъ въ банкахъ: всѣ имѣющіяся на рукахъ деньги сверхъ установленной нормы должны быть вносимы на текущій счетъ. (Отмѣтимъ кстати, что эта идея усиленно проповѣдывалась т. Ленинымъ). Не говоря уже о практическихъ недоумѣніяхъ, невольно возникающихъ при этомъ, ибо, во-первыхъ, если у населенія есть лишнія деньги и это можно точно установить, то отчего ихъ просто не конфисковать; а во-вторыхъ, развѣ неизвѣстно, что имущество, заключающееся въ наличныхъ деньгахъ, благодаря ихъ подвижности, труднѣе всего поддается учету,—не говоря уже объ этомъ, неужели непонятно, что нельзя уничтожать основы, не уничтоживъ всей надстройки, и что этой надстройки не удержишь въ этомъ случаѣ никакими искусственными подпорками. Надо сказать откровенно:
(1) эта идея достойна блаженной памяти Прудона.

Съ другой стороны, тов. Ленинъ заявилъ о предстоящемъ обмѣнѣ старыхъ денежныхъ знаковъ на новые. Сама по себѣ эта мѣра столь же необходима, какъ и обыкновенна. Конечно, абсолютно невозможно существовать при томъ разнообразіи денежныхъ знаковъ, царскихъ кредитныхъ билетовъ, керенокъ, купоновъ гос. процентныхъ бумагъ, облигацій займа свободы, которое существуетъ сейчасъ. Ничего нельзя возразить и противъ попытки аннулировать при обмѣнѣ часть бумажныхъ цѣнностей, хотя едва ли это аннулированіе произойдетъ въ томъ видѣ, какъ это намѣчено въ рѣчи тов. Ленина—путемъ частичной только оплаты денегъ, представляемыхъ къ обмѣну въ превышающемъ опредѣленную норму количествѣ. Но любопытно, какъ мотивируется эта мѣра: „При переходѣ къ соціализму необходима замѣна теперешнихъ денежныхъ знаковъ другими свидѣтельствами на общественное благосостояніе. Деньги, бумажки, то, что называется сейчасъ деньгами, дѣйствуютъ разлагающимъ образомъ и опасны тѣмъ, что буржуазія, храня запасы этихъ бумажекъ, остается при экономической власти". Но, во имя Маркса, неужели непонятно, что никакого запаса денегъ нехватитъ, если не будетъ постояннаго притока этихъ бумажекъ въ мѣста ихъ скопленія, и что если бы этого не было, буржуазія уподобилась бы Скупому Рыцарю, сидящему на своихъ сундукахъ, т.-е. перестала бы быть буржуазіей. Неужели не ясно, что противъ скопленія этихъ денегъ въ буржуазныхъ карманахъ есть только одно средство—отнять у нея источники ея доходовъ, т.-е. планомѣрно націонализовать и организовать производство? Въ противномъ случаѣ деньги самаго

соціалистическаго рисунка и съ самыми соціалистическими подписями будутъ скопляться въ ея карманахъ съ такимъ же успѣхомъ, какъ и бумажки съ портретами царей и за подписью ихъ слугъ. И уже верхомъ мелкобуржуазнаго утопизма является прокламированіе этой мѣры, какъ соціалистической, и фразы о „послѣднемъ и рѣшительномъ боѣ съ буржуазіей" на этомъ театрѣ войны. Во всѣхъ этихъ тирадахъ звучитъ только мелкобуржуазная ненависть къ деньгамъ, тщетное стремленіе, освященное, впрочемъ, всѣми мелкобуржуазными экономистами, ущемить капиталистическое производство за его денежный хвостъ, обламывающійся, какъ у ящерицы, лишь только его схватишь, и довольно быстро вновь отрастающій. И крайне характерно то, что такіе проекты выдвигаются какъ-разъ въ то время, когда начинаются разговоры—и не только разговоры—о пріостановкѣ націонализаціи или проведеніи ея въ видѣ „государственнаго капитализма", который въ послѣднее время такъ усердно рекламируетъ тов. Ленинъ.

Подъ этотъ государственный капитализмъ пытается подвести основы банковской политики тов. Спунде. Всѣ предпріятія, какъ націонализированныя, такъ и ненаціонализированныя, кредитуются Гос. банкомъ, одновременно съ чѣмъ Государственное казначейство, т.-е. учрежденіе, вѣдающее денежными суммами самого государства, сливается съ Гос. банкомъ. Трудно представить себѣ, какимъ образомъ при этихъ условіяхъ будетъ банкъ выдавать деньги по бюджетной смѣтѣ,—во всякомъ случаѣ, націонализированнымъ предпріятіямъ онъ будетъ. ихъ отпускать въ видѣ кредита. Но, вѣдь, это значитъ, что націонализированныя предпріятія ведутся на капиталистическихъ основахъ—хотя и государственно-капиталистическихъ — т.-е. получаютъ отъ банка деньги взаймы, ведутъ съ помощью ихъ производство, продаютъ свои продукты и возмѣщаютъ банку заемъ, оставляя прибыль себѣ, съ обязательствомъ, по всѣмъ вѣроятіямъ, вносить ихъ на текущій счетъ банка. Банку, съ другой стороны, принадлежитъ право контроля надъ этими предпріятіями. Основаніе для такого контроля, очевидно, лишь то, что банкъ можетъ въ случаѣ чего прижать непокорное предпріятіе. Однимъ словомъ, типичный сколокъ съ буржуазной системы. Тов. Спунде забываетъ только то, что нѣкоторыя предпосылки его системы уже не существуютъ, что если раньше для предпріятія (если не считать періодовъ экономическихъ потрясеній) деньги были все, и, обладая ими, можно было получить все нужное для производства, то сейчасъ положеніе нѣсколько иное: учрежденій, могущихъ сейчасъ „прижать" предпріятіе, сколько угодно, и, напри-

мѣръ, отдѣлъ топлива съ этой точки зрѣнія могъ бы выполнить контролирующую роль нисколько не хуже, чѣмъ Государственный Банкъ. Тов. Спунде забываетъ, что отношенія, аналогичныя тѣмъ, которыя онъ рисуетъ, въ буржуазномъ обществѣ основываются не на власти банковаго капитала (онъ очень долго игралъ весьма скромную роль), а на объединеніи банковъ и промышленныхъ предпріятій въ рукахъ опредѣленныхъ финансово-экономическихъ группъ финансоваго капитала. Впрочемъ, кое-гдѣ у него проскальзываетъ и другая мысль: контроль Гос. банка надъ національными предпріятіями основывается на томъ, что Гос. банкъ постепенно становится органомъ центральнаго счетоводства соціалистическаго производства. Допустимъ, что это такъ; но тогда этому счетоводу и надо отвести соотвѣтствующее мѣсто—бухгалтеръ не управляетъ предпріятіемъ.

Вообще надо бы разъ навсегда покончить съ иллюзіями будто, націонализировавъ банки, мы націонализировали кредитъ: это возможно только тогда, если Государственный банкъ остается органомъ буржуазнаго государства, надежнаго приказчика г.г. капиталистовъ. Если этого нѣтъ, то и отъ всей этой системы ничего не остается. Націонализаціей банковъ мы разрушили кредитъ, и это было правильно, потому что мы нанесли этимъ буржуазіи жестокій ударъ. И незачѣмъ воскрешать старый финансово-капиталистическій аппаратъ подъ соціалистическимъ соусомъ: предпріятіе явно безнадежное.

Программа, намѣченная въ рѣчахъ на съѣздѣ финансовыхъ комиссаровъ, если развить ее послѣдовательно (чего, къ счастью, авторы рѣчей не сдѣлали), является типичной утопической программой мелкаго буржуа, захотѣвшаго, въ качествѣ такового, построить систему государственнаго капитализма. Только исходя изъ неизбѣжности постепеннаго исчезновенія государственныхъ финансовъ, можно намѣтить рядъ отдѣльныхъ мѣропріятій въ этой области, которыя дадутъ намъ возможность пережить переходный моментъ. И въ этомъ случаѣ надо особое вниманіе обратить на деревню.

Нѣтъ никакого сомнѣнія, что деревня еще долгое время не будетъ втянута въ орбиту соціалистическаго производства. Именно тутъ, поэтому, дольше всего будетъ сохраняться источникъ финансовыхъ средствъ Совѣтской республики. Но здѣсь едва ли можно будетъ примѣнить въ широкомъ маштабѣ систему налоговъ. Деньги могутъ быть извлечены оттуда лишь путемъ
(1) продажи туда по возможно высокимъ цѣнамъ продуктовъ націонализированнаго производства. При достаточно широкой постановкѣ этого дѣла можно было бы добиться

здѣсь значительныхъ результатовъ. Но для этого надо широко провести систему обобществленія промышленности, довести силу ея организаціи до того, что деревня фактически попадетъ въ зависимость отъ города. Необходимо планомѣрное обобществленіе производства на соціалистическихъ началахъ, отказъ отъ плановъ не только полугосударственнаго трестированія, но и отъ „государственнаго капитализма"; только идя въ этомъ направленіи, сможемъ мы добиться разрѣшенія финансоваго кризиса, и въ эту сторону надо направить всѣ свои усилія.

В. Смирновъ.

Къ вопросу о совѣтской власти.

Общеизвѣстны причины, пріостановившія дальнѣйшее развитіе нашей революціи и заставившія ее безъ боя начать постепенный отходъ съ занятыхъ позицій: сложность международнаго положенія, заминка въ возникновеніи западно-европейской революціи, мелкобуржуазные навыки и укладъ жизни большинства населенія, колоссальная хозяйственная разруха и т. д. Въ этотъ перечень, однако, забываютъ включить еще одинъ факторъ, отрицательно вліяющій на развитіе русской революціи: это — **консерватизмъ самихъ совѣтскихъ организацій**, — консерватизмъ, обусловленный какъ матеріальнымъ (общественнымъ) положеніемъ многочисленной арміи совѣтскихъ работниковъ, такъ и начавшей складываться у нихъ въ силу этого положенія своеобразной психологіей.

Чтобы разобраться въ затронутомъ нами вопросѣ, попробуемъ подойти къ дѣлу такъ, какъ это сдѣлалъ бы соціологъ, занятый анализомъ происхожденія и состава той или иной общественной группы, изслѣдованіемъ ея групповыхъ интересовъ и стремленій.

Октябрьская революція, разрушивъ старый государственный аппаратъ и отстранивъ обслуживавшихъ его чиновниковъ, поставила рабочій классъ передъ необходимостью создать новую государственную машину, приспособленную къ измѣнившемуся общественному строю. Открылся широкій просторъ для дѣятельной организаціонной работы, и десятки тысячъ людей получили возможность использовать свои дарованія и способности въ совѣтскихъ организаціяхъ. Изъ кого составилась эта обширная армія совѣтскихъ работниковъ, ринувшаяся въ различные комиссаріаты и комиссіи, вѣдомства и отдѣлы, бюро и комитеты?

Сюда, очевидно, вошли, прежде всего, старые, испытанные партійные работники; однако, если мы хотимъ быть трезвыми реалистами, намъ придется признать, что лишь незначительная часть ихъ является настолько активной и неутомимой, чтобы думать о дальнѣйшемъ развитіи революціи, объ ея продвиженіи; большинство же партійцевъ, уставшихъ отъ многолѣтнихъ эмигрантскихъ скитаній, отъ изнурительной подпольной работы, отъ полной опасностей жизни революціонера—теперь, послѣ побѣды пролетаріата, стремится къ тихой и мирной работѣ по строительству соціализма: эта группа склонна разсматривать свое пребываніе въ совѣтскихъ организаціяхъ, какъ естественное завершеніе и увѣнчаніе своей тяжкой предварительной работы, и невольно начинаетъ относиться съ враждебностью и скрытой боязнью ко всякимъ крайнимъ мѣрамъ, могущихъ нарушить добытое съ такимъ трудомъ спокойствіе.

Въ совѣтскія организаціи пошелъ работать также тотъ полуинтеллигентный, не очень богатый знаніями слой, которому не было ходу при старомъ режимѣ, теперь же, благодаря саботажу хорошо обученнаго техническаго персонала, всякій, кто обладалъ хоть кое-какими познаніями или даже просто зналъ счетъ и грамоту, становился цѣннымъ и нужнымъ человѣкомъ, за котораго хватались обѣими руками.

Эти полуинтеллигенты (конторщики, писаря, мелкіе чиновники, мелкіе служащіе и т. д.), не могшіе и думать о какой-нибудь „карьерѣ“ при старомъ режимѣ, теперь, благодаря октябрьской революціи, вызвавшей огромный спросъ на всякаго рода техниковъ и спеціалистовъ, „выбились въ люди“: они, въ цѣломъ и общемъ (мы не говоримъ объ отдѣльныхъ „идейныхъ“ людяхъ или даже группкахъ), разумѣется, заинтересованы въ сохраненіи своего привилегированнаго положенія, а это положеніе дѣйствительно привилегированно: извѣстный „вѣсъ“ и почетъ въ глазахъ людей своего круга, приличное жалованье, бóльшая обезпеченность продовольствіемъ, множество мелкихъ льготъ и преимуществъ—все это заставляетъ средняго совѣтскаго работника дорожить своимъ мѣстомъ и отнюдь не располагаетъ къ революціонному дерзанію.

Въ составъ арміи совѣтскихъ сотрудниковъ нужно включить еще ту безпардонную публику, которая готова служить кому угодно и при какомъ угодно строѣ, и теперь безъ всякой внутренней борьбы „примазалась“ къ совѣтской власти, и, наконецъ, отмѣтимъ еще множество всякаго рода техниковъ и спеціалистовъ, которые безусловно не сочувствуютъ власти Совѣтовъ и пошли къ нимъ на службу лишь за большія деньги, благо молодой республикѣ такъ нужны люди.

Эта группа является, пожалуй, самой реакціонной: только поиски заработка (а нерѣдко и стремленіе къ наживѣ) заставляютъ членовъ этой группы отдавать свои знанія и опытъ рабочему классу; ихъ пугаетъ самое существованіе Совѣтовъ, и они готовы примириться съ ними только въ томъ случаѣ, если Совѣты переродятся, приспособятся къ обывателю, будутъ пріемлемы для широкихъ слоевъ буржуазной демократіи; такъ какъ руководящіе круги съ этой группой считаются, цѣнятъ ее, дорожатъ ею, то она имѣетъ возможность оказывать давленіе извнутри на политику Совѣтовъ въ указанномъ выше консервативномъ и даже реакціонномъ направленіи.

Таковъ составъ той новой общественной группы, которая именуется—персоналомъ совѣтскихъ работниковъ. При общей малокультурности и отсталости Россіи и бѣдности ея интеллигентными силами, онъ и не могъ быть инымъ: частью уставшіе, частью вообще ненадежные группы и слои въ качествѣ общаго фона и небольшіе зернышки и ядрышки активныхъ и неутомимыхъ идейныхъ работниковъ въ качествѣ исключенія.

Изъ нашего анализа видно, что персоналъ совѣтскихъ работниковъ, заинтересованный въ цѣломъ и общемъ въ сохраненіи своего привилегированнаго положенія и своихъ чисто-профессіональныхъ интересовъ, склоненъ выступать; какъ консервативная общественная группа; отсюда нѣкоторое недовѣріе къ рабочимъ массамъ, стремленіе изолировать себя отъ нихъ, забаррикадироваться, поползновеніе уйти отъ контроля партіи (на что такъ жалуются провинціальныя партійныя газеты), боязнь потрясеній, не всегда достаточное вниманіе къ нуждамъ рабочихъ, склонность къ компромиссамъ, стремленіе приспособить грозную совѣтскую власть къ среднему обывателю-мѣщанину, канцелярская волокита и т. д.

Мы далеки отъ утвержденія, что совѣтскій персоналъ уже превратился въ бюрократію новѣйшаго изданія, такъ же безнадежно оторвавшуюся отъ массъ, какъ это произошло, напримѣръ, съ верхушками германскихъ профессіональныхъ союзовъ,—но несомнѣнно, что тенденція къ этому имѣется. Разумѣется, здѣсь дѣло не въ злой волѣ отдѣльныхъ личностей или въ какомъ-нибудь своеобразіи русской революціи: такая опасность угрожаетъ всякой соціалистической революціи, ибо капиталистическій строй принялъ всѣ мѣры къ тому, чтобы въ корнѣ уничтожить всякую самодѣятельность массъ и пріучить ихъ къ мысли, будто управленіе государствомъ должно происходить помимо нихъ спеціально для того обученными людьми (чиновниками). Во всякомъ случаѣ, нужно бороться съ тѣмъ, чтобы октябрьская

революція была использована въ интересахъ сравнительно незначительной группы, и средство для этого одно: вовлеченіе широкихъ рабочихъ массъ въ общественную работу, облегченіе и усиленіе контроля рабочихъ надъ тѣмъ персоналомъ, который призванъ обслуживать ихъ нужды, уничтоженіе всякихъ привилегій для общественныхъ работниковъ.

Наконецъ, сама партія, которая сравнительно болѣе застрахована отъ разложенія, должна усилить контроль надъ совѣтскими фракціями и сдѣлать общественныхъ работниковъ подотвѣтственными и подотчетными.

Неоднократно указывалось, что власть Совѣтовъ Рабочихъ и Крестьянскихъ Депутатовъ есть высшее достиженіе нашей революціи. Это, конечно, правильно, но нельзя забывать того, что **партія (коммунистовъ) всегда и вездѣ выше Совѣтовъ.** И это вполнѣ понятно: только партія выступаетъ, какъ защитница интересовъ **международнаго пролетаріата**, международнаго рабочаго класса; Совѣты же являются представителями **трудовой демократіи вообще**, а интересы ея, въ частности, интересы мелкобуржуазнаго крестьянства, не всегда совпадаютъ съ интересами пролетаріата.

Лѣвые коммунисты являются самыми яростными приверженцами совѣтской власти, но, разумѣется, постольку, поскольку эта власть неуклонно гнетъ пролетарскую линію и не перерождается, подъ вліяніемъ причинъ, указанныхъ въ началѣ статьи, въ сторону мелкобуржуазности.

Наши товарищи любятъ укорять насъ въ томъ, что мы, якобы, вносимъ дезорганизацію въ дружную совѣтскую работу, являемся врагами Совѣтовъ „слѣва“. Это, конечно, сплошное недомыслiе. Подлинная диктатура пролетарскихъ Совѣтовъ, не знающая компромиссовъ политика, отказъ отъ какихъ бы то ни было оппортунистическихъ шаговъ—таковы домогательства лѣвыхъ коммунистовъ.

Мы не скрываемъ того, что неуклонное проведеніе пролетарской линіи во внѣшней и внутренней политикѣ чревато грозными опасностями и, быть-можетъ, даже временной гибелью, но мы полагаемъ, что въ интересахъ международнаго пролетарскаго движенія предпочтительнѣе погибнуть подъ напоромъ внѣшнихъ силъ, но погибнуть, дѣйствительно, какъ **подлинная власть пролетаріата**, нежели сохранить свое существованіе путемъ приспособленія къ обстоятельствамъ, отказа отъ принциповъ коммунизма, перерожденія совѣтской власти и сохраненія за ней лишь внѣшней оболочки, „фирмы“ пролетарскихъ Совѣтовъ, при совершенно непролетарскомъ содержаніи. Этотъ второй путь связанъ съ разло-

женіемъ, гніеніемъ совѣтской власти, разочарованіемъ въ ней рабочихъ массъ Россіи и Запада.

Вл. Соринъ.

Кризисъ австро-венгерской монархіи.

Русская революція была memento mori (напоминаніе о смерти) въ первую очередь Австріи.

Хроническое отсутствіе равновѣсія государственной жизни стало нормальнымъ состояніемъ обѣихъ половинъ Габсбургской монархіи. Въ Австріи правительство не можетъ опереться ни на одну изъ партій; въ Венгріи, гдѣ каждый день приноситъ новыя партійныя перегруппировки, невозможно образованіе болѣе или менѣе устойчиваго правительства и правительственной партіи.

Идея государства переживаетъ свой послѣдній, критическій, лучше сказать, совершенно безнадежный періодъ. Въ Венгріи, гдѣ безсмыслица „національнаго" государства, включающаго въ себя восемь разныхъ національностей, была непреодолимымъ тормозомъ, исключавшимъ возможность какихъ-либо демократическихъ завоеваній, создадся такой клубокъ противорѣчій, распутать который можетъ лишь революція.

Двуединая монархія,—это совершенно своеобразное образованіе, само представляющее какъ бы символъ противорѣчій, требующихъ разрѣшенія,—съ каждымъ шагомъ своего развитія попадаетъ въ сѣть все новыхъ и новыхъ противорѣчій. Имперіалистическое развитіе нанесло послѣдній ударъ государственному зданію Австро-Венгріи: проблемы, не разрѣшимыя и раньше, съ нарожденіемъ имперіализма стали еще болѣе запутанными.

Тѣмъ болѣе удивительно, что нѣкоторые соціалисты пытались, исходя изъ марксистской точки зрѣнія, разрѣшить національный вопросъ въ Австріи въ предѣлахъ программы-минимумъ, не затрогивая основъ капиталистическаго общественнаго порядка. Однако, жизнь совершенно неопровержимо доказала, что національная проблема абсолютно неразрѣшима отдѣльно отъ остальныхъ соціальныхъ вопросовъ во всей ихъ совокупности. Какъ-разъ своеобразіе развитія австро-венгерскаго имперіализма лучше всего доказываетъ полную несостоятельность плановъ Реннеръ—Бауэра, пытавшихся спасти во что бы то ни стало идею государства, хотя бы и въ нѣсколько измѣненномъ видѣ. (1) (2)

Аннексіонистская политика австро-венгерской монархіи, какъ бы парадоксально это ни звучало, была лишь средствомъ для продленія ея существованія. Политика наступленія и захватовъ, одерживающая сейчасъ такія побѣды въ Польшѣ и Румыніи, въ дѣйствительности не обладаетъ достаточными силами даже для самообороны и безъ помощи иностраннаго, нѣмецкаго имперіализма,—и притомъ помощи, въ значительной мѣрѣ навязанной силою,—была бы просто мечомъ безъ лезвія и рукоятки. Это безсиліе и является причиной все сильнѣе развивающихся стремленій порабощенныхъ національностей къ отдѣленію отъ монархіи. И въ то же время какъ-разъ эти стремленія и являются первоисточникомъ австрійской аннексіонистской политики: государственная власть, вынужденная, благодаря существованію этихъ центробѣжныхъ стремленій, все рѣшительнѣе становиться на путь неприкрытаго абсолютизма, только при помощи аннексій можетъ отодвигать разрѣшеніе ребромъ поставленнаго національнаго вопроса.

Разрѣшить эту проблему демократическимъ путемъ, т.-е. при помощи всеобщаго избирательнаго права, какъ это неоднократно рекомендовалось соціаль-демократами, оказалось просто невозможнымъ. Даже настоящій демократическій строй, осуществить который не позволяютъ интересы финансовой олигархіи,—чешской и мадьярской въ той же мѣрѣ, какъ и нѣмецкой,—оказался бы столь же несостоятельнымъ при разрѣшеніи національнаго вопроса. Всякая осуществлявшаяся или даже только проектировавшаяся реформа, имѣвшая своею цѣлью разрѣшеніе его въ предѣлахъ капиталистическаго строя, не только не смягчала, а, наоборотъ, лишь обостряла вопросъ.

Существовало совершенно ошибочное воззрѣніе, которое не дооцѣнивало противоположности интересовъ пролетаріата и буржуазіи одной и той же угнетенной національности, не дооцѣнивало власти буржуазіи надъ пролетаріатомъ и заинтересованности ея въ сохраненіи
(1) господства надъ нимъ. Въ этомъ отношеніи Дашинскій и Немецъ впадали въ ту же ошибку, что Реннеръ и Отто Бауэръ. Эта недооцѣнка породила у австро-нѣмецкихъ соціаль-демократовъ идею спасенія Австріи путемъ ея демократизаціи; у чешскихъ соціаль-демократовъ она вылилась въ стремленіе къ сепаратизму, ею же диктовалась полная неопредѣленности политика Дашинскаго. Нѣмецкіе марксисты, а за ними польскіе и чешскіе соціаль-демократы по очереди, должны были убѣдиться въ своей ошибкѣ.

Разрѣшить національный вопросъ демократическимъ путемъ было невозможно. Единственнымъ средствомъ спасти существованіе распадавшагося государственнаго механизма могла быть лишь политика аннексій.

Сколько бы прекрасныхъ пацифистскихъ рѣчей ни произносилъ еще Черинъ, сколько бы еще разъ ни провозглашалъ онъ мира безъ аннексій, поскольку все это говорится для заграницы,—это лишь слѣдствіе отсутствія силъ, необходимыхъ для веденія имперіалистской политики; поскольку же эти рѣчи и обѣщанія обращены къ собственной странѣ,—онѣ являются лишь демагогическими пріемами. Внутренняя необходимость принуждала монархію стремиться къ новымъ территоріальнымъ захватамъ, къ подчиненію новыхъ иноплеменныхъ народовъ,—только такимъ путемъ она могла держать въ повиновеніи національности, издавна угнетаемыя ею. Но, конечно, это былъ въ то же время лучшій путь для умноженія противорѣчій.

Интересы экспорта, которые были столь дороги австро-венгерскому финансовому капиталу, требовали сильной центральной власти; они требовали сильнаго милитаристическаго аппарата. То и другое служило однако, не только для расширенія „сферъ вліянія", но одновременно гарантировало внутренній рынокъ отъ отпаденія различныхъ его частей. Все это создавало впечатлѣніе, будто австро-венгерскій имперіализмъ менѣе агрессивенъ, чѣмъ остальные. Въ дѣйствительности безсиліе центральной государственной власти и милитаризма, наоборотъ, являются дополнительнымъ побудительнымъ мотивомъ аннексіонистской политики Австро-Венгріи. Этотъ мотивъ усиливаетъ движущія силы чисто-имперіалистическаго порядка. Аннексіонистская политика Австріи—это послѣднее усиліе, диктуемое полнымъ безсиліемъ.

Аннексія части Румыніи въ пользу Венгріи, прикрѣпленіе Польши къ монархіи являются лишь средствомъ предохранить государственное цѣлое отъ распада на части; это—средство сохранить гнетъ, тяготѣющій надъ этими частями, путемъ расширенія его базы, расширенія рынка сбыта во имя сохраненія внутренняго рынка.

* * *

Послѣдствія войны, особенно задолженность, порожденная ею, дѣлаютъ аннексіи еще болѣе необходимыми для Австро-Венгріи. Задолженность Австро-Венгріи за время войны возросла до такой степени, что Германія, требуя отъ монархіи принудительнаго присоединенія Польши, охраняетъ прежде всего свои собственные интересы: интересы кредитора.

Австрійскіе финансовые заправилы уже выкинули лозунгъ: „равенство въ несеніи государственныхъ повинностей“, что въ переводѣ на языкъ простыхъ смертныхъ означаетъ, что Польша должна взять на себя часть австро-венгерскаго военнаго долга. Эта контрибуція за „освобожденіе“ опредѣляется въ руководящихъ австрійскихъ финансовыхъ кругахъ по такому расчету, который показываетъ, что къ концу четвертаго года войны военный долгъ монархіи достигнетъ круглой цифры—въ 100 милліардовъ кронъ. Если не принимать въ расчетъ „уравненія въ несеніи государственныхъ повинностей“, австрійскій государственный долгъ къ концу четвертаго года войны достигнетъ 63 милліардовъ кронъ, венгерскій—36 милліардовъ, а государственный долгъ старой монархіи въ цѣломъ—97 милліардовъ. Изъ этой суммы военнаго долга на каждаго жителя Австріи приходится 2.132 кроны, Венгріи—1.165 и на жителя всей монархіи въ цѣломъ—1.934 кроны. Ежегодно каждому жителю придется платить по военнымъ займамъ: въ Австріи—128, въ Венгріи—100 и жителю двуединой монархіи—116 кронъ.

По вычисленіямъ финансистовъ изъ „Neue Freie Presse“, Польша должна взять на себя изъ общей суммы военнаго долга приблизительно 20 милліардовъ кронъ. Въ такомъ случаѣ часть долга, падающая на каждую душу населенія въ Польшѣ, равнялась бы 1.553 кронамъ, въ Австріи—1.712, въ Венгріи—1.337, въ новой монархіи въ цѣломъ—1.553 кр. Ежегодно каждому жителю приходилось бы уплачивать на покрытіе военныхъ займовъ: въ Польшѣ—93 кр., въ Австріи—103, въ Венгріи—80, жителю новой монархіи—93 кроны. Такимъ образомъ, каждый освобожденный полякъ долженъ будетъ начать свою „свободную“ жизнь тѣмъ, что на его плечи свалится долгъ въ 1.553 кроны и ежегодная контрибуція въ 93 кроны. Австро-венгерскіе имперіалисты утѣшаютъ поляковъ тѣмъ, что имъ пришлось бы гораздо хуже, если бы послѣ войны они должны были жить подъ гнетомъ царизма. Ясно, что для Австріи присоединеніе Польши будетъ имѣть одно безусловно выгодное послѣдствіе: если и перелагать части военнаго долга на Польшу, то сумма ежегодныхъ платежей по займамъ, приходящаяся на долю каждаго жителя послѣ четырехъ лѣтъ войны, включая сюда 24 кроны, которыя онъ долженъ платить по займамъ довоеннаго періода, достигла бы въ Австро-Венгріи 160 кронъ; провозглашенное „уравненіе въ несеніи государственныхъ повинностей“, стремленіе наложить контрибуцію за освобожденіе имѣетъ, такимъ образомъ, тѣ же самые корни, что и аннексіонистская политика. Центральная власть не была достаточно сильна для того, чтобы держать въ

подчиненіи южно-славянскія народности въ Австріи и Венгріи (Кроація и Южная Венгрія), и поэтому нуждалась въ покореніи Сербіи и захватѣ румынской территоріи въ интересахъ угнетенія славянъ и румынскаго населенія Венгріи. Финансовые ресурсы монархіи исчерпаны до дна. Населеніе не могло выдержать семи займовъ. Тогда прибѣгли къ политикѣ насилія по отношенію къ Польшѣ. Старыя внутреннія противорѣчія отнюдь не разрѣшались такимъ путемъ; зато возникли новыя, накоплялся новый революціонный матеріалъ; отдѣльныя національности, оказывающія сопротивленіе государственной власти, получаютъ новыя подкрѣпленія; силы революціи растутъ.

Выхода нѣтъ. Не помогаетъ нисколько и проповѣдуемая Реннеромъ идея, что въ государствѣ національностей соціаль-демократія должна взять на себя роль защитницы государственной власти отъ нападеній отдѣльныхъ національностей.

То обстоятельство, что австро-венгерскій капитализмъ исчерпалъ себя, что онъ экономически несостоятеленъ, что онъ опирается лишь на слабый аппаратъ угнетенія,— неизбѣжно выдвинетъ обнищавшій австро-венгерскій пролетаріатъ въ первые ряды въ борьбѣ противъ капиталистовъ всѣхъ національностей противъ существующей государственной власти. Если государственная власть можетъ опираться лишь на рабочій классъ, удовлетворить который она не въ состояніи, ясно, что она доживаетъ свои послѣдніе дни. Соотношеніе революціонныхъ силъ показываетъ, что Австрія находится наканунѣ „общенаціональной революціи", при чемъ признаки ея проявляются совершенно на русскій образецъ. Въ монархіи установленъ самый откровенный абсолютистическій режимъ. Его императорское величество кайзеръ и король принужденъ былъ пойти въ Каноссу, чтобы получить прощеніе отъ Вильгельма и (1)
нѣмецкихъ имперіалистовъ за прегрѣшенія въ эльзасъ-лотарингскомъ вопросѣ. Заслужить это прощеніе ему было безусловно необходимо, такъ какъ государственный аппаратъ монархіи не можетъ функціонировать иначе, какъ съ помощью Германіи. Послѣдствіемъ этой полной капитуляціи было то, что въ верхней палатѣ даже чешскіе аристократы не нашли возможнымъ защищать кайзера отъ нападокъ. Вождь венгерской лѣвобуржуазной антидинастической оппозиціи графъ Карольи не (2)
только вступаетъ въ сношенія съ французами, но пытается, несмотря на всю свою антипатію къ австрійцамъ и ненависть къ чехамъ, войти въ блокъ со всей австрійской оппозиціей. Это—первая въ австро-венгерской монархіи попытка создать оппозицію въ австро-

венгерскомъ масштабѣ. Опорой династіи служитъ только часть нѣмецкой и часть крупной венгерской буржуазіи. Остальныя буржуазныя группы не желаютъ сопровождать кайзера въ Каноссу. Къ недовольству буржуазіи политикой правительства присоединяется настроеніе арміи. На Украинѣ, въ Черниговской губерніи, одинъ изъ венгерскихъ полковъ отказался выполнять приказанія начальства; въ польскихъ полкахъ происходятъ митинги; возвращающихся военнопленныхъ приходится содержать въ концентраціонныхъ лагеряхъ, такъ какъ иначе невозможно водворить среди нихъ дисциплины. Воинская часть, сопровождавшая участниковъ покушенія въ Сараевѣ, выказываетъ имъ знаки симпатіи, и начальникъ отряда, фельдфебель, заявляетъ на военномъ судѣ, что не существуетъ уже никакой военной дисциплины и подчиненія военнымъ регламентамъ.

Тироль и нѣмецкую часть Чехіи принуждены кормить нѣмецкими запасами, награбленными Германіей на Украинѣ. Въ рабочемъ движеніи все замѣтнѣе сдвигъ влѣво. Въ Венгріи крестьяне отказываются продавать запасы зерна оптовикамъ, занимающимся вывозной торговлей. Рабочій классъ еще разъ обманулся въ своихъ
(1) ожиданіяхъ реформы избирательнаго права. Тисса снова у власти и попрежнему упорно не даетъ теперешнимъ вождямъ рабочаго движенія возможности войти въ соглашеніе съ правительствомъ на почвѣ избирательной реформы. Періодъ „общенаціональной“ революціи въ Австріи будетъ, по всей вѣроятности, еще менѣе продолжителенъ, чѣмъ въ Россіи. Въ Австро-Венгріи рабочій классъ составляетъ гораздо болѣе значительную часть населенія, чѣмъ въ Россіи. Демократическая республика еще въ меньшей степени способна разрѣшить всѣ тѣ проблемы, которыя выдвинетъ революція. Классовыя противорѣчія и соотношеніе силъ между различными классами общества сразу станутъ ясными, когда начнется буржуазная „общенаціональная“ революція, и когда выступитъ пролетаріатъ, какъ самостоятельный, имѣющій безусловный перевѣсъ классъ.

Общность интересовъ пролетаріата различныхъ національностей по мѣрѣ развитія революціи будетъ становиться все болѣе и болѣе очевидной; совершенно очевидной будетъ и та ошибка, въ которую впадали соціаль-демократы угнетенныхъ національностей, недооцѣнивая власти „отечественнаго“ капитала и силы своей „отечественной“ буржуазіи. Разъ будучи пущенъ въ ходъ, локомотивъ революціи будетъ мчаться здѣсь съ гораздо большей быстротой.

Органическая неспособность любого буржуазнаго строя и парламентаризма разрѣшить грандіозныя проблемы,

затрогивающія жизненные интересы пролетаріата, обнаружится тотчасъ же. Въ свою очередь, жизненные интересы капитала сдѣлаютъ переходъ буржуазной демократіи къ имперіалистской диктатурѣ совершенно неизбѣжнымъ. Сейчасъ взоры каждаго революціонера должны быть устремлены на Австро-Венгрію. Противорѣчія, которыя немыслимо разрѣшить безъ революціи, и разрѣшеніе которыхъ стало настоятельнѣйшей необходимостью, только возрастаютъ при каждой попыткѣ австро-венгерскаго имперіализма разрѣшить ихъ. И австро-венгерскій имперіализмъ съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе уподобляется волшебнику, не могущему справиться съ подземными силами, которыя онъ самъ же вызвалъ.

Мы—наканунѣ вступленія въ бой новаго отряда международной революціи. Новыя подкрѣпленія займутъ позиціи противъ сплоченныхъ рядовъ міровой контръ-революціи. Застрѣльщику международной революціи уже не придется ихъ тщетно ожидать.

* * *

Эти строки были уже написаны, когда газеты принесли извѣстіе о новомъ договорѣ, заключенномъ Германіей и Австро-Венгріей. Этотъ договоръ и послѣдовавшія за нимъ событія съ непререкаемой очевидностью вскрыли до сихъ поръ столь тщательно затушевываемый характеръ отношеній между Германіей и двуединой монархіей: отношеній метрополіи къ колоніи. Не подлежитъ сомнѣнію, что этому договору суждено стать весьма дѣйствительнымъ революціонизирующимъ факторомъ. (1)

Что касается чисто-военной стороны договора, то въ немъ ясно подчеркнута новая черта имперіалистическихъ отношеній, игравшая столь существенную роль въ этой войнѣ: согласно этому договору, Австро-Венгрія превращается въ самаго обыкновеннаго поставщика человѣческаго мяса для германскаго имперіализма. Въ экономическомъ и финансовомъ отношеніи монархія въ такой степени утратила свою независимость, что вмѣсто австрійской валюты вводится валюта нѣмецкая. Австро-Венгерскій банкъ становится хотя и не формально, но фактически филіальнымъ отдѣленіемъ германскаго Имперскаго банка. Политическимъ слѣдствіемъ этого договора будетъ неизбѣжность перехода руководящей роли къ венгерской буржуазіи и венгерскимъ магнатамъ.

Осуществить этотъ договоръ, провести его условія въ жизнь при помощи соотвѣтствующихъ мѣропріятій можетъ только Тисса. Послѣднее означаетъ введеніе режима,

который можно сравнить лишь съ режимомъ русскихъ „зубровъ", и который, въ свою очередь, можетъ привести лишь къ тому, къ чему привелъ этотъ режимъ въ Россіи.

Преслѣдованіямъ подвергнется не только рабочій классъ и угнетаемыя національности, но даже извѣстные буржуазные круги господствующей націи, ведущіе борьбу противъ нѣмецкаго имперіализма. Противъ графа Карольи, вождя радикально настроенной мелкой буржуазіи и крестьянства, возбуждено преслѣдованіе за государственную измѣну. Карольи и его партія обвиняются въ установленіи тѣсныхъ сношеній съ итальянскимъ правительствомъ. Матеріалъ для обвинительнаго акта былъ собранъ контръ-развѣдкой нѣмецкаго генеральнаго штаба.

Однако, съ ростомъ преслѣдованій все больше обостряется революціонное броженіе. На итальянскомъ фронтѣ происходятъ братанья австрійскихъ войскъ съ итальянскими, чуть ли не ежедневные бунты; солдаты бунтуютъ при каждомъ приказѣ о наступленіи. Позади возстающихъ и отказывающихся выполнять приказанія начальства полковъ стоятъ турецкія войска. Въ Богеміи братаются „смертельные враги", особенно ненавидѣвшія другъ-друга чешскія и мадьярскія войска, при чемъ въ этихъ братаньяхъ принимаетъ участіе мѣстное населеніе. Всѣ эти новѣйшія явленія подтверждаютъ правильность сдѣланнаго выше прогноза.

Оба фронта революціи вырисовываются весьма выпукло. Хотя и не съ той быстротой, какой бы намъ хотѣлось, но они формируются; формируются, несмотря ни на какія препятствія.

(1) **Бела Кунъ.**

Духовенство и контръ-революція.

За послѣднее время, въ связи съ реставраціей монархіи на Украинѣ и обостреніемъ продовольственнаго вопроса въ Сѣверной Россіи, снова подняла голову контръ-революція. Она спѣшно мобилизуетъ всѣ свои силы, начиная съ „дикаго" помѣщика, окрылившагося надеждой получить обратно землю, и кончая деревенскимъ кулакомъ, мечтающимъ объ отмѣнѣ твердыхъ цѣнъ на хлѣбъ.

Въ той кампаніи противъ совѣтской власти, которую ведутъ кадеты и ихъ пособники—Гоцы и Мартовы,—принимаетъ энергичное участіе и православное духовенство.

Подобно меньшевикамъ и правымъ эсерамъ, пастыри духовные спекулируютъ, главнымъ образомъ, на голодѣ. Они превосходно учитываютъ то обстоятельство, что въ моменты народныхъ бѣдствій обычно оживаютъ, казалось бы, уже изжитыя религіозныя настроенія. Среди изголодавшейся городской бѣдноты всегда найдется достаточно несознательныхъ, политически отсталыхъ элементовъ, которые въ отчаяніи готовы возложить всѣ свои упованія на вмѣшательство небесныхъ силъ. А такъ какъ въ роли посредниковъ между божествомъ и грѣшными людьми выступаетъ, какъ извѣстно, духовенство, то его авторитетъ въ такіе моменты можетъ значительно возрасти.

И попы спѣшатъ использовать положеніе: они эксплоатируютъ повышенную воспріимчивость и легковѣріе голодныхъ массъ для инсценированія всякаго рода чудесъ и знаменій, устраиваютъ всенародные крестные ходы, моленія и т. п. Одновременно повышаются и доходы пастырей (чудеса—вещь прибыльная!), и возрождается вліяніе ихъ на пасомыхъ, готовыхъ повѣрить патріарху Тихону, что спасеніе Россіи сейчасъ только въ „объединеніи различныхъ слоевъ русскаго народа вокругъ церкви“ [1]). (1)

Но тѣ, сбитые съ толку демократическіе элементы, которые сегодня готовы итти за духовенствомъ, не замѣчаютъ той тѣснѣйшей связи, которая существуетъ между служителями церкви и побѣжденными революціей классами.

Между тѣмъ, если приглядѣться къ поведенію православнаго духовенства со времени февральской революціи, то легко можно установить, что контръ-революціонныя выступленія пастырей начались гораздо раньше изданія декрета объ отдѣленіи церкви отъ государства, который привелъ въ такую ярость князей церкви.

И совершенно несправедливы были тѣ публицисты буржуазныхъ газетъ, которые упрекали духовенство въ недостаточной отзывчивости на политическую злобу дня и спровоцировали „смиреннаго“ Тихона на его знаменитое выступленіе съ „отлученіемъ“ большевиковъ. Не правъ былъ и графъ Олсуфьевъ, когда онъ выразилъ на церковномъ Соборѣ сожалѣніе, что „посланіе“ патріарха „нѣсколько запоздало: его надо было выпустить, когда стали громить помѣщичьи усадьбы и фабрики, а не тогда, когда добрались уже до лавры“ [2]).

Чрезвычайно цѣннымъ матеріаломъ для характеристики линіи политическаго поведенія православнаго духовенства являются тѣ „посланія къ чадамъ право-

[1]) См. бесѣда съ патріархомъ Тихономъ. «Своб. Россія», 22 мая.
[2]) «Р. В.», № 13. 1918 г.

славной церкви", съ которыми время-отъ-времени выступаетъ официальная церковная организація въ лицѣ Собора.

Самый Соборъ возникъ изъ потребности православнаго духовенства приспособиться къ той новой, непривычной обстановкѣ, которая создалась для пастырей съ момента крушенія романовской монархіи.

Съ паденіемъ самодержавія у служителей православной церкви не стало надежнаго защитника и покровителя. Исчезли урядники, городовые и царскіе прокуроры, которые стояли на-стражѣ поповскихъ доходовъ, помо-
(1) гали церкви въ ея борьбѣ съ старообрядцами и сектантами. Не могли уцѣлѣть и тѣ законы, которые искусственно держали въ лонѣ православной церкви людей, давно уже ушедшихъ отъ нея въ душѣ. А, вѣдь, съ сокращеніемъ паствы неизбѣжно должны были сократиться и доходы пастырей!

При такихъ условіяхъ православное духовенство естественно стало искать опоры въ тѣхъ классахъ, интересамъ которыхъ явно угрожало всякое дальнѣйшее развитіе революціи,—въ помѣщикахъ и буржуазіи.

Крупные землевладѣльцы и капиталисты, въ свою очередь, охотно шли на сближеніе съ церковью, надѣясь съ ея помощью вернуть свое былое вліяніе хотя бы на наиболѣе отсталые слои демократіи.

Буржуазно-помѣщичьи элементы превосходно спѣлись съ пастырями духовными и въ чисто-церковныхъ вопросахъ. И тѣ, и другіе понимали всю безнадежность претензіи поддерживать привилегированное положеніе православнаго духовенства старыми, чисто-полицейскими мѣрами; но въ то же время не желали и полнаго отдѣленія церкви отъ государства.

Капиталисту нуженъ казенный, состоящій на жалованьѣ у государства попъ, который твердилъ бы рабочему о тщетѣ и суетѣ всего земного, объ извѣчности и угодности самому Богу эксплоатаціи однихъ классовъ другими, внушалъ бы массамъ духъ покорности и смиренія въ сей жизни обѣщаніемъ блаженства за гробомъ.

Привыкшее къ своему особопривилегированному положенію по сравненію съ служителями другихъ церквей и ко всяческимъ правительственнымъ воспособленіямъ, православное духовенство не допускало и мысли, что въ одинъ прекрасный день передъ нимъ закроется казенный сундукъ, и придутъ тяжкія времена „свободной конкуренціи" между всѣми вѣроученіями и ихъ жрецами-проповѣдниками.

Церковный Соборъ, состоящій изъ духовныхъ лицъ и „мірянъ", и долженъ былъ стать организаціей, объе-

диняющей контръ-революціонныя группы подъ флагомъ устроенія православной церкви.

Характерно, что соборное большинство состоитъ изъ князей церкви (митрополитовъ, архіереевъ, архимандритовъ), бывшихъ крупнѣйшихъ помѣщиковъ (какъ графъ Олсуфьевъ, князь Трубецкой, Родзянко, Самаринъ), капиталистовъ-кадетовъ (Астровъ) и буржуазной интеллигенціи (профессоръ Котляревскій, Булгаковъ и др.). (1)

Соборъ открылся въ половинѣ августа прошлаго года, какъ-разъ въ тотъ моментъ, когда помѣщики, капиталисты и царскіе генералы подготовляли военную диктатуру, которая уничтожила бы всѣ завоеванія революціи.

Съ этого времени и начинаются политическія выступленія православнаго духовенства.

Въ Москвѣ готовится смотръ контръ-революціоннымъ силамъ (такъ-называемое „демократическое совѣщаніе“), (2) и духовенство спѣшитъ уже устроить почти царскую встрѣчу генералу Корнилову, на котораго обращены взоры всѣхъ враговъ революціи. Но вотъ въ Москвѣ „не удалось“, и Корниловъ вкупѣ съ главой правительства—Керенскимъ—принимается за систематическую подготовку контръ-революціоннаго переворота. Добиваясь возстановленія смертной казни для солдатъ въ тылу и всѣхъ прежнихъ порядковъ въ арміи, Корниловъ нарочно сдаетъ нѣмцамъ Ригу, ссылаясь на отсутствіе дисциплины въ войскахъ, буржуазныя газеты поднимаютъ дикую травлю противъ солдатъ, клеймя ихъ измѣнниками родины, трусами и т. п.

И что же? Буржуазія находитъ откликъ въ православномъ духовенствѣ. Въ особомъ соборномъ посланіи оно повторяетъ грязныя выдумки прислужниковъ капитала о позорномъ бѣгствѣ „цѣлыхъ воинскихъ частей“, „грабежѣ мирныхъ жителей“, о „нѣмецкихъ шпіонахъ и предателяхъ—измѣнникахъ изъ тыла, отравившихъ у арміи духъ“, подстрекающихъ къ „избіенію начальниковъ“ и т. п.[1]).

Капиталъ, въ лицѣ Рябушинскаго, грозитъ смирить (3) „ненасытныхъ“ рабочихъ „костлявой рукой голода“, закрывъ фабрики и заводы. А православные попы, поднимая очи горѣ, изрекаютъ: „Рабочіе, трудитесь, не жалѣя силъ, и подчиняйте ваши требованія благу родины“ [2]). Но вотъ корниловская авантюра не удалась, выплыла наружу и вся „хитрая механика“ заговорщиковъ; герою буржуазіи грозитъ судъ, а можетъ-быть, и смертная казнь.

---

[1]) См. «Церковно-общественный Вѣстникъ» отъ 14 и 19 сентября 1917 г. «Соборное посланіе къ арміи и флоту».

[2]) Тамъ же.

Тогда православный Соборъ спѣшно телеграфируетъ временному правительству, умоляя „во имя Божіе и христовой любви къ ближнему“ сохранить жизнь генералу-измѣннику. Князья церкви вспомнили о заповѣди „не убій“, когда Корнилову угрожала имъ же возстановленная смертная казнь, но они упорно молчали, когда, по приказу того же генерала, разстрѣливали сотни **солдатъ**, не желавшихъ продолжать бойню ради умноженія барышей капиталистовъ!

Буржуазное временное правительство, при соучастіи меньшевиковъ и правыхъ эсеровъ, довело своей политикой изголодавшихся по землѣ крестьянъ до настоящаго возстанія, а потомъ посылало по деревнямъ карательныя экспедиціи и сажало въ тюрьмы членовъ земельныхъ комитетовъ. И Священный Соборъ снова взываетъ къ „чадамъ православной церкви“, онъ спѣшитъ теперь на защиту **помѣщичьей и церковной собственности**. „То-и-дѣло,—говорится въ „посланіи“,—слышимъ объ ограбленіи церквей, монастырей, **землевладѣльцевъ**...“—„Во множествѣ приходовъ различныхъ епархій крестьяне насильственно забрали себѣ церковную и **частновладѣльческую** землю, запахиваютъ самовольно причтовое поле, вырубаютъ церковные или **частновладѣльческіе** лѣса“.

Смиренные отцы церкви обзываютъ по этому случаю крестьянъ „разбойниками“ и подъ страхомъ гнѣва самого Господа Бога и отлученія отъ церкви требуютъ „немедленно возвратить церквамъ, обителямъ, причтамъ и **частнымъ владѣльцамъ** награбленную у **нихъ** землю, лѣса и урожаи“ [3]).

Священный Соборъ увѣщеваетъ деревенскую бѣдноту текстомъ изъ Писанія: „Когда умножается богатство, не прилагайте къ тому сердца“, но сами служители церкви отнюдь не забывали „на небо посматривать, а по землѣ пошаривать“. Въ томъ же „посланіи“ отцы духовные горестно вздыхаютъ: „Давно ли церкви постоянно обогащались пожертвованіями угодій, домовъ и всякихъ продуктовъ отъ богатыхъ и бѣдныхъ людей, давно ли крестьянскія общества, съ лишеніемъ для себя, нарѣзывали по 33 десятины собственнаго надѣла для новостроющагося храма?“... Теперь не то: не только не даютъ „доброхотно“, а прямо „грабятъ“.

И православное духовенство стыдитъ, далѣе, свою паству: посмотрите на иновѣрцевъ, они „въ настоящемъ году **умножили** свои заботы къ своимъ храмамъ и **духовнымъ лицамъ**“ [4]).

Что доходы православнаго духовенства сократились еще до отдѣленія церкви отъ государства,—видно изъ Соборнаго Посланія отъ 15 декабря, гдѣ люди „не отъ

[3]) «Церк.-обществ. Вѣстникъ» отъ 13 ноября».
[4]) Тамъ же.

міра сего" снова взываютъ: „Имѣйте всемѣрное попеченіе о трудящихся для васъ отцовъ духовныхъ... Это—долгъ вашъ передъ Богомъ".

Итакъ, уменьшеніе притока „доброхотныхъ даяній" и захватъ крестьянами церковныхъ земель еще тѣснѣе сблизили православное духовенство съ выжитыми изъ деревни помѣщиками.

Но новая революціонная волна вздымалась все выше и выше, пока не смыла въ октябрѣ власти буржуазіи. Уже февральскій переворотъ пришелся далеко не по вкусу духовенству; побѣду октябрьской революціи оно встрѣтило со скрежетомъ зубовнымъ.

Еще бы: теперь не только помѣщичьи, но и церковныя земли были объявлены народнымъ достояніемъ.

Но рабочіе и крестьяне побѣдили не сразу: во многихъ мѣстахъ буржуазія оказала упорное сопротивленіе. И въ эти дни Соборъ счелъ долгомъ присоединить и свой авторитетный голосъ къ тому потоку лжи и клеветы на новую, совѣтскую власть, который несся изъ стана контръ-революціи.

Въ посланіи „По поводу междоусобной распри" [1]) октябрьская революція рисуется, по буржуазнымъ образцамъ, какъ возстаніе „одной части войска и народа, обольщенной обѣщаніями всякихъ земныхъ благъ и скораго мира, на другую часть"; массы запугиваются ужасами гражданской войны; громы и молніи мечутся на головы „лжеучителей", т.-е. соціалистовъ-большевиковъ, которые обзываются „измѣнниками родины", „чинящими неслыханное предательство Россіи и вѣрныхъ союзниковъ нашихъ".

Декретъ объ отдѣленіи церкви отъ государства и его (1)
проведеніе въ жизнь вызвали новыя выступленія православнаго духовенства — посланіе патріарха Тихона (19 янв.) и соборное постановленіе 26 янв. Мы не будемъ останавливаться сейчасъ на этихъ еще свѣжихъ въ памяти читателей документахъ. Скажемъ только, что послѣ декрета попы стали отстаивать свои богатства и доходы, прикрываясь защитой вѣры и религіи, на которую, якобы, покушается совѣтская власть.

Всякій сознательный рабочій и крестьянинъ обязанъ разоблачать этихъ лицемѣровъ, вскрывать передъ массами контръ-революціонную сущность поповскаго похода. Сама жизнь даетъ все новый и новый матеріалъ для нашей агитаціи въ этомъ направленіи.

Въ Москвѣ патріархъ Тихонъ зоветъ теперь рабочихъ и крестьянъ къ объединенію съ капиталистами и помѣщиками подъ знаменемъ православной церкви, а въ Кіевѣ епископъ Никодимъ вмѣстѣ со своимъ духовен-

[1]) «Ц.-Общ. Вѣстникъ». 21 ноября.

ствомъ въ праздничномъ облаченіи, съ крестомъ и святою водою выходитъ изъ собора навстрѣчу ставленнику нѣмцевъ[2]), гетману Скоропадскому, возстановившему самодержавіе на Украинѣ, отбирающему съ помощью германскихъ штыковъ послѣдній хлѣбъ у крестьянъ. возвращающему землю помѣщикамъ, водворяющему на фабрикахъ и заводахъ прежній произволъ капиталистовъ; кромѣ того, кіевскіе попы служатъ молебны о возвращеніи Николая Кроваваго.

Мы ждемъ, не предадутъ ли патріархъ Тихонъ и Священный Соборъ церковному проклятію г. Скоропадскаго и славословящее его власть кіевское духовенство, а пока выражаемъ твердую увѣренность, что, приди сейчасъ подъ охраной нѣмцевъ тотъ же Скоропадскій въ Москву,—„смиренный“ Тихонъ и братія встрѣтятъ его съ такимъ же восторгомъ, какъ и вся русская буржуазія и помѣщики.

(1) Н. Антоновъ.

Съѣздъ необходимъ.

На недавно закончившейся уральской областной конференціи нашей партіи, отличавшейся большимъ многолюдствомъ (изъ 90 съ лишнимъ организацій области въ лицѣ 136 делегатовъ было представлено 78 съ 36.000 членовъ), оживленные дебаты вызвало обсужденіе общей и въ частности экономической политики нашихъ совѣтскихъ центровъ или, что почти одно и то же, политики Ц. К. партіи.

Вотъ та резолюція, которая была принята конференціей всѣми при 9 воздержавшихся:

«4-я уральская областная конференція партіи коммунистовъ, обсудивъ вопросъ о направленіи общей политики центральной Совѣтской власти въ послѣднее время и, въ частности, вопросъ о взаимоотношеніяхъ этой власти съ мѣстной областной властью, констатируетъ, что:

1) международная, внутренняя и финансово-экономическая политика центральной Совѣтской власти явно клонится къ осуществленію на дѣлѣ важнѣйшихъ пунктовъ брестскаго договора, проведеніе которыхъ въ жизнь превращаетъ постепенно Совѣты въ исполнителей воли мірового капитала, ведетъ къ пріостановкѣ соціалистическаго строительства и къ ликвидаціи ряда важнѣйшихъ завоеваній октябрьской революціи;

[2]) Куда дѣвались союзническія симпатіи служителей церкви?

2) соглашеніе съ кооперативами, аннулирующее всю программу экономической и политической борьбы съ деревенской буржуазіей, сплотившейся вокругъ этихъ организацій, замѣна рабочаго контроля техническими дѣловыми Совѣтами, попытка бюрократическаго строительства соціализма сверху руками чиновничества и отказъ отъ массоваго пролетарскаго творчества снизу, объявленіе неприкосновенными капиталовъ и предпріятій иностранцевъ и русскихъ капиталистовъ, запродавшихъ свои банки и предпріятія иностранцамъ, и т. д.,—всѣ эти мѣропріятія и цѣлый рядъ другихъ, особенно остро отзывающихся на Уралѣ, какъ мѣстѣ широкаго помѣщенія иностраннаго капитала до революціи, какъ области, служащей по своимъ естественнымъ богатствамъ сильнѣйшей приманкой для мірового капитала, наконецъ, какъ области, наиболѣе организованной и далеко зашедшей впередъ въ дѣлѣ соціалистическаго строительства;

3) внутренняя политика центральной власти въ отношеніи Урала характеризуется игнорированіемъ мѣстной областной Совѣтской власти и недовѣріемъ къ ней, что получаетъ свое выраженіе въ посылкѣ собственныхъ комиссаровъ съ чрезвычайными полномочіями, вносящими хаосъ и дезорганизацію въ наладившееся организаціонное строительство Урала и, въ лучшемъ случаѣ, абсолютно безполезныхъ.

Констатируя все вышеизложенное, конференція постановляетъ:

1) Довести до свѣдѣнія Ц. К. партіи и всей партіи вообще объ отношеніи организованнаго пролетаріата Урала, представленнаго на конференціи, къ намѣтившемуся уклону въ политикѣ центральной власти, находящейся въ противорѣчіи съ новой программой партіи, съ экономическими резолюціями 6-го съѣзда партіи.

2) Предложить Ц. К. созвать въ скорѣйшемъ времени всероссійскій съѣздъ партіи на основѣ представительства на 6-й съѣздъ и подвергнуть на немъ обсужденію всѣ вопросы, поставленные на очередь послѣ 7-го съѣзда партіи, и относительно которыхъ возможно и вѣроятно расхожденіе политики Ц. К. съ мнѣніемъ большинства партіи.

3) Поручить Областному Комитету партіи и большевистской фракціи Областного Совѣта комиссаровъ разработать проектъ конституціи Уральской Трудовой коммуны, отвѣчающій экономическимъ и бытовымъ особенностямъ области, внести этотъ проектъ на ближайшій съѣздъ Совѣтовъ Урала и провести его въ жизнь на основѣ конституціи Федеративной Совѣтской Республики, принятой на 3-мъ всероссійскомъ съѣздѣ Совѣтовъ.

4) Одобрить политику большевистской фракціи Областного Совѣта комиссаровъ и поручить ей продолжать свою работу и въ дальнѣйшемъ въ духѣ вѣрности партійной программѣ и основнымъ задачамъ послѣдовательнаго соціалистическаго строительства хозяйственной жизни края».

Я не намѣренъ касаться всѣхъ пунктовъ приведенной резолюціи, но хочу остановиться лишь на одномъ, касающемся требованія немедленнаго созыва широкаго партійнаго съѣзда.

Я думаю, что даже тѣ товарищи, которые остались чрезвычайно довольны результатами 7-го съѣзда партіи въ вопросѣ о ратификаціи мирнаго договора, врядъ ли считаютъ этотъ съѣздъ особенно авторитетнымъ какъ по количеству представленныхъ на немъ членовъ, такъ и по числу съѣхавшихся делегатовъ. Чрезвычайный съѣздъ, собравшійся на основѣ совершенно непредусмотрѣнной уставомъ нормы представительства, при наличіи трехъ съ половиной десятковъ депутатовъ, не смогъ даже обсудить проекта новой программы; кромѣ того, послѣ съѣзда въ ходѣ событій были выдвинуты такіе вопросы тактики, для рѣшенія которыхъ Ц. К. партіи не можетъ быть признанъ полномочнымъ органомъ. Тов. Ленинъ давно какъ-то указывалъ на то, что между программой и тактикой различіе не принципіальное, а скорѣе количественное. И вотъ мы имѣемъ въ послѣднее время дѣло какъ-разъ съ такимъ тактическимъ уклономъ Ц. К. въ вопросахъ хотя бы экономическаго строительства страны, когда этотъ тактическій уклонъ означаетъ отмѣну нашей программы. Каждый мало-мальски грамотный въ партійномъ отношеніи человѣкъ согласится, что программа государственнаго капитализма, насажденнаго сверху „настоящими лѣвыми“ коммунистами при диктатурѣ пролетаріата, и придумываніе для Россіи заднимъ числомъ государственнаго капитализма, какъ неизбѣжнаго этапа развитія,—все это отнюдь не вопросы тактическаго порядка. Между тѣмъ, новый курсъ намѣченъ не съѣздомъ, и скоро, повидимому, партіи придется рѣшить вопросъ, въ какой мѣрѣ диктатура отдѣльныхъ лицъ можетъ распространяться съ желѣзныхъ дорогъ и прочихъ отраслей хозяйства на Россійскую коммунистическую партію.

Долженъ отмѣтить, что пунктъ о немедленномъ созывѣ съѣзда принятъ на послѣдней уральской конференціи **единогласно.**

Въ своихъ полемическихъ фельетонахъ, направленныхъ противъ позиціи лѣвыхъ коммунистовъ и содержащихъ въ себѣ очень важныя открытія или, вѣрнѣе сказать, изобрѣтенія насчетъ государственнаго капи-

тализма въ совѣтской Россіи, тов. Ленинъ именуетъ издателей „Коммуниста“ маленькой кучкой. Издатели могутъ представлять изъ себя и маленькую кучку, но число партійныхъ организацій, стоящихъ на позиціи „Коммуниста“, представляетъ изъ себя въ настоящее время очень внушительную величину. Большинство (1)
организацій Урала стоитъ въ общемъ на позиціи „Коммуниста“. Доказательствомъ этого служитъ не только приведенная выше резолюція, но и резолюціи о международной политикѣ и о задачахъ экономическаго переустройства страны. Всѣ три резолюціи были приняты совершенно независимо отъ тезисовъ въ № 1 „Коммуниста“ и до того, какъ они стали извѣстны на Уралѣ.

Въ частности, экономическая резолюція является не продуктомъ теоретизированія, а представляетъ результатъ практическаго опыта въ дѣлѣ соціалистическаго переустройства Урала. Отъ принятыхъ резолюцій уральскія организаціи не откажутся, правильность ихъ подтверждена жизнью. А такъ какъ рѣзкое расхожденіе цѣлой области съ партійнымъ центромъ, при наличіи ряда организацій и въ другихъ мѣстахъ Россіи, стоящихъ на платформѣ лѣвыхъ коммунистовъ, даетъ основаніе думать, что политика Ц. К. партіи и его, если можно такъ выразиться, фракціонный составъ совершенно не отвѣчаютъ группировкѣ силъ между теченіями въ партіи, то съѣздъ дѣлается настоятельно необходимымъ.

Но съѣздъ необходимъ широкій, такъ чтобы вся партія была въ немъ полно представлена, и всѣ вопросы, подлежащіе его рѣшенію, были основательно обсуждены на мѣстахъ.

Е. Преображенскій.

Итоги партійной конференціи Центральной промышленной области. (2)

Вопросъ о текущемъ моментѣ былъ почти единственнымъ пунктомъ порядка дня недавно закончившейся областной конференціи Р. К. П. Организаціонному вопросу было посвящено не больше часа времени. Вопросъ же о текущемъ моментѣ былъ разбитъ на два подпункта: а) текущій моментъ и наша внѣшняя и внутренняя политика и б) экономическая политика; при этомъ

второй пунктъ былъ исчерпанъ въ $2^1/_2$—3 часа, первому же пункту былъ отведенъ въ общей сложности цѣлый день. Такимъ образомъ, вопросъ о внѣшней и внутренней политикѣ былъ дѣйствительно центральнымъ вопросомъ конференціи. Но отсюда нельзя сказать, чтобы большинство конференціи дало въ конечномъ итогѣ какое-либо опредѣленное рѣшеніе или, по крайней мѣрѣ, указывало опредѣленный путь, котораго слѣдуетъ держаться при разрѣшеніи отдѣльныхъ частныхъ вопросовъ въ этой области.

Большинство указывало на крайнюю непрочность международнаго положенія Россіи и чрезвычайное обостреніе общаго политическаго положенія въ теченіе первой половины мая. Между прочимъ, это обостреніе выражается въ томъ, что въ отдѣльныхъ странахъ обѣихъ имперіалистскихъ коалицій каждую минуту могутъ взять верхъ военныя партіи. Далѣе дается анализъ тѣхъ факторовъ, которые сдерживаютъ въ данный моментъ крайніе элементы, съ одной стороны, въ Германіи, съ другой—въ Японіи. Заключеніе же весьма кратко: при учетѣ задачъ во внѣшней политикѣ необходимы величайшая осторожность, осмотрительность и выдержка, чтобы необдуманнымъ или поспѣшнымъ шагомъ не помочь указаннымъ крайнимъ элементамъ. Итакъ, что требуется при учетѣ задачъ внѣшней политики,—мы знаемъ, но каковы эти самыя задачи,—объ этомъ большинство не говоритъ ничего. Учесть эти задачи конференція отказалась, предоставивъ вѣдаться съ этимъ дѣломъ Центральному Комитету партіи. Впрочемъ, большинство конференціи сдѣлало нѣкоторую попытку въ этомъ отношеніи, но и то въ какой-то странной, условной формѣ: именно, большинство склонилось къ мысли, что, пока остались хотя бы нѣкоторые шансы на сохраненіе мира или на заключеніе цѣной извѣстныхъ новыхъ аннексій или новыхъ потерь,—мира съ Финляндіей, Украиной и Турціей,—мы не должны дѣлать ни одного шага, какой могъ бы помочь крайнимъ элементамъ военныхъ партій имперіалистскихъ державъ.

Слѣдуетъ ли изъ этого заключить, что миръ будетъ пріобрѣтаться цѣною только территоріальныхъ уступокъ, или здѣсь принимаются во вниманіе также и иного характера „потери“,—объ этомъ не обмолвились ни единымъ словомъ. Все въ этой области оставлено въ туманѣ, и у руководящаго органа партіи руки въ этомъ отношеніи совершенно развязаны; этимъ и исчерпываются всѣ взгляды большинства. Даже вопросу объ „усиленной военной подготовкѣ“ удѣлено лишь нѣсколько словъ, а требованіе безпощадной борьбы съ буржуазіей, дисциплины и расправы надъ хулиганами и дезорганизаторами пришито какъ-то искусственно.

При анализѣ взглядовъ большинства невольно складывается впечатлѣніе, что руководители его намѣренно избѣгали всякой опредѣленности въ постановкѣ вопроса. И это впечатлѣніе только усиливается, когда обнаруживаешь, что единственное опредѣленное мнѣніе большинства, въ концѣ-концовъ, было затушевано, а оно признавало, что внѣшняя политика не должна быть измѣняема,—попрежнему необходимо лавировать, отступать, выжидать. Итакъ, даже одобрить и подтвердить на будущее взятый уже курсъ политики не рѣшились. Это какъ бы косвенное благословеніе на политику зигзаговъ и неожиданныхъ поворотовъ. Впрочемъ, офиціальный органъ Ц. К. „Правда“ уже успѣлъ всѣмъ доказать, что это послѣднее заключеніе правильно. Отброшено также соображеніе, посвященное вопросу о военныхъ соглашеніяхъ съ одной изъ имперіалистскихъ коалицій противъ другой. И какъ ни мало опредѣленна данная въ немъ формула съ принципіальной, общей стороны, она все же давала опредѣленное указаніе на данный моментъ и по отношенію къ одной изъ коалицій. Больше того,—докладчикъ отъ Ц. К., т. Ленинъ, вполнѣ опредѣленно высказался по этому вопросу на конференціи. И тѣмъ не менѣе... это все отошло на задній планъ. И въ этомъ вопросѣ рѣшено лучше ничего не сказать, чѣмъ высказаться слишкомъ опредѣленно. Впрочемъ, нѣсколько позже обнаружилось, что неизвѣстно, что думаетъ по этому вопросу тоже и „Правда“.

Не сказавъ ничего опредѣленнаго по вопросу о внѣшней политикѣ, большинство конференціи по вопросу объ экономической политикѣ нашло, что экономическая политика нашей партіи цѣликомъ и полностью намѣчена въ тезисахъ объ основныхъ задачахъ Совѣтской власти, принятыхъ Ц. К. партіи; съ этими тезисами большинство солидарно и полагаетъ ихъ въ основу дѣятельности партійной организаціи на мѣстахъ. До сихъ поръ такого рода соображенія высказывались нашими конференціями и съѣздами лишь по докладамъ соотвѣтствующихъ исполнительныхъ органовъ. По общимъ же вопросамъ наши конференціи, и въ особенности конференціи московской области, всегда стремились самостоятельно сформулировать нѣкоторыя основныя положенія. На этотъ разъ большинство конференціи попросту „приложила руку“ подъ тѣмъ, что написано свыше; собственныхъ мыслей, или хотя бы даже собственныхъ формулировокъ у нея не оказалось. Съ этимъ вполнѣ гармонируетъ и тотъ отвѣтъ, который большинство дало на призывъ уральской обл. конференціи—присоединиться къ ея постановленію о созывѣ новаго партійнаго съѣзда. Немедленный созывъ новаго съѣзда

признанъ нецѣлесообразнымъ, а всѣ члены партіи призваны къ „дисциплинированной“ работѣ подъ руководствомъ Ц. К. Каковы же итоги конференціи? Лѣвые коммунисты потерпѣли пораженіе. Позиція т. Ленина собрала огромное большинство голосовъ. (Надо, впрочемъ, признать, что во время борьбы всѣ средства были пущены въ ходъ, вплоть до того, что Москвѣ было дано, по крайней мѣрѣ, въ $1^1/_2$ раза большее, чѣмъ слѣдовало, количество мѣстъ). Но результаты этой побѣды оказались очень ужъ жалкими: ни одного опредѣленнаго рѣшенія по общимъ вопросамъ, ни одной самостоятельной формулировки, а простое присоединеніе къ голосу „руководящихъ сферъ“.

За послѣднее время Ц. К. выпустилъ нѣсколько циркуляровъ, въ которыхъ бьетъ тревогу по поводу положенія дѣлъ въ нашей партіи. Словъ нѣтъ,—положеніе очень нерадостное, и много тревожныхъ явленій. Но мы считаемъ, что самымъ опаснымъ для партіи и ея интеллектуальнаго роста является то обстоятельство, что руководящіе верхи партіи перестали будить въ ея организаціяхъ самостоятельную мысль, а стремятся попросту, безъ дальнихъ разговоровъ подчинить ихъ руководству Ц. К., что эти руководящіе верхи выступаютъ въ роли носителей партійной мысли.

В. Я.

ДѢЛОВЫЯ ЗАМѢТКИ.

Всѣ промышленныя предпріятія, перешедшія въ собственность нашей республики въ той или другой формѣ—національзація, секвестръ, конфискація,—лишились возможности кредитоваться изъ частныхъ источниковъ, получать необходимыя средства изъ нашего банка, такъ какъ нашъ банкъ и по сію пору знаетъ лишь одну форму кредита—залогъ или ссуду подъ товаръ или имущества предпріятія. Но теперь ни товаръ, ни имущество такого предпріятія не принадлежатъ уже ему, а составляютъ собственность республики, и поэтому ни заложить имущество, ни ссудить деньгами подъ товаръ, не принадлежащій предпріятію, нельзя. Остался одинъ путь для полученія этихъ оборотныхъ средствъ—казна, казначейство. Какъ и многое въ нашей республикѣ, казначейство живетъ еще по-старому и выдаетъ деньги по утвержденному въ установленномъ порядкѣ трафа-

рету, называющемуся смѣтой. Поэтому всѣ наши предпріятія, объявленныя собственностью республики, чтобы не зачахнуть безъ средствъ, должны составить и утвердить свою смѣту расходовъ и доходовъ и получать изъ казначейства по этой смѣтѣ всѣ суммы на свои расходы, внося въ казначейство всѣ свои денежныя поступленія.

Высшій Совѣтъ Народнаго Хозяйства, объединяющій всю національзованную промышленность, сорганизовалъ еще въ мартѣ особую комиссію для утвержденія смѣтъ этихъ предпріятій. Въ эти два мѣсяца разсылались много разъ по всѣмъ Губсовдепамъ, Совнархозамъ телеграммы съ просьбами и требованіями прислать смѣты предпріятій, и въ результатѣ изъ 300 національзованныхъ предпріятій прислали смѣты пока 4 предпріятія, которымъ и даны средства на это полугодіе; кромѣ того, даны небольшіе авансы подъ будущія смѣты по тремъ промышленнымъ центрамъ—Самара, Уралъ, Вост. Сибирь. Какъ живетъ наша національзованная промышленность,—неизвѣстно: должно-быть, плохо, безъ оборотныхъ средствъ, безъ кредита. Частная же промышленность продолжаетъ располагать, конечно, въ болѣе узкихъ рамкахъ, всѣми прежними источниками: и частнымъ кредитомъ, и аппаратомъ учетно-ссудныхъ комитетовъ нашего національзованнаго банка; конечно, банкъ попрежнему кредитуетъ не столько промышленность, сколько промышленниковъ, ибо въ банковомъ дѣлѣ революціи не произошло, произошла лишь смѣна хозяина—акціонеръ замѣненъ государствомъ, и только; поэтому и частное предпріятіе находитъ кредитъ не тогда, когда это ему нужно, а когда это выгодно и нужно предпринимателю. Самая форма кредитованія національзованныхъ предпріятій съ неподвижностью §§ смѣтъ, междувѣдомственнымъ ихъ утвержденіемъ, архаичностью пріемовъ Государственнаго Контроля, такъ сковывавшая и тормозившая дѣло старыхъ казенныхъ заводовъ, явно непригодна для производственныхъ задачъ, и наши національзованныя предпріятія, вѣроятно, инстинктивно упираются вступать на путь прежнихъ казенныхъ заводовъ и, пока можно, крутятся съ подтоварными ссудами у нашихъ „Центръ“ и „Главъ“, (1)
благо продовольственный и денежный кризисы толкаютъ правительство на путь товарообмѣна, созданія и укрѣпленія нашихъ распредѣлительно-товарныхъ органовъ—„Центръ и Главъ“. Въ большинствѣ случаевъ предпріятія становились нашими, т.-е. подвергались національзаціи тогда, если предприниматель саботировалъ рабочій контроль или просто бросалъ предпріятіе на произволъ, зачастую скрываясь, уѣзжая изъ города и нерѣдко изъ государства, т.-е. тогда, если предпринимателю фабрика

становилась обузой, если онъ терялъ вкусъ къ банковскому или частному кредиту, видя въ немъ лишь долгъ себѣ на шею; обычно къ этому времени предпріятіе оставалось безъ сырья, топлива, безъ кассы, съ грошами на текущемъ счету въ банкѣ, съ долгами поставщикамъ, желѣзнымъ дорогамъ, рабочимъ и т. д. Рабочіе обивали пороги всяческихъ „мѣстъ“ и учрежденій, кончали дѣло національзаціей предпріятія и получали въ результатѣ почти невыносимыя для дѣла условія оборота и кредита. Въ значительной степени это положеніе дѣла имѣетъ мѣсто и теперь.

Что же нужно? Сырье и топливо—въ катастрофическомъ состояніи; нуженъ рѣзкій поворотъ въ сторону борьбы экономической и политической за центръ сырья и топлива, за ихъ развитіе; на это нужны, между прочимъ, средства; ихъ мало; нужна величайшая осторожность въ ихъ расходованіи, т.-е. нужно умѣніе бросить ихъ только туда, куда нужно именно въ данный, настоящій моментъ, а не размазывать ихъ тонкимъ слоемъ по разнымъ страшнымъ и нестрашнымъ дырамъ; нужно рѣзко повернуть курсъ отъ нынѣшней финансово-фискальной политики къ финансовой экономической; нужно броситъ старые бюрократическіе пріемы кредитованія, отъ которыхъ чахли казенныя предпріятія, нужно сломать старый учетно-ссудный банковый аппаратъ, дѣйствующій только тогда, когда это выгодно промышленнику. Нужно, нужно. Нужно многое, или лучше, одно: знать, видѣть передъ собой только одно, что строится новая жизнь на основѣ интересовъ новаго класса, и что всѣ эти „нужно“ нужно рѣшать подъ угломъ интересовъ только этого класса.

(1) Ш.

ХРОНИКА.

Иваново-Вознесенская городская конференція Р. К. П.

28 апрѣля состоялась городская конференція Ив.-Вознесенской организаціи Росс. Коммун. партіи (большевиковъ).

На конференціи были представлены партійныя ячейки почти всѣхъ фабрикъ и заводовъ Иваново-Вознесенска, желѣзнодорожныхъ организацій и организаціи „Единеніе—сила“.

Съ докладомъ по текущему моменту и о задачахъ партіи выступилъ членъ Московскаго Областн. Бюро Р. К. П. тов. Ломовъ, развившій въ своемъ докладѣ основныя положенія лѣваго теченія коммунистической партіи, которыя приняты Обл. Бюро.

По докладу была принята слѣдующая резолюція, предложенная тов. Ломовымъ: 1) Иван.-Вознесенская конференція считаетъ, что политическая линія руководящаго большинства нашей партіи является **глубоко ошибочной**, ведущей къ ослабленію силъ россійской революціи и внутри и въ международномъ масштабѣ. Послѣ Брестскаго мира международная политика „большинства“ строится въ значительной мѣрѣ, съ одной стороны, на систематическомъ отступленіи безъ боя передъ наступающимъ имперіализмомъ австро-германской коалиціи и державъ согласія и на попыткахъ использовать ту „трещину“, которая имѣется между имперіалистами обѣихъ враждующихъ коалицій, маневрируя между ними, заключая съ ними всякія соглашенія, вплоть до военныхъ соглашеній объ использованіи военныхъ силъ имперіализма (соглашеніе съ Англо-Франціей о защитѣ Мурмана). Подобная политика усиливаетъ позицію международныхъ имперіалистовъ въ ихъ борьбѣ съ развивающимся революціоннымъ движеніемъ пролетаріата. 2) Во внутренней политикѣ официальное партійное большинство стоитъ также на **неправильномъ** пути. Въ области финансовой политики пытаются въ скрытомъ видѣ проводить денаціонализацію банковъ. „Коммунистическій“ комиссаріатъ финансовъ предлагаетъ буржуазную по существу программу, считаетъ ошибочнымъ аннулированіе государственныхъ долговъ и, такимъ образомъ, рѣзко разрываетъ съ финансовой политикой октябрьской революціи. Въ области экономической политики вмѣсто быстрой націонализаціи крупнѣйшихъ отраслей производства „большинство“ частью денаціонализируетъ ихъ (нефтяная промышленность, наливной флотъ), частью пытается перейти къ организаціи производства по сути дѣла на государственно-капиталистическихъ началахъ (Мещерскій и др.). Вмѣсто ставки на рабочаго и его управленія производствомъ, переходятъ къ попыткамъ соглашенія съ капиталистами, для привлеченія ихъ въ качествѣ руководителей производствомъ. Въ области внутренней политики позиція „большинства“ **чрезвычайно опасна** въ связи съ организаціей красной арміи, когда на мѣста командного состава, на руководящія, отвѣтственныя мѣста ставятся старые генералы, чѣмъ создается прямая угроза революціи. Въ области выработки совѣтской конституціи точно такъ же большинство ста-

новится на неправильный путь. Желая внести больше согласованности въ дѣйствія совѣтскаго аппарата, оно хочетъ централизовать всю власть и все управленіе въ рукахъ центральныхъ учрежденій, чѣмъ, съ одной стороны, ослабляется мѣстная иниціатива и сила мѣстнаго совѣтскаго аппарата, съ другой—усиленно укрѣпляется централизованный бюрократическій аппаратъ. Все это заставляетъ Иваново-Вознесенскую Конференцію признать: 1) политику „большинства" партіи неправильной и 2) считать необходимымъ бороться за выпрямленіе курса нашей политики.

Иваново-Вознесенская окружная конференція Р. К. П.

Конференція состоялась 10 мая. На конференціи были представлены партійныя организаціи Иваново-Вознесенска, Кинешмы, Родниковъ, Тейкова, Середы, Шуи, Кохмы, Вичуги, Южы и др. мѣстечекъ Иваново-Вознесенской губерніи, объединяющія болѣе 4.000 членовъ партіи.

Изъ докладовъ товарищей съ мѣстъ выяснилось, что, несмотря на чрезвычайно трудныя условія партійной работы, такъ какъ всѣ партійные работники были вынуждены работать въ Совѣтахъ, фабрично-заводскихъ комитетахъ и пр. организаціяхъ, партійная работа все же кое-какъ налаживалась. Партія коммунистовъ-большевиковъ все время имѣетъ преобладающее вліяніе въ округѣ. Наиболѣе сильныя организаціи имѣетъ Ив.-Вознесенскъ (1.500—2.000 членовъ), Кинешма съ райономъ до 1.000 членовъ, Ковровъ до 400 чл. и Родники до 300 членовъ. Плохо обстоитъ дѣло въ Шуѣ, гдѣ партійная организація послѣ октябрьской революціи почти не функціонировала, и партійная работа замерла. Лишь въ послѣднее время работа стала оживать, и организація насчитываетъ 84 члена.

По вопросу о текущемъ моментѣ принята резолюція т. Бухарина 12 голосами противъ 9, при 4 воздержавшихся.

Ярославская общегородская конференція Р. К. П.

Конференція состоялась 13 мая при участіи представителей отъ района Б. Мануфактуры, желѣзнодорожниковъ ст. Урочь, Красной гвардіи, Латышской организаціи, городского обоза, членовъ Моск. Обл. Бюро т. Яковлевой и Королькова и членовъ Комитета.

По вопросу о текущемъ моментѣ единогласно принята резолюція, предложенная тов. Яковлевой, стоящей на точкѣ зрѣнія лѣвыхъ коммунистовъ.

Ярославская губернская конференція.

(26—28 мая).

Вопросъ о мандатахъ. Горячій споръ возникаетъ по вопросу объ утвержденіи мандатовъ. Представители фракціи коммунистовъ Губернскаго Исполнительнаго Комитета предлагаютъ не считать конференцію правомочной, такъ какъ на ней не представлены партійныя организаціи 4 уѣздовъ (Мологскаго, Любимскаго, Угличскаго и Даниловскаго); т. Доброхотовъ заявляетъ при этомъ, что фракція Губ. Исп. Ком. не признаетъ новаго губернскаго комитета партіи, т. к. туда войдутъ лѣвые коммунисты, которые своими рѣшеніями противорѣчатъ постановленіямъ центральной совѣтской власти, съ чѣмъ фракція не можетъ согласиться. Изъ преній выясняется, что о четырехъ вышеупомянутыхъ уѣздахъ неизвѣстно, имѣются ли въ нихъ партійныя организаціи, и каково въ нихъ число членовъ; несомнѣнно, что на конференціи присутствуетъ большинство членовъ партіи. Послѣ того какъ собраніе признало конференцію правомочной, представители Романовской организаціи и Мышкинскаго Совѣта уходятъ; представители фракціи заявляютъ, что она не считаетъ конференцію правомочной, и сама соберетъ ее въ ближайшее время; нѣкоторые члены заявляютъ, что они остаются на засѣданіи только для информаціи. О конфликтѣ признано необходимымъ сообщить Центр. Комитету.

Доклады съ мѣстъ. 1) Ростовская организація (114 членовъ).—До октябрьской революціи пропаганда велась плохо. Послѣ германскаго наступленія былъ сорганизованъ отрядъ. Съ демобилизаціей арміи прибавилось число членовъ. Теперь замѣчается оживленіе. Послѣ перевыборовъ, вмѣсто 3 меньшевиковъ, въ Совѣтъ прошло 16 меньшевиковъ, такъ какъ не велось никакой агитаціи. Авторитетъ партіи пока среди массъ не потерянъ. Организація желаетъ, чтобы Губ. Комитетъ поддерживалъ тѣснѣйшую связь съ организаціями на мѣстахъ; кромѣ того, губ. органъ долженъ наладить работу на мѣстахъ и позаботиться объ агитаціи въ уѣздахъ. Въ кассѣ организаціи сейчасъ около 500 рублей. Культ.-просвѣтительной работы партія не проявляетъ. „Ярославскій Коммунистъ“ организаціей не выписывается. Союзъ молодежи не организованъ. При Совѣтѣ культ.-просв.

отдѣла нѣтъ, а культурно-просв. работа развивается въ Народномъ Домѣ и клубѣ, гдѣ имѣются газеты и книги всѣхъ направленій. Членскіе взносы—50 копѣекъ въ мѣсяцъ. Боевыя силы Совѣта—милиція, Красная Армія (45 человѣкъ). Въ Совѣтѣ 60 большевиковъ. 2) Пошехонская организація (120—130 человѣкъ).—Партія существуетъ съ Пасхи с. г. Дѣятельность развивается. Работаютъ въ партіи старые члены. Настроеніе бодрое. Пропаганда и агитація ведутся слабо, но есть надежда, что въ этомъ отношеніи дѣло улучшится. Читаются лекціи; „Ярославскій Коммунистъ“ выписывается. Совѣтъ не переизбирался. Многіе изъ членовъ Совѣта записались въ партію. Перевыборы въ Совѣтъ назначены, и можно надѣяться, что результаты будутъ благопріятны для большевиковъ. Вслѣдствіе отсутствія средствъ, организація не можетъ развить культурно-просвѣтительную дѣятельность. Тезисы Ленина и брестскаго мирнаго договора въ партіи не обсуждались. Совѣтская власть укрѣпилась. Бунтъ, затѣянный въ городѣ бѣлогвардейцами, былъ скоро ликвидированъ и уничтоженъ въ корнѣ. Новые члены принимаются по рекомендаціи старыхъ членовъ. Газета „Пошехонскія Извѣстія“—анархистская; предполагается издать партійную. Средства—вступительные взносы и процентныя отчисленія. Собранія бываютъ еженедѣльно. Кромѣ большевиковъ, существуетъ организація анархистовъ, которая не особенно сильна. Въ Совѣтѣ большевиковъ—23 человѣка. Меньшевистскихъ и правыхъ соц.-революц. организацій нѣтъ. Существуетъ отрядъ Народной Арміи—67 человѣкъ. 3) Рыбинская организація.—Работа въ организаціи до сихъ поръ не совсѣмъ хорошо велась, въ-виду большого количества работы въ Совѣтѣ, но въ послѣднее время работа налаживается. Наблюдается корыстность отдѣльныхъ партійныхъ членовъ. Средства есть; уплачиваются и членскіе взносы въ размѣрѣ 1-го процента съ заработка. Существуетъ Красная Армія, которая вполнѣ стоитъ за Совѣтскую власть. 4) Латышская секція рыбинской организаціи (50 ч.).—Секція начала работать только въ февралѣ мѣсяцѣ, но работа ведется успѣшно. Членовъ 50, изъ нихъ около 15 старыхъ партійныхъ работниковъ. Работаетъ теоретическій кружокъ; собранія членовъ происходятъ еженедѣльно. Члены принимаютъ активное участіе и въ мѣстной организаціи, и въ Совѣтѣ. Имѣется рота Красной Арміи въ 130 человѣкъ, которая охраняетъ Совѣтъ. Есть и латышская меньшевистская организація въ Рыбинскѣ, но въ послѣднее время она активной работы не проявляетъ. 5) Гаврило-ямскій коллективъ (30 ч.).—Организація образовалась только въ февралѣ, и вначалѣ состояла

изъ 7-ми человѣкъ; въ настоящее время 30 членовъ. Членскіе взносы уплачиваются, хотя не совсѣмъ аккуратно. Газета получается и распространяется. 6) Ярославскій комитетъ.—Ярославская организація существуетъ уже годъ. До октября работа велась какъ въ организаціи, такъ и въ комитетѣ энергично, но послѣ октября вся работа перешла въ Совѣтъ, и теперь приходится съ этимъ бороться. Общія собранія раньше созывались довольно часто, но теперь очень рѣдко. Состоялись три городскія конференціи, на которыхъ и рѣшались важнѣйшіе вопросы. Литературы выпущено около 35-ти тысячъ. Членовъ работающихъ около 500, но регистрировалось гораздо больше. Теперь происходитъ перерегистрація членовъ. Пришлось удѣлить нѣкоторое вниманіе и губерніи. Чувствуется недостатокъ силъ. Есть Коммунистическій отрядъ, въ которомъ имѣется около 80 членовъ. Появился развалъ въ организаціи. Издается партійный органъ.

Докладъ объ областной конференціи. Докладчикъ сообщаетъ, что областная московская конференція была созвана 14-го мая. Доклады съ мѣстъ показали, что почти вездѣ намѣчается развалъ въ организаціи; рѣшено принять строгія мѣры для возстановленія дисциплины. Главнымъ вопросомъ былъ вопросъ о текущемъ моментѣ, гдѣ рѣшительно пришлось высказаться обоимъ теченіямъ партіи. Присутствовало болѣе 50-ти делегатовъ.

Текущій моментъ. По выслушаніи доклада представителя большинства партіи, содокладчикомъ выступаетъ т. Бабичъ (отъ лѣвыхъ коммунистовъ). Вотъ содержаніе его рѣчи: Наше положеніе отчаянное. Международный капиталъ уже наступаетъ на оазисъ сѣверной Совѣтской Россіи, и отказаться въ настоящее время отъ борьбы съ этимъ капиталомъ—значитъ отказаться отъ международной революціи и затемнять сознаніе массъ. Отказаться отъ націонализаціи тоже невозможно, т. к. это значитъ сдаться международному капиталу. Мы уже близки къ оккупаціи всей Россіи; поэтому намъ нужно отказаться отъ оазиса сѣверной республики и начать революціонную работу для поддержки начавшагося международнаго революціоннаго движенія. Послѣ преній т. Бабичъ говоритъ о событіяхъ въ Колпинѣ и указываетъ, что такихъ случаевъ не должно быть. Въ арміи опять правятъ не выборныя лица, а опредѣленные контръ-революціонеры. Говорятъ о лавированіи, но когда же окончатся при такой политикѣ нѣмецкіе захваты, и гдѣ предѣлъ этой политики? Брестскій миръ не далъ намъ фактически передышки, и мы находимся въ постоянномъ отступленіи отъ германскаго имперіализма. Говорятъ, что для націонализаціи нужны

техническія силы, но если этимъ силамъ отдать промышленность, то это значитъ—отказаться отъ революціи. Неправда, что всѣ національзированныя предпріятія стоятъ.—Тов. Панинъ находитъ, что для уясненія сознанія въ массахъ необходима правильная политика, которой нѣтъ. Приглашеніе буржуазіи къ сотрудничеству есть отказъ отъ рабочей политики. Соглашеніе съ буржуазіей подготовляетъ почву буржуазной реставраціи.

Въ результатѣ резолюція, предложенная большинствомъ, собираетъ 12 голосовъ, резолюція лѣвыхъ коммунистовъ—2. О лѣвыхъ коммунистахъ въ резолюціи сказано, что ихъ „обособленная и своеобразная политика вноситъ извѣстную дезорганизацію въ ряды партіи". Предложеніе внести въ резолюцію спеціальный пунктъ объ отношеніи къ меньшинству отклонено. Непринявшій участія въ голосованіи представитель ростовской организаціи заявляетъ, что его организація стоитъ на точкѣ зрѣнія большинства.

Текущія дѣла. Избранъ губернскій комитетъ изъ 5 лицъ. По организаціоннымъ вопросамъ высказывались слѣдующія мнѣнія: необходимо сдѣлать перерегистрацію членовъ и вновь принимать членовъ съ большей осторожностью; нужно установить строгій контроль за совѣтской работой; всѣ постановленія партіи должны безпрекословно проводиться въ жизнь; необходимо наладить партійную работу въ губерніи; главной работой долженъ быть контроль надъ Губернск. Исполн. К-томъ: срывъ конференціи и нѣкоторые поступки членовъ Губ. Исп. Комитета требуютъ, чтобы былъ обсужденъ вопросъ о дѣятельности Губ. Исп. К-та и его отношеніи къ партіи; нужно усилить пропаганду—и устную, и письменную.

Уфимская губернская конференція латышскихъ группъ Р. К. П.

(18 мая).

На конференціи присутствовало 9 представителей отъ слѣдующихъ группъ: Уфимской, Балтійской, Архангельской, Ауструмской и Цвѣтаевской, а также представители Временнаго Центра. Отсутствовали представители отъ Златоустовской и Баложинской группъ.

Доклады: 1) Временный Центр.—Комитетъ Уфимской группы уже съ осени 1917 года считался временнымъ центромъ. Успѣха въ работѣ не было, такъ какъ недоставало руководителей; на мѣстахъ не было теорети-

чески подготовленныхъ товарищей, которые могли бы заняться агитаціей и пропагандой. Послѣ занятія Латвіи нѣмцами, въ Уфу прибыло нѣсколько старыхъ партійныхъ работниковъ, дѣятельность въ городской группѣ ожила. Дѣло налаживается. 2) Уфимская группа. До февраля дѣятельность въ группѣ была очень слабой, вліянія на массы совершенно не было, на мѣстахъ не было достаточно сильныхъ идейныхъ работниковъ. Въ послѣднее время группа проявляетъ особенно живую дѣятельность. Къ работѣ привлечены широкія массы. Наплывъ членовъ въ группу весьма значительный. Сочли нужнымъ ввести строгій контроль и дисциплину. 3) Балтійская группа образована въ мартѣ 17 года. Дѣятельность слаба. Митинги не устраиваются, но вмѣсто нихъ—вечера и собесѣдованія по разнымъ вопросамъ. Группа выписываетъ газеты „Циня“ и „Впередъ“. Организована изъ партійныхъ товарищей боевая дружина, состоящая изъ 17 лицъ. Совѣтъ въ рукахъ партійныхъ товарищей. 4) Архангельская группа. Кружокъ с.-д. существуетъ уже съ 1904 г. Съ началомъ революціи дѣятельность ожила. Всего было 11 собраній, 4 вечера, 6 спектаклей. Принимали участіе въ празднованіи перваго мая. Существуютъ хоръ и оркестръ. Въ библіотекѣ около 200 томовъ. Образована боевая организація, въ которой считается 200 парт. товарищей. Въ совѣтъ входятъ наши товарищи. Съ мѣстными закоренѣлыми колонистами отношенія довольно обостренныя. Группа выписываетъ газеты „Циня“, „Впередъ“ и „Коммунистъ“. 5) Ауструмская группа существуетъ съ первыхъ дней революціи, но тогда было только 5—6 членовъ. Съ осени 1917 г., съ пріѣздомъ нѣкоторыхъ товарищей, дѣятельность ожила. Со стороны мѣстныхъ жителей встрѣчается противодѣйствіе. Совѣтъ въ рукахъ коммунистовъ—членовъ группы. Въ библіотекѣ 300 томовъ. 6) Цвѣтаевская группа образована только 2 мѣсяца тому назадъ. Собранія устраиваются каждую недѣлю. Существуетъ боевая организація, состоящая изъ 7 членовъ группы.

Пермская общегородская конференція Р. К. П.

(12—13 мая).

На конференцію прибыли представители Пермской и Мотовилихинской организацій; постановлено слить ихъ въ одну организацію. Разобранъ конфликтъ, имѣвшій мѣсто между фракціей губернскаго съѣзда и окруж-

нымъ комитетомъ, съ одной стороны, и Мотовилихинской организаціей—съ другой.

Докладъ о дѣятельности Пермскаго Комитета. Докладчикъ указалъ на ту большую работу, которою вынесъ на своихъ плечахъ комитетъ, въ-виду отсутствія окружного партійнаго центра, и которая заключалась въ налаживаніи и инструктированіи новыхъ, во многихъ мѣстахъ теперь возникающихъ партійныхъ ячеекъ, а также въ разсылкѣ по округу агитаторовъ и организаторовъ. Докладчикъ остановился также на новыхъ начинаніяхъ комитета, пока еще только налаживающихся, на организаціи партійныхъ вечеринокъ, затѣмъ коснулся и больного вопроса о предупредительныхъ мѣрахъ къ недопущенію въ ряды партіи нежелательнаго элемента. Относительно финансовой стороны отчета выяснилось, что ревизіонная комиссія къ работамъ не приступала. Въ преніяхъ по докладу особенно обращено вниманіе на печальное положеніе съ дѣломъ полученія и распространенія литературы и газетъ какъ по городу, такъ и по округу.

Текущій моментъ. Тов. Борчаниновъ (лѣвый коммунистъ) указалъ, что Брестскій миръ абсолютно никакой пользы не принесъ. Передышки подписаніе мира не дало, ибо имперіалисты продолжаютъ насъ тѣснить желѣзнымъ кольцомъ, да и вообще никогда дипломатическія мѣры остановить наступленіе имперіализма не могутъ; не бумажка помѣшала ему раздавить сразу Россію, а реальное соотношеніе силъ. Конечно, технически мы превозмочь міровой имперіализмъ никогда не сможемъ, но въ этомъ намъ можетъ помочь не соблюденіе условій позорнѣйшаго мира, а лишь міровая революція. Во всякомъ случаѣ, у насъ сейчасъ, при подписаніи мира, создается обстановка, вполнѣ аналогичная тому, что было бы безъ него: германцы наступаютъ и забираютъ лучшія области Россіи, и имъ въ этомъ заключенный миръ помѣшать не можетъ. То же и внутри страны. Мы принуждены отступать по всей линіи, денаціонализуемъ банки, идемъ на соглашеніе съ кооператорами, разоружаемъ военноплѣнныхъ революціонеровъ, полки которыхъ мы думали двинуть противъ врага. Потому-то и приходится сказать, что, отступая передъ капиталомъ, исчерпывая, выкидывая все дѣйствительное содержаніе Совѣтской власти, мы не заслужили поддержки западнаго пролетаріата. Мы должны всѣми силами, по всѣмъ фронтамъ объявить безпощадную войну имперіализму. Такимъ образомъ мы внесемъ разладъ въ среду враговъ и одержимъ побѣду. Нашъ лозунгъ: „Защита революціонныхъ соціалистическихъ завоеваній извнѣ и послѣдовательное проведеніе комму-

низма внутри Россіи". Мы выполняемъ требованія имперіалистовъ Германіи и нашихъ саботажниковъ, и скоро наши товарищи изъ центра посадятъ надъ нами диктаторами всѣхъ саботажниковъ. Наша обязанность—не идя на компромиссы, смѣло, послѣдовательно, не останавливаясь ни на минуту, проводить свою политику до конца. Тов. Мясниковъ тоже находитъ, что Брестскій миръ намъ ничего не далъ, ибо наступленіе продолжается.

Собраніе большинствомъ 30 противъ 20 при 1 воздержавшемся принимаетъ резолюцію (лѣво-коммунистическую) Областной Конференціи. („Изв. Пермск. Сов." № 93)

Басманный районъ (Москва).

Общимъ собраніемъ Басманнаго Совѣта Рабочихъ Депутатовъ совмѣстно съ представителями заводскихъ комитетовъ 20 мая принята слѣдующая резолюція:

„Принимая во вниманіе, что событія на Украинѣ, въ Финляндіи и цѣлый рядъ другихъ фактовъ являются лишь началомъ конца выполненія германскими имперіалистами плана удушенія русской соціалистической революціи,—плана, съ самаго начала исключавшаго и исключившаго на дѣлѣ какую бы то ни было передышку, и что никакая апелляція къ „союзному" имперіализму не допустима и не возможна и, слѣдовательно, не способна вывести Россію изъ состоянія смертельной опасности,—общее собраніе Басманнаго Совѣта Рабочихъ Депутатовъ совмѣстно съ представителями отъ заводскихъ комитетовъ считаетъ, что единственнымъ выходомъ при такихъ условіяхъ является не политика безоговорочныхъ уступокъ, глубоко деморализирующая широкія рабочія массы, а активная защита революціи, исключающая всякія дальнѣйшія уступки и призывающая массы къ напряженію всѣхъ своихъ силъ.

Собраніе выражаетъ пожеланіе, чтобы всѣ декреты Совѣта Народныхъ Комиссаровъ и Центральнаго Исполнительнаго Комитета, относящіеся къ защитѣ революціи (всеобщее обученіе владѣнію оружіемъ въ особенности), какъ можно скорѣе и энергичнѣе проводились въ жизнь".

Уральскій Областной Исполнительный Комитетъ Совѣтовъ.

На засѣданіи 21 мая Областнымъ Исполнительнымъ Комитетомъ Совѣтовъ Р., К. и С. Депутатовъ Урала принята резолюція, предлагавшаяся группой лѣвыхъ коммуни-

стовъ на Московскомъ междурайонномъ совѣщаніи 8 мая и напечатанная въ № 3 „Коммуниста“ („Резолюція о текущемъ моментѣ“).

Библіографія.

Исторія освобожденія Россіи. Томъ 1, выпускъ первый. (Изданіе Д. Е. Маковскаго. Москва. 1917).

«Исторія освобожденія Россіи» ставитъ своей задачей дать возможно полное, общедоступное и безпристрастное изображеніе борьбы русскаго народа за политическую свободу преимущественно въ теченіе послѣднихъ 20 лѣтъ. Болѣе раннія попытки низверженія царскаго
(1) деспотизма (декабристы, петрашевцы и т. д.) остаются внѣ рамокъ настоящаго изданія, о нихъ въ общей формѣ будетъ сказано во вступительной статьѣ.»

Такимъ вводнымъ очеркомъ и является статья т. М. Покровскаго—«Царизмъ и революція», помѣщенная въ первомъ выпускѣ. Статья т. Фриче—«Крушеніе Народной Воли», открывающая собою отдѣлъ «Общественно-литературныхъ теченій конца XIX вѣка», едва начата, а потому мы не будемъ ея касаться въ этой замѣткѣ.

(2) «Разсказать то, что было, такъ, какъ было»—таковъ «основной принципъ», которымъ думаютъ руководиться авторы задуманнаго изданія. (См. «Отъ издательства»). Едва ли, однако, можно признать удачнымъ этотъ девизъ для коллективной работы историковъ-марксистовъ. Вѣдь, онъ не что иное, какъ переформированіе словъ Ранке, заявившаго еще въ 20 годахъ прошлаго вѣка, что дѣло историка—только «изобразить, какъ происходило дѣло». Въ наши дни ту же мысль выдвигаютъ какъ-разъ историки-идеалисты, настаивающіе на «неповторяемости» историческихъ процессовъ, отсутствіи закономѣрности въ историческихъ явленіяхъ и т. п.

Въ дѣйствительности любой историкъ подходитъ къ своему матеріалу съ извѣстной схемой, извѣстными соціологическими обобщеніями и предпосылками, уже добытыми наукой; значитъ, какого-то «чистаго описанія» «того, что было и какъ было» ни въ одной исторической работѣ нѣтъ и быть не можетъ, какъ не можетъ быть и въ наукѣ вообще. Въ этомъ смыслѣ всякій историческій трудъ будетъ «пристрастнымъ».

Къ счастью, однако, авторъ первой же статьи и не старается слѣдовать лозунгу Ранке. Напротивъ, въ превосходномъ очеркѣ т. Покровскаго есть весьма опредѣленная «предвзятость»—послѣдовательное проведеніе соціологическаго метода Маркса.

«Революція въ Россіи,—говоритъ т. Покровскій,—такъ же стара, какъ само россійское государство». Прецедентъ можно найти еще
(3) въ 1068 году, когда кіевское населеніе «низвергло своего законнаго государя, Изяслава Ярославича, бездарнаго и жестокаго, и посадило на его мѣсто представителя совсѣмъ чужой, Полоцкой ди-
(4) настіи». (21). Но всѣ эти революціи, кончая «пугачевщиной», «были направлены не противъ политическаго принципа, а противъ соціальнаго факта».

Правда, историки-спеціалисты, можетъ-быть, и не согласятся, что въ эпоху, напр., смуты, ни одинъ изъ классовъ московскаго общества не выдвигалъ никакого новаго «политическаго принципа», но совершенно безспоренъ тотъ фактъ, что народные низы—кре-

стьянство, а также пролетаріатъ—вплоть до самаго послѣдняго времени вѣрили въ легендарнаго «революціоннаго» царя, который долженъ принести облегченіе ихъ вѣковымъ страданіямъ. Самозванный Дмитрій и другіе «холопы» и казачьи цари Смутнаго времени, «царь Петръ Федоровичъ» въ образѣ Пугачева—таковы продукты революціонной идеологіи русскаго крестьянства 17—18 вв. (1)

Но и въ 19 вѣкѣ дѣло не мѣняется. Работая среди крестьянъ, революціонные народники 70-хъ годовъ должны были притти къ нетѣшительному выводу: «Царизмъ являлся въ самой тѣсной связи съ земельнымъ идеаломъ крестьянъ. Свои желанія, свои понятія о справедливости крестьяне переносили на царя, какъ будто бы это были его желанія, его понятія». И единственное массовое движеніе крестьянъ въ 70-хъ годахъ удалось вызвать, какъ извѣстно, только при помощи подложнаго царскаго манифеста (т.-наз. Чигиринское дѣло) (33). (2)

Во имя той же вѣры въ «надежу-государя» шли 9 января къ Зимнему дворцу и петербургскіе рабочіе. И «только послѣ кроваваго опыта 1905 года русскій пролетарій окончательно и безповоротно сталъ республиканцемъ». (11). (3)

Почему чаянія народныхъ массъ такъ долго отливались въ форму «ожиданія личнаго спасителя»? Объясненія надо искать въ народной психологіи, для которой воля государя отождествлялась съ Божьей волей, «царская гроза была необходимымъ обезпеченіемъ соціальной справедливости». (13).

Но этотъ «мистическій» царизмъ, созданный идеологіей революціоннаго крестьянства, не имѣлъ ничего общаго съ «царизмомъ историческимъ».

Боярская вотчина, которую хотѣли опрокинуть на спину «крестьяне 17—18 вв., рушилась, но на ея мѣсто выросло нѣчто, еще болѣе ужасное—помѣщичье имѣніе, гдѣ крестьянинъ былъ уже рабочимъ скотомъ. И создателемъ этой перемѣны была та самая царская власть, на которой покоились всѣ надежды закрѣпощаемыхъ». (13).

Первые Романовы и не могли дѣйствовать иначе,—сами «первые купцы своего государства» они строили «желѣзное царство торговаго капитализма, для котораго неволя работающей массы была первымъ условіемъ существованія».

Тѣсная связь между русскимъ абсолютизмомъ и торговымъ капиталомъ отмѣчалась т. Покровскимъ и въ прежнихъ его работахъ—соотвѣтствующихъ статьяхъ «Русской исторіи» и въ «Очеркѣ исторіи русской культуры». Установленіе этой связи является теперь прочнымъ достояніемъ русской исторической науки.

Интересами торговаго капитала диктовалась и вся внѣшняя политика Романовыхъ (и даже политика царей старой династіи), пока экономическое развитіе не выдвинуло новой силы—промышленнаго капитала, интересы котораго властно потребовали отъ царизма новой «ориентаціи».

Это безспорно. Но едва ли цѣлесообразно обозначать «колоніальную политику» московскихъ государей XV вѣка и петровскія войны терминомъ «имперіализмъ». Подъ послѣднимъ принято теперь понимать не захватническую политику вообще, а политику финансоваго капитала.

Прорубаніе же «окна въ Европу и т. п. производилось для расширенія операцій» русскаго торговаго капитала. Злоупотребляя терминомъ «имперіализмъ», мы отнимаетъ у него его историческій и специфическій характеръ.

Связь между развитіемъ торговаго капитала и развитіемъ крѣпостничества тоже устанавливалась т. Покровскимъ и раньше, но не въ такой рѣзкой формѣ.

Въ разбираемой статьѣ онъ пишетъ: «Онъ (торговый капитализмъ) и крестьянская неволя... это—причина и слѣдствіе» (17). Ибо «вся система торговаго капитализма, сосредоточеніе средствъ обмѣна при

господствѣ мелкаго производства неизбѣжно требовали «внѣэкономическаго принужденія» въ максимальной дозѣ въ формѣ «полнаго личнаго порабощенія» крестьянина.

Намъ думается, правильнѣе было бы сказать, что интересы торговаго капитализма требовали сохраненія и усиленія крѣпостного права, которое, какъ хорошо доказываетъ тотъ же т. Покровскій въ другомъ мѣстѣ, создалось въ результатѣ перехода помѣщичьяго хозяйства отъ перелога къ трехпольной системѣ хозяйства *).

Усиленіе самодержавнаго гнета, послѣ подавленія Пугачевщины, дало толчокъ и дворянской революціи. Павелъ I погибъ «въ петлѣ, сдѣланной изъ офицерскаго шарфа», но эти расправы съ «деспотомъ» еще напоминаютъ убійство жестокаго барина его крѣпостной дворней.

Лишь съ измѣненіемъ того экономическаго базиса, на которомъ покоился царизмъ, начинаются революціонный выступленія во имя измѣненія самого «политическаго принципа». Движеніе декабристовъ было движеніемъ дворянской буржуазіи. Зарожденіе крупной промышленности потребовало отмѣны крѣпостного права, но дѣло обошлось на этотъ разъ безъ революціи, ибо въ этой отмѣнѣ былъ заинтересованъ и капитализмъ сельскохозяйственный, также жаждавшій свободныхъ, наемныхъ рабочихъ, какъ и его собратъ изъ «чумазыхъ».

«Революціонность русской буржуазіи была притуплена реформами 60-хъ годовъ; дворянское правительство вплоть до 1917 года было не врагомъ, а помощникомъ нашихъ промышленниковъ».

Истинно-революціонную борьбу съ царизмомъ взялъ на себя русскій пролетаріатъ, который неизбѣжно создался рядомъ съ промышленной буржуазіей, какъ ни старались застраховать Россію отъ появленія «городского фабричнаго сословія» министры Николая I и дѣятели крестьянской реформы.

(1) Уже въ 1879 г. въ Петербургѣ организовался «Сѣверный союзъ русскихъ рабочихъ», принявшій политическую программу, близкую къ требованіямъ западно-европейскихъ рабочихъ-соціалистовъ.

Но это была лишь «первая ласточка», которую не дооцѣнила тогдашняя разночинная интеллигенція, вѣрившая въ революціонность и соціалистичность крестьянства, а потомъ перешедшая на рельсы, сблизившіе ее съ движеніемъ россійскихъ либераловъ. Послѣдніе, однако, желали едва ли не въ большей мѣрѣ «упраздненія» революціонеровъ-террористовъ, чѣмъ самодержавія.

Таково въ общихъ чертахъ содержаніе чрезвычайно ярко и содержательно написаннаго очерка «Царизмъ и революція».

Въ дальнѣшемъ, на-ряду съ «руководящими статьями, характеризующими основные моменты освободительнаго движенія», изда-

*) «Очеркъ ист. русской культуры», стр. 71—74.

тельство предполагаетъ давать и подлинныя воспоминанія его непосредственныхъ участниковъ.

Въ ближайшихъ выпускахъ намѣчаются слѣдующія статьи: общественно-литературныя теченія конца XIX вѣка; народничество и партія соціалистовъ-революціонеровъ; земскій либерализмъ; рабочій классъ и соціалъ-демократическая партія; студенческое движеніе 1887—1900 гг.; дальневосточный кризисъ и т. д. Наибольшее вниманіе имѣется въ виду удѣлить революціи пятаго и семнадцатаго года.

«Исторія освобожденія Россіи» должна составить 9 художественно иллюстрированныхъ выпусковъ. Цѣну всего изданія (70 р.) нельзя считать высокой, но все же пріобрѣсти его отдѣльнымъ рабочимъ будетъ не подъ-силу; это—дѣло всякаго рода пролетарскихъ и крестьянскихъ организацій, вниманію которыхъ мы настойчиво рекомендуемъ это интересное изданіе.

Н. Антоновъ.

Редакціонная коллегія: Н. Бухаринъ, В. Оболенскій, К. Радекъ и В. Смирновъ.

Въ Финляндіи, странѣ побѣдоносной контръ-революціи, отрѣзанный отъ русской революціи, отъ которой онъ ушелъ съ начала войны, умеръ

Георгій Валентиновичъ Плехановъ,

отецъ русскаго маркизма.

Тѣ, кто изъ-за борьбы послѣднихъ лѣтъ не забыли исторіи русской революціи и Интернаціонала, стоятъ въ глубокомъ раздумьи и печали надъ могилой великаго писателя, уходъ котораго отъ революціи глубоко обоснованъ не только его личными качествами, но и вообще исторіей марксизма въ Россіи. Откладывая оцѣнку работы жизни Плеханова до слѣдующаго номера, мы склоняемъ наше знамя у гроба того, кто впервые далъ русскому рабочему классу оружіе борьбы за освобожденіе.

Типография Российской Федеративной Социалистической Советской Республики.

NOTES TO RUSSIAN TEXT

The following works proved to be useful in the preparation of these notes:

Bol'shaia Sovetskaia Entsiklopediia, 3rd edition, vols. 1-30 (Moscow, 1970-1978).

Carr, E.H., *The Bolshevik Revolution*, vols. 1-3 (Harmondsworth, 1966-1971).

Chamberlin, W.H., *The Russian Revolution*, vols. 1-2 (New York, 1952).

Malle, S., *The Economic Organisation of War Communism* (Cambridge, 1985).

Mawdsley, E., *The Russian Civil War* (London, 1987).

Rosenberg, W., *Liberals in the Russian Revolution* (Princeton, 1974).

Seton-Watson, H., *The Russian Empire, 1801-1917* (Oxford, 1967).

Wieczynski, J.L. (ed.), *The Modern Encyclopaedia of Russian and Soviet History*, vols. 1-46 (Gulf Breeze, 1976-1987).

Abbreviations

CC	Central Committee
CEC	Central Executive Committee
LSR	Left Social Revolutionary
MOB	Moscow *Oblast'* Bureau
MRC	Military Revolutionary Committee
PG	Provisional Government
RSDWP	Russian Social Democratic Workers' Party
SDs	Social Democrats
Sovnarkom	Council of People's Commissars
SPD	German Social Democratic Party
SRs	Social Revolutionaries
Vesenkha	Supreme Council of the National Economy

Notes

p. 1

(1) *A.S. Martynov* [Piker] (1865-1935). Born of merchant family in Pinsk, Populist in 1880s, exiled to Siberia for ten years in 1886. Joined SDs in 1890s, member of Ekaterinoslav committee in 1899. A supporter of Economism in the early 1900s, member of editorial board of *Rabochee Delo*. After Second Congress of RSDWP in 1903 joined Menshevik wing of party. Liquidationist before 1914, gravitated to internationalist wing of Mensheviks before World War I. Teacher in Ukraine, 1918-1922, joined CP in 1923, on editorial board of *Kommunisticheskii Internatsional* in 1924. *Dve diktatury* first published in Geneva in 1905, a critique of authoritarianism which Martynov believed to be inherent in Lenin's theories of revolutionary consciousness, party organisation, and the revolutionary dictatorship of the proletariat and peasantry.

p. 2

(1) In fact, A.F. Kerensky found but little support in the Ukraine.

p. 4

(1) The peace of Brest-Litovsk cost Soviet Russia the Baltic provinces, Belorussia, Poland, Finland, parts of the Transcaucasus, and crucially, the Ukraine. A. Lomov (G.I. Oppokov) reckoned that the territories surrendered meant that Soviet Russia had lost one-third of its grain-producing area, including, more significantly, the sources of three-quarters of its grain surplus; two-fifths of its industry and industrial work-force; nine-tenths of its easily exploitable coal reserves; and three-quarters of its iron production. See his 'Mirnyi dogovor i narodnoe khoziaistvo Rossii', *Biulleteni V.S.N.Kh.*, No. 1, 1918.

p. 5

(1) Presumably a reference to the theory of 'ultra-imperialism', elaborated by Karl Kautsky, leading theoretician of the SPD and considered to be the 'pope of Marxism' in the early twentieth century; see also below, note 1 to p. 122.

p. 7

(1) The Left Communists repeatedly called themselves 'proletarian Communists'; see pp. 9, 10. 11, 21, 23f of text.

p. 8

(1) The first meeting in fact took place on January 8 (21), when of those present fifteen supported V.I. Lenin's stance, of an immediate peace on German terms; thirty-two supported N.I. Bukharin's call for revolutionary war; and thirteen favoured the compromise policy, of 'no war, no peace', elaborated by L.D. Trotsky. The meeting of January 21 (February 3) revealed an erosion of will amongst, and of support for the Left Communists. Only N. Osinskii (V.V. Obolenskii) and I.N. Stukov continued to reject peace with Germany--or any other imperialist power--in any circumstances.

(2) At the Bolshevik caucus preceding the Fourth Congress of Soviets, held in Moscow between March 14 and 16, 453 votes were cast in favour of ratifying the peace, and only 38 against. At the Congress itself, only 65 of the 814 Bolsheviks present refused to vote for ratification and abstained. See Appendix B.

(3) See Editor's Introduction, note 1, p. xlvii.

p. 9

(1) See Appendix B. Only 57 delegates are listed, as well as 10 members of the CEC.

p. 10

(1) The separation of the Ukraine from Great Russia was a devastating blow. The loss of its grain, as well as its reserves of coal and iron ore, threatened the continued survival of much of Soviet Russia's industrial and urban economy.

p. 11

(1) Here the Left Communists appear to have come close to Lenin, who had argued that irreconcilable divisions amongst the imperialist powers would preclude any united assault on Soviet Russia. See Editor's Introduction, pp. xvii, xix.

p. 13

(1) A Central *Rada* (council) was established in Kiev after the February revolution by representatives of the Society of Ukrainian Progressives, SRs, and SDs, as well as of trade unions, cooperative and other associations. Gradually evolved into something of a *de facto* national assembly of the Ukraine. On January 9 (22), 1918, it issued its Fourth Universal, which declared the Ukraine to be an independent and sovereign state. Overthrown primarily by forces from Soviet Russia on January 26 (February 8), 1918, it was reestablished in power, largely thanks to German patronage, on March 2, 1918, only to be replaced on April 29 by another, much more conservative, and again essentially German-backed regime under General P.P. Skoropadskii (1873-1945). Skoropadskii adopted the old title of hetman (chieftain). Supported by large and medium landowners, the regime opposed land reform; also plagued by corruption, especially at local level. Once the Germans withdrew, the regime collapsed for lack of indigenous support.

p. 19

(1) See Editor's Introduction, pp. xxxii-xxxiii.

(2) By a decree of *Sovnarkom* on March 26, 1918, workers' control on the railways was effectively curtailed and replaced by a system of one-man management.

(3) *M.Ia. Latsis* [Ia.F. Sudrabs] (1888-1938). A Lett, active in 1905 and thereafter in underground revolutionary work in Riga, the Caucasus, Moscow, and the Volga before 1917. Active in the Vyborg organisation of the Bolshevik party in 1917, advocate of insurrection. On Petrograd MRC before October, a leading member of the *Cheka* during the Civil War when he adopted a notoriously hard line against the opponents of the revolutionary government. Victim of the Great Purge.

(4) Proclamation dated March 21, called for universal, compulsory military training to be conducted by 'experienced instructors'; equally, as in industry, military *spetsy* to be employed in new army and given final authority in purely military matters, with political commissars to be employed to ensure interests of revolution not betrayed. See *Izvestiia*, 24. 3. 1918.

N.I. Podvoiskii (1880-1948). Born of teacher cum priest, himself expelled from Chernigov seminary for revolutionary activities in 1901. Joined RSDWP, moved to Iaroslavl where 1905 Revolution found him. Wounded, emigrated to Germany, then Switzerland, returned to Russia in 1907. Continued revolutionary activity, during World War I edited *Voprosy Strakhovaniia*. Architect of Bolshevik Military Organisation in Petrograd in 1917, was to be on Left of party, advocating insurrection in July. On MRC before October, was among leading echelons of military organisers, 1918-1919. Thereafter sank in power and status.

p. 25

(1) 'History will measure its retribution not by the extent of the square miles conquered from France, but by the intensity of the crime of reviving, in the second half of the nineteenth century, the policy of conquest'. Karl Marx, *Second Address of the General Council of the International Working Men's Association on the Franco-Prussian War*.

(2) Treaty of San Stefano, March 3, 1878--not 1868--imposed on Turkey by victorious Russia after the Russo-Turkish war of 1877-1878. Its most significant--and most famous--feature was the creation of a 'big Bulgaria', an autonomous state with access to the Aegean Sea and one *de facto* under Russian tutelage.

(3) *Count N.P. Ignatiev* (1832-1908), *Prince A.M. Gorchakov* (1798-1883). Latter was Minister of Foreign Affairs at the time of the treaty but Ignatiev, an advocate of Panslavism and then ambassador to Constantinople, appears to have been the main architect of it.

(4) The Congress of Berlin convened on June 13, 1878. Under pressure from the other great powers of Europe, especially Austria and Britain, Russia was forced to disgorge the 'big Bulgaria' which was divided into three: 'an autonomous principality; a semi-autonomous province of Eastern Roumelia; and 'Macedonia' which remained an integral part of the Ottoman Empire'. A.J.P. Taylor, *The Struggle for Mastery in Europe, 1848-1918* (Oxford, 1971), p. 251.

p. 27

(1) *Hugo von Freitag-Loringhofen* (1855-1924). Baltic German, mem-

ber of German General Staff from 1890s, Quartermaster General in World War I, Deputy Chief of Staff, 1916-1918.

(2) On February 10 (January 28), 1918, Trotsky broke off negotiations with Germany and Austria-Hungary at Brest-Litovsk, declaring that Soviet Russia would neither sign peace nor continue to wage war. On February 18, the Germans renewed their advance into Russia.

(3) *Kurt Riezler.* Private secretary to Chancellor Bethmann Hollweg in 1914, assigned by latter to negotiate with A. Helphand (Parvus), the 'merchant of revolution', on the question of fomenting revolutionary unrest within Russia during the war. Something of an expert on Russian affairs, he was to be counsellor at the German Legation in Stockholm, then legate in the German Embassy in Moscow in 1918 when he anticipated the speedy collapse of the Bolshevik regime.

p. 28

(1) I.e., *Mitteleuropa.* The creation of a Central European Customs Union, one of Germany's main aims in World War I. The belief that Germany required economic expansion in Central and South-East Europe dated back to an idea elaborated by Friedrich List (1789-1846).

p. 30

(1) The Left Communists had been certain that the strikes gripping Germany and Austria-Hungary in January 1918 were the harbingers of socialist revolution there. See Editor's Introduction, pp. xx.

p. 31

(1) *Constantino Lazzari* (1857-1927). Secretary of the Italian Socialist Party since 1912, arrested and imprisoned in November 1917 for opposition to war; in August, had called on all socialist mayors in Italy to resign in protest at continuation of war.

p. 32

(1) I.e., Karl Radek.

(2) This article, and its sequel in No. 2 (pp. 68-85 of this edition),

formed the core of Osinskii's major work of 1918, *Stroitel'stvo sotsializma* (Moscow, 1918).

(3) 1918, not 1917.

p. 33

(1) *The Taylor System*. Devised by F.W. Taylor, chief engineer in Midvale Iron Works, United States, with the aim of increasing productivity on shop floor via time and motion studies, standardisation of work processes, piece rates. Often called 'scientific management'.

(2) The programme then advocated by Lenin was outlined fully in *The Immediate Tasks of the Soviet Government*, first published on April 28, 1918.

p. 34

(1) *Kaledintsy*: the Cossacks in the Don mobilised by General (Ataman) A.M. Kaledin (1861-1918) against the Soviet regime. They were defeated in late February 1918 by Soviet forces led by V.A. Antonov-Ovseenko, who occupied Novecherkassk. Champion of conservatism in 1917, in mid-February Kaledin himself had committed suicide in light of apparent inability, or reluctance, of many Cossacks to resist Bolsheviks.

p. 37

(1) *I.E. Gukovskii* (1871-1921). Commissar for Finance, then advocated balancing the state budget, to be achieved by reducing expenditure to the minimum and raising revenues, largely through indirect taxation, which itself ran counter to professed party policy. Also alleged to be advocate of relaxing controls on newly nationalised banks; see note 1 to p. 48.

(2) *Samuel Smiles* (1812-1904). Scottish author best known for didactic work, *Self Help*. Follower of utilitarian philosophy espoused by J. Bentham and J.S. Mill, advocate of material progress to be achieved by individual enterprise and free trade.

p. 41

(1) In March-April 1918, the Soviet government negotiated with V. Meshcherskii, a director of the Sormovo-Kolomna metallurgical

complex. Representing a group of capitalists in the metal and machine industries, Meshcherskii proposed the creation of a new joint undertaking whereby his group and the state each would hold up to half of the shares in a new trust, possibly embracing over half of Russia's machine-building and metallurgical industries. Meshcherskii and his associates would manage this trust, under the supervision of the Soviet state. The government rejected this proposal on April 14, in favour of full nationalisation of the metal and machine industries. It has been suggested (Carr, *Bolshevik Revolution*, 2, p. 96) that this rejection was 'dictated by the discovery that the majority of the shares in the Meshcherskii group had passed into German hands'.

p. 42

(1) See note 2 to p. 19.

p. 45

(1) The offensive launched by the Provisional Government in June 1917, and its failure, combined with the attempt to transfer the more revolutionary units in Petrograd to the front was the immediate precipitant of the revolutionary action undertaken by many of the soldiers, and workers, of Petrograd in the July Days. While not planned or initiated by the Bolshevik leadership, the PG seized upon the events as an opportunity to blame the Bolsheviks for the failure of the offensive and to accuse them of being German agents. Many leading Bolsheviks were imprisoned while Lenin and Zinoviev went into hiding.

(2) The death penalty was a highly emotive issue in 1917. Abolished after the February Revolution, the failure of the June offensive led the High Command ever more insistently to demand its restoration in the interests of maintaining discipline and order in the army. On July 12, the PG under Kerensky conceded to the demands of the then commander-in-chief, A.A. Brusilov, and reintroduced the death penalty in the theatre of military operations.

(3) *A.R. Gotz* (1882-1940). Leader of the 'right centre' of the SR party in 1917, on the morrow of October member of the 'Committee to Save the Fatherland', architect of the abortive rising of officer cadets (*iunkery*) in Petrograd on October 29 aimed at overthrowing the Bolshevik government.

(4) The Stakheev concern encompassed the Russian-Asiatic Bank, the businesses of the Elabugs and the Stakheevs, and the commercial house 'I.G. Stakheev'. It was run by I.I. Stakheev, A.I. Putilov, and P.P. Batolin. Like Meshcherskii, they proposed that an iron and steel trust in the Urals be formed jointly by the state, the industrialists of the trust, and a group of American capitalists. Again, nothing came of this proposal.

p. 46

(1) Radkey, *Sickle under the Hammer*, p. 453, denies that the SRs favoured intervention by Japan.

(2) *Zemlia i Volia*. Right SR paper published in Moscow; ceased publication, spring, 1918.

(3) *Admiral Kato Kanji* [Hirohari]. In charge of Japanese naval squadron which arrived in Vladivostok, January 12, 1918; landed marines in city on April 5, ostensibly to protect Japanese nationals.

(4) *G.M. Semenov* (1890-1946). Leader of the Transbaikal Cossacks, who opposed the Soviet regime from January 1918; a maverick, Semenov took aid from Britain, France, even Japan, yet refused to assist opposition to Bolsheviks in Siberia, especially Kolchak regime.

(5) Apparently an incorrect reference. Rosenberg, *Liberals*, pp. 291-292, points to the efforts in March 1918, of the CC of the Popular Socialist party to create a broad democratic front, embracing left Kadets and moderate SRs. Union of Regeneration was formed in mid-April, though contentious issues, such as whether the Constituent Assembly should be reelected and the nature of relations with White Generals, were fudged.

p. 47

(1) *Vpered*. Paper of CC and Moscow organisation of Mensheviks; continued as *Vsegda Vpered* until February 1919. Major vehicle for *Iu.O. Martov's* (1873-1923) bitter critique of Bolsheviks.

F.I. Dan [Gurvich] (1871-1947), Menshevik, broke with Defencism in October 1917, and allied with Martov and Menshevik Internationalists. In spring 1918, the majority of Mensheviks

nurtured hope that reelections to the Soviets would convert them back into the democratic workers' organisations that they believed the Bolsheviks had suffocated. The minority, mainly of Defencists, rested their hopes not on the Soviets but in the newly emerging assemblies of factory workers that had appeared in Petrograd and Moscow.

(2) *Promyshlennost' i Torgovlia.* Monthly journal of the Trade Industrialists published in Petrograd.

(3) *P.P. Riabushinski* (1871-1924). Prominent Moscow textile manufacturer and banker, leader of Progressist movement.

(4) Presumably *S.M. Schwarz* (1879-1951). One of the leaders of the right wing of the Menshevik party. According to George Denicke, it was A.N. Potresov who wrote 'back to capitalism' while Schwarz believed that given Russia's economic backwardness 'forward to capitalism' was more appropriate.

Novyi Luch, continuation of *Iskra* and *Rabochaia Gazeta,* Menshevik daily in Petrograd, organ of Bureau of CC and of Petrograd Committee, continued publication until June 1918.

(5) *N.N. Zhordania* (1869-1953). Journalist, leader of Georgian Mensheviks, president of Tbilisi Soviet in 1917, president of Menshevik government of Georgia, 1918-1921.

E.P. Gegechkori (1879-1954). Lawyer, Menshevik, chairman of Transcaucasian Soviet of Soldiers' Deputies in 1917, Foreign Minister in Menshevik government of Georgia, 1918-1921.

p. 48

(1) Such rumours were widespread in April-May 1918, forcing Gukovskii to deny them at the first All-Russian Congress of Councils of the National Economy which convened in late May.

p. 49

(1) *Tsentrotekstil'* (Central Committee for the Textile Industry). Formed from committees established by tsarist government to regulate supply of materials and distribution of products in

cotton, yarn, cloth, flax, and jute industries. Initially after October still composed of state and private elements; increasingly monopolised by state and subordinated to *Vesenkha*. See note 1 to page 74.

p. 50

(1) *Novoe Slovo*. Continuation of *Nashe Slovo*, liberal Moscow daily, continued publication until July 1918.

p. 51

(1) Marx's views on the nature of the state under socialism were far from unambiguous, e.g., N. Harding, *The State in Socialist Society* (London, 1982), pp. 3-14, outlines the two models of the socialist state that legitimately can be derived from Marx's own writings.

p. 53

(1) Presumably *V.E. Trutovskii*. LSR from the Ufa organisation, commissar of local self-government in Bolshevik-LSR coalition formed in December 1917.

p. 57

(1) The Second International, founded in 1889 to unite workers of Europe, primarily of France and Germany; of almost 400 delegates at founding congress in Paris, three-quarters from France and Germany. Never more than loose federation of independent socialist parties effectively collapsed in 1914 when socialist parties in France and Germany supported own governments in war.

Reformism. Socialist strategy aimed at extension of legal and political powers of labour movement and at economic and social improvements within capitalism; often equated with revisionism. See note 1 to p. 197.

p. 58

(1) A rather fragile workers' government was established in Finland in January 1918. Within three months, after a relatively bloody Civil War in which over 30,000 were slaughtered (Mawdsley, *Russian Civil War*, pp. 27-29), a bourgeois government was restored. German forces did intervene on the side of the White

Finns, though arguably their intervention was far from the sole reason for the White victory.

p. 59

(1) *Krupp.* 'The Arsenal of the Reich', chief arms manufacturer in Germany.

(2) See note 2 to p. 136.

p. 60

(1) In its Declaration of Peace issued on October 26 (November 8), 1917, the Soviet government declared all secret treaties entered into by the autocracy and PG null and void. It began publication of these treaties in *Izvestiia* on November 10 (23), 1917.

p. 61

(1) See note 1 to p. 30.

p. 62

(1) The LSRs opposed the treaty of Brest-Litovsk. After ratification of the peace at the Fourth Congress of Soviets, they abandoned their positions in the *Sovnarkom* in March, a decision ratified at their Second Party Congress in April 1918, despite substantial opposition led by Maria Spiridonova.

p. 63

(1) I.e., Lenin and his faction.

(2) See note 1 to p. 11.

p. 64

(1) *General A.N. Kuropatkin* (1848-1925). Former Minister of War and commander of Russian forces in Russo-Japanese war, 1904-1905. In battle of Liao-Yang, August-September 1904, ordered retreat of Russian forces to Mukden; similarly, in face of Japanese attack on Mukden, February-March 1905, ordered retreat to north of city even though the army again was far from defeated militarily.

(2) *M.I. Kutuzov* (1745-1813). Commander of army which eventually

repelled invading Napoleonic forces in 1812. Advocated strategy of controlled withdrawal until sufficient forces amassed for major battle. After defeat at Borodino, retreated and surrendered Moscow, while continuing to harass French army. As French retreated in face of Russian winter, won major battles at Viaz'ma, Krasnyi.

p. 68

(1) I.e., Karl Radek.

p. 70

(1) For Left Communists' opposition to syndicalism, see Editor's Introduction, pp. xxxv-xxxvi.

p. 74

(1) The Supreme Council of the National Economy (*Vesenkha*) was set up in December 1917 and arguably 'became in the next two years the main focus for the centralisation and administration of industry' (Carr, *Bolshevik Revolution*, 2, pp. 78-79). Set up by Osinskii, V.M. Smirnov, and M.A. Savel'ev, it initially was a bastion of radical Left intellectuals until Osinskii resigned as chairman in March in protest against the peace and was replaced by A.I. Rykov.

p. 77

(1) For Left Communists' concept of socialisation, see Editor's Introduction, pp. xxxiv-xxxv.

p. 81

(1) See N. Osinskii, 'Polozhenie Donetskoi kamennougol'noi promyshlennosti i nashi zadachi', *Biulleteni V.S.N.Kh.*, No. 1, 1918, for his assessment of success of workers' management 'in the south'.

p. 85

(1) Russian Anarchists were highly critical of Soviet regime, condemning centralisation of power in hands of *Sovnarkom*, *Vesenkha*, and *Cheka*, suppression of autonomy of factory committees, Brest-Litovsk as capitulation to German imperialism. Called for third revolution to make Russia genuinely free.

In reply, Anarchist strongholds in Moscow raided by *Cheka*, April 11-12, with considerable loss of life.

p. 90

(1) See p. 52 of text for Bukharin's conception of commune state.

p. 94

(1) Trotsky quickly abandoned any illusions he may have harboured about the efficacy of relying on a militia-based army to defend the revolution, calling instead for the re-creation of a conventional conscript army, officered by the old Tsarist military *spetsy*. See note 4 to p. 19.

p. 95

(1) The decree on compulsory military training adopted by the CEC of the All-Russian Soviet on April 22, 1918, can be found in Chamberlin, *Revolution*, 1, pp. 502-504.

p. 100

(1) See note 1 to p. 41.

p. 104

(1) *Count Ottokar Czernin* (1872-1932). Appointed Foreign Minister of Austria-Hungary by Emperor Charles on December 22, 1916. Resigned on April 14, 1918, over 'Sixtus' affair. In March 1917, Charles had explored the possibility of a negotiated peace with the French government via an intermediary of Prince Sixtus of Parma. In a letter written to the latter on March 24, Charles conceded the justness of the French claim to Alsace-Lorraine. Czernin, not fully informed of the tenor of negotiations and on publication of the letter in spring 1918, resigned.

Sandor Wekerle (1848-1921). Hungarian Prime Minister, in favour of moderate electoral reform. Outmanoeuvred by conservatives, resigned on April 17, 1918, only to form new coalition with Tisza (see note 1 to p. 202) who was a bitter opponent of great extension of suffrage.

p. 106

(1) The customs war between Austria-Hungary and Serbia was caused by the former banning pig imports from the latter, apparently to appease interests of Hungarian landowners.

(2) *Bosnia-Herzegovina*, annexed by Austria-Hungary, October 5, 1908.

p. 109

(1) *Bela Kun* (1886-1939). Hungarian Social Democrat, captured by Russians in 1916 and imprisoned in Tomsk until release after the February Revolution. A contributor to *Novaia Zhizn'* during 1917, he was called to Petrograd after October where he worked as a deputy of Karl Radek in the International Propaganda Department of the Commissariat for Foreign Affairs. Returned to Hungary in November 1918, where he established Hungarian Communist Party. Commissar for Foreign Affairs in the short-lived Hungarian Soviet Republic, of which he was effectively the leader. Escaped from prison in 1920 and fled to Russia where he worked with the Communist International. Victim of the Great Purge.

p. 111

(1) *Svobodnaia Rossiia*. Presumably *Svoboda Rossii*, paper of Moscow Kadets, suppressed in July 1918.

(2) *M.V. Bernatskii*. Economist, Minister of Finance, September-October 1917; later to be member of Denikin and Wrangel governments.

p. 115

(1) *A. Lomov* [G.I. Oppokov] (1888-1938). Educated as a lawyer at St. Petersburg University, active in Bolshevik movement since 1905 revolution, in the capital, Moscow and his native Saratov where he claimed to be leader of Bolshevik centre during World War I. Leading member of the MOB in 1917, elected to the CC at the Sixth Party Congress. On the Left of the party in 1917 and 1918, he resigned his posts in protest against acceptance of Brest-Litovsk. From summer of 1918 employed in various senior economic posts. Appears to have moderated his views and was prominent critic of exaggerated tempo of first Five Year Plan.

Arrested and executed during Great Purge for being Right Oppositionist.

p. 120

(1) *Kommunist.* Journal (Nos. 1-2) published in Geneva in September 1915 by editorial board of *Sotsial-Demokrat*, then leading organ of emigre Bolshevik leadership, and by Iu.L. Piatakov, E.B. Bosh, and Bukharin; foundered over theoretical disputes between Lenin and Bukharin's group.

(2) *Rudolf Hilferding* (1877-1941). Although active in SPD, leading contributor to school of Austro-Marxism, author of *Finance Capital*, seminal work on evolution of monopoly capitalism which greatly influenced thinking of Lenin, Bukharin, and majority of Bolshevik intellectuals.

p. 122

(1) *Ultra-imperialism.* Theory elaborated by Karl Kautsky, positing that costs and sufferings of war might impel imperialist powers in future to resolve conflicts peaceably, even to form some sort of imperialist federation to do so. This concept was violently attacked by Lenin, Bukharin, and other leading Bolsheviks.

p. 124

(1) See note 1 to p. 13.

p. 125

(1) *Vendée.* Region in west of France which experienced series of counter-revolutionary peasant insurrections, 1793-1796.

(2) *Don, Kuban.* Predominantly Cossack regions which generally were bastions of opposition to Soviet power during the Civil War.

(3) For Finland, see note 1 to p. 58.

p. 126

(1) By the spring of 1918 many Kadets in the Ukraine had come to believe that the Germans alone could end the revolutionary chaos and anarchy in the Ukraine, hence prepared to cooperate with them. Seven Kadets joined Skoropadskii's cabinet. See note 1 to p. 13.

p. 129

(1) *G.V. Chicherin* (1872-1936). Member of tsarist Ministry of Foreign Affairs, resigned in 1904, emigrated to Berlin where he joined Mensheviks. In Britain during World War I, his ideas gravitated towards those of Lenin. Arrested late 1917, exchanged for British Ambassador, Sir George Buchanan. Returned to Russia in January 1918, replaced Trotsky as Commissar for Foreign Affairs and was involved in final stages of negotiations at Brest-Litovsk. Appointment reflected disillusion among many Bolsheviks that world revolution was imminent, and view that foreign policy in short term must concentrate on saving revolutionary Russia itself.

p. 130

(1) *N.P. Vasilenko* (1866-1935). Kievan Kadet, helped organise Skoropadskii's cabinet in which he became Minister of Education.

F.A. Lizogub. Kievan Octobrist, prime minister under Skoropadskii.

p. 131

(1) *Maximilien Robespierre* (1758-1794). Lawyer and judge, became radical Jacobin leader during French Revolution. Dominant figure in Committee of Public Safety which was responsible for Reign of Terror, 1793-1794. Executed by Thermidorean regime which overthrew Jacobins.

Ferdinand Lassalle (1825-1864). Organised German Workers' Party, 1863. Rejected Marx's injunctions to unite with German liberals against Bismarck, instead collaborated with the latter in hope of winning in return freedom of press and association and male suffrage.

V.G. Belinskii (1811-1848). Literary critic and journalist, wrote for *Otechestvennye Zapiski*, *Sovremennik*, initially influenced by romantic philosophy of F. Schelling, later to become Left Hegelian.

Presumably *Sofia Perovskaia* (1854-1881). Leading Populist, follower of Lavrov, member of Chaikovskii circle, joined terrorist wing of Populist movement, People's Will, in 1879, instrumental in planning assassination of Alexander II, for which she was hanged.

(2) 'The philosophers have only interpreted the world, in various ways; the point, however, is to change it'. Karl Marx, *Theses on Feuerbach*.

p. 132

(1) French Socialist, *Charles Fourier* (1772-1837). Elaborated concept of *phalansteres*, communal associations of producers, which were to be the bases of a new harmonious society of the future; envisaged as cooperative agrarian communities, responsible for the welfare of their members who would perform a whole range of human work via continual alternation of tasks. Criticised by Marx as a manifestation of Utopian Socialism.

(2) In *Introduction to the Critique of Hegel's Philosophy of Law*, Marx wrote: '*Religious* distress is at the same time the expression of real distress and also the *protest* against real distress. Religion is the sigh of the oppressed creature, the heart of a heartless world, just as it is the spirit of spiritless conditions. It is the *opium* of the people'.

p. 136

(1) *A.I. Herzen* (1812-1870). Journalist and political theorist. Initially influenced by the romantic philosophy of Schelling and socialist theories of Henri de Saint-Simon, in exile in 1830s, gravitated to Left Hegelianism. Westerniser and opponent of Slavophiles in the 1840s, disillusion with failure of 1848 revolutions in Europe led him to posit that the peasant commune could become the basis of socialism in Russia, a fundamental tenet of Populism.

N.G. Chernyshevskii (1828-1889). Journalist and literary critic, now best known for his seminal novel, *What Is To Be Done*, in which he depicted an image of ideal revolutionaries and new men and women of the socialist future.

(2) 'The Communists disdain to conceal their views and aims. They openly declare that their ends can be attained only by the forcible overthrow of all existing social conditions. Let the ruling classes tremble at a Communistic revolution. The proletarians have nothing to lose but their chains. They have a world to win. WORKING MEN OF ALL COUNTRIES, UNITE!' Karl Marx, *The Communist Manifesto*.

p. 138

(1) *A. von Schwartzenstein Mumm.* German diplomatic representative in Kiev in 1918.

(2) 'It is surely late! The Moor has done his duty, let him go'.

p. 139

(1) *I.A. Kistiakovskii.* Kadet, attorney, first State Secretary, then Minister of Internal Affairs in Skoropadskii's cabinet.

p. 140

(1) The *Rada* had supported radical land reform, including confiscation of church and crown lands as well as private land not being worked by its owners.

p. 141

(1) *Zaria Rossii.* Independent progressive daily, published in Moscow; suppressed, July 1918.

p. 143

(1) *Vestnik Metallista.* Organ of the Central Committee of the All-Russian Union of metal Workers.

(2) I.e., *A. Gol'tsman,* Leader of metal workers, supporter of Meshcherskii project (see note 1 to p. 41) and state capitalist model of economic reconstruction propounded by Lenin; see Editor's Introduction, pp. xxix-xxxi.

p. 146

(1) *Novaia Zhizn'.* Central organ of Social-Democrats (Internationalists), published in Petrograd by Maxim Gorky; opposed Bolshevik seizure of power, authoritarianism after October; suppressed, July 1918.

(2) *V.A. Bazarov* (1874-1939). Economist and philosopher, member of A.A. Bogdanov's faction of Bolshevik party, deserted to Mensheviks around 1911. Internationalist during World War I, leading contributor to *Novaia Zhizn',* later worked in *Gosplan* and Marx-Engels Institute.

Presumably *B.V. Avilov* (1874-1938). Lawyer, joined Bolshevik party in 1904 where he remained until April 1917; joined Social-Democrats (Internationalists) in August, member of their CC; abandoned party politics in 1918, worked for Central Statistical Board, *Gosplan*, Commissariat of Means of Communication.

p. 150

(1) I.e., 'to teach every cook to administer the state', the message of *State and Revolution*. For a rather different strand in Lenin's thinking on this question, see Editor's Introduction, p. xxix.

p. 151

(1) See note 1 to p. 77.

p. 152

(1) While tsarist Russia remained primarily a backward agrarian society, it did possess an exceptionally high proportion of its industrial work force--over 40% according to Trotsky--in giant enterprises employing over 1,000 workers.

p. 155

(1) I.I. Skvortsov-Stepanov expanded on why workers' control either had to be transformed into workers' administration or perish. See his major work of 1918, *Ot rabochego kontrolia k rabochemu upravleniiu* (Moscow, 1918).

(2) 'You can't back out now that you've begun' (proverb).

p. 156

(1) *Treugol'nik*. Giant rubber plant in Petrograd, employing over 15,000 workers in World War I.

Provodnik. Large rubber plant evacuated from Riga to Moscow during World War I.

p. 158

(1) During World War I the tsarist government had established committees in many industries to regulate supplies of materials and distribution of products. See note 1 to p. 49.

p. 160

(1) Presumably 50%.

p. 161

(1) The collapse of Soviet power in the Ukraine in March, as well as the continuing absence of any united Bolshevik organisation there, led to the gathering of a conference in Taganrog on April 19-20. Representatives from Kiev, Khar'kov, Ekaterinoslav, Poltava, Chernigov, Kherson, and the Donets basin were present, 69 in all. One of the main objectives was to create a united party which would be able better to direct Bolshevik activities in the Ukraine. The conference has been seen as a clear-cut victory for the Left Communists. Certainly, their resolution in favour of establishing an organisation in the Ukraine independent of the now renamed Russian Communist Party was adopted. Moreover, the Organisation Bureau elected at the conference to take responsibility for convening a congress of this new independent Ukrainian party was dominated by the Left Communists. Yet the conference rejected their theses, written by Iu.L. Piatakov, in which they advocated an immediate mass rising by the Ukrainian proletariat and peasantry against the Germans.

p. 164

(1) *N.A. Skrypnik* (1872-1933). Leading Ukrainian Communist, active in Social Democratic movement since the late 1890s. 1917 found him in Petrograd where he became chairman of the Central Council of Factory-Plant Committees. Elected candidate member of CC at Sixth Party Congress, he also was a member of the MRC. Returned to Ukraine at the end of 1917 whereafter he devoted his energies to lessening the anti-Russian sentiments of the majority of Ukrainians and winning them over to Communism. Consistently advocated equality of Ukraine with Russia in some sort of federal system and autonomous development of Ukrainian culture as a solution to these problems, a position which brought him into conflict with the centralist tendencies of Stalin. Despite not joining various oppositions within the Russian Communist Party in the 1920s, his defence of Ukrainian rights and his critique of impact of collectivisation in Ukraine led to him becoming a victim of purge of Ukrainian Communists in the early 1930s. Shot himself in July 1933.

p. 166

(1) The meeting in question was that of activists from the *raion* organisations in Moscow.

p. 173

(1) Pseudonym of *A.A. Malinovskii* (1873-1928). Now best known as philosopher. Influenced by Mach and Avenarius, made bold attempt to integrate 'orthodox' Marxism with recent developments in philosophy, elaborating a system which he dubbed empirio-monism. After 1905, found himself in conflict with Lenin on questions of philosophy and political tactics--Bogdanov opposed Bolshevik participation in the *Duma*; one of the founders of the Capri School, whereafter he became less and less involved in revolutionary politics. Critic of Bolshevik regime, advocate of proletarian culture, he is said to have influenced many Bolshevik intellectuals, including Bukharin.

p. 179

(1) *M.P. Bogaievskii* (1882-1918). Cossack leader, organiser of resistance to Soviet power on the Don, defeated and surrendered in March 1918, and executed.

p. 180

(1) *General P.N. Krasnov* (1869-1947). Led Cossacks who tried to retake Petrograd from Bolsheviks in late October 1917, elected *ataman* by the Don Cossacks in May 1918; set up independent Don republic in summer 1918.

(2) *Czechoslovak Corps, or Legion.* Recruited from Czech workers in Russia and prisoners of war, 40,000 strong in 1918, en route to Western front, via Siberia, to fight for independent Czechoslovak state when in May attempt to disarm and disband them escalated into open conflict with the Soviet government. There is little evidence that the Allies deliberately engineered the conflict.

p. 181

(1) *Admiral A.V. Kolchak* (1873-1920). Head of the reactionary military dictatorship in Siberia which replaced the Provisional All-Russian Government, overthrown by a right-wing coup on November 17, 1918.

D.L. Khorvat (1858-1937). Military engineer, general manager of Chinese-Eastern Railway from early 1900s, established anti-Bolshevik regime in the Chinese-Eastern Railway zone of Manchuria in 1918.

(2) *M.M. Vinaver.* Lawyer, founding member of Kadet (Constitutional Democratic) party, member of its CC. At party conference in Moscow in May 1918, rejected collaboration with Germany to crush Bolshevism, still hoping for emergence of a united anti-Bolshevik front within Russia itself.

p. 182

(1) The treaty of Brest-Litovsk had compelled the Soviet government to cede to Turkey Kars, Ardahan, and Batum, gained by Russia by the treaty of San Stefano. See note 2 to p. 25.

(2) *Battle of Cannae,* 216 B.C. Carthaginians and their allies under Hannibal applied a tactic of double envelopment to surround and slaughter the Roman army.

(3) *General Alfred von Schlieffen.* Architect of the famous Schlieffen plan which dominated German military thinking before 1914. In the event of a two-front war, Germany was to deploy maximum force in the west to win rapid victory over France, after which war could be waged with Russia alone in the east. Successful attack on France demanded advance through Belgium, thus breaching its neutrality guaranteed by the Treaty of London, 1839.

p. 184

(1) The assault on the so-called kulaks can be dated from the 'food dictatorship decree' of May 9, not the decree of June 11 establishing committees of poor peasants.

p. 188

(1) For Bernatskii, see note 2 to p. 111.

p. 189

(1) *A.P. Spunde* (1892-1962). Party activist in Urals from 1909, helped establish Soviet power in Urals and Siberia, member of Urals *oblast'* committee which was bastion of Left Communism

in first half of 1918. Appointed Commissar of State Bank in late April 1918.

p. 190

(1) *Pierre-Joseph Proudhon* (1809-1865). French socialist, opposed to what he saw as centralised authoritarianism inherent in Marxism; his anarchist ideas said to have influenced M.A. Bakunin and P.A. Kropotkin. Coined famous slogan, 'Property is theft!' Savaged by Marx in *The Poverty of Philosophy*.

p. 192

(1) V.M. Smirnov, not E.A. Preobrazhenskii, was the originator of the concept of primitive socialist accumulation. Bukharin duly credited him with this in his *The Economics of the Transition Period*.

p. 197

(1) The minimum programme comprised the demands that socialist parties must put forward in the context of bourgeois-democratic, not socialist revolutions. The minimum section of the programme adopted by the Second Congress of the RSDWP in 1903 demanded the overthrow of the autocracy and the establishment of a democratic republic; the abolition of feudal vestiges in the countryside; and the eight-hour day. Similarly, Erfurt programme of the SPD contained a minimum and maximum section.

(2) *Karl Renner* (1870-1950). Lawyer, leader of Austrian Social Democratic party, contributor to school of Austro-Marxism, advocate of national-cultural autonomy aa solution to problem of national oppression.

Otto Bauer (1882-1938). Secretary to parliamentary faction of Austrian Social Democratic party from 1904, contributor to school of Austro-Marxism, perhaps best known for his work, *The Nationalities Question and Social Democracy*, in which he elaborated the concept of national-cultural autonomy as a solution to a national problem.

p. 198

(1) *Ignacy Daszynski* (1861-1931). Leader of Galician Social Democratic party, advocate of creation of reunified Polish state,

collaborated with Pilsudski from 1912, head of the first Provisional Government of new Polish state in Lublin, 1918.

p. 201

(1) *Canossa.* Castle in Italy to which Emperor Henry IV travelled in 1078 to petition Pope Gregory VII not to act to depose him. Emperor Charles forced to make 'pilgrimage to Canossa', in fact, to Spa, on May 12, to resolve tensions in Austro-German relations which came to a head after the publication of the Sixtus letter (see note 1 to p. 104). In effect, German aims regarding Poland, Central Europe generally were imposed on Austria-Hungary, with Poland to be transformed into German satellite to exclusion of Austria-Hungary.

(2) *Count Mihaly Karolyi.* Hungarian aristocrat, established own radical party in 1916. Advocate of national autonomy for Hungary, general male suffrage, land reform; appointed Prime Minister, October 31, 1918; proclaimed Hungary independent on November 11.

p. 202

(1) *Count Istvan Tisza.* Leader of Hungarian Liberal party, yet opponent of suffrage and land reform. Prime Minister of Hungary from June 1913 until his dismissal by Emperor Charles in May 1917.

p. 203

(1) See note 1 to p. 201.

p. 204

(1) See note 1 to p. 109.

p. 205

(1) *Tikhon* [V.I. Belavin] (1865-1925). Prominent bishop, head of Orthodox Church after October Revolution. See note 1 to p. 209.

p. 206

(1) *Old Believers.* Schismatics who split from the Orthodox Church in the 17th century, ostensibly over liturgical reforms imposed by Patriarch Nikon.

p. 207

(1) *Prince E.N. Trubetskoi* (1863-1920). Philosopher, devoted to Orthodoxy, continued Solov'ev's efforts to elaborate Orthodox religious philosophy; politically, involved in liberal movement.

M.V. Rodzianko (1859-1924). Octobrist, last President of the State Duma.

A.D. Samarin. Procurator of the Holy Synod, June-September 1915.

N.I. Astrov. Kadet, founder of All-Russian Union of cities.

S.A. Kotliarevskii. Historian, Kadet.

S.I. Bulgakov (1871-1944). Legal Marxist, gravitated to liberalism and Kadets, finally converted back to Orthodoxy; ordained as a priest in 1918.

(2) *Democratic Conference*. Called by CEC of All-Russian Soviet for September 14, 1917, with object of forming strong coalition government uniting all of revolutionary Russia to resist Germans and internal threats to democracy; ended in fiasco, approving coalition with bourgeoisie, but excluding Kadets!

(3) See note 3 to p. 47. At a conference of industrialists in 1917, Riabushinskii threatened that 'the bony hand of hunger will seize the members of the different [workers'] committees and soviets by the throat'.

p. 209

(1) The decree separating the church from the state was promulgated on January 23 (February 5), 1918, only after Tikhon had delivered a blistering attack on the Bolsheviks on January 19 (February 1). See documents in Chamberlin, *Revolution*, 1, pp. 495-498.

p. 210

(1) *N. Antonov* [N.M. Lukin] (1885-1940). Historian, joined Bolsheviks in 1904 together with his sister, N.M. Lukina, who was to become N.I. Bukharin's first wife. Member of editorial board of *Sotsial-Demokrat*, Moscow Bolshevik paper, in 1917. Active in defending *Proletkul't* movement in early years of Soviet power. From 1918, chiefly worked as professional historian, teaching at Moscow University, being founder member of Society of Marxist

Historians, eventually succeeding M.N. Pokrovskii as director of Institute of History of Communist Academy, finally editor of *Istorik Marksist*. Victim of Great Purge.

p. 213

(1) By May, only the organisations in Perm' and Motovilikha appear to have supported the Left Communists unequivocally.

(2) At the Fourth Regional Conference of the Moscow party, held between May 14 and 17, Lomov's motion condemning the foreign and domestic policies of Lenin and his faction mustered only nine votes.

p. 217

(1) *Tsentry*. See note 1 to p. 49; centres existed in numerous branches of mainly light industry in initial months after October.

Glavki. Chief committees established by *Vesenkha* to restore order to industry after October; as centres, based on institutions developed during World War I, but mainly in branches of heavy industry; quickly taken over by Soviet state and subordinated to *Vasenkha*.

p. 218

(1) Presumably *P.K. Shternberg* (1865-1920). Professor of astronomy who had been member of the Bolsheviks since the 1905 revolution.

p. 228

(1) *Decembrists*. Army officers who revolted on December 14, 1825, in the wake of the death of Alexander I. Arguably influenced by ideological ferment of French Revolution, sought reform in Russia. Resistance of government to change led them to advocate overthrow of autocracy, creation of a constitutional, even republican regime as a prerequisite to progress.

Petrashevtsy. Group of socialist intellectuals led by M.V. Petrashevskii, official in Foreign Ministry. Influenced by ideas of Fourier, formed revolutionary conspiracy in late 1848; ringleaders arrested, April 23, 1849.

(2) The injunction of *Leopold von Ranke* (1795-1886), the father of modern historical scholarship, that the basic task of the historian was 'to show how things really were' (*wie es eigentlich gewesen*).

(3) *Iziaslav Iaroslavich* (1024-1078). Grand Prince of Kiev from 1054, stripped of title by popular rising in 1068; replaced by Vseslav, Prince of Polotsk.

(4) *E.Ia. Pugachev* (1742?-1775). Don Cossack, leader of vast peasant uprising, 1773-1775, against the government of Catherine II.

p. 229

(1) *Time of Troubles*, conventionally 1598-1613. Period of civil war, dynastic struggles, foreign invasion ultimately resulting from chaos in Russia bestowed by *Oprichnina* of Ivan IV. Election of Michael Romanov to throne in 1613 led to gradual reconsolidation of state.

(2) *Chigirin district*, Kiev *guberniia*. In summer of 1877, Y.V. Stefanovich and L.V. Deutsch roused peasants of district to insurrection by using false imperial decree to convince them that it was the Tsar's will that they attack nobility.

(3) *Bloody Sunday*, January 9, 1905. Massacre of unarmed workers processing to Winter Palace to petition Nicholas II to redress their grievances.

p. 230

(1) *Northern Union of Russian Workers*. Established in St. Petersburg by V.P. Obnorskii and S.N. Khalturin; aimed to disseminate socialist ideas among factory workers, recruit them to populist movement, *Zemlia i Volia*.

APPENDIX A
List of the More Important Left Communists in 1918[1]

Abramovich, R.
Antonov, N. (Lukin)
Arkady (Krumin)
Baryshnikov, V.
Bela-Kun, K.
Bobinsky, S.I.
Bogolepow, D.
Boky, G.
Bronsky, M.
Bubnov, A.
Bukharin, N.I.
Fenigshtein, Ya. (Doletsky)
Inessa (Armand)
Ivanov, Vladimir
Kossior, S.
Kollontay, A.
Kritsman, L.
Kuybyshev, V.
Lensky, Yu.
Lomov, A. (Oppokov)
Lukina, N. (Bukharina)
Min'kov, I.
Muralov, N.
Myasnikov, V.G.
Osinsky, V. (Obolensky)
Pokrovsky, M.
Preobrazhenskii, E.
Piatakov, G.
Radek, K.
Ravich, S.
Safarov, G.
Sapronov, T.
Saveliev, M. (I. Vetrov)
Shternberg, P.
Skvortsov-Stepanov, I.I.
Smirnov, V.M.
Sol'ts, A.
Sorin, Vl.
Spunde, A.
Stukov, In.

Unshlikht, I.
Uritsky, M.
Usievich, G.
Vardin-Mgeladze, I.
Vyborgskaya, A.
Vasiliev, M. (Saratov)
Yakovleva, V.N.
Yaroslavsky, Em.
Zul', B.G.

1. *Source*: L. Schapiro, *The Origins of the Communist Autocracy* (Cambridge, Mass.: 1955).

APPENDIX B
Bolsheviks of the Fourth Extraordinary Congress of Soviets Who Subscribed to Left Communists' Declaration Opposing Ratification of the Peace[1]

Nikitin, member of Mytishchi *raion* Soviet of Workers' and Peasants' Deputies, Moscow *uezd*
P.K. Zarin, Perm' province and city Soviets of Workers', Soldiers' and Peasants' Deputies
M.V. Frunze (Mikhailov), Ivanovo-Voznesensk province and Shuia *uezd* executive committee
Pavel Dybenko, TsIK
A. Kollontai, TsIK
G. Oppokov (A. Lomov), TsIK
N. Bukharin, TsIk
T. Sapronov, (Moscow) province Soviet
V. Baryshnikov
V. Obolenskii, TsIK
I. Armand, TsIK
A.P. Stankevich, Ivanovo-Voznesensk province and Shuia *uezd* Soviet
S. Kosior, TsIK
I. Unshlikht, TsIK
G. Usievich, member of the presidium of the Soviet of Workers', Soldiers' and Peasants' Deputies of Moscow and its region
Vlad. Sivkov, member of the Chusovoi executive committee of the Soviet of Workers', Soldiers' and Peasants' Deputies
A. Dugin, Alapaevsk Soviet of Workers', Soldiers' and Peasants' Deputies, Perm' province
Satin, Kaamyshlov Soviet of Workers' and Peasants' Deputies
Vasia T. Biderman, Kostroma Soviet
Gurvich, Evsei, Pavlograd, Ekaterinoslav province
Katenev, Andrei, Nev'iansk, Ekaterinburg [province] [*sic*]
T. Mikhelovich, Aleksandrovka Soviet of Workers' and Soldiers' Deputies (Ekaterinoslav province)
M. Gimov, from Simbirsk
O. Aleksakis, Sebastopol Soviet
Ia. Klys, Luga Soviet of Workers' and Soldiers' Deputies, Petrograd province
G.K. Shchenin, Staryi Oskol' Soviet of Workers and Soldiers' Deputies, Kursk province
V.F. Logginov, Kiev executive committee of the Soviet of Workers' and Soldiers' Deputies
V.A. Pokrovskii, Penza Soviet of Workers', Soldiers' and Peasants'

Deputies
I. Burluev, Epifansk Soviet, Tula province
G.A. Glikin, representative of the united Ivanov, Khrustal' and Shterov Soviet of Workers', Soldiers' and Peasants' Deputies of Ekaterinoslav province and Don *oblast'*
G. Safarov, Ekaterinburg Soviet of Workers' and Soldiers' Deputies
V. Kuibyshev, Samara Soviet of Workers' and Soldiers' Deputies
S.V. Sarychev, Kolomna Soviet
I. Krainiukov, Samara Soviet of Workers' and Soldiers' Deputies
E. Zholanov, Lys'va Soviet of Workers' and Peasants' Deputies
I.Z. Tkachenko, from the executive committee of Soviets of Kuban' *oblast'*
N.Rychkov, Nadezhdinsk *raion* Soviet
L.D. Sokol'skii and O.P. Sokol'skaia, Buguruslan Soviet of Workers', Soldiers' and Peasants' Deputies
V. Korneev, Saratov Soviet of Workers', Soldiers' and Peasants' Deputies
G.N. Gusev, Balashov executive committee of the Soviet of Workers' and Peasants' Deputies
Erman, Tsaritsyn Soviet of Workers', Soldiers' and Peasants' Deputies
V. Goriachev, Iuzov Soviet of Workers' Deputies
Churkin, Iuzov Soviet of Workers' Deputies
Paramonov, Khoperskii *okrug*, Don *oblast'*
D. Bulatov, Korchev *uezd* executive committee of Soviets, Tver province
Vl. Voznesenskii, member of the executive committee of Liskov Soviet
Ivan. Mikh. Egorov, Tsaritsyn Soviet
A.F. Borman, Tsaritsyn Soviet
Mikhailushkin, Cossack military section, Tsaritsyn
Pokrovskii, Moscow Soviet
S.P. Kesarev, Usol'skii *uezd*
P. Pentsev, Khrustal', Don
Iv. Kazakov, Bel'skii *uezd* Soviet, Smolensk province
P ---, southeastern army staff
M. Vetoshkin, TsIK
M. Sedov, Shuia *uezd* Soviet
Sh ---, Perm' province
V. Lochakov, Olonets *uezd* Soviet
P. Gureev, Khanzhenkovo, Don *oblast'*
Banatov, Sapozhkov Soviet
Kuznetsov, Briansk *raion* Soviet, Orel province
Shan'gin, Perm' province, Irbit *uezd* Soviet of Workers', Soldiers' and Peasants' Deputies
Bryzgalov, Perm' province, Irbit *uezd* Soviet of Workers', Soldiers' and

Peasants' Deputies
S. Bubnov, TsIK

N. Temezhnikov requested that his name be added to the above list.[2]

Similarly, Mgeladze, representing the Saratov Soviet, requested that his name be added to those Bolsheviks who had abstained from voting for the ratification of the peace.[3]

1. *Stenograficheskii otchet VII ekstrennogo s'ezda RKP(b)*, pp. 294-296.
2. Ibid, p. 296.
3. *Stenograficheskii otchet 4-go Chrezvychainogo S'ezda Sovetov Raboch., Soldatsk., Krest'iansk. i Kazach'ikh Deputatov*, p. 82.

INDEX TO THE RUSSIAN TEXT

Page references are to the Russian text.

Allies: as implacable enemy of revolution 171; and intervention 172, 182-183; reliance on Russia to defeat Germany 11; reliance on United States to defeat Germany 11

Alsace-Lorraine: Emperor Charles' letter on 107, 201; French intransigence over 26, 31; French willingness to compromise over 63-64

Anarchism: Bukharin's critique of 86-93; difference from Communism 87-89; movement of petty-bourgeoisie 85-87, 93; opposition to Soviets 91

Andreev: delegate of Khorol'skaia organisation 162; supports Left Communists 164

Andrushenko: Ukrainian Communist 162; opposes Left Communists 166

Argentina, decline in grain exports during war 160-161

Arkhangel'sk organisation 224-225

army: dangers of reintroduction of old methods of conscription, of use of old officers 19-20; demobilisation of old army 16; opposition to employment of officers 66ff, 219-220, 223

Astrov, N.I. 207

Austria-Hungary: agrarian decline in 160; annexation of Bosnia-Herzegovina 106; army, its disintegration 108, 202, 204; crisis in 12, 30-31, 104f, 107, 197-204; emergence of revolutionary proletariat in 58, 61; imperialist expansion as resolution to internal problems of 199; nationalist opposition in 12; peasant movements in 31; virtual satellite of Germany 26, 105, 203

Austrumsk organisation 224-225

Avilov, B.V. 146

Babich, Left Communist, at Iaroslavl *guberniia* conference 223

Baltic organisation, Ufa *guberniia* 224-225

Bauer, O. 197-198

Basmannyi *raion*: party activists, *raikom* support Left Communists 170-173; *raisovet* skeptical of breathing-space 227

Bazarov, V.A. 146

Belgium 26

Belinskii, V.G. 131

Belorussia, opposition to German exploitation 186

Belotserkovskii: member of CEC of Ukraine 162; opposes Left Communists 166

Belousov: delegate of Kiev organisation 161; opposes Left Communists 166

Berlin, Congress of 25

Bernatskii, M.V., Minister of Finance in Provisional Government 111, 188

Bespalov, chairman, Melenki organisation 170

Bogaevskii, M.P. 179

Bogdanov, A.A., review of his *Questions of Socialism* 173-174

Bogolepov, D.P., deputy Commissar of Finance, financial programme of 111ff

Bohemia 204

Boiarkov, Ia. 143, 147

Bolshevik Party: authoritarianism within 212, 215-216; dilution of 7; leading role of 196; policies of right 7, 18-19, 43, 47, 62-64, 123, 129, 184; splits within 7-8, 143; Seventh Congress 7; Sixth Congress 211; *see also* Left Communists; Lenin

Borchaninov, Left Communist, at Perm' city conference 226-227

Bosh O.: delegate of Kiev organisation 162; supports Left Communists 164

breathing-space 4, 128, 171, 181, 183-184

Brest-Litovsk 8-24, 25, 33, 48, 60-62, 65-67, 160, 171, 184, 211, 219, 223, 226-227

Britain: decline of agriculture 160; and Japan 28; threat of German-dominated Central Europe to 26; vacillations in policy towards Soviet Russia 183; *see also* Allies

Brusilov, General A.A. 108

Bubnov, A.S.: member of CEC of Ukraine 162; supports Left Communists 164

Bukharin, N.I.: critique of Gukovskii's financial programme 114; *Imperialism and World Economy* 54, 120-122

Bulgaria, as German satellite 28

Bulgakov, S.M. 207

bureaucracy: as consequence of right Bolshevik policies 19; within German trade union movement 195; within Soviets 195; within *Vesenkha* 75, 77

Byk: delegate of Kiev organisation 162; opposes Left Communists 166

Cannae 182

Canossa 201

captains of industry: criticism of agreements with 19, 32, 38; failure of negotiations with 184

Caucasus: bastion of counter-revolution 180; bastion of Menshevism 47; Turkish involvement in 182

CC, meetings of, January 1918 8

CEC: anarchists in 90; Bolshevik debates within 143; critique of its attitude to Gukovski 114-115, 189; and Red Army 94, 97

Central Powers: conquests from Russia 24, 30; *see also* Austria-Hungary; Germany

centralisation: in industrial administration 38-39, 42, 74; necessity of in administration of economy 156-157; within Soviets 219-220

Cheliabinsk 181

Cheretaev, P.: member of CEC of Ukraine 162; opposes Left Communists 166

Chernogoriia, as German satellite 28

Chicherin, G.V. 129

Chita 181

Church, as prop of counter-revolution 204-210

Clemenceau, G. 31

commune state 52, 90, 150

Communist Manifesto 59-60, 136

Communist Party: *see* Bolshevik Party

Communist Party of Ukraine, creation, organisation of 162-166

Congresses: of Commissars of Finance 189-192; Fourth Congress of Soviets 8-9; Seventh Party 8, 211; Sixth Party 211; Third Congress of Soviets 211

Constituent Assembly 45, 47, 141

Crimea, occupied by Germans 128

Croatia 201

Czechoslovak rebellion 180

Czernin, O. 26, 104, 107, 199

Dan, F.I. 46-47

Danilovsk party organisation 221

Dardanelles, as Russian war aim 27-28

Daszynski, I. 198

Decembrists 228

decree on the railways, March 1918 19, 42

democratic centralism 76-77

Democratic Conference 207

Denisov: delegate of Ekaterinoslav organisation 162; opposes Left Communists 166

dictatorship of proletariat: as commune state 52, 90; degeneration of 6, 17, 40, 103, 148; and peasants 6, 16, 40

Dobrokhotov, opposes Left Communists 221

Dodiev, Ukrainian Communist, supports Left Communists 164

Don, the, and counter-revolution 125, 180, 184

Donbass: nationalisation in 49-50; *oblast'* party organisation 166; separation from Russia 40; SNKh in 157

Edinstvo 46

Ekaterinburg 170-171

Ekkert, G., delegate of Kiev organisation 162

Engels: on imperialism 54; on state 52, 86; *see also* Marx

Entente 30, 168

Epshtein, Ia.A., Ukrainian Communist 161

Erde: member of CEC of Ukraine 162; opposes Left Communists 166

Estonia 12

Farbman, R.: member of CEC of Ukraine 162; supports Left Communists 164

Ferrero V. 30

finance capitalism 87, 120-121, 153-154; in Russia 158; in Austria-Hungary 199

Finland: relations with Germany 125, 171, 182, 227; revolutionary forces in 58-59, 95

Flanders 63

Fischer, E., German revisionist 145

France: agrarian decline in 160; intervention against revolution 63-64, 183; investments in Russia 29; war weariness in 31

Francis, D., American ambassador 25

Freitag-Loringhofen, H. von 27

Gamarnik, Ia.Ts.: member of CEC of Ukraine 161; supports Left Communists 164

Gal'perin, P.V.: member of CEC of Ukraine 162; opposes Left Communists 166

Gastev, A.K., as representative of proletarian culture 177

Gavrilo-iamsk party organisation 222-223

Gegechkori, E.P. 47

Gel'kov, member of Ekaterinoslav organisation 161

Germany: agrarian decline in 160; exploitation of Belorussia 186; exploitation of Russia and Ukraine 63, 166-167, 181-182; relations with Austria-Hungary 199, 201, 203; relations with Finland 125, 171, 182, 227; relations with Japan 30; relations with Poland 12, 186; relations with Turkey 25, 182; relations with Ukraine 12, 125, 167, 180, 201; revolutionary movement in 31, 58-61

glavki 217

Gopner, S.I., member of Ekaterinoslav organisation 161

Gorchakov, A.M. 25

Gorodskoi *raion*, party organisation of 170

Gotz, A.R. 45, 204

Gres', K., member of CEC of Ukraine 162

Griadushchee 175-176

Gubenko: member of Ekaterinoslav organisation 162; supports Left Communists 164

Gukovskii, I.E.: as Commissar of Finance 48-49; critique of policies of 37, 100, 109-111, 114, 149, 189, 217-218

Haller, J. 25

Hannibal 182

Hilferding, R. 54, 120-121

Iakovitskaia: assistant to CEC of Ukraine 162; opposes Left Communists 166

Iakovleva, V.N. 220-221

Iaroslavl: city party conference 220-221; *guberniia* party conference 221-224; re-registration of party members 223-224

Iaroslavskii Kommunist 221-222

Iaviakovskaia, Iu.: assistant to CEC of Ukraine 162; opposes Left Communists 166

Ignat'ev, N.P. 25

Ino, seized by Germans 126, 128

Isaakov, M. [Kreisberg]: secretary of Taganrog conference 162; supports Left Communists 164

Italy, growing crisis in 31-32

Iuzha party organisation 220

Ivanovo-Voznesensk: city party conference 218-220; *okrug* party conference 220

Izvestiia: of Moscow SRD 72; of Central Executive Committee 72, 74-75

Japan: and intervention 30, 63-64, 66, 183; relations with Germany 30; rival to Britain 28

Kadets: in Moscow 46; in Ukraine 126, 139, 141-142; relations with Allies 14; relations with Germans 126, 128, 141; support counter-revolution 181-204

Kaledintsy 34

Kamchatka 6

Karolyi, Count M. 201, 204

Karnovskii: delegate of Khar'kov organisation 162; opposes Left Communists 166

Kato, Admiral K. 46

Kautsky, K. 5, 122

Kerenskii, A.F. 1, 2, 45, 49, 66, 83, 120, 143, 146, 188, 207

Khaliavskii, delegate of Ekaterinoslav organisation 161

Khorvat, D.L. 46, 181

Kineshma party organisation 220

Kirillov 176

Kistiakovskii, I.A. 139, 142

Kokhma party organisation 220

Kokoshko: delegate of Kiev organisation 162; opposes Left Communists 166

Kol'chak, Admiral A.V. 181

Kolpino 223

Kommunist, Bolshevik journal of 1915 120

Kommunist, Left Communist paper 8

Kornilov, General L.G. 207

Korolkov 220-221

Kossior, S.V.: member of CEC of Ukraine 162; supports Left Communists 164

Kotsiubinskii, Iu.M.: member of CEC of Ukraine 161; supports Left Communists 164

Kotliarevskii, professor 207

Kovrov party organisation 220

Krasnov, General P.N. 180, 182

Krupp 59

Kuban, and counter-revolution 125, 180, 184

Kudelia, delegate of Ekaterinoslav organisation 162

Kuhlmann, Baron R. von 25

kulaks 184, 204

Kulik, I., member of CEC of Ukraine 161

Kurland 186

Kuropatkin, General A.N. 64

Kursk 127

Kutuzov, General M.I. 64

Kviring, E., delegate of Ekaterinoslav organisation 161

labour conscription 19, 149-150

Lapchinski, G., member of CEC of Ukraine 162

Lassalle, F. 131

Latsis, M.Ia. 19, 74-75

Latvia 12, 95

Lazzari, C. 31

Lebedev, N.N.: delegate of Kiev organization 162; supports Left Communists 164

Left Communists: abstention at Fourth Congress of Soviets 9; intransigent defence of principle 169, 172, 196-197; as proletarian communists 9-10, 11, 21, 23-24, 62, 98, 179; Theses 8-24, 101; *see also* Bolshevik Party

Lenin, V.I.: attack on Left Communists 101-102; *The Immediate Tasks of the Soviet Government* 179; Left critique of 33-34, 130, 143-151, 191, 212; and Meshcherskii 100; at Moscow *oblast'* conference 215; at Moscow Soviet 99-100; as right Bolshevik 63, 102; *State and Revolution* 51-52; *see also* Bolshevik Party

Letts 222-223

Lipshits, V., delegate of Kherson committee 161

Lisovitskii, delegate of Kremenchug organisation 162

Lithuania 95, 186

Liubim organisation 221

Lizorub 130

Lloyd George, D. 31, 147

Lokot: member of CEC of Ukraine 161; opposes Left Communists 166

Lomov, A. 219-220

Ludendorff, General E. 25, 142

Lunacharskii, A.V. 50, 175

Mart'ianov, Ia., member of CEC of Ukraine 161

Martov, Iu.O. 46-47, 95, 204

Martynov, A.S. 1-2

Marx, K.: *Capital* 54, 135; as Communist theoretician and revolutionary 85-86, 131-133; German victory in 1871 25; and individual in history 133; letter to Ruge 63; and method 134, 228; on organisation of production 72-73; and power of capital 35-36; on state 51-53, 85-86

Masliuk: delegate of Kiev organisation 161; supports Left Communists 164

May Day 57-59

Medianski, M., member of Kiev organisation 161

Melenki party organisation 170

Mensheviks 1-3, 16, 44-45, 48, 96-97, 138, 205

Meshcherskii, V.V. 40, 100, 103, 149, 219

Miasnikov, V.G. 227

Mikhailovskii, G., member of Lugansk organisation 162

Miliukov, P.N. 49

Mologsk party organisation 221

Moltke, General H. von 4

Moscow *Oblast'* Bureau 9, 219

Moscow *Oblast'* party conference 214-216

Moscow *raion* party conference 166-169

Moscow Soviet 47, 99-100

Motovolikha party organisation 225-226

Mumm, Baron A. von Schawartenstein 138-139

Myshinsk Soviet 221

Napoleon 3

nationalisation 22, 39-40, 49-51, 77, 150-154, 169, 179, 188, 190, 218, 223

Neibut 46

Nemets 198

New York Times 28

Nicholas II 83, 210

Nikodim, bishop of Kiev 209-210

Nikolaev 45

'no war, no peace' 8, 27

Novaia Zhizn' 146

Novikov, delegate of Ekaterinoslav organisation 161

Novoe Slovo 50

Novyi Luch 47

Octobrists 128, 141

Odessa 45

Old Believers 206

Ol'sufev 205, 207

Ostanenko: Ukrainian Bolshevik 162; opposes Left Communists 166

Panin 223-224

partisan war 185-187

Perovskaia, S. 131

Perm', all city party conference 225-227

Petrashevtsy 228

Piatakov, Iu.L.: chairman of Taganrog conference 162; supports Left Communists 164

piecework, critique of 37, 39, 42, 71-72, 102-103

Plamia, cultural journal of Petrograd Soviet 175-176

Plekhanov, G.V. 46-47, 55, 86

Podvoiskii, N.I. 19, 95

Pokrovskii, M.N. 228-229

Pokrovskii: delegate of Kiev organisation 162; opposes Left Communists 166

Poland: discontent within 12, 95; Austrian objectives in 199-200; German objectives in 12, 186

Popular Socialists 46

Porits, K.: delegate of Proskurov committee 162; supports Left Communists 164

Poshekhone party organisation 222

Poshekhonskie Izvestiia, anarchist paper 222

Pravda 215

Prikhod'ko: Ukrainian Bolshevik 162; supports Left Communists 164

proletariat, self-creativity of 23, 34-35, 50, 68-76, 81, 195

Proudhon, P.-J. 190

Provodnik 156

Rada 13, 24, 45, 138-139, 163-167, 187

Raikhstein: delegate of Khar'kov organisation 162; opposes Left Communists 166

Ranke, L. von 228

Rathenau, W. 147

Red Army 19, 32-34, 94-97, 184-187, 219

Renner, K. 86, 197-198, 201

Reut, M.V.: member of CEC of Ukraine 162; supports Left Communists 164

Reval 28

Riabushinskii, P.P. 47, 207

Riezler, K. 27

Riga 28, 207

Robespierre, M. 131, 137

Rodniki party organisation 220

Rodzianko, M.V. 207

Roizeiman, M., Ukrainian Communist 161

Romanov party organisation 221

Rostov party organisation 221, 224

Rumania: as German satellite 28; as object of Austrian imperialism 199

Rybinsk party organisation 222

sabotage 33, 83, 152, 154, 179-180, 194

Samara 217

Samarin, A.D. 207

San Stefano 25

Savinkov, B.V. 46

Schlieffen, General A. von 182

Schwarz, S.M. 47

Second International 57-58

Segal, M., delegate of Ekaterinoslav organisation 161

Semenov, G.M. 46, 181

Semikov, M.: delegate of Lugansk organisation 162; opposes Left Communists 166

Serbia: and Austrian objectives 201; as German satellite 28

Sereda party organisation 220

Serkh, M., delegate of Kiev organisation 162

Serkh, R., delegate of Kiev organisation 162

Sharyi, A.: delegate of Cherkassk committee 161; supports Left Communists 164

Shuia party organisation 220

Shvartsburg: Ukrainian Communist 162; supports Left Communists 166

Siberia 15, 156, 180-183, 217

Siniakov: delegate of CEC of Ukraine 162; supports Left Communists 164

Skoropadskii, General P.P. 124, 127, 129-130, 139-142, 167

Skrypnik, M.N.: delegate of Elisavetgrad organisation 162; opposes Left Communists 166

Skrypnik, N.A.: member of CEC of Ukraine 161; theses opposed to Left Communists 164-166

Smiles, S. 37, 42, 50

Smoliakov, delegate of Gorlovo-Shcherbinsk organisation 162

SNK 188-189

SNKh 74, 82; in Khar'kov 75-76; in Lugansk 75; in Urals and Donbass 157

Social Democracy 44, 52, 86-87, 166

SRs: of Left 10, 62, 138; of Right 2-3, 205; opposition to Soviet regime 46-48, 98; social bases of 16

socialisation 5, 22, 39, 151, 193

Sokol'nikov G.Iu. 111

Sol'pov, L., delegate of Ekaterinoslav organisation 161

spetsy 22-23, 33-35, 50-51, 69, 117, 194

Sprenzhen: member of CEC of Ukraine 161; opposes Left Communists 166

Spunde, A.P. 189-192

Stakheev 45-46

state capitalism 17-19, 34-35, 44, 70-72, 121, 129-130, 144-147

Stepanov, I.I. Skvortsov- 54

Svoboda Rossii 111, 114, 205

Taganrog 50, 128, 161-166

Tarnogradskii, K.: member of CEC of Ukraine 162; supports Left Communists 164

Taylor system 33, 37, 39, 42, 102

Teikovo party organisation 220

Third International 58

Tikhon 205, 209

Tisza, Count I. 202-204

Transiberian railway 181

Treugol'nik 156

Trotsky, L.D. 19, 50, 94-97, 100

Trubetskoi, Prince E.N. 207

Trutovskii, V.E. 53-55

Tsentrotekstil' 49

tsentry 217

Tsinia, Latvian Bolshevik paper 225

Tsvetaev party organisation 225

Turkey: and Germany 26, 28; and Russia 25, 182

Tyrol 202

Ufa: *guberniia* conference 224-225; party organisation in 225

Ufimov: Ukrainian Communist 162; opposes Left Communists 166

Uglich party organisation 221

Ukraine: and Central Powers 12, 168; and Communists 161-166; and counter-revolution 180-202; discontent within 12-13, 58, 95; and Germany 12, 125, 167, 180, 202; separation from Russia 10-11, 156; Stukov's report on 115-120; and Vendée 125; *see also* Rada, Skoropadski

Umanskii, delegate of Kiev organisation 162

United States: decline in grain exports 160; economic power of 28, 65, 80; opposition to intervention 182-183

Urals: commune of 211; economy of 10, 15, 23, 217; fourth *oblast'* party conference 170-171, 213; *oblast'* committee 171, 211-213; *oblast'* soviet 227-228

Vainman: member of CEC of Ukraine 161; opposes Left Communists 166

Vasilenko, N.P. 130

Veiland, O.: delegate of Kiev organisation 162; supports Left Communists 164

Vesenkha 74, 100, 155-156, 159, 217

Vestnik Metallista 143-144, 147-149

Vichuga party organisation 220

Vinaver, M.M. 181

Vladivostok 46

Voronov, G., delegate of Varvaropol' organisation 162

Vpered, Menshevik paper 47, 85

Vpered, Bolshevik paper published in Ufa 225

Vvedenskii, V.Ia.: delegate of Kiev organisation 161; supports Left Communists 164

Whites 34, 129

workers' control 38, 47, 77, 140, 154-156, 196, 211

Zamer-Chatskii/Zamerladskii: Ukrainian Communist 162; opposes Left Communists 166

Zaria Rossii 141

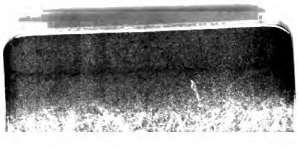
Zatonskii, V.N., member of CEC of Ukraine 161

Zel'dich: delegate of Kiev organisation 161; opposes Left Communists 166

Zemlia i Volia 46

Zhordania, N.N. 47

Zimmerwald Left 146



UNIVERSITY OF MINNESOTA
3 1951 D00 177 491 Y
MINITEX
Minnesota Library Access Center